

БЗЗ (2Рос-4Тюм)
ПЗР

Александр Петрушин

Тайна сибирских орденов

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

40

63.3(2Рос-ЧТюм)
ПЗ1

ГЛАВА I

Александр Петрушин

Тайна сибирских орденов

Муниципальное автономное учреждение
культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»
ИНН 7204037883
Филиал МАУК «ЦТБС»
«Литературно-краеведческий центр»
Тюмень, ул. Первомайская, 14

159153/8

Тюмень
ОЛМАРПРЕСС, 2016

УДК 947.571.12
ББК 63.3 (2Рос-4Тюм-2Тюмень)

ПЗ1 **Петрушин А. А.**

Тайна сибирских орденов : историко-краеведческое издание /
Александр Петрушин. — Тюмень : ОЛМАРПРЕСС, 2016. — 400 с.

ISBN 978-5-904271-16-9

Издание книги связано с приближающимся столетием Великой
русской революции.

В центре повествования — обстоятельства сокрытия на территории
Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов ценностей
Сибирского белого движения, вывезенных из Тобольска по рекам Тобол,
Иртыш и Обь в сентябре 1919 года. Эти ценности и реликвии не найдены
до настоящего времени. Их поиски предпринимались органами госбезопасности
Советского Союза в 20–30-е годы.

Документальное расследование основано на ранее засекреченных документах,
переданных в сентябре 1991 года по указу президента Б. Н. Ельцина из архи-
вов территориальных органов госбезопасности Тюмени, Екатеринбургa
и Сыктывкара на государственное хранение.

УДК 947.571.12
ББК 63.3 (2Рос-4Тюм-2Тюмень)

Книга издана при поддержке
ООО «Лукойл-Западная Сибирь»

Над книгой работали:

Редакторы: Марина Вишнякова, Марина Андреева

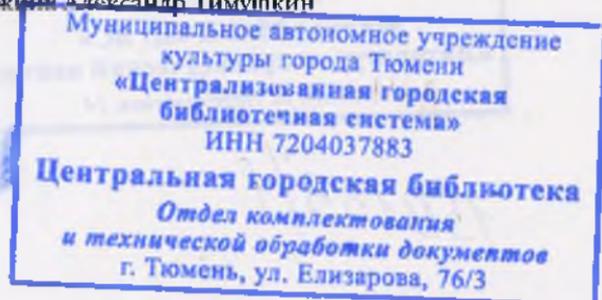
Дизайнер Татьяна Лопатина

Верстальщик Денис Смирнов

Предпочтательная подготовка: Денис Смирнов, Роман Мелентьев

Корректоры: Марина Андреева, Елена Бабицына, Евгений Тарасов

Художник Александр Тимупкин

ISBN 978-5-904271-16-9

© Петрушин А. А., 2016

© ООО «ОЛМАРПРЕСС», оформление, 2016

ГЛАВА I

Так уж люди устроены: дорогое на виду не держат. А в лихолетье — прячут. Подальше от проезжих дорог — за околицей, на задворках, на кучичках. Так когда-то называли поляны посреди болот, заболоченные и заброшенные пашни. По русским поверьям, это были излюбленные обиталища нечистой силы.

Места неприметные, а притягивают. События неяркие, а возбуждают. Потому что тайна...

Найти клад и...

У Антона Павловича Чехова есть рассказ «Счастье» (1887). Сюжет рассказа прост: у широкого степного шляха двое пастухов стерегут овечью отару и ведут друг с другом и с прохожими вечерние разговоры о кладах.

Для старого пастуха слово «клад» было синонимом слова «счастье». Как и клад, его счастье где-то зарыто и заколдовано, так что к нему не подступиться. Клад — это для крестьянина еще и мечта о новой жизни, то есть не просто личная, а социальная утопия.

«Есть счастье, — говорил старик с горечью, — а что с него толку, если оно в земле зарыто? Так и пропадает добро задаром, без всякой пользы, как полова или овечий помет! А ведь счастья много, так много, парень, что его на всю бы округу хватило, да не видит его ни одна душа! Дождутся люди, что его паны выроют или казна отберет. Паны уж начали курганы копать... Почуяли! Берут их завидки на мужицкое счастье! Казна тоже себе на уме. В законе так писано, что ежели который мужик найдет клад, то чтоб к начальству его представить. Ну, это погоди — не дождешься! Есть квас, да не про вас!»

Представления о том, что клады назначены только бедным людям и простонародью, были широко распространены тогда в России. Клад — это мужицкое счастье. Вот только в руки оно никак не дается. «На своем веку я, признаться, раз десять искал счастья; — сказал старик, конфузливо почесываясь. — На настоящих местах искал, да, зная, попадал все на заговоренные клады. И отец мой искал, и брат искал — ни шута не находили, так и умерли без счастья».

Молодой пастух в конце беседы задал старiku важный для себя вопрос: «Дед, а что ты станешь делать с кладом, когда найдешь его?» «Я-то? — усмехнулся старик. — Гм!.. Только бы найти, а то... показал бы я всем кузькину мать...»

Старик не просто не знал, что он будет делать с кладом. Такой вопрос встал для него впервые и был несущественным, второстепенным. Клад для него — мечта о счастье, поиск, а не результат.

На первый взгляд, человеком, охваченным манией кладоискательства, владеет жажда наживы, стремление разбогатеть. Исключать полностью это нельзя. Но не все так просто. Клад — это чудо! Вырваться из привычной рутины, обыденности бытия в состояние, где может произойти все, — этого хотели дети и старики, крестьяне и купцы, вельможи и цари. Тратили для этого все свои накопления, рушили семью, шли на преступление... И не получали абсолютно ничего взамен. Клад чаще всего оказывался недостижимой мечтой, созданной воображением кладоискателя.

Поиск клада — это не только яркое приключение, связанное с опасностью, тайной и криминалом. Это еще и уход от тягостного серого быта, попытка найти в себе силы и таланты, спрятанные глубоко в душе и не востребовавшиеся доселе.

Что же такое кладоискательство? Кто-то считает это зависимостью, схожей с алкоголизмом или наркоманией, душевной болезнью.

Богатый херсонский помещик, краевед и кладоискатель В.И. Гошкевич (1860–1928) едко писал в начале XX века: «Как азартный игрок, кладоискатель все сильнее и сильнее втягивается в это занятие и доходит до того, что целью всей своей жизни ставит находку клада. Я видел несчастных людей — хлебопашцев, мастеровых — у которых кладоискательство составляет манию. О чем бы вы ни заговорили с таким человеком, он рассуждает здраво, но как-то безучастно. А затроньте его больное место — заведите речь о кладах — и вы убедитесь, что перед вами несчастный душевнобольной. Он тогда начинает нести нелепости, тут же придумывает самые невероятные рассказы о скрытых в земле сокровищах. И не замечает, что лжет самому себе...»

Если вы выскажете сомнение в справедливости его рассказов, он пожалеет о вашем глубоком невежестве, а своих убеждений не изменит. Мания эта заразительна, часто под влиянием фантастических рассказов убежденного кладоискателя крестьяне собирались в компании и, друг друга воодушевляя, сообща разрывали курган за курганом».

Массовые разграбления древних захоронений в Сибири относятся уже к XVII веку. Чиновники оттуда сообщали в Москву в 1669 году: «В Тобольском уезде около реки Исети во окружности оной русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые или серебряные всякие вещи и посуду».

В конце XVII — начале XVIII века в «Чертежной книге Сибири, составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым

в 1701 году» собрано немало сведений об археологических памятниках Сибири: про «древние чюдские и кучумовские жилища, мольбища, крепости и курганы». Так что на его картах означены и пустые городки, и древние развалины.

Люди в Сибирь той поры шёл разношерстный и рискованный. Обнищавшие гулевые люди открыли здесь новый массовый промысел — раскопки «бугров», то есть древних курганов Сибири, где в захоронениях давно ушедших народов встречались изделия из золота, серебра, бронзы, меди, железа. Хорошо организованные и подготовленные артели «бугровщиков» уходили на грабеж курганов ежегодно, как на пушной или рыбный промыслы.

Местные сибирские воеводы и чиновники, живя далеко от столиц, стали бесконтрольными царьками и сами отправляли отряды «бугровщиков» за драгоценной добычей. Особенно преуспел в древнем кладоискательстве первый сибирский губернатор князь Матвей Гагарин. В 1717 году он прислал царю Петру I, чуткому ко всему новому и неожиданному, десять золотых предметов, а через год — ещё более ста. Так возникла единственная в своем роде, сохранившаяся до наших дней Сибирская коллекция Петра I из золотых предметов — великолепных произведений искусства VII—II веков до нашей эры. Эти 259 вещей (74 фунта), в основном скифского и сарматского происхождения, ныне являются украшением Золотой кладовой Эрмитажа.

Богатые подношения не спасли сибирского губернатора князя Гагарина — первый российский император приказал его повесить и, стремясь прекратить разграбления курганов, издал указ, по которому «гробокопателей, что отыскивают золотые стремена и чашки, смертью казнить, ежели пойманы будут».

Но кладоискательство, как болезнь, карательными мерами не лечится. Кладоискателем движут вера, надежда и страх. В старину люди копали не наобум (ведь металлоискателей тогда не было), а по «приметам», рассказам бывалых людей, семейным записям и преданиям. Как правило, люди не находили ничего. Но вера их в клады от этого чаще всего не уменьшалась. Пламя надежды разгоралось все сильнее. Копали в оврагах и балках, в лесах, пещерах и курганах, под одиночными деревьями и в заброшенных дворянских усадьбах... Часто копали по ночам. Ведь занятие — тайное и секретное, да еще — нечистое и дьявольское. Крестьяне из повести А. Н. Рыбакова «Бронзовая птица» годами перекапывали Голыгинскую гать и окрестные леса в поисках ценностей полусумасшедшего графа Карагаева. А пионеры-отличники провели несколько дней и ночей в библиотеке и краеведческом музее и, разгадав

символику графского герба, нашли драгоценную шкатулку с фамильными сокровищами.

Так что одним кладоискателям шагать по чащобам с лопатой и металлодетектором, а другим — сидеть в пыльных архивохранилищах. Никакой романтики и экстрима? Кому как. Наша отечественная история после Октябрьского переворота 1917 года — сплошное минное, точнее «мифное» поле. Перелистываешь ранее недоступные по идеологическим и режимным соображениям документы, и рвутся, лопаются исторические мифы.

На местности клады искать легче, потому что есть ориентиры: полуразрушенные старинные здания, вековые одиночные деревья, замшелые валуны, курганы... Современная статистика утверждает: в тридцати процентах кладоискатели добивались успеха. Были бы здоровье да интерес.

В нашей новейшей безликой истории нет ориентиров. Только даты да исторические символы: «красные», «белые», «герои революции», «враги народа»... А без людей в истории клад не найдешь. Придется персонифицировать и «героев», и «врагов» — все они люди: жили, любили, страдали...

Разыскиваются ордена

24 августа 1991 года президентом РСФСР Б. Н. Ельциным были подписаны указы № 82 «Об архивах Комитета государственной безопасности СССР» и № 83 «О партийных архивах».

При отборке документов для передачи в созданный в сентябре того же года Центр документации новейшей истории Тюменской области, переименованный позже в Государственный архив социально-политической истории Тюменской области, в архивных фондах Управления КГБ СССР по Тюменской области была обнаружена датированная 1923 годом чекистская ориентировка по розыску отчеканенных из драгоценных металлов орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России».

Но в дореволюционной российской наградной системе, отмененной 10 ноября 1917 года декретом новой власти — Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и Совета народных комиссаров (СНК), таких орденов не было. Значит, их могли учредить лидеры Сибирского белого движения.

Серьезных исследований о наградах и знаках отличия противоборствующей советской власти во время Гражданской войны 1918—1922 годов силы не существовало.

Автор изданной в 1961 году в Париже книги «Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1918—1922 годов» П. В. Пашков беседовал с ве-

теранами Белого движения, изучал их воспоминания и эмигрантскую прессу. Но не мог использовать советские архивы. Так что приведенные им сведения, хоть и проверенные показаниями очевидцев тех далеких событий, требовали документального подтверждения.

История учреждения знаков отличия для поощрения героизма, поднятия духа и морального стимулирования бойцов и командиров Рабоче-крестьянской Красной армии известна.

Так как в идеологию новых вооруженных сил была заложена идея революционной классовой борьбы, то олицетворением ее «правоты» должна была стать соответствующая символика.

«Знаки и символы управляют миром, а не слово и не закон», — эту мысль выразил китайский философ Конфуций, живший в VI—V веках до нашей эры. Такую мудрость трудно оспорить.

8 апреля 1918 года декретом Президиума ВЦИК флагом Советской республики и боевым знаком частей и соединений Красной армии было установлено Красное знамя. 19 апреля приказом Наркомвоенмора введен красноармейский нагрудный знак в виде венка из серебристых лавровых и дубовых веток, скрепленных внизу бантом. Поверх венка накладывалась пятиконечная красная эмалевая звезда, в центре которой были изображены золотистые молот и плуг. 29 июля красная звезда была определена как значок-кокарда на головной убор. 3 августа учреждены Почетные революционные Красные знамена, которые вручались наиболее отличившимся полкам и ротам.

Тогда же В. И. Ленин указал на необходимость новых знаков отличия, «отражающих идеи и чувства революционной трудовой России».

2 сентября на заседании ВЦИК был поднят вопрос об учреждении первого советского ордена. Председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета Я. М. Свердлов сказал: «Если мы принуждены прибегать к репрессиям по отношению к малодушным, то мы можем отличать и наиболее храбрых товарищей. Я бы предложил знаки отличия для отдельных частей и для отдельных товарищей принять, а что касается характера формы и подарка, я предложил бы избрать комиссию из трех лиц, которой поручить к следующему заседанию ЦИК представить соответствующий проект».

16 сентября делегатам был предложен на утверждение проект постановления, подготовленный комиссией в составе председателя Верховного ревтрибунала Б. А. Веселовского, заведующего Военным отделом ВЦИК А. С. Енукидзе и заместителя наркома труда В. П. Ногина:

«1. Знак отличия присуждается всем гражданам РСФСР, проявившим особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности.

2. Знаком отличия устанавливаются орден Красного Знамени с изображением на нем красного знамени – развернутого, свернутого или усеченного в форме треугольника.

3. Вместе с орденом Красного Знамени гражданам РСФСР вручается особая грамота, текст которой должен быть следующий: “ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов в ознаменование исполнения гражданином (таким-то) своего долга перед социалистическим отечеством в бою против его врагов (там-то и при таких-то обстоятельствах) вручает ему знак ордена Красного Знамени, символ Мировой социалистической Революции. Знак ордена... гражданин (такой-то) имеет право носить на груди”.

4. Право утверждения и присуждения принадлежит только ВЦИК.

5. Правом предоставления на награды пользуются все командиры и комиссары отдельных частей Красной Армии, флота и добровольческих отрядов».

При обсуждении этого проекта развернулись горячие споры. Представитель фракции левых эсеров Г.Д. Закс решительно предложил «отвергнуть ненужные знаки». В крайнем случае он допускал коллективную награду, но «абсолютно отвергал законопроект о знаках отличия».

Большинством голосов ВЦИК утвердил декрет об учреждении первого революционного знака отличия – ордена Красного Знамени с изображением на нем красного знамени (было предложение изобразить красную гвоздику).

До утверждения макета орденского знака в ход ради победы революции шли денежные премии и подарки. 12 сентября 1918 года нарком по военным делам и председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий подписал приказ № 75: «В согласии с постановлением военно-революционного совета 5-й армии всем солдатам выдать единовременно-месячный оклад жалования (250 рублей) в воздание за работы, выполненные в связи со взятием Казани».

По воспоминаниям одного из награжденных, «...Троцкий выдал бойцам по 250 рублей и приказал: “Вперед, на Самару!” Раздавал еще отличившимся портсигары. В селе Богородское в полку сказали, что есть перебежчики. Их поймали. Троцкий отдал распоряжение: “Всех уличенных в предательстве и дезертирстве расстрелять на месте...” Спросил об отличившихся в бою. Сказали – 20 человек. Вывели их из строя. А подарков оказалось только восемнадцать. Тогда одному красноармейцу Троцкий подарил, сняв с руки, свои часы, а последнему отдал свой браунинг. Кричали “Ура!”».

Одним из наградных решений предреввоенсовета можно считать телефонограмму от 4 сентября 1918 года: «Совету Тульского укрепленного района. Предлагаю объявить премию за каждого доставленного живым или мертвым казака из мамонтовских банд. В качестве премии можно выдать кожаное обмундирование, сапоги, часы, предметы продовольствия (несколько пудов хлеба) и прочее. Кроме того, все, что найдено будет при казаке, лошадь и седло, поступает в собственность поимщика или реквизируется у него государством по рыночной цене».

Когда, уже в январе 1919 года, Реввоенсовет получил 150 орденов Красного Знамени, изготовленных из латуни фирмой «Братья Бронзей», Троцкий был разочарован и срочно телеграфировал Свердлову: «Орден Красного Знамени невозможен, слишком груб и снабжен таким механизмом для прикрепления на одежду, что носить его практически невозможно. Выдавать его не буду, ибо вызовет общее разочарование. Настаиваю на прекращении выделки и передаче сего дела военному ведомству. Орден ждут несколько месяцев, а получили бляху носильщика, только менее удобную. Знак должен быть в три-четыре раза меньше, из лучшего материала».

Следующую телеграмму Троцкий отправил Енукидзе: «Считаю совершенно недопустимым небрежность в изготовлении ордена Красного Знамени... Все ждут, а мы неспособны изготовить орден. Рассуждать о том, насколько серебряные обойдутся дороже — смешно. Дело идет о грошах. Необходимо знак сделать в три раза меньше. Ободок позолотить. Работу сделать более изящной...»

Новый заказ передали Петроградскому монетному двору, где и были изготовлены из позолоченного серебра первые советские ордена.

В обращении РВС республики за подписью заместителя предреввоенсовета Э.М. Склянского и главкома И.И. Вацетиса ко всем командирам и комиссарам отмечалось: «Пожалование орденами достойных помимо вполне заслуженного вознаграждения отличившихся в боях имеет громадное воспитательное значение: поднимает дух войск, возбуждает соревнование, жажду подвига, желание отличиться».

Требования, предъявляемые к документам к награждению, были очень высокими. В «Правилах о порядке представления к награждению» говорилось, что всякому представлению «должно предшествовать подробное обследование подвига, за который испрашивается награждение» в виде акта за подписью начальника и военного комиссара.

28 сентября 1918 года Президиум ВЦИК постановил: «Первым по времени знак отличия присудить тов. Блюхеру...» Этому постановлению предшествовало письмо Ленину члена Уральского облсовета и ко-

митета партии А. П. Спунде: «Дорогой Владимир Ильич! Посылаю Вам сведения о Блюхере, о котором мы сегодня с Вами говорили. Он участвовал почти все время в ликвидации дутовщины... Товарищи, прошедшие вместе с ним предпоследнюю дутовскую кампанию, утверждают, что буквально во всех случаях его стратегические планы на поверку оказывались абсолютно удачными... Поэтому Уральский областной комитет РКП(б) настаивает на том, чтобы Блюхер с его отрядами был отмечен высшей наградой, какая у нас существует, ибо это небывалый у нас случай...»

Ходатайство военного совета 3-й армии очень точно и красочно отражает цену ордена Красного Знамени за номером один: «Отрезанный и почти окруженный врагами Блюхер вместо сравнительно легкого отхода от Оренбурга на Ташкент предпочел идти на соединение с нами через невозможные трудности и лишения. Без снарядов, патронов и снаряжения Блюхер ведет своих героев, пролагая свой путь чаще всего штыками. Разбивая отряд за отрядом, он пользуется взятой военной добычей для новых наступлений и новых побед. Он рвет путь между Златоустом и Уфой на 44-й версте и тем облегчает казанскую операцию, мешая в то же время Сибирскому правительству прибыть на совещание в Уфу. Соединившись с нами, он вместо заслуженного отдыха, вследствие положения на нашем правом фланге, бросается вместе с героями в бой. Переход войск Блюхера в невозможных условиях может быть приравнен к переходам Суворова в Швейцарии...»

Орден № 1 В. К. Блюхер получил только 14 мая 1919 года. Вместе с орденом вручалась особая грамота ВЦИК, а также памятка «Что такое орден Красного Знамени и кто его носит».

«1. Орден Красного Знамени есть единственная награда, которой Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов награждает солдата революции за храбрость, беззаветную преданность революции и рабоче-крестьянской власти, а также за проявленную распорядительность.

2. Тот, кто носит на груди этот высокий пролетарский знак отличия, должен знать, что он из среды равных себе выделен волею трудящихся масс, как достойнейший и наилучший из них, что своим поведением он должен всегда и везде, во всякое время являть пример, как в нравственном, так и в других отношениях, и быть бескорыстно преданным делу революции.

3. Должен помнить, что на него смотрят другие, как на образец, что на нем учатся бескорыстному исполнению долга, что то «Красное Знамя», символ которого он носит на груди, дорого для всего пролетариата как знамя, пропитанное кровью рабочего класса и крестьянства

в дни царского режима, борьбы лучших представителей рабочих за великие идеалы трудящихся масс.

4. Тот, кто имея этот высокий знак отличия, совершит проступок, должен помнить, что этим самым он совершает двойное преступление, оскорбляя и пренебрегая волей трудящихся масс, давшей ему этот высокий знак отличия, и несет наказание в тягчайшей мере».

За время Гражданской войны орденом Красного Знамени были награждены более 14 900 человек, в том числе 28 женщин¹.

Крест или снежинка

В то же самое время с проблемой введения знаков различия званий и наград столкнулось правительство «самостоятельной Сибирской республики», провозглашенной в Омске 30 июня 1918 года. Так была реализована идея сибирской автономии, которая именуется в истории «областничеством» и выражается в необходимости и возможности создания в Сибири экономически самостоятельной территории. В воззвании созданного в 60-е годы XIX века в сибирских городах «Общества независимости Сибири» говорилось: «Мы, сибиряки, братски подаем руку российским патриотам, для совместной борьбы с нашим врагом. По окончании ее Сибирь должна будет создать свое народное собрание, определить свое будущее отношение к России — это ее неотъемлемое право». Воззвание оканчивалось призывом: «Да здравствует Сибирь свободная... от гор Уральских до берегов Восточного океана».

В 1865 году в Омске возбудили «Дело о злоумышленниках, возымевших намерение отделить Сибирь от России и основать в ней республику на манер Североамериканских штатов». Был арестован автор идеи сибирской самостоятельности Г. Н. Потанин.

После революции 1917 года и распада Российской империи идеи областничества стали пользоваться большим успехом и получили свое выражение в Декларации о государственной независимости Сибири. Она мотивирована тем, что «Российской государственности как таковой не существует, ибо значительная часть территории России находится в фактическом обладании центральных держав, а другая захвачена узурпаторами народопрательства, большевиками» и объявляет, что «Правительство не считает Сибирь навсегда оторвавшейся от тех территорий, которые в совокупности составляют Державу Россий-

---

¹ Мальцев М. М., Курчин Г. И. Первый советский, первый боевой. М.: Воениздат, 1965; Смыслов О. С. Загадки советских наград, 1918—1991 годы. М.: Вече, 2005.

скую, и что все его усилия должны быть направлены к воссозданию Российской государственности».

Первые два месяца после выступления чехов в мае 1918 года с красными сражались только офицеры и те, кто добровольно присоединился к восставшим против советской власти в Сибири. Временное Сибирское правительство не признавало заключенный большевиками с немцами Брестский мир и не исключало возможности восстановления русско-германского фронта. Поэтому указом от 31 июля 1918 года в Сибири была объявлена мобилизация всех мужчин, родившихся в 1898–1899 годах, в Сибирскую армию. Ее возглавил Алексей Николаевич Гришин-Алмазов, подполковник царской армии. Известно, что он окончил Воронежский кадетский корпус (1899) и Михайловское артиллерийское училище (1902). Служил в 8-й Восточносибирской стрелковой артиллерийской бригаде, в 35-м мортирном артиллерийском дивизионе. В 1917 году командовал на германском фронте ударным артиллерийским дивизионом. Весной 1918-го стал главным организатором антибольшевистского подполья в Сибири. В целях конспирации взял фамилию Алмазов. С 28 мая по 12 июня – командующий войсками Западно-Сибирского военного округа, затем командующий Сибирской армией и по совместительству – управляющий военным министерством Временного Сибирского правительства, чьим указом от 10 июля произведен в генерал-майоры.

По мнению Г. К. Гинса, занимавшего в 1918 году должность управляющего делами Временного Сибирского правительства, Гришин-Алмазов «отличался яркостью ума, точностью и краткостью слога. Он отлично говорил, без цветистости и пафоса, но с темпераментностью и убедительностью. Доклады его в Совете Министров были всегда удачны. С его стороны не проявлялось упрямства и своеволия, он был лоялен к власти, но не скрывал, что представляет реальную силу, и требовал, чтобы с ним считались. Его тенденции были очень определены. Он стремился к созданию Всероссийского правительства, но сохранению Сибирской армии. Его симпатии были на стороне единовластия, но он считал тактически несовременным останавливаться на этой форме власти»².

В Сибирской армии чины и звания военнослужащих оставались в силе, однако знаков их различия первоначально не устанавливалось. 13 июня 1918 года Гришин-Алмазов приказал временно всем военнослужащим носить на фуражке как кокарду четырехугольник из двух полос белого и зеленого цвета – эмблему сибирских снегов и лесов.

---

² Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-пресс, 2008.

Приказом по военному ведомству от 24 июля 1918 года для различия званий и чинов военнослужащих был введен нарукавный знак, который полагалось носить на левом рукаве на полвершка выше локтя. Цвет сукна для нарукавного знака устанавливался в зависимости от принадлежности к тому или иному роду оружия: для стрелков и чинов судебного ведомства — малиновый, казаков и кавалерии — синий, артиллерии и инженерных войск — черный, прочих управлений и заведений — темно-зеленый. Офицерские звания обозначались звездочками, унтер-офицерские — белыми и зелеными нашивками.

Гришин-Алмазов строил армию на началах строгой дисциплины, но «он не вводил погон и не раздавал орденов». Для него существовал принцип, который гласил о невозможности награждения старыми царскими орденами за отличия в боях русских против русских.

К июлю 1918 года положение белых упрочилось: Сибирская армия взяла Омск, Томск, Иркутск, Красноярск, Ишим, Тобольск, Тюмень и подступила к Уралу. Ее «боевая деятельность приобрела вид планомерных наступательных операций».

Бывшие офицеры генерального штаба царской армии убеждали Гришина-Алмазова: «Внешние знаки отличия, форма в глазах малокультурной солдатской массы имеет огромное значение. Разные яркие лоскутки, тряпочки, галунные нашивки в виде погон, петлиц, канта, шнурков, ордена, кокарды, звезды влекут к себе сердца серых мужичков. Мы должны воспитать солдат в духе любви и преклонения пред этими побрякушками. Мы должны убедить солдата, что только в его полку, лучшем полку из всей армии, есть красные петлицы с черным или белым кантом. Мы должны убедить его, что он счастливее, если носит на штанах золотой галунный кант. Если мы убедим его в этом, если сумеем заставить поверить нам, то в бою, на войне этот солдат за эти яркие лоскутки сложит без рассуждений свою голову, докажет, что его полк — лучший полк, единственный по доблести в армии, ибо он носит петлицы с черным кантом. Фетишизм живет в душе народа, и это надо учесть и использовать широко и полно».

Награды — один из необходимых атрибутов любой армии. Сомнения по поводу того, насколько этично награждать упраздненными большевиками царскими орденами, и в первую очередь орденом Святого Георгия и Георгиевским крестом, участников Гражданской войны на всех белых фронтах, решались схоже — путем учреждения новых, собственных орденов и медалей.

По распоряжению Гришина-Алмазова 2 июля 1918 года была образована специальная комиссия по выработке статута «Ордена Сибир-

ской армии». Председателем комиссии назначен дежурный генерал штаба Сибирской армии подполковник К. А. Троицкий, членами — начальник инженеров армии подполковник Н. А. Завьялов, инспектор артиллерии армии подполковник П. А. Бобрик, командир 4-го Степного Сибирского стрелкового корпуса капитан А. Г. Онушкевич и подъесаул Михайлов. Обсудив вопрос о награждении орденами, комиссия признала, что «установление в настоящее время какого бы то ни было ордена или внешнего знака отличия — преждевременно».

Свое решение комиссия аргументировала тремя обстоятельствами. Во-первых, бойцы Сибирской армии — люди, безусловно, идейные, и для них знак внешнего отличия не будет играть существенной роли. Во-вторых, многие из них рассматривают борьбу за свободу Сибири и Сибирское учредительное собрание как составную часть борьбы за Россию во главе с Всероссийским учредительным собранием. Для таких борцов орден от Временного Сибирского правительства не станет достаточно почетной наградой. В-третьих, «награждение орденами теперь, когда состав армии почти исключительно офицерский, даст повод для демагогии». В то же время, создавая необходимость сохранить для потомков имена и подвиги лиц, особо отличившихся в боях и в деле воссоздания армии и государства, комиссия признала желательным учредить особую почетную книгу, в которую предлагалось заносить имена этих лиц с описанием их заслуг и подвигов. В будущем эту книгу предполагалось передать Учредительному собранию, «которое одно вправе оценить и вознаградить заслуги, оказанные государству».

Гришин-Алмазов утвердил решение комиссии, добавив, что почетные книги надлежит ввести в штабах корпусов. Одновременно он приказал объявить, что за боевые отличия военнослужащие будут вознаграждаться чинами, назначением на более высокие должности, а также сообщением о подвигах в приказах по полкам, дивизиям, корпусам и армии.

Приказом по Сибирской армии от 2 июля 1918 года первые четверо военнослужащих получили производства в следующие чины, в том числе командир Степного Сибирского корпуса полковник П. П. Иванов-Ринов — в генерал-майоры, командир Средне-Сибирского корпуса подполковник А. Н. Пепеляев — в полковники, командир роты отряда есаула Красильникова капитан К. В. Неофитов-Неволин — в подполковники (посмертно), начальник гарнизона на станции Тайга доброволец В. Кротов — в прапорщики. В тот же день Гришин-Алмазов приказал командирам корпусов представить по команде к производству в следующие чины особо отличившихся в боях офицеров и добровольцев.

В приказе обращалось внимание на то, что «должны быть представлены самые достойные с должным разбором, и начальникам не руководствоваться нежеланием обидеть, причинить неприятность».

С этого времени за боевые или иные заслуги военнослужащие Сибирской армии стали производиться в следующие чины вплоть до генеральских. В течение июля – ноября 1918 года были произведены из полковников в генерал-майоры двадцать офицеров кроме Гришина-Алмазова и Иванова-Ринова – Г.А. Вержбицкий, В.В. Зверев, П.П. Белов, Е.К. Вишнеvский, А.Г. Укке-Уговец, Н.Т. Сукин, А.Н. Пепеляев, А.В. Эллерц-Усов, М.П. Никитин, П.А. Бобрик, С.И. Лящик, А.М. Михайлов, М.И. Федорович, А.М. Ионов, В.А. Иванов, И.А. Смирнов, Б.М. Зиневич и Ф.Г. Ярушин.

14 августа Гришин-Алмазов дал начальникам дивизий право представлять к производству в первый офицерский чин солдат, «отличающихся решительным характером, отлично знающих службу и умеющих заставить подчиненных повиноваться».

Вопрос о награждении орденами, однако, решался независимо от позиции штаба Сибирской армии. 21 августа 1918 года командующий войсками Восточного фронта полковник Р. Гайда приказал командиру Средне-Сибирского корпуса полковнику А.Н. Пепеляеву и начальнику чехословацких войск капитану Э. Кадлецу «для рассмотрения представлений к награждению орденом Св. Георгия за подвиги, оказанные с 20 июля по 20 августа» собрать 23 августа при штабе фронта в городе Верхнеудинске Георгиевскую думу.

Собравшись, Георгиевская дума приняла решение о награждении ряда русских и чехословацких офицеров орденами Св. Георгия III и IV степени. В числе награжденных III степенью ордена оказались полковники Гайда и Пепеляев. С морально-этической точки зрения такое решение выглядело весьма неоднозначно, так как эти офицеры, являясь членами Георгиевской думы, осуществляли не что иное, как самонаграждение высшими российскими боевыми орденами. В свою очередь Временное Сибирское правительство отклонило постановление Георгиевской думы и рекомендовало ускорить учреждение орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России».

По приказу Гришина-Алмазова 28 августа 1918 года в штабе Сибирской армии собрались 36 находившихся в Омске офицеров – георгиевских кавалеров и кавалеров Георгиевского оружия – для решения вопроса о награждениях военнослужащих. Собравшиеся офицеры единогласно высказывались за то, что награждение офицеров и солдат орденами Св. Георгия, Георгиевским оружием, Георгиевскими крестами

и медалями уместно лишь в войне с внешним врагом, но неуместно в войне гражданской. Вместе с тем они поддержали возможность награждения особо отличившихся солдат и офицеров «сибирскими» орденами.

Выразить свою позицию по этой проблеме Гришин-Алмазов не успел из-за последовавшей вскоре отставки. 5 сентября 1918 года председатель Совета министров Временного Сибирского правительства П. В. Вологодский подписал указ об увольнении Гришина-Алмазова с занимаемых им постов без назначения на какую-либо другую должность. Поводом к такому решению послужила ссора командующего Сибирской армией с английским консулом на официальном приеме в Челябинске. Представитель союзников неделикатно отзывался о России, и генерал «бросил замечание, что русские менее нуждаются в союзниках, чем союзники в русских, потому что только одна Россия может сейчас выставить свежую армию, которая в зависимости от того, к кому она присоединится, решит судьбу войны». Этим инцидентом воспользовались противники Гришина-Алмазова во Временном Сибирском правительстве.

В своих мемуарах Гинс признавал, что «не знал в Омске военного, который бы годился больше, чем Гришин-Алмазов, для управления военным министерством в демократическом кабинете», но добавлял: «Недостатком его была самоуверенность. Он был убежден в неспособности всех прочих конкурировать с его влиянием в военных кругах. Он игнорировал министров Сибирского правительства, забывая, что может вооружить их против него».

Дальнейшая судьба Гришина-Алмазова такова. Получив в Омске отставку, он уехал на юг России. Осенью 1918 – зимой 1919 года был военным губернатором Одессы, а 22 апреля 1919 года по поручению генерала А. И. Деникина выехал из Екатеринодара, чтобы наладить автомобильную связь с войсками адмирала Колчака. В его распоряжении находилось три автомобиля с пулеметами и небольшой отряд из 16 офицеров и 25 солдат «туземных войск», поклявшихся «на мече и Коране» в верности своему начальнику. По одной из версий, отряд Гришина-Алмазова следовал из Петровска в Гурьев и был захвачен 5 мая в Каспийском море на борту парохода «Лейла» советским эсминцем «Карл Либкнехт». Не желая сдаваться в плен, генерал застрелился. По другой версии, погрузившись в порту Петровск на английское судно, отряд Гришина-Алмазова благополучно пересек море, высадился в форте Александровский и... пропал. До Омска удалось добраться только одному офицеру, который случайно отстал от отряда и благодаря этому спасся. По сведениям, которые он получил от местных жи-

телей, Гришин-Алмазов и его сопровождение были захвачены ночью врасплох и перебиты «без единого выстрела».

После Гришина-Алмазова Сибирскую армию возглавил генерал-майор Павел Павлович Иванов-Ринов. Он окончил Сибирский кадетский корпус (1888) и Павловское военное училище (1890). Служил в 3-м и 7-м Сибирских казачьих полках. Занимал должность Ходжентского уездного начальника. В 1914–1916 годах – командир Кубанского и Сибирского казачьих полков и Семиреченский вице-губернатор. После Февральской революции 1917 года по требованию Кокандского совдепа смещен с занимаемой должности, зачислен в офицерский резерв Кавказского военного округа. С сентября 1917 года – командир 1-го Сибирского казачьего полка, с ноября – командующий Отдельной Сибирской казачьей бригадой. В начале 1918 года возглавил антибольшевистское подполье в Петропавловске и Омске. С 7 июня по 5 сентября – командир 2-го Степного Сибирского корпуса. 15 июля был избран войсковым атаманом Сибирского казачьего войска.

На следующий же день по вступлении его в должность командующего Сибирской армией и военного министра Временного Сибирского правительства он отдал приказ о восстановлении погон.

По мнению Гинса, этот «на первый взгляд мало значащий приказ в действительности был очень вреден. Он возродил не только погоны, но и связанное с ними чиновничество, устаревшую иерархию, восстановил силу и значение прежнего генералитета. Это было началом реставрации старого армейского режима, где положение определялось чинами, а не способностями»³.

От перебежчиков генерал Иванов-Ринов узнал об учреждении ордена Красного Знамени и предложил Совету министров Временного Сибирского правительства ускорить утверждение собственного орденского знака для награждения им отличившихся в боях военнoслужаших Сибирской армии.

Основой орденской традиции России служил крест. Сибирский орден разрывал эту связь. По описанию, сохранившемуся в чекистской ориентировке, обнаруженной в архиве Тюменского управления КГБ, «общая форма ордена “Освобождение Сибири” – сильно стилизованная снежинка. В центре ордена – сибирский герб с присоединенным к нему сверху гербом России. Между концами ордена изображены: вверху кедровые ветки с шишками, а под ними два горностая, в нижней части – головы мамонтов. Ордена с мечами – военные, без них – гражданские».

³ Гинс Г. К. Указ. соч. С. 130.

Вологодский и его сторонники считали Сибирь основой экономического и духовного возрождения России. Над председательским местом в Сибирской областной думе красовалась надпись зеленым по белому: «Через автономную Сибирь – к возрождению свободной России». Не случайно был учрежден еще один орден – «Возрождение России» четырех степеней. По замыслу его проектантов этот наградной знак должен был заменить орден Св. Георгия. «Общая форма ордена “Возрождение России” – равноконечный крест, но как бы с набитыми наконечниками древнерусских копий. В центре ордена в лавровом венке – птица Феникс, расправляющая крылья. На правом и левом концах начертан девиз: “В единстве – возрождение”. Ордена разных степеней отличаются размерами и материалами изготовления».

Первая партия сибирских наград была изготовлена на Кольванском монетном дворе из золота и платины, добытых на местных рудниках еще до мятежа чехословаков, для отправки... в Германию по условиям Брестского мира, заключенного в марте 1918 года большевиками с немцами. Кроме территориальных и политических уступок, разоружения армии, доступа к природным ресурсам Советской России – прежде всего к кавказской нефти, предусматривалась выплата Германии огромной контрибуции в 6 миллиардов золотых марок, из коих 246 тонн 564 килограмма составляли чистые золото и платина. В сентябре 1918 года из Москвы в Берлин было отправлено двумя эшелонами 43 тонны 860 килограммов и 50 тонн 675 килограммов драгоценного металла⁴.

Вручению сибирских орденов помешали политические разногласия между Омском и Самарой, где заседал Комитет членов Учредительного собрания, для краткости называвшийся Комуч. Была надежда, что новые награды утвердит организованная 23 сентября 1918 года Директория. Однако эта демократическая форма всероссийской власти была свергнута 18 ноября 1918 года реакционным казачеством и офицерством, объявившим Верховным правителем России адмирала Александра Васильевича Колчака.

Как непримиримый противник любой самостоятельности и приверженец «единой и неделимой России», Колчак жестко и решительно изгнал из вооруженных сил сибирскую символику: бело-зеленые кокарды на головных уборах, шевроны на левом рукаве формы, обшивку гимнастерок – словом, все, что напоминало о былой автономии Сибири. Был спущен и запрещен бело-зеленый флаг; вместо Сибирского народного гимна на официальных мероприятиях исполнялся гимн «Коль славен

⁴ Мосякин А. Г. За пеленой янтарного мифа. Сокровища в закулисье войн, революций, политики и спецслужб. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 83.

наш господь в Сионе», восстановлена действовавшая до 1917 года российская наградная система.

8 февраля 1919 года Колчак утвердил разработанные в военном министерстве «Правила награждения офицеров, военных врачей, военных чиновников, военных священников и солдат орденами и другими знаками отличия». Адмирал велел «восстановить день празднования св. Великомученика и Победоносца Георгия и считать этот день праздником для всей Русской Армии». Были восстановлены награждения орденами Св. Георгия, Георгиевским оружием, Георгиевскими крестами и медалями, а также и всеми российскими орденами до Св. Владимира II степени включительно, кроме ордена Св. Станислава.

Ряд офицеров, солдат и казаков, состоявших во второй половине 1918 года в Сибирской армии и отличившихся в боях, был представлен к награждению высшим русским боевым орденом. Так, 28 февраля 1919 года орденами Св. Георгия IV степени награждены 35 офицеров 1-го Средне-Сибирского армейского корпуса, в том числе за подвиги, совершенные в ходе проведения Пермской наступательной операции (ноябрь 1918 – январь 1919 года), – генерал-майоры А. Г. Укке-Уговец, М. И. Мальчевский и Д. Н. Кузьменко, полковники Ю. Н. Щеткин и Е. И. Урбановский, капитаны И. И. Самойлов, Н. Н. Ластовский и Л. К. Гудимович, штаб-капитаны И. Г. Сивко, В. З. Баровиков, В. В. Рязанов, В. Г. Салатко-Петрищев и П. Н. Соколов, поручики А. Богомолов, И. Береснев, Я. Игнатов, П. Казаков, М. Любимцев, А. Туган-Барановский, И. Литовченко и А. Струнге, подпоручики И. Лютиков и А. Мельников, прапорщики Н. Богданов, Д. Воронцов, В. Боровский, И. Качалов, А. Чечкин, Н. Шипаков, А. Юрмазов и М. Герасимов, за боевые отличия на Восточном (Прибайкальском) фронте в июле – августе 1918 года – поручики А. Чуклин и В. Тихонов, подпоручик Р. Абель (по-смертно) и прапорщик И. Юферов.

Тогда же 61 нижний чин 3-й Сибирской (Иркутской) стрелковой дивизии и прикомандированных к ней частей был награжден Георгиевскими крестами. Особого упоминания заслуживали младший унтер-офицер 9-го Иркутского Сибирского стрелкового полка С. С. Кудрявцев и старший унтер-офицер 10-го Байкальского Сибирского полка С. И. Ткаченко, получившие за бои в Прибайкалье Георгиевские кресты I степени и ставшие таким образом полными георгиевскими кавалерами⁵.

Военный министр барон А. П. Будберг записал в своем дневнике: «Лавры Пермской победы вскружили всем головы, посыпались награ-

---

⁵ Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 183–186.

ды, на фронте имеется уже несколько кавалеров Св. Георгия III степени; бывшие штабс-капитаны сделали генерал-лейтенантами...»⁶

Так что Колчак считал излишними сомнения своих соратников по Белому движению о моральной стороне награждений в Гражданской войне.

Для самого адмирала также нашелся знак ордена Св. Георгия III степени, и на последних фотографиях он снят уже с этой наградой.

Изготовленные к тому времени, но упраздненные ордена «Освобождение Сибири» и «Возрождение России» приобщили к доставшемуся Колчаку золотому запасу России, хранили не в Омске, а в церковных кладовых Тобольска вместе с драгоценной храмовой утварью.

По этой причине исследователь истории наград Белого движения Пашков заметил, что «сведения об этих орденах скудны и надо полагать, не особенно достоверны». Сначала автор книги «Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1918–1922 годов» сообщает, что «ордена учредил адмирал Колчак в июле 1919 года», а затем высказывает предположение, что «они были придуманы во времена Сибирской директории, но с падением ее и переходом власти к Колчаку последним сохранены». Другие историки утверждают, что ордена были учреждены осенью 1918 года Временным Всероссийским правительством (Директорией), а в июне 1919 года Колчак ввел «новый статут». Существует также мнение, что к появлению ордена «Освобождение Сибири» имела отношение «специальная комиссия из 36 георгиевских кавалеров, созданная еще осенью 1918 года при Сибирской армии генерала Гришина-Алмазова»⁷.

В официальной печати Верховного правителя России Колчака орден «Освобождение Сибири» упомянут в последний раз 27 июня 1919 года.

Современные кладоискатели часто путают ценности Сибирского белого движения с так называемым золотом Колчака.

О золоте Колчака и царских бриллиантах

Вопреки расхожему мнению, «правительство рабочих и крестьян», пришедшее к власти в России после Октябрьского переворота 1917 года, вовсе не было нищим, так как получило богатое наследство от «прокля-

⁶ Бундберг А. П. Дневник белогвардейца: воспоминания, мемуары. М.: АСТ, 2001. С. 56.

⁷ Пашков П. В. Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1918–1922 годов. Париж, 1961; Всеволодов И. В. Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем. М.: Наука, 1990; Кузнецов А. А., Чепурнов Н. И. Наградная медаль: в 2 т. М.: Патриот, 1995. Т. 2: 1917–1988; Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

того прошлого». Накануне Первой мировой войны золотой запас Российской империи достигал 1 миллиарда 835 миллионов золотых рублей. Учитывая, что 1 золотой рубль равнялся 0,774235 грамма золота, это составляло 1420 тонн 721 килограмм золота. На 1 миллиард 695 миллионов рублей золото хранилось в Государственном банке, а на 140 миллионов рублей было депонировано за границу. Да в обращении находилось золотой монеты разного достоинства на 494 миллиона рублей. Масса золота в стране превышала массу бумажных ассигнаций, вследствие чего российский рубль был самой твердой свободно конвертируемой валютой в мире.

После начала войны император Николай II Романов в залог оплаты военных поставок и в целях сохранения опрочметливо вывез большую часть государственного золотого запаса в иностранные банки. Только в кладовые Bank of England с октября 1914 по январь 1917 года сначала через Архангельск, а потом через Владивосток по секретным финансовым соглашениям было отправлено пять «золотых караванов» общей стоимостью 68 миллионов фунтов стерлингов (637 миллионов 710 тысяч золотых рублей). Плюс Временное правительство А. Ф. Керенского в оплату военных поставок в октябре 1917 года вывезло в Швецию золото на сумму 4 миллиона 850 тысяч рублей. Таким образом, две трети золотого запаса Российской империи на сумму 2 миллиарда 503 миллиона золотых рублей навсегда остались в банках Великобритании, Франции, Японии, США и Швеции.

Остаток царского золота — 852 тонны 500 килограммов на сумму 1 миллиард 101 миллион 100 тысяч рублей — достался большевикам, кои вывезли его вглубь России: в Пермь, Нижний Новгород, Екатеринбург и Казань. 7 августа 1918 года в Казани золото в слитках, золотых изделиях и монетах на сумму 651 миллион 500 тысяч золотых рублей было захвачено отрядом подполковника В. О. Капеля, будущего колчаковского генерала, и перенаправлено в Омск в распоряжение адмирала Колчака. Верховный правитель России израсходовал на закупку оружия, боеприпасов и военного снаряжения 162 тонны 600 килограммов золота на сумму 210 миллионов золотых рублей. Часть золота (32 тонны 800 килограммов) похитил в октябре 1919 года в Чите атаман Г. М. Семенов, 13 ящиков с золотом на сумму 780 тысяч золотых рублей в январе 1920 года пропали между станцией Зима и Иркутском, часть незаконно присвоили японцы. Остаток в 29 пульмановских четырехосных вагонах (на 414 миллионов 254 тысячи золотых рублей), который легионеры Чехословацкого корпуса сопровождали вместе с адмиралом Колчаком во Владивосток, был блокирован под Иркутском красными партизанскими отрядами.

4 января 1920 года Колчак, потерявший поддержку сибиряков, сложил с себя полномочия и подписал указ об утверждении генерала Деникина Верховным правителем Российского государства, а всю полноту власти в Сибири и на Дальнем Востоке передал атаману Семенову.

Еще через десять дней белочехи, отступавшие по Транссибу, чтобы отплыть из Владивостока на родину, выдали на станции Иннокентьевской оппозиционному Политическому центру Колчака и председателя Совета министров Омского правительства В. Н. Пепеляева вместе с золотым запасом — 5143 ящика и 1678 мешков золота и серебра на 409 миллионов 625 тысяч 870 рублей 86 копеек.

21 января Политцентр передал все полномочия и ценности Иркутскому военно-революционному комитету, который принял решение: Колчака и Пепеляева расстрелять, а «золотой эшелон» вернуть в Омск.

17 апреля 1920 года Сибревком шифровкой запросил Ленина: «Прибыл из Иркутска в Омск эшелон с золотом. Сообщите, куда его направлять — в Москву или Казань. Отвечайте срочно!»

Ответ — также шифром: «Предсибревкому — Смирнову. Все золото в двух поездах, прибавив имеющееся в Омске, немедленно отправьте с безусловно надежной охраной в Казань для передачи на хранение в кладовых губфинотдела. Предсовнаркома Ленин».

21 апреля в Кремль ушла еще одна шифровка: «Вне очереди. Тов. Ленину. Эшелон особой важности № 10950 вышел из Омска в 20 часов московского времени на запад».

Пропавшая между станциями Тайга и Зима часть ценностей, которые ищут сейчас многочисленные кладоискатели, и называется золотом Колчака⁸.

У сокровищ экс-императора Николая II, отправленного после отречения от престола 3 марта 1917 года в ссылку в Тобольск с семьей, своя, не менее загадочная история.

Путешествие в город на Иртыше началось 31 июля 1917 года. «Я остановился на Тобольске по следующим причинам, — объяснял впоследствии следователю Н. А. Соколову бывший премьер-министр Временного правительства Керенский. — Отдаленность Тобольска и его особое географическое положение, немногочисленный гарнизон, отсутствие промышленного пролетариата, состоятельные, если не сказать старомодные жители. Кроме того, там превосходный климат и удобный губернаторский дом, в котором царская семья могла бы жить с некоторым комфортом».

---

⁸ Сироткин В. Г. Золото Колчака. М.: Эксмо, 2010; Мосякин А. Г. Указ. соч. С. 200—201; Бердинских В. А. История кладоискательства в России. М.: Захаров, 2005. С. 221—223.

Но Соколов придерживался иного мнения: «Был только один мотив переезда царской семьи в Тобольск... Далекая, холодная Сибирь — это тот край, куда некогда ссылались другие люди».

Багажа набралось немало. Помимо одежды, шуб, личных вещей, посуды, ковров, любимых безделушек, были пожитки прислуги. Солдаты, чертыхаясь, в течение трех часов грузили багаж в автомобили, стоявшие у Александровского дворца. Отъезд был назначен на час ночи, но лишь в шестом часу утра отъезжающие сели в автомобиль и поехали на станцию Александровскую. Состав стоял не у платформы, а на запасном пути, и августейшим пассажирам пришлось шагать по шпалам. Подойдя к своему вагону, экс-император и офицер охраны помогли императрице и великим княжнам подняться.

Заняла свои места в вагонах и охрана. Царскую семью сопровождали три роты — шестеро офицеров, 330 солдат и унтер-офицеров. Многие награждены Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями. За будущую службу в Тобольске им обещали повышенное жалование, командировочные и наградные. Начальник охраны — Кексгольмского лейб-гвардии полка полковник Е.С. Кобылинский. На фронте с начала войны, несколько раз был ранен, награжден за храбрость орденами и Георгиевским оружием.

Через четверо суток поезд глубокой ночью прибыл на станцию Тюмень. После короткой остановки состав двинулся к станции Тура. На пристани Западно-Сибирского товарищества стоял пароход «Русь». Сохранились записки одного из стрелков охраны Петра Матвеева: «Смотрю: открываются двери вагона Романовых. Впереди всех показался Николай. Я обернулся в сторону собравшихся военных властей: они стоят, все вытянувшись в струнку, а руки держат под козырек...»

Царская чета и ее дети заняли довольно чистые каюты. После погрузки багажа пароходы «Русь», «Кормилец» и «Тюмень» отчалили. Из Туры вышли в Тобол. Река гораздо шире, берега круче. До Тобольска плыть двое суток...

О тобольской ссылке царя Николая II и его семьи написано много. Ничего нового, кажется, не добавить. Однако обнаруженные в архиве Регионального управления ФСБ России по Тюменской области документы позволяют по-другому оценить драматические события 99-летней давности.

Чтобы сломить духовное сопротивление крестьян Зауралья насильственной коллективизации, Полномочное представительство ОГПУ по Уралу сфабриковало в 1931 году дело № 8654 «О поповско-кулацкой контрреволюционной повстанческой организации «Союз спасения России»».

Руководителем этой организации из 54 священнослужителей представили 60-летнего архиепископа Пермского Иринарха Синеокова-Андреевского, уроженец г. Екатеринослава, окончивший Киевскую духовную академию, одинокий, неимущий. В 1923 году его судили за сокрытие ценностей тюменского монастыря и приговорили к семи годам лишения свободы, через год амнистировали в связи со смертью Ленина, в 1928 году выслали за инакомыслие из Верхнего Устьюга в Краснококшайск (сейчас Йошкар-Ола).

Больше всего следствие интересовалось обстоятельствами и характером его отношений с епископом Тобольским Гермогеном в 1917–1918 годах, то есть во время ссылки в Тобольске царской семьи Романовых.

На допросах Иринарх подтвердил, что «в марте 1917 года Святейшим Синодом епископ Гермоген был призван из ссылки в Жировицком монастыре Гродненской епархии и назначен на Тобольскую кафедру».

О прибытии в Тобольск царской семьи он отметил: «Переезд этот тщательно маскировался, об исторических путниках в Тобольске ничего не было слышно. Только 19 августа (по старому стилю) во время обеда около 5 часов вечера Гермоген сообщил мне эту новость...»

Но из дневника самого Николая II: «На берегу стояло много народу. Значит, знали о нашем прибытии...» И стрелок Матвеев вспоминал: «На берег высыпал, без преувеличения, буквально весь город...»

Другие показания Иринарха: «В это время (пароходы подходили к пристани) епископ Гермоген вышел в собор, и с колокольни раздался звон во вся. Прискакавший стражник имел намерение запретить звон и доискивался причины. Успокоенный заверениями сторожа, что звон обычный и к приезду Романовых отношения не имеет, успокоился». Потом, вспоминая эту подробность, епископ заметил: «Русскому царю подобает приехать со звоном. В дальнейшем жизнь потекла обычным руслом. Тобольск — скромный город, и сплетен в нем намного меньше, чем в других городах...»

Наступила весна 1918 года, и революционные ветры достигли заснеженной, дремотной и сытой Сибири. После Октябрьского переворота и заключения Брестского мирного соглашения с немцами бывшая Российская империя развалилась на куски. Только часть территории Москва удерживала силой партийных воззваний и лихих красногвардейских отрядов. Возникли «красный Урал» с центром в Екатеринбурге и Западно-Сибирская область, в состав которой включили и Тобольскую губернию, не спрашивая согласия Тюмени, куда по решению местного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов от 5 апреля 1918 года перенесли губернский центр.

В свою очередь, Тобольский совет, состоявший сплошь из меньшевиков и эсеров, не признал полномочий ни Тюмени, ни Омска, ни Екатеринбургa. Уверенность Тобольску придавал бескрайний Север и гвардейский отряд полковника Кобылинского, который после свержения Временного правительства Керенского уже полгода не получал денежного довольствия. От разложения и дезертирства гвардейцев сдерживали боевые традиции, военная дисциплина и... надежда на погашение долгов. И не важно, кто их погасит: новая советская власть, бывший царь или Гермоген.

В Москву отправился делегат от отряда Матвеев, тот самый автор «записок». Его принял председатель ВЦИК Свердлов. Посочувствовал, приободрил, но денег не дал — их у него еще не было. В то же время в столице находился и Гермоген. Как позднее свидетельствовал Иринарх, «получить у патриарха Тихона согласие на переезд царской семьи из губернаторского дома в Ивановский монастырь и на принятие Николаем... монашеского сана». «Только так, — считал епископ, — в молитвах и покаянии можно очиститься от распутищины и пережить смутное время. Русские люди, как известно, отходчивы и терпеливы: простят монарху все прегрешения и вновь сплотятся у трона — царского или церковного». А как же охрана? Отдаст ли она бывшего царя в монахи? Гермоген готов взять гвардейцев на содержание, деньги у него есть. Но Тихон холодно отнесся к этой идее. Он сам уже предал анафеме большевиков. И ему чудилось: после прочтения во всех российских храмах его послания крестные ходы верующих опрокинут бесовскую власть. Его назовут православные россияне спасителем Отечества. Делиться победой и славой с безвольным, отрекшимся от престола Николаем патриарх не желал. В утешение послал венценосным узникам в Тобольске через Гермогена просфору и свое благословление. А епископу приказал: деньги на охрану Романовых не тратить и беречь их для церкви.

Потом Иринарх на допросе в ОГПУ показал: «...Гермоген возвратился из Москвы угрюмый, недовольный. Уехал в Абалакский монастырь, там затворился, молился, думал... Послание патриарха Тихона против самозваной власти большевиков он сам прочитал в Тобольском соборе и хотел для этой же цели поехать в Тюмень, но, очевидно, получив какие-то тревожные вести, он вместо себя послал меня в Тюмень. Я приехал туда с одним купцом под видом его спутника и там узнал, что по пути Гермогена должны были арестовать. Поэтому все удивились, как проскочил я. Гермогеном мне было дано задание, кроме прочтения послания патриарха Тихона, организовать по городу крестный ход. Я вместе с протоиереем Алерским наметил план демонстрации крестного хода.

Но накануне утром Алерский пришел ко мне и заявил, не указывая источника, что тюменские власти по поводу наших предстоящих действий запрашивали Москву, от которой получили известие, чтоб крестному ходу не препятствовать, но переписать участников. Так как к крестному ходу было все приготовлено и народ оповещен, то мы не нашли возможным отменить его. Крестный ход состоялся, хотя и был оцеплен красноармейцами. Когда я собрался уезжать обратно в Тобольск, мне сказали, что в дороге меня арестуют. Тогда я официально известил все духовенство, что в пятницу буду в Тюмени, а сам под видом простого мирянина уехал в Тобольск...»

О чем молился Гермоген в Абалаке? О чем думал? О земных страстях праведников? О церковной скупости? А может, о том, как выполнить волю патриарха: обмануть беспокоящих кредиторов и сохранить для церкви полученные от них деньги и ценности.

Дело в том, что от оставшегося в Петрограде и Москве царского окружения в Тобольск поступали большие средства — на жизнь и на освобождение. Об этом сам Николай II записал в своем дневнике: «...12(25) марта: из Москвы вторично приехал Влад. Ник. Штейн, привезший оттуда изрядную сумму от знакомых нам добрых людей, книги и чай. Он был при мне в Могилеве вторым вице-губернатором. Сегодня видели его проходящим по улице».

Считается, что все эти деньги и ценности под предлогом организации побега царской семьи из Тобольска присвоил Борис Соловьев, зять Григория Распутина. Тогда почему после Гражданской войны он полунцим работал во Франции на автомобильном заводе «Рено» и в 1926 году скончался от туберкулеза? А его жена Матрена Соловьева-Распутина устроилась в Париже гувернанткой и с двумя крохотными дочерьми жила в небольшой квартирке. Потом уроженка села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии окажется в Америке, где станет... укротительницей тигров.

Историки не знали о показаниях Иринарха чекистскому следствию: «Епископ Гермоген имел крутой нрав, был подозрителен. Работать с ним и быть в согласии задача была не из легких. Делами епархии Гермоген занимался мало и крайне урывчиво — нередко во время заседаний Епархиального совета он оставлял дела, поручал мне продолжение заседания, а сам уединялся во внутренние покои, и видно было через открытую дверь соседней комнаты, что к нему приходили какие-то неизвестные мне люди, светские, большей частью в простой одежде. Принимал их Гермоген всегда секретно, имел дверь на запоре. Этой стороной жизни Гермоген со мной не делился... но после его ареста я узнал,

что к нему приезжал зять Распутина и передал ему большую сумму денег; для какой цели не знаю...»

Иринарх перед следователями ОГПУ осторожничал — жизнь научила не говорить лишнего. Но здесь очевидно: все деньги и ценности, поступавшие в Тобольск для царской семьи, попадали к Гермогену. Ни Николай II, ни его близкие свиданий с волей не имели.

Если бы Гермоген рассчитался с охраной за полгода невыплат... 330 георгиевских кавалеров, молодец к молодцу, любому черту рога обломали бы! Но пойти против воли патриарха епископ не смел. А чтобы полученные от Соловьева и других монархистов ценности сберечь для церкви и сокровища самой царской семьи добыть, он слух пустил: готовится, мол, их бегство. И все этому слуху поверили. И верят до сих пор.

Никто не задумался: куда бежать? На Север — он всегда равнялся на губернский и православный Тобольск. А дальше?

«В устье Оби, — утверждают некоторые историки, — там шхуну «Мария» якобы ждал английский крейсер “Меркурий”. Или на санях через Полярный Урал на Печору, и в Архангельск, там правительство Чайковского поможет...» Да полно! Какое бегство на Север: безвольный Николай, нервная Александра Федоровна, девицы, больной наследник престола Алексей, многочисленная челядь... В морозы, в бездорожье, в распутицу и весенние разливы рек... Без сопровождения, без охраны...

Да и кто их где ждал? Не нужны они были никому: ни англичанам — отказались от них еще в марте 1917 года, ни «социалисту» Чайковскому — противнику как большевизма, так и монархии.

Но в невероятное всегда верят, и слухи о бегстве царской семьи успокоили кредиторов Гермогена, но переположили и Омск, и Екатеринбург.

Там одновременно 24 февраля 1918 года были созданы чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. В Омске ЧК возглавил председатель комитета 20-го Сибирского полка В.И. Шебалдин, его заместителем стал уроженец Тобольска, бывший прапорщик А.П. Демьянов. Во главе Екатеринбургской ЧК были поставлены революционер-подпольщик М.И. Ефремов (кличка Финн) и балтийский матрос с линкора «Александр III», переименованного после царского отречения в «Зарю свободы», П.Д. Хохряков.

И омские, и уральские чекисты одновременно, но не согласовывая своих действий, начали «операции по разгрому монархического заговора в Тобольске».

Омичи считали Тюмень и Тобольск своими территориями — 26 марта на удалых тройках с гиканьем и свистом они подкатили к губернаторскому дому... Увидев их, императрица, подозвав к окну дочерей, восклик-

нула: «Вот они, хорошие русские люди!» Полковник Кобылинский и его бойцы потребовали от них денег. Денег нет — выкатили пулеметы: от ворот поворот! Выступить против закаленных в боях гвардейцев омичи и сопровождавшие их тюменцы не решились.

Уральские чекисты поступили по-другому — секретно; ведь Tobольск юридически не находился в подчинении Уралоблсовета. Хохряков отправился в Tobольск под легендой «жениха» профсоюзной активистки Т.Ф. Наумовой, родители которой жили в этом городе. «Поехал свататься», — говорили в Екатеринбурге. Позднее «невеста» вспоминала: «... 16 чекистов отправились мелкими группами тайно: мы с Хохряковым на “свадьбу”, другие — в Голышманово — “на заработки”, третьи — в Березово — “за рыбой”».

Но, по правде, они перекрывали маршрут воображаемого бегства царской семьи с одной целью — убить Николая II.

О деятельности 24-летнего «жениха» Хохрякова в Tobольске также хорошо известно: убедившись лично в местном безвластии, он 9 апреля захватил власть и стал председателем исполкома уездного совета, оставаясь при этом в руководстве Екатеринбургской ЧК. И тогда же испытал сильное унижение: к Николаю II охрана его не допустила — у «хозяина» Tobольска не было денег. Хохряков понял: власть без денег — не власть!

Так в Tobольске сложилась патовая ситуация: все хотели, но никто не мог. Одни — епископы Гермоген и Иринарх — не смели перечить патриарху Тихону и прятали в окрестных монастырях царские сокровища и иные ценности. Другие — омские и уральские чекисты — боялись отлично вооруженных стрелков охраны. И все не доверяли друг другу.

В такой ситуации в Tobольск из Москвы приехал приятель Свердлова уфимский боевик Василий Яковлев. Настоящее имя — Константин Мячин, кличка — Антон. Но его сила была не в мандате особоуполномоченного ВЦИК за подписями Ленина и Свердлова, а в чемодане. В нем — 500 тысяч рублей золотом.

Посланцу Москвы не обрадовались в Екатеринбурге. Предупредили: «Охрана Романовых приготовилась силой оружия отстаивать свое право, считая действия местных властей, омских и уральских представителей сепаратными, не согласованными с центром».

Но Яковлев не испугался: «Показал ящикам в Тюмени деньги, и едва мужики пронюхали, что комиссар платит наличными, да еще новенькими романовскими — ни одной копейки керенских, не стало отказа в лошадях, продуктах, квартирах и лучших тарантасах, какие только были в селах и деревнях. Впереди обоза неслось: “Едет настоящий комиссар, который за все платит”».

В Тобольске Яковлев встретился с Хохряковым и его уральским приятелем Заславским. Не успели обменяться приветствиями, как последний заявил:

— Нам надо с этим делом кончать.

— С каким? — спросил Яковлев.

— С Романовыми.

— Значит, — заключил Яковлев, — все слухи о том, что есть отдельные попытки покончить на месте с Николаем II, имеют под собой почву».

После такого разговора особоуполномоченный ВЦИК отправился в губернаторский дом. Нет необходимости излагать все подробности его беседы с охраной царя. Выделим лишь главное из воспоминаний Яковлева:

«Выступил офицер:

— Что будет с нашим отрядом, куда мы денемся? Нас почему-то все считают чуть ли не контрреволюционерами. Никакой помощи не оказывают, и вот уже полгода мы сидим без денег, и нам никто не выплачивает жалованье.

— Разве Тобольский Совет вам денег не платит? — перебил я расхвалившегося оратора.

— Ни одной копейки. Они только нападают на нас, и чуть дело не дошло до кровопролития, — ответил офицер, а остальные его поддержали.

Наступил тот решительный момент, которым я должен был воспользоваться.

— Так в чем же дело? Я уплачу вам.

— Как? За все время и все причитающиеся нам путевые и дорожные расходы, как полагается по военному положению?

— Ну да, все это вам по праву причитается. Вот чемодан с деньгами стоит».

Так были проданы в Тобольске царь и его семья. При их собственном скупердяйстве: несметных сокровищах, вывезенных с багажом, и щедрых пожертвованиях, сокрытых в тайниках Гермогеном.

Солдаты охраны произвели на Яковлева хорошее впечатление: «Стройные, статные, прекрасно одетые и хорошо вымуштрованные, они резко отличались всем своим видом и солдатской выправкой от наших красноармейских отрядов 1918 года. Чувствовалась между ними сильная и дружная спайка, вызванная, очевидно, долгим пребыванием вдалеке от своих частей и, несомненно, углубленная последними тобольскими событиями, когда их хотели обезоружить, оставили без провианта, без света и без денег».

Комиссар пристально вглядывался в лица солдат охраны царя: «Сильные красавцы, большинство с открытыми, чистыми русскими

лицами, приветливо, но и тревожно посматривали в мою сторону. Мы освоились, и между нами завязалась дружеская беседа. Посыпался ряд вопросов о положении в России. О нашем правительстве, о Керенском. Но чаще всего о своей дальнейшей судьбе... У меня не было никакого сомнения: Романова теперь я выведу без всяких помех со стороны охраны, она будет только оказывать содействие в моем предприятии».

Историки не задумывались: что стало с бойцами отряда полковника Кобылинского — тремя сотнями георгиевских кавалеров, героев Отечества? Как пережили они Гражданскую войну, белый и красный террор? Пережили ли?

Эвакуация Николая II и его семьи из Тобольска: конный пробег до Тюмени, изменение железнодорожного маршрута в сторону Омска, возвращение 30 апреля 1918 года в Екатеринбург — все это уже эпизоды. Их участь была решена. Спасаться от гибели — уходом ли в монашество, бегством ли — надо было в Тобольске. Денег пожалели.

О сохранении своих ценностей Романовы стали беспокоиться, как только почувствовали, что их могут эвакуировать из Тобольска. Часть сокровищ они доверили настоятелю Благовещенской церкви Алексею Васильеву, полковнику Кобылинскому, камердинеру Чемодурову и писарю Кирпичникову, которые надежно спрятали их в разных местах.

Некоторые бриллианты и жемчуга Александра Федоровна велела зашить в лифы, пуговицы и шляпы дочерей. Потом в душную июльскую ночь с 16 на 17 июля 1918 года в подвале Ипатьевского дома пули палачей выбьют драгоценности из одежды, и они сверкающими горошинками раскатятся по залитому кровью полу.

Как докладывал на совещании старых большевиков в феврале 1934 года организатор расстрела царской семьи Я.Х. Юровский, «...на дочерях были лифы, так хорошо сделаны из камней, представлявших из себя не только вместилища для ценностей, но и вместе с тем и защитные панцири... Ценностей этих оказалось около пуда... Ценности все были тут же выпороты, чтобы не таскать с собой окровавленное тряпье...»

Эти драгоценности Юровский спрятал в Алапаевске в тайнике. Через год доставил их в Москву и передал коменданту Кремля Малькову по акту, скрепленному подписями и печатями.

Арестованный Хохряковым в Тобольске в апреле 1918 года во время пасхального хода и вывезенный в Екатеринбург епископ Гермоген не открыл своих тайников. Когда назначенный командиром Тюменской речной флотилии Хохряков понял, что ему не пробиться в Тобольск, захваченный 19 июня офицерским отрядом штабс-капитана Н.Н. Казагранди,

то утопил Гермогена в ночь с 29 на 30 июня в Туре на 23-й версте от села Покровского. Но на сороковины после утопления епископа на маленькой железнодорожной станции Крутиха близ уральского города Ирбита прилетела из леса пуля. Казалось, случайная, слепая — а Хохрякову в сердце.

В отличие от останков царской семьи, тело Гермогена белые нашли быстро. Иринарх опознал его и при погребении 2 августа в Тобольске поклялся сохранить тайну святого тобольского мученика. Сам тоже принял муки немалые, но клятву сдержал. На допросах в ВЧК-ГПУ одно твердил: «К проживающей в Тобольске в дни моего служения там царской семьи Романовых я никакого отношения не имел. Имел некую связь епископ Гермоген — не могу судить, так как о таких делах он со мной не говорил и своих тайн мне не открывал».

Драгоценности, сокрытые в Тобольске в Иоанно-Введенском женском монастыре и многократно перепрятываемые монахинями, уральские чекисты нашли в ноябре 1933 года, о чем доложили в Москву:

«В результате длительного розыска 20 ноября 1933 года в городе Тобольске изъяты ценности царской семьи. Эти ценности во время пребывания царской семьи в г. Тобольске были переданы на хранение камердинером Чемодуровым игуменье Тобольского Ивановского монастыря Дружининой. Последняя незадолго до смерти передала их своей помощнице — благочинной Марфе Уженцевой, которая прятала ценности в колодце, на монастырском кладбище, в могилках и ряде других мест. В 1924—1925 году Уженцева собиралась бросить ценности в реку Иртыш, но была отговорена от этого б. тобольским рыбопромышленником В. М. Корниловым, которому и сдала ценности на временное хранение.

15 октября с. г. Уженцева призналась в хранении ею ценностей царской семьи и указала место их нахождения... (ценности в двух стеклянных банках, вставленных в деревянные кадушки, были зарыты в подполье в квартире Корнилова).

Среди изъятых ценностей имеются:

1) брошь бриллиантовая в 100 карат; 2) три шпильки головные с бриллиантами в 44 и 36 карат; 3) полумесяц с бриллиантами по 70 карат (по некоторым сведениям, этот полумесяц был подарен царю турецким султаном); 4) диадема царских дочерей и царицы, и другие.

Всего изъято ценностей, по предварительной оценке наших экспертов, на сумму в три миллиона двести семьдесят тысяч шестьсот девяноста три золотых рубля (3 270 693 руб.)⁹.

⁹ Кузнецов В. В. По следам царского золота. СПб.: ИД «Нева»; М.: Олма-пресс Образование, 2003;

Загайнова В. Л. Тобольский узелок, или Куда исчезли романовские бриллианты // Родина. 2007. № 12. С. 54—57.

Найденную в мае 1919 года при окрашивании иконостаса Благовещенского собора шпагу царевича Алексея в золотой оправе, украшенную бриллиантами, колчаковцы приобщили к хранимым в церковных кладовых Тобольска драгоценным сибирским орденам.

Приложение № 1

О розыске колчаковского золота

Справка ЦОА ФСБ России, 1995 г.

4 января 1920 г. после занятия Иркутска большевиками Колчак перешел под охрану чехословацких войск и подписал отречение от поста Верховного правителя в пользу Семенова.

4 января того же года золотой запас Колчака был принят под охрану союзников на станции Нижнеудинск. При этом «представители населения настаивали на “перевеске всего золота”, но председатель приемочной комиссии Гашек (чех) на это не согласился; тогда представители населения уклонились от участия в комиссии, и 28 вагонов с золотом были проверены по описи, со вскрытием двух вагонов для пересчета ящиков и мешков».

5 января 1920 г. началась передача золотого эшелона под охрану чехословацких войск. Но попытка чехов полностью взять на себя «охрану» золотого эшелона успеха не имела, т.к. русские солдаты отказались оставить свои посты. Решение солдат поддержали Казановский, Кулябко и другие банковские сотрудники, бывшие в эшелоне. Золотой эшелон под смешанной охраной медленно продолжал путь на восток. Утром 12 января на ст. Туреть/Тыреть (200 верст от Иркутска) пломбы у одного из груженых золотом вагонов оказались поврежденными. При вскрытии вагона и пересчете ящиков была обнаружена пропажа 13 ящиков с золотом.

При этом было отмечено, что у вагона, в котором произошла кража, ночью стоял русский караул.

Дальнейшая судьба пропавших ящиков с золотом оставалась неизвестной долгое время.

Дело о розыске золота было заведено в 1940 г. на основании заявления эстонца А. Лехта, который через советское консульство ходатайствовал о разрешении въезда на территорию СССР в район ст. Тайга с целью отыскания золота, якобы закопанного в 1919 г. отступавшими колчаковцами. Лехт в своем заявлении ссылался на эстонца Пуррока К. М., который служил старшим писарем в 21-м запасном Сибирском полку армии Колчака и принимал непосредственное участие в его захоронении. Вместе с двумя солдатами и командиром полка полковником Швагиным М. И.

южнее ст. Тайга, от первой просеки по тракту, на пятой лесной дороге справа, зарыли в яму глубиной 2,5 метра 26 ящиков с золотом.

При просмотре архивных документов было установлено, что такой полк действительно существовал в колчаковской армии и что он действительно отступал в тот период через станцию Тайга.

В сентябре 1931 г. Пуррок вместе с Лехтом выезжали на ст. Тайга с целью найти место зарытого золота. В предполагаемом месте Пуррок заметил около дороги вал длиной 3—4 метра и с помощью ножа извлек из земли комок истлевшего сукна. По найденному валу Пуррок определил и остальные две ямы с имуществом, а по ним установил и место нахождения золота (показания А. И. Лехта). Но в связи с утерей Пурроком паспорта и отсутствием денег они пробыли на ст. Тайга 10—15 часов и прекратили поиски в полной уверенности, что ящики с золотом на месте.

В марте 1940 г. Лехт А. И. и Пуррок подали заявление Генеральному консулу СССР в г. Таллине о разрешении въезда в СССР для новой попытки розыска захороненного золота. Эта просьба была удовлетворена.

С 13 по 23 июня 1941 г. на поиски золота на ст. Тайга выезжали оперативные работники 2-го Спецотдела НКВД СССР Кузьмин и Митрофанов совместно с Пурроком. Однако из-за давности времени (22 года) и изменения местности (старый лес спилен и вырос новый лес) Пуррок не смог указать место, где зарыто золото. Группа нашла пятую лесную дорогу справа от просеки, и параллельно дороге на расстоянии 14—16 метров были выкопаны 148 шурфов глубиной 1,75 метра, тогда как золото было зарыто на глубину 2,5 метра. Кроме того, на четвертой лесной дороге также было вырыто 100 шурфов, однако золото не обнаружено.

По возвращении из экспедиции Пуррок 5 июля 1941 г. был привлечен к уголовной ответственности по статье 169, часть II УК РСФСР, за злоупотребление доверием и обман органов власти, выразившиеся в том, что Пуррок не указал экспедиции точного места захоронения золота.

Допрошенный 10 июля 1941 г. в качестве обвиняемого, Пуррок виновным себя не признал и показал, что за давностью времени и из-за сильного изменения местности он не мог определить и указать точное место захоронения клада.

Особым совещанием при НКВД СССР 2 мая 1942 г. он был осужден за мошенничество на 5 лет. Находясь в заключении в Приволжском лагере МВД, 10 сентября 1942 г. Пуррок умер.

По справке МВД ЭССР от 12 апреля 1958 г. Лехт умер в 1950 г.

В июле 1954 г. сотрудники 5-го отдела УКГБ по Кемеровской области Кулдыркаев и Бяков также выезжали на ст. Тайга с заданием организовать розыск зарытого золота.

Они нашли то место, где в 1941 г. Кузьмин и Митрофанов вместе с Пурроком производили раскопки, и пробрили 360 скважин глубиной 2,5 метра вдоль лесной дороги № 5, но золота не обнаружили. После чего были привлечены для нахождения места, где зарыто золото, геофизики Федоров М. М. и Грязнова М. К. с аппаратом для обнаружения железа в земле (магнитные весы Шмидта), т. к. из показаний Пуррока известно, что в районе зарытия золота, по распоряжению полковника Швагина, в три ямы были закопаны револьверы системы «наган», шинели, подметки, стальные подковы для лошадей, а в четвертую яму — золото. Когда ящики с золотом были засыпаны землей, сверху в яму положили убитую лошадь, чтобы отпугнуть тех, «кто вздумает раскопать яму».

Указанная группа поиски зарытого золота прекратила, считая, что Пуррок давал неправдоподобные показания о захоронении золота в районе ст. Тайга.

30 октября — 25 ноября 1958 г. в целях сбора дополнительных данных и определения участков работы по отысканию клада на ст. Тайга были командированы ст. оперуполномоченный ОБХСС ГУМ подполковник милиции А. Д. Данилин, оперуполномоченный ОБХСС ГУМ капитан милиции П. М. Майоров и ст. оперуполномоченный 3-го Спецотдела МВД СССР майор вн/сл. Г. И. Кожеуров.

Данной оперативной группой была проведена работа по проверке показаний Пуррока и Лехта. Был установлен и опрошен большой круг лиц, проживающих в г. Тайга и его окрестностях, которые хорошо помнили период отступления колчаковских войск через ст. Тайга. На основании показаний свидетелей и исследования местности было сделано заключение о достоверности ориентиров, о которых указывали Пуррок и Лехт.

По мнению оперативной группы, местность, где в 1941 г. группой МВД СССР с участием Пуррока проводились поиски, является наиболее приближенной к месту, где могло быть зарыто золото.

В беседе с работником пожарной охраны Овчинниковым, который в 1941 г. привлекался к розыску клада, выяснилось, что поиски велись только путем шурфования почвы. Шурфы закладывались на глубину 1 метр на расстоянии 1—1,5 метра один от другого. Из материалов дела известно, что клад закопан на глубине до 2,5 метра. Следовательно, оперативная группа в то время, если даже и стояла на правильном пути в определении местонахождения клада, обнаружить его не могла, поскольку поиск производился не на той глубине.

Учитывая собранные дополнительные данные, оперативная группа сделала заключение о том, что «экспедиция в составе сотрудников

2-го Спецотдела НКВД СССР... выезжавшая на ст. Тайга, и сотрудники 5-го отдела УКГБ по Кемеровской области... выезжавшие на ст. Тайга в 1954 г., производили розыск золота от ст. Тайга в сторону Новосибирска, а золото, по агентурным донесениям... было зарыто от ст. Тайга в сторону Красноярска», т.е. экспедиции 1941 и 1954 гг. «искали клад в противоположной стороне от предполагаемого места захоронения золота, в силу чего оно, естественно, не могло быть ими обнаружено» (Справка по архивно-следственному делу № 0103375 от 31 марта 1958 г.), и, принимая во внимание, что розыском клада активно не занимались, отметила целесообразность возобновления поисковых работ летом 1959 г. с применением соответствующей аппаратуры.

На основании Заключения от 18 июня 1959 г. на имя начальника 3-го Спецотдела МВД СССР Баулина дальнейшие мероприятия по розыску золота в районе ст. Тайга были прекращены.

Из протокола допроса Уженцевой Марфы Андреевны

...Когда я работала на монастырском подворье, по Тобольску ходили слухи о том, что в Тобольск привезут царскую семью, и, действительно, в августе 1917 г. царская семья была привезена в Тобольск и помещена в б. генерал-губернаторском доме. Помню, как в день их приезда в монастырское подворье пришел священник местной церкви Алексей Васильев и сказал мне, чтобы я подобрала певчих для царской семьи. Я сейчас же отправилась в монастырь сообщить об этом игуменье. Игуменья подобрала четырех послушниц и вместе с ними поехала в дом, где помещалась царская семья. Дом, как я помню, охранялся большой охраной, во главе которой стоял офицер, как будто полковник Кобылинский.

Священник Алексей Васильев и я через некоторое время стали довольно близко соприкасаться с царской семьей и людьми, которые обслуживали последнюю...

Весной 1918 г., в марте или апреле мес., царя, царицу и одну из дочерей увезли из Тобольска. В мае того же года увезли и остальных членов царской семьи. Перед увозом последних ко мне на монастырское подворье пришел камердинер царя Терентий Иванович Чемодуров и, передав мне большой сверток, попросил, чтобы я отдала его игуменье, в монастырь. Вручая мне сверток, Чемодуров сказал, что в нем находятся ценности царской семьи, о чем я и сама догадывалась. Я немедленно направилась в монастырь к игуменье и передала ей ценности, завернутые в вату и бумагу. Ценности эти хранились у игуменьи до весны 1923 года, когда был закрыт монастырь. При закрытии монастыря игуменья спрятала монастырские ценности и подбила монашек на то,

чтобы оказать сопротивление при изъятии властью этих ценностей. Узнав, что за это ей грозит арест, игуменья передала мне ценности царской семьи, попросив сохранить их до тех пор, когда установится «настоящая власть»...

Я взяла сверток, крепко обмотала его полотенцем и спустила в колодец на монастырском огороде. Вскоре я была арестована и просидела в тюрьме 18 суток. Сидя в тюрьме, я очень беспокоилась за ценности, боялась, что они испортятся в колодезной воде. Как только меня освободили, я сразу бросилась в монастырь, на огород, к колодцу, вытащила ценности и зарыла их на монастырском кладбище. Успокоиться я, однако, не могла, все время боялась, как бы их не украли. Измучившись совсем, я решила бросить ценности в Иртыш. Перед тем как исполнить это решение, я обратилась к Василию Михайловичу Корнилову — местному рыбопромышленнику, который был связан с нашим монастырем. Когда я сказала ему о своем решении, то он страшно испугался и замахал на меня руками: «Что ты! Что ты! Ведь установится настоящий порядок, настоящая власть, тогда с тебя отчет спросят, ведь в Иртыш тебя заставят за ценностями лезть». Я совсем растерялась, не знала, что делать. Потом попросила Василия Михайловича взять ценности на хранение себе. Он сначала отказывался, а потом дал согласие временно сохранять их у себя. Через несколько дней я пришла к нему на квартиру, принеся с собой ценности и две стеклянные банки, и два тuesка. В эти банки и тuesки я переложила ценности из свертка, спустилась с Корниловым в подполье, и там вместе и зарыли их.

Через некоторое время Корнилов уехал из Тобольска. В его квартире поселились новые, незнакомые мне жильцы. Одно время в ней жили милиционеры. Я все время беспокоилась за ценности, боялась, как бы они не испортились или не были украдены. Особенно боялась за ценности весной, какого года — не помню, когда Иртыш вышел из берегов, и двор дома, где хранились ценности, был сильно затоплен.

В октябре мес. с. г. я была арестована ОГПУ и доставлена в Свердловск. Здесь я призналась в хранении ценностей царской семьи и вместе с Корниловым указала место, где они были зарыты... Ни я, ни Корнилов, ни кто другой ничего из этих ценностей не брали. Были ли у царской семьи еще какие-либо ценности, кроме тех, которые я хранила, не знаю.

Примечание: Бывшую монахиню Иоанно-Введенского женского монастыря М.А. Уженцеву 1875 г. рождения расстреляли в Тобольске 26 ноября 1937 г. Реабилитирована 30 декабря 1956 г.

Из характеристик Полномочного представительства ОГПУ по Уралу на укрывателей царских ценностей

...В 1918 г. во время нахождения царской семьи Романовых в городе Тобольске священником Благовещенской церкви Васильевым Алексеем совершались для царской семьи церковные обряды и молитвы. Благодаря своей ревности к монарху, Васильев в семье Романовых пользовался большим авторитетом и безграничным доверием. В дни эвакуации семьи из г. Тобольска в г. Екатеринбург ему, как надежному человеку, лично царицей А. Ф. Романовой было поручено вынести и скрыть чемодан с бриллиантами и золотом, весом не менее одного пуда.

С первых дней после разгрома белой армии на Урале и установления Советской власти в 1919 г. Васильев, во избежание обнаружения у него скрываемых царских ценностей, чемодан с бриллиантами и золотом передал крестьянину Егорову И. П. из деревни Бардиной. Последний спустя некоторое время эти ценности Васильеву возвратил обратно, и тот сразу же скрыл их в Тобольске. В 1930 г. Васильев умер после продолжительной болезни. Место сокрытия им упомянутых выше царских ценностей не установлено.

...Кирпичников Александр Петрович, быв. личный писец при дворе Николая Романова и в период нахождения царской семьи в Тобольске в ссылке, выполнял роль особо доверенного лица Николая II...

Опечатанный пятью сургучными печатями от Николая Романова пакет передал на хранение епископу Гермогену. Вынес золотую шпагу наследника Алексея и передал ее на сохранение быв. духовнику царской семьи в Тобольске Васильеву Алексею... Будучи в Тобольске во время контрреволюционного восстания 1921 г., Кирпичников являлся его активным участником, боролся с Советской властью с оружием в руках, сражаясь в окопах (с пикой и ружьем). Видна его цель: не сдавать царских ценностей большевикам как ненавистой власти.

...Кобылинская Клавдия Михайловна в прошлом является женой Кобылинского (в 1927 г. расстрелян органами ОГПУ за к/р деятельность), полковника личной охраны семьи быв. царя Романова. Сама же Кобылинская являлась воспитательницей дочерей Романовых. Кобылинская принимала непосредственное участие в сокрытии ценностей, принадлежавших семье Романовых. Лично от Николая Романова Кобылинскими была получена шкатулка с драгоценностями – короны и диадемы.

...Печекос Константин Иванович, в прошлом пароходовладелец и рыбопромышленник в городе Тобольске в 1918 г. от полковника личной охраны царской семьи Кобылинского получил для сокрытия шкатулку с царскими ценностями (бриллиантами, золотом и пр.) общей

стоимостью свыше миллиона рублей золотом. Будучи арестованным в апреле 1934 г. Печекос признался в получении этих ценностей от Кобылинского, дав ему при этом клятву в том, что «помрет, но о ценностях никому не скажет».

Печекос указал место скрытых им ценностей в городе Омске, в бывшем доме его брата, где произведенным обыском ценности найдены не были. После этого, чтобы скрыть фактическое нахождение царских ценностей, произвел самоубийство (прыгнул с 5-этажного дома)...

Постановление о сдаче дела в архив

г. Свердловск

8 февраля 1941 г.

...Рассмотрев агентурно-следственное дело № 2094 — «Романовские ценности» в 3 томах на 704 листах в отношении... и найдя, что указанное дело представляет оперативную ценность, но в настоящее время использовано быть не может, постановил: ...

Дело... на 21 человека сдать в 1-й спецотдел УНКВД по Свердловской области — для хранения в архиве.

Отрывок из поэмы Максимилиана Волошина «Россия»

...Раздутая войною до отказа,
Россия расседается, и год
Солдатчина гуляет на просторе...
И где-то на Урале среди лесов
Латышские солдаты и мадьяры
Расстреливают царскую семью
В сумятице поспешных отступлений:
Царевич на руках царя, одна
Царевна мечется, подушкой прикрываясь,
Царица выпрямилась у стены...
Потом их жгут и зарывают пепел.
Все кончено. Петровский замкнут круг.

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...

**Стихотворение Нины Королевой, опубликованное в журнале
«Аврора» в 1976 году**

Оттаяла или очнулась? —
Спасибо, любимый,
Как будто на землю вернулась,
На запахи дыма.

На запахи речек медвяных
И кедров зеленых,
Тобольских домов деревянных,
На солнце каленых.

Как будто лицо подняла я
За чьей-то улыбкой,
Как будто опять ожила я
Для радости зыбкой...

Но город, глядящийся в реки,
Молчит, осторожен.
Здесь умер слепой Кюхельбекер
И в землю положен.

Здесь в церкви купчихи кричали,
Качая рогами.
Распоп Аввакум обличал их
И бит батогами.

И в год, когда пламя металось
На знамени тонком,
В том городе не улыбалась
Царица с ребенком...

И я задыхаюсь в бессилье,
Спасти их не властна,
Причастна беде и насилью
И злобе причастна.

ГЛАВА II

К сожалению, многие люди думают о кладе как о богатстве: сколько он стоит. И кому достанется: нашедшим клад, наследникам его прежнего владельца или государству? Но сокрытые ценности, как правило, связаны с интересными историческими событиями. Тюменскому краю повезло: люди слышат о найденном кладе и непременно захотят посмотреть эти места, узнать их историю, которая все еще остается тайной.

На задворках Гражданской войны

Летом 1919 года на Восточном фронте Гражданской войны обозначился явный перелом в пользу Красной армии.

2 августа после поражения под Челябинском колчаковцы поспешно отступили к Тоболу. 8 августа они оставили Тюмень. Начальник снабжения при ставке Колчака барон Будберг в своем дневнике записал: «...Комендант Тюмени доносит, что личный состав Камской флотилии по прибытии в Тюмень забрал, презрев его протесты, все пароходы, приготовленные для экстренной эвакуации огромных тюменских складов, нагрузили на них свои команды и поплыли на северо-восток, сделав вывоз имущества невозможным».

Считается, что колчаковцев из Тюмени в сторону Тобольска и Ялуторовска выдавила 51-я стрелковая дивизия под командованием будущего маршала Советского Союза В.К. Блюхера. В действительности первыми в Тюмень вошли части Особого северного экспедиционного отряда, которым командовал С.В. Мрачковский. На базе ОСЭВЭК и других подразделений (Особой бригады М.В. Васильева) 51-я стрелковая дивизия трехбригадного состава окончательно сложилась к 15 августа.

Начальником новой дивизии Реввоенсовет Восточного фронта назначил Блюхера. В этом соединении Мрачковский, не уступавший Блюхеру по популярности, стал комбригом (в 1936 году бывшего командующего войсками Приуральского военного округа, делегата партийных съездов, кавалера двух орденов Красного Знамени Мрачковского расстреляли; Васильева, ставшего после Гражданской войны начальником коммунального хозяйства в Свердловске, отправили на восемь лет в лагеря — по слухам, он сгинул в 1940 году в Магадане).

21 августа 1919 года полки 2-й бригады Мрачковского, входившей в состав сформированной в Тюмени 51-й стрелковой дивизии, начали бои за переправы через Тобол у сел Южаково и Ярково.

Воспользовавшись ошибкой красных, открывших левый фланг Восточного фронта (район города Туринска и железнодорожной станции Тавда), белые направили по реке Тавде пароходы Обь-Иртышской флотилии: пятнадцать вооруженных пушками и пулеметами пароходов, одиннадцать буксиров, два теплохода — базу для гидроавиации и одну баржу. Этой речной флотилией командовал капитан 1-го ранга Феодосьев; 1-й дивизион возглавлял капитан 2-го ранга Гутан, 2-й дивизион — старший лейтенант Гаген.

В монографии «Гражданская война в Зауралье», изданной в 1966 году, известный тюменский историк профессор П. И. Рощевский предположил, что целью секретной речной экспедиции белых по Тоболу и Тавде была высадка десанта в глубоком тылу красных, захват железной дороги на Туринск — Ирбит — Екатеринбург и окружение, таким образом, красных частей 29-й и 51-й стрелковых дивизий, наступавших на Ялуторовском и Тобольском направлениях.

Действительно, колчаковцы 18 августа заняли село Тавдинское (ныне Нижняя Тавда) и станцию Тавда на Туринской железнодорожной ветке. Однако провести сложную наступательную операцию силами нескольких буксиров, спешно переделанных в канонерские лодки, и размещенной на них роты егерей-десантников вряд ли было возможно. Другое дело — отвлечь противника смелым, но рискованным маневром от направления главного удара. Напугать и заставить перейти к обороне.

Командование красной 3-й армии, озадаченное донесениями разведки о появлении на реке Тавде пароходов противника с артиллерией и пехотой и сосредоточении в селе Тавдинском до 500 солдат («исключительно добровольцы, а мобилизованные все сбежали»), приказало начдиву 51 Блюхеру: «Тавдинскому-туринскому направлению придать должное боевое значение... передать в ваше распоряжение бронепоезд, которому приступить к операциям на железной дороге Туринск — Тавда...» В оценке действий сторон в бассейне рек Тобол, Тавда, Тура доктор исторических наук Рощевский руководствовался военной документацией — военно-оперативными сводками частей и соединений красной 3-й армии и воспоминаниями непосредственных участников тех событий, нередко субъективных и тенденциозных. Захваченные чекистами при разгроме колчаковщины документы, включая отчеты штабов Камской и Обь-Иртышской флотилий, были засекречены и до настоящего времени не введены в научный оборот.

Действительной целью секретного рейса колчаковских пароходов с десантными группами на борту являлось завершение эвакуации военного имущества с Северного Урала на баржах, построенных в селе

Жирыково на реке Тавде, на верфи братьев Вардропперов. По свидетельству барона Будберга, из-за «самодурства 28-летних генералов из недавних обер-офицеров, очень храбрых в штыковых и конных атаках, неспособных видеть дальше своего носа, все маневровые пути, станции и разъезды туринской железнодорожной ветки заняты сотнями локомотивов и 5000 вагонов с очень ценными и нужными нам грузами»¹⁰.

Кроме того, отбуксированные к Тобольску крупнотоннажные баржи, превращенные в плавучие артиллерийские батареи, обеспечили бы неприступность белого фронта на Тоболе до наступления зимы.

Сорвать план адмирала Колчака по поддержке сухопутных сил белых судами Обь-Иртышской речной флотилии удалось во многом благодаря восстанию на пароходе «Иртыш».

Построенный в 1895 году в Муроме, этот пароход был мобилизован в Омске в июле 1919 года. Его вооружение – четыре 76-миллиметровых пушки и четыре пулемета. Военная команда на «Иртыше» состояла из двух офицеров, двадцати колчаковских добровольцев и десяти мобилизованных речников. Каким-то образом среди них оказался большевик Водопьянов. То ли бывший артиллерийский кондуктор или механик-машинист, а может, «старшина по пулеметам».

Якобы во время рейса в верховья Тавды у него созрел дерзкий план перебить колчаковцев, захватить судно и присоединиться к наступающим на Тобольск частям Красной армии. Замысел Водопьянова поддержали капитан Норицын, его помощник Зубарев, масленщик Виноградов, механик Ларькин, кочегар Корин и другие верные люди.

В ночь на 23 августа 1919 года заговорщики обезоружили часовых, а колчаковских офицеров и солдат заперли в трюме. Подняв на судовой мачте «заранее изготовленный красный флаг» (по другим свидетельствам, «рубаху красного цвета»), восставшие речники направили пароход к берегу, занятому красноармейцами, которые «встретили “Иртыш” криками “Ура!”».

Через два дня на реке Тавде у деревни Смирновой пароход вступил в бой с колчаковской флотилией. «Метким огнем команда “Иртыша” повредила флагман противника пароход “Александр Невский”, а другие суда обратила в бегство». В этом бою погиб Водопьянов...

Эту фантастическую историю изложил со слов масленщика Виноградова писатель Павел Бажов в изданной в 1932 году книге «Восстание на пароходе “Иртыш”». Повествование в жанре «Уральских сказов» серьезно сдобрено героико-революционной патетикой.

---

¹⁰ Будберг А. П. Указ. соч. С. 206.

По просьбе команды «Иртыш» переименовали в «Водопьянова», а «Александра Невского» — в «Блюхера», но уже 3 сентября 1919 года приказом по 51-й стрелковой дивизии эти суда получили другие названия — «Спартак» и «Карл Маркс».

Считается, что погибший в бою с колчаковской флотилией на реке Тавде Водопьянов похоронен в братской могиле в селе Иевлево Ярково-ского района. Григорий Виноградов, чьи воспоминания о восстании на пароходе «Иртыш» редактировал автор «Малахитовой шкатулки» Бажов, был после Гражданской войны председателем Тобольского профсоюза водников и делегатом партийных съездов. В 1938 году его репрессировали, книгу запретили и переиздали лишь в 1957-м. Осталось непонятным: кто же такой Водопьянов? По воспоминаниям того же Виноградова, «знали о нем немного: большевик, хорошей души человек, отзывчивый товарищ, бесстрашный борец за революцию. И все».

Ранее недоступные по идеологическим и режимным требованиям документы свидетельствуют: художественно героизированные писателем Бажовым августовские события на реке Тавде развивались по другому сценарию — чекистскому.

При абсолютном господстве колчаковцев на Обь-Иртышском речном театре военных действий у наступавших на Тобольск красных войск оставался единственный выход: обманом захватить плавсредства противника для последующего создания собственной речной флотилии.

Сиббюро ЦК РКП(б) и особый отдел красной 3-й армии внедри-ли в команду колесного буксирного парохода «Иртыш» под видом мобилизованного военного моряка Водопьянова 19-летнего выпускника Рыбинского речного училища Константина Вронского. Его молодость не вызвала сомнений. Командующему красной Волжской военной флотилией, недоучившемуся студенту Петроградского политехнического института П. А. Смирнову исполнилось тогда 22 года¹¹.

Первоначально планировалось, что Вронский-Водопьянов выведет из строя двигатель парохода или подорвет его артиллерийский боезапас. Такого рода диверсия готовилась еще на Каме — для уничтожения английской канонерки «Кент». Но там заговор был раскрыт колчаковской контрразведкой: сотрудничавшего с большевиками судового механика расстреляли.

Почему не прогремел взрыв на «Иртыше»? Потому что красный диверсант Вронский-Водопьянов во время стоянки парохода в Тобольске

¹¹ Нарком Военно-морского флота (бывший начальник Политуправления Красной армии), армейский комиссар 1-го ранга П. А. Смирнов расстрелян как «враг народа» 30 июня 1938 года. Реабилитирован 16 мая 1956 года.

влюбился в Нину Савиных, дочь лоцмана на «Иртыше», и не захотел рисковать жизнью будущего тестя.

Тобольский судоводитель Григорий Савиных был знаменит на весь Обь-Иртышский речной бассейн. Мудрый, трудолюбивый, состоятельный, многодетный, непьющий, некурящий и весьма набожный. Среди иртышских речников имел шутивное прозвище Лампада. В его каюте всегда висели иконы и горели лампы. Перед навигацией и после ее завершения он устраивал на судне торжественный молебен.

Непросто было добиться расположения внешне сурового лоцмана. Но речнику-чекисту Вронскому-Водопьянову удалось: Савиных помог ему провести «Иртыш» в расположение красных войск, а его красивая, умная, начитанная и смелая дочь стала женой героя.

Заговорщиков насторожило появление на Тавде быстроходного товарно-пассажирского парохода «Ласточка» (на нем 29 июля 1914 года доставили в Тюмень царского фаворита Григория Распутина, раненого в селе Покровском религиозной фанатичкой Хионией Гусевой. — А. П.). В книге Бажова «Восстание на пароходе «Иртыш» отмечено: «Рано утром на третий день к «Иртышу» без свистков подошел, будто подкрался, небольшой пароход «Ласточка», поспешно сбросил груз, затем отвалил к «Александрю Невскому», ссадил дополнительную команду во главе с начальником речного боевого участка и сейчас же ушел обратно».

Какой груз «сбросила» «Ласточка» на палубу «Иртыша»? Сейчас известно — ценности Екатеринбургского государственного банка, вывезенные на железнодорожную станцию Тавда недалеко от пристани Каратунка, где стояли посредине реки два колчаковских парохода.

22 августа «Александра Невского» отозвали на Тобол — сорвать огнем корабельных пушек переправу красных бойцов Мрачковского на правый берег реки. Еще через день им пришлось выдержать тяжелый бой у Березовского Яра и у Иевлево. Здесь 51-й стрелковой дивизии противостояли части Тобольской группы войск генерал-майора М. Е. Редько (в этой группе состояли 15-я Воткинская и 7-я Сибирская (25-й Тобольский, 26-й Тюменский, 27-й Верхотурский, 28-й Ялуторовский полки) дивизии, 1-й Сибирский казачий полк, отряд полковника Франка и Обь-Иртышская речная флотилия из пяти пароходов).

Ценный груз в трюме «Иртыша» придал уверенности заговорщикам. Не ночное нападение на часовых, не арест офицеров, не захват парохода — все это мифологизировано позднее по заказу Уральского областного комитета ВКП(б). Действовали проще, но тоже с риском для жизни: механик Ларькин спустился на лодке по течению от нижней пристани

до села Тавдинского, занятого к тому времени 455-м полком 2-й бригады 51-й стрелковой дивизии, и предупредил красноармейцев о появлении в их расположении мятежного парохода.

Судовая команда держала такое давление пара, чтобы в любую минуту двигатель мог работать на полный ход. Когда колчаковцы уснули, а часовые дремали на постах, на «Иртыше» выбрали якорь... На тавдинской пристани предупрежденные о заговоре красноармейцы молча перебрались в предрассветном тумане на борт судна...

Не раскрывая перед речниками своего настоящего имени, Вронский-Водопьянов взял на себя командование пароходом.

Боестолкновения «Иртыша» с колчаковской флотилией на реке Тавде, описанного со слов его «участников» писателем Бажовым, не было. Находившегося на «Александре Невском» начальника 1-го дивизиона Обь-Иртышской речной флотилии капитана 2-го ранга Гутана при появлении «Иртыша» ввели в заблуждение развевавшийся на судовой мачте Андреевский флаг и погоны на переодетых в белогвардейскую форму красноармейцах. Пароходы сблизилась бортами... Затем абордаж, короткая рукопашная схватка, допрос и расстрел.

Профессор Рощевский не зря сомневался в достоверности воспоминаний участников тех событий. Изучив содержание приказов по 2-й бригаде и 51-й стрелковой дивизии, он правильно заключил, что «Александр Невский» не имел повреждений и находился «в плавучем состоянии».

Форсировав Тобол, красные в ночь на 4 сентября заняли Тобольск. Белые, собрав все силы, отбили город. Единственное настоящее речное сражение между красной и белой флотилиями произошло 14 сентября 1919 года на Иртыше в двадцати верстах к северу от Увата. «Александр Невский», переименованный в «Блюхера», а затем в «Карла Маркса», встретился с двумя пароходами противника — «Алтаем» и «Марией», был атакован и затонул вместе со своей частью золота из Екатеринбургского государственного банка.

Судовой команде «Иртыша», ставшего «Водопьяновым» и «Спартак», сообщили, что организатор восстания Водопьянов погиб от коварной пули при захвате «Александра Невского» и похоронен в братской могиле в селе Иевлево вместе с погибшими при переправе через Тобол красноармейцами. Там же местные жители схоронили выловленные из реки тела расстрелянных на пароходах колчаковцев, включая капитана 2-го ранга Гутана.

Вместо него начальником 1-го дивизиона Обь-Иртышской речной флотилии Колчак назначил старшего лейтенанта В.С. Макарова, сына знаменитого флотоводца вице-адмирала С.О. Макарова, погибшего

в 1904 году в Порт-Артуре при подрыве на японских минах броненосца «Петропавловск»¹².

После сражения на Иртыше частям Тобольской группы генерала Редько сопутствовал успех: «Воткинцы нанесли Блюхеру сильное поражение и едва не захватили его самого. Он спасся от плена, убежав в лес». О захвате воткинцами Тобольска сохранилась записка казначея 59-го полка Воткинской дивизии военного чиновника Залкана: «...когда началось наступление, начальник дивизии полковник Юрьев отправил по реке Иртышу отряд на четырех пароходах с большим количеством пулеметов и с несколькими орудиями. Задача — высадиться в тылу врага. Отряд успешно выполнил задачу и атаковал встреченного противника. У красных поднялась паника. Часть их сдалась, другие разбежались по лесам, и их оттуда вылавливали. Этим смелым маневром группе был обеспечен выход на реку Тобол и захват Тобольска. Берег реки к югу от города был очищен от противника до устья реки Тавды»¹³.

Но еще в конце августа 1919 года, когда 51-я стрелковая дивизия Блюхера подступила к Тоболу, командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант А. Н. Пепеляев объявил в Тобольске эвакуацию всех гражданских учреждений. Местом эвакуации был определен Сургут. По приказу начальника гарнизона — уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Тобольске, Березове, Сургуте и их уездах штабс-капитана (по другим данным — полковника) Киселева на пароходы грузили в первую очередь «народные святыни и ценности отделений Государственного банка, казначейств и сберегательных касс».

Управляющие этими учреждениями Н. Г. Черняховский и А. И. Иванов направили в министерство финансов в Омск тревожную телеграмму: «Приказано завтра, 27 августа, эвакуироваться в Сургут Тобольской губернии. Этот город находится на расстоянии 5 верст от пристани, сообщение на лодках, в которых придется перевозить массу ценностей, в том числе много звонкой монеты. Город представляет рыбачий поселок с 1100 чел. жителей, ни одного каменного здания; ценностей для бе-

¹² В. С. Макаров служил в начале XX века на крейсерах «Россия» и «Адмирал Макаров», участвовал в боях у острова Гогланд в 1915 году, награжден орденом Св. Анны IV степени. Затем переведен в минную дивизию, которой командовал Колчак. Сопровождал его в США, воевал в белой Камской флотилии, был одним из организаторов Обь-Иртышской флотилии, участвовал в речном сражении под Уватом, высаживал десант в тылу дивизии Блюхера у Усть-Ишима в конце сентября 1919 г. После поражения колчаковщины Макаров-сын эмигрировал в США. Занимался там нефтяным бизнесом, изобрел буровое долото, которым пользовались и геологи Тюмени в 60—70-х годах. Был известным яхтсменом и вице-президентом Толстовского фонда. Умер в Нью-Йорке в 1964 году.

¹³ Восточный фронт адмирала Колчак / Сост., научн. ред., автор предисл. и коммент. С. В. Волков. М.: Центрполиграф, 2004. С. 490.

зопасного хранения сложить негде. Возможность быть оставленными со всеми ценностями, имуществом и служащими на пустынном берегу Оби, при военной охране всего 30 человек, вынуждает нас решительно доложить, что при опасных условиях возлагаемая законом ответственность с нас должна быть снята, так как за сохранность находящихся в нашем ведении ценностей и другого имущества мы поручиться не можем.

...Подтверждая невозможность и большую опасность во всех отношениях эвакуироваться в пустынный и голодный Сургут, с которым сообщение будет прервано через один месяц на всю зиму, настоятельнейше ходатайствуем о принятии самых экстренных мер для направления всех учреждений Министерства финансов и частных кредитных учреждений на пароходе «Иван Корнилов» в Омск»¹⁴.

В разгар этих событий 27 июля 1919 года в 11 часов вечера на земском пароходе «Станкевич» из Тобольска в Саранпауль отправился местный этнограф, ботаник и почвовед Г. М. Садовников.

Многие накопленные им научные материалы исчезли. И судьба самого исследователя нашего края Садовникова пока неизвестна. Но югорский краевед В. К. Белобородов отыскал часть архива тобольского самородка. Среди обнаруженных документов оказался «Дневник экспедиции по р. Сосьве, Ляпину, Сартынье, Манье и Щекурье 1919 года».

Известный тюменский издатель Ю. Л. Мандрика, опубликовавший этот дневник в своем региональном краеведческом журнале «Лукич» в августе 2000 года, считает, что Дмитриев-Садовников (он значился под двойной фамилией) в «экскурсии по Сосьве летом 1919 года не только «ловил бабочек, но и вел разведку». Основанием для такого вывода наблюдательному Мандрике послужили полустертые от времени записи на некоторых страницах дневника о структуре воинских подразделений («взвод», «отд») и их количественный состав.

Дело даже не в зашифрованной специальной терминологии и не в том, на чьей, по выражению Мандрики, «стороне ботаник ловил бабочек», а в удивительном совпадении времени и места для «экскурсии». Натуралист Садовников не только изучал флору и фауну Березовского уезда, но и оценивал противоборствующие здесь силы. Он выбирал: дожидаться красных или отступить с белыми. Но куда: с колчаковцами на северо-восток – в Томск или Омск? Или на северо-запад – через Урал на Печору, контролируемую Северной добровольческой армией генерала Е. К. Миллера? Когда на Восточном фронте колчаковцы оставили Тюмень и отступили к Тобольску, практически на всех участках Северно-

¹⁴ Бушаров Е. А. Проблемы укрепления белых армий в период боевых действий на территории Тобольской (Тюменской) губернии в 1919 году // Ежегодник ТОКМ. Тюмень. 1992. С. 124–125.

го фронта белые предприняли ряд крупных наступательных операций и продвинулись к Вологде. Формировались добровольческие особые ударные отряды для действий на стратегических направлениях. И многие тогда поверили в собственные силы белого Севера.

В общих коммуникациях Северного и Восточного фронтов Березовский уезд Тобольской губернии также занимал важное место. Печора близко подходит к сибирским рекам — Северной Сосьве, а затем и Оби, и Иртышу. Зимой бесперебойно использовался Сибиряковский тракт. По этому тракту, длиной 184 версты, проложенному в 1887 году купцом Сибиряковым, в мирное время из Зауралья в Печорский край за зиму перевозилось до 150 тысяч пудов хлеба, оленьих шкур, пушнины, рыбы. Во время Гражданской войны хранимый в Ляпино хлеб (250 тысяч пудов) стал главной целью как для красных, так и для белых.

Это противостояние сторон принимало здесь экзотические формы.

Село Ляпино сейчас называется Саранпауль. Оно расположено на реке Ляпин, которая образуется слиянием рек Хулги и Щекурьи и впадает в Северную Сосьву. Здесь находилась Ляпинская волость северных манси Березовского уезда Тобольской губернии. В начале XX века в ней проживали 1086 манси, 25 ханты, 415 коми-зырян, 156 ненцев и 42 русских. По Ляпину и его притокам располагались юрты (от устья вверх по течению): Рахтынские, Луски, Ломбовожские, Межипаульские, Харампаульские, Мункесские, Ясунтские, Щекурьянские и Маньинские. Юрты — названия селений и жилищ манси, ханты, селькупов. На старых картах почти все такие населенные пункты названы юртами. Позднее в селе Няксимволь родился мэром Москвы С. С. Собянин. Многие прежние поселения исчезли — их жгли и красные, и белые.

История ляпинского хлеба такова. В мае-июне 1918 года Северная продовольственная управа (Архангельск) вела через Москву переговоры с Временным Сибирским правительством (Омск) о закупке в Западной Сибири 500 тысяч пудов хлеба для Русского Севера, в том числе Печорского уезда, где собственного хлеба вообще не было. Сибирские белогвардейцы продали Советской России хлеб в обмен на промышленные товары (в основном сельскохозяйственную технику). Этот факт скрывался в новейшей отечественной истории. По идеологическим причинам невозможно было признать товарообмен между красными и белыми. Северный завоз 1918 года можно считать единственным внеклассовым рыночным предприятием Гражданской войны.

Из Архангельска в Омск для доставки хлеба на Север был командирован кооператор Мартынов. В августе 1918 года четыре парохода,

таща на буксире двенадцать барж, тянулись вниз по Иртышу. 17 августа хлебный караван прибыл в Тобольск.

Дальше речной маршрут на Тобольский Север возглавил местный купец Д. Н. Голев-Лебедев. Ему в исторических исследованиях о борьбе за ляпинский хлеб даны самые отрицательные характеристики: «мироед, эксплуататор и паразит». Но югорский краевед Белобородов считает его предприимчивым, культурным коммерсантом и активным общественным деятелем: «Голев-Лебедев торговал хлебом, рыбой, солью, вином и другими бакалейными товарами. Его пароходы совершали регулярные рейсы в низовья Оби, способствуя снижению цен в низовом крае на предметы первой необходимости. В навигацию 1910 года моторный катер «Удалый» возил пассажиров от Тобольска до Абалака и обратно, а на пароходе «Решительный» устраивались гуляния по Тоболу и Иртышу, доход от которых шел в пользу общества попечения бедных. В Тобольске у купца был магазин и колбасная фабрика, получившая в том же 1910 году за свои изделия Гран-при и золотую медаль на Всемирной выставке в Брюсселе. Голев-Лебедев хлопотал перед министром путей сообщения о строительстве железной дороги до Тобольска, возглавлял местное отделение общества рыбоводства и рыболовства, был директором общественного тюремного комитета, и за свои старания и пожертвования по тюремному ведомству награжден серебряной медалью на Станиславской ленте»¹⁵.

Вот он и довел хлебный караван до Березова. Оттуда часть хлеба, около 250 тысяч пудов, была отправлена в Ляпино для дальнейшей транспортировки на Печору (остальные суда продолжали путь в Обдорск).

Для захвата Ляпино красные выбрали заброшенный волок через Аранец, так как сибирские белогвардейцы зорко охраняли Сибиряковский тракт. Аранец — глухая деревня в тридцать дворов, обитатели которой жили охотой и рыбалкой.

Секретную экспедицию возглавил чекист Андрианов, комиссаром поехал Давыдов, взводами командовали Зарубин, Исаков, Сорвачев и Симаков. Под их началом было 123 бойца, вооруженных кроме винтовок тремя пулеметами и скорострельной пушкой «Маклин».

Планировалось захватить Ляпино врасплох. 19 ноября 1918 года красный отряд двинулся к Уральским горам.

Шли восемьдесят дней, спали прямо на снегу, костры не разжигали, опасаясь, что заметят дым. Но все эти предосторожности оказались напрасными. Усть-щугорский крестьянин по прозвищу Матрос Мить

---

¹⁵ Белобородов В. К. Тропинки к дому. Русские Березовского края в конце XVIII — начале XX веков: краеведческие заметки о былом и настоящем. Тюмень: Титул, 2013. С. 55.

по короткому Сибиряковскому тракту добрался до Ляпино и предупредил охрану хлебных амбаров о движении красного отряда (позднее красные его расстреляли). Ляпинская дружина устроила на подходе к селу, в деревне Щекурье, засаду из 42 охотников.

Андрианов со взводом Исакова двигался в авангарде экспедиции. Они первыми попали под пули и были тяжело ранены. Командование отрядом принял на себя Зарубин, бывший унтер-офицер Преображенского гвардейского полка. По Щекурье, ориентируясь на церковь, красные открыли артиллерийский и пулеметный огонь. Оставшись без патронов, белые отступили к Обдорску.

27 ноября 1918 года красные вошли в Ляпино. В селе никого не было — все население, включая женщин и детей, бежало в лес.

Выходившая в Усть-Сысольске (сейчас Сыктывкар) газета «Зырянская жизнь» так писала о захвате Щекурьи: «Наши части заняли Щекуринское, что в пяти верстах от Ляпина. При занятии ранены 6 товарищей, в том числе командир коммунистического отряда тов. Андрианов и его помощник тов. Исаков. Убито 6 лошадей».

Красные превратили Ляпино в укрепрайон: выдолбили в мерзлой земле окопы, обложили их мешками с песком, вырубili деревья в секторе обстрела. В Щекурье осталась застава в пятнадцать штыков.

По Сибиряковскому тракту начали вывозить хлеб в Усть-Щугор. Вывозка проходила трудно: местные лошади не ели овса, только сено и кору деревьев (особенно рябины), которых не хватало. Приходилось кормить животных их собственными экскрементами, подсушенными на кострах.

Всего красные вывезли из Ляпино 1976 пудов муки-сеянки, 6549 пудов овса и 3750 пудов пшеницы.

Белые тоже зря время не теряли. 30 ноября 1918 года отряд штабс-капитана Алашева в сорок штыков атаковал центр Печорского уезда — городок Усть-Цильму на Печоре. Тот день описывал очевидец: «Около 10 часов утра вблизи старообрядческой церкви раздались выстрелы, произведшие на крестьян суматоху. На улицах появились вооруженные винтовками, в малицах и тужурках люди, беспрестанно стрелявшие. Перед ними на коленях стоял мужик лет сорока, крестился на церковь и кричал: «Слава богу, власть законная, долгожданная, батюшки-офицеры приехали!»¹⁶

Началась запись добровольцев и мобилизация в Народную армию Печорского уезда. К середине декабря в ней насчитывалось до 160 штыков. В ее состав входили несколько партизан-одиночек, прозванных

¹⁶ Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми: документы, материалы, воспоминания: 1918—1998. Сыктывкар, 1998. С. 20—21.

«охотниками за черепами». Сохранилось свидетельство, что один такой «охотник» уничтожил 60 красноармейцев, ставя на них капканы, как на зверя, и стреляя из засад.

Белогвардейский полковник Шапошников предложил командованию Северного фронта белых план наступления на захваченное красными Ляпино: «...200 тыс. пудов хлеба и 30 тыс. пудов овса есть в Ляпино (за Уралом на восток от Усть-Цильмы в верховьях р. Сосьвы). Зимний тракт на Ляпино лежит через деревню Усть-Щугор (по Печоре) и дальше через Урал. Советская власть, дабы сохранить за собой это зерно, держит в населенных пунктах по тракту и в самом Ляпино отряд 200–250 штыков, четыре пулемета и два полевых легких орудия. Поход на Ляпино имеет двойкую, на мой взгляд, заманчивую цель – возвращение зерна его собственникам, т. е. Печорскому уезду... и кроме того, установление связи с Сибирью по Оби через Тобольск, откуда, я полагаю, мы можем получить боевую поддержку».

Шапошников просил выделить ему для успешного наступления на Ляпино «...ядро в 60–80 человек сравнительно дисциплинированных, обученных солдат при 6 офицерах, 300 винтовок, 6 пулеметов, 2 орудия».

Еще раньше, 28 августа 1918 года, из Котласа в Усть-Сысольск для «установления революционного порядка» прибыл отряд ВЧК под командованием Мориса Мандельбаума. Думал ли он, профессиональный актер, а с 1914 года младший офицер австро-венгерской армии, воевавший против русских, что судьба занесет его далеко на Север? Попав в плен в 1916 году, Мандельбаум во время Октябрьского переворота возглавил один из отрядов Красной гвардии. Лето 1918 года провел в боях на Волге и Каме против белочехов, тоже бывших военнопленных.

По описаниям очевидцев, Мандельбаум был высокого роста, худощавый, с небольшой черной бородкой. «Обличьем производил впечатление строгого военного человека, ходил в серо-зеленой английской шинели, френче, тоже чужого покроя, и галифе с кожей на сидячем месте и коленках».

На пароходе «Доброжелатель» Мандельбаум во главе небольшого отряда (десять-двенадцать латышей, венгров, немцев) отправился на Печору с заданием перейти Уральские горы, захватить Ляпино, а при возможности и весь бассейн Оби. На вооружении экспедиции кроме винтовок имелись скорострельная пушка 37-миллиметрового калибра и станковый пулемет. В первый же день пути на берегу деревни Озел Мандельбаум расстрелял своих первых жертв – трех женщин, причем одной из них было всего семнадцать лет. Поводом для расстрела послужил их отказ выдать лошадей для отряда.

В Троице-Стефановском Ульяновском монастыре Мандельбаум потребовал оказать помощь, «...подчеркнув необыкновенно трудные условия военной экспедиции, не имевшей времени подготовить и взять с собой все необходимое для похода в далекие глухие чащобы Севера». После отказа настоятеля монастыря добровольно «помочь» красным Мандельбаум приказал произвести обыск. У монахов конфисковали свыше 40 тысяч рублей, двух коров, трех лошадей, десять пар обуви, пуд масла, хлеб, церковное вино, перины и подушки.

Имевшие дело с Мандельбаумом профессиональные военные считали, что «он не знал никаких правильных понятий о военных действиях». Мнения о Мандельбауме среди рядовых красноармейцев, воевавших с ним, расходятся. Одни: «Мандельбаум был бездарным человеком и большим трусом. Личный состав его очень не уважал, не говоря уже о местном населении. Метод разговора — плеть и угроза расстрелом. Из трусости он носил с собой два нагана и три бомбы». Другие: «Мандельбаум в наших глазах был таким же авторитетом, как Чапаев пред своими бойцами». Третьи: «Подплывая на своем пароходе к селу, сперва обстреливал его из пушки, а потом уже высаживался на берег. Он так рассуждал: снаряд сам должен найти кулаков и отличить их от бедняков, а ему, Мандельбауму, до этого дела нет, так как все русские — свиньи».

Добравшись до Усть-Шугора, Мандельбаум сделался единовластным «хозяином» огромного таежного края. Но тогда он в Ляпино не попал — вызвали в Москву в Реввоенсовет республики, где его встречали как «героя Печорской экспедиции». Вот почему вместо него в Ляпино отправились его помощники Андрианов и Исаков.

Обласканный самим председателем РВСР Троцким, Мандельбаум вернулся в уже захваченное красными Ляпино, и его возвращение совпало с наступлением белых.

В декабре 1918 года Сибирская армия Колчака предприняла мощный натиск на противника — красная 3-я армия была разгромлена. Белые захватили Пермь и двинулись на Глазов и Вятку.

В Зауралье, в районе Ляпино — Березов, колчаковцы сконцентрировали батальон князя Вяземского примерно в четыреста штыков. Для транспортных нужд мобилизовали пятьдесят ханты с оленьими упряжками.

20 декабря 1918 года белые атаковали на оленях красную заставу в деревне Щекурье и почти полностью ее уничтожили. Троице красноармейцам удалось вырваться из окружения и бежать в Ляпино к Мандельбауму. «Герой Печорской экспедиции» планировал наступать на Березов. Захват противником Щекурья и Мункежских юрт (в сторону

Ивделя) расстроил его планы. Он приказал Давыдову с конным отрядом в шестнадцать всадников осмотреть горный проход между Щекурью и Ляпино, а Зарубину с главными силами провести разведку боем на реке Сычве у Мункежских юрт. В горах Давыдов попал в засаду и был убит «охотниками за черепами». Вернувшийся 22 декабря из разведрейда Зарубин выбил белых из Щекурьи, захватив в числе трофеев 28 винтовок, 10 дробовиков, 50 пар лыж, 50 оленьих нарт и 150 оленей с упряжью. Попавшие в плен шестнадцать белогвардейцев по приказу Мандельбаума были расстреляны. А сам «хозяин Печорского края» покинул Ляпино, забрав с собой пушку, которой дорожил больше, чем солдатами.

26 декабря, получив известие о боях за Ляпино и чувствуя надвигающуюся катастрофу на Печоре, член Реввоенсовета красной 6-й армии Орехов написал письмо Ленину, в котором просил о помощи. Вот это письмо с характерным подчеркиванием Ленина: «Положение фронта нашей VI армии сугубо неприятное; отступление III армии еще более ухудшает. В северо-восточной части нашей армии, т.е. в Печорском крае, уже за последнее время появились чехословаки под командой князя Вяземского, стремящегося к воссоединению Урала с Архангельском. Помешать же этому воссоединению мы абсолютно не можем... И если нам своевременно не дадут сил, то через несколько времени мы будем иметь перед собой сплошной фронт противника: Архангельск — Пермь — Урал и т.д.». Резолюция Ленина на письме: «Реввоенсовету для принятия мер ЭКСТРЕННО».

Красные спешили с вывозкой ляпинского хлеба. Для руководства этой операцией, а также для ревизии печорских отрядов Мандельбаум штаб красной 6-й армии направил бывшего унтер-офицера Комиссарова, который доложил: «...Печорские отряды терпят всевозможные бедствия в смысле вооружения, снаряжения и продовольствия: табаком, чаем, сахаром. Нет хороших инструкторов, которые могли бы вести операции. Отчетности нет никакой: раздавались авансы в 30 тысяч рублей, но ни один оправдательный документ никуда не годится. Жители края находятся в ужасном состоянии. Во многом я вижу вину Мандельбаума, не умевшего поставить дело в крае и только пугавшего жителей битьем физиономий, не платившего красноармейцам ни копейки, так же, как и крестьянам за провоз хлеба и грузов».

Куда в таком случае исчезло награбленное Мандельбаумом золото, серебро и другие ценности: только в Усть-Цильме в уездном казначействе он захватил полмиллиона рублей? А где несколько сот тысяч рублей, дорогое снаряжение и технические средства, полученные им в Москве от Реввоенсовета?

В январе 1919 года командир Северной группы Сибирской белой армии полковник Казагранди усилил в Ивделе, что на реке Лозьве, батальон князя Вяземского ротой чехословаков в 134 штыка.

Березов, опасаясь наступления Мандельбаума, слал отчаянные телеграммы в Тобольск. В вышедшей в Тобольске газете «Сибирский листок» от 8 ноября 1918 года было опубликовано сообщение губернского комиссара Василия Пигнатти: «За последние дни в Тобольске стали циркулировать слухи о появлении в Березовском уезде отряда красногвардейцев, о занятии ими Обдорска и приближении его к Березову. Сообщая, что... в Березовском уезде на расстоянии приблизительно 900 верст от Обдорска появилась с Урала шайка красногвардейцев, имеющая целью не выполнение какого-либо стратегического плана, а исключительно захват запасов казенного хлеба, находящегося от Обдорска также на весьма далеком расстоянии. Необходимые для ликвидации деятельности этой шайки меры приняты и несомненно с успехом будут осуществлены...»

По указанию Колчака в Тюмени был сформирован Северный экспедиционный отряд, который возглавил подпоручик Лушников. 17 декабря часть этого отряда вышла из Тобольска на Север. В конце месяца им вослед в малицах, с нашитыми на них погонами, отправились добровольцы из гимназистов под командованием подпоручика Туркова. Отряды соединились в селе Самаровском и через Березово добрались до села Сартынского. По описанию очевидца, «...это село расположено на левом берегу Сосьвы, большей частью на увале до 2—3 саженьей высотой. Жилых домов (есть приличные) — до 30. Есть церковь, волостное правление, училище, хлебозапасный магазин, пороховой погреб, аптека. Церковь и школа — новые, крепкие здания, крытые железом. Кругом села преобладает хвойный лес...»

Разместившись в «приличных» домах, Лушников и Турков дождались князя Вяземского (объединенные силы стали насчитывать более шестисот штыков) и в ночь на 16 января 1919 года атаковали Ляпино. Предварительно село подверглось обстрелу из бомбометов, а засланные в тыл обороны разведчики забросали штаб красных ручными гранатами. Возникла паника. Отряд Зарубина разбежался, потеряв в этом бою около шестидесяти человек. С криками «Ура!» белые вошли в Ляпино. Бежавшие из села красные собрались в Щекурье. Зарубин принял решение отступить в Усть-Шугор, на Печору. Стоял лютый мороз. Большинство ляпинских красноармейцев были одеты легко, и во время 200-километрового отхода по Сибиряковскому тракту пятнадцать человек замерзли насмерть. Потери белых составляли шесть убитых и двенадцать раненых. Погибших перенаправили в Тобольск и похоронили.

Среди них был Урсий Марсин, руководитель тобольской организации еврейской молодежи «Геховер».

В «Сибирском листке» от 26 января 1919 года начальник гарнизона Тобольска полковник Ермолаев сообщил: «Нашим славным Северным отрядом под командой подпоручика Лушникова после пятидневного сражения с боем взято село Саранпауль. Все находившиеся там красноармейцы, свыше 200 человек, уничтожены, все вооружение красных и обоз в 60 лошадей нами захвачены...»

21 января остатки отряда Зарубина появились в Усть-Шугоре, вызвав там переполох известием о наступлении белых из-за Урала. Мандельбаум приказал завалить лесом Сибиряковский тракт между местечками Катя Ель и Миша Бичевник (30 километров!). Напрасно бойцы убеждали «героя Печорской экспедиции» в бесполезности этой идеи зимой, ибо противник мог подойти к Усть-Шугору не только по дороге, но и по замерзшей реке. Упрямый Мандельбаум, размахивая наганом и бомбой, заставил красноармейцев в течение восьми дней завалить тракт деревьями. Хлебные запасы в Ляпино достались колчаковцам. Этот хлеб сыграл потом главную роль при сокрытии реликвий и ценностей Сибирского белого движения.

После взятия Перми в декабре 1918 года Северная группа войск Сибирской армии Колчака двигалась в северо-западном направлении, планируя соединиться с войсками Архангельской белой армии в районе Усть-Сысольска и по Печоре. На территории Соликамского и Чердынского уездов Пермской губернии оперировали части генерал-лейтенанта Пепеляева, в частности 25-й Тобольский стрелковый полк под командованием полковника Бордзиловского.

12 января 1919 года командующий Печорским краем Мандельбаум получил приказ № 02 из штаба красной 6-й армии: «Продолжить оборону края, обратив особое внимание на Чердынское направление».

В распоряжении Мандельбаума скопились значительные ценности: в Троицко-Печорске зимовал Печорский речной флот (восемь пароходов, паровые катера, баржи, буксиры), торговые склады и амбары были заполнены ляпинским хлебом. Здесь же находились эвакуированное чердынское уездное казначейство и грузы пушной экспедиции Уральской области.

Под угрозой колчаковского вторжения красные решили вывезти на Вычегду хлеб и демонтированные двигатели пароходов. В конце января 1919 года в Троицко-Печорск прибыли до восьмисот подвод, на которых начался вывоз хлеба. Местные жители всячески препятствовали хлебной эвакуации, нередко нагружая сани всяким хламом. Так созрел

антибольшевистский заговор, который возглавил... председатель местной ячейки РКП(б) И. Ф. Мельников.

Днем 4 февраля в Троицко-Печорске состоялся митинг протеста по случаю убийства в Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а вечером вспыхнуло восстание. Большая часть гарнизона примкнула к повстанцам, которые без потерь овладели селом.

Очевидцы так писали про восстание в Троицко-Печорске: «...За одну ночь мятежники арестовали около 120–200 человек. Большинство из них были помещены в холодные амбары при 35–40-градусном морозе, а затем после истязаний расстреляны. В числе погибших от рук мятежников — десятки беженцев из Чердыни... начальник Уральской продовольственной экспедиции Морозов и другие. Около 600 возчиков с подводами, следовавшие из вычегодских и сысольских волостей за лямпинским хлебом, оказались в белогвардейском плену...»

О массовых расстрелах на Печоре командующий Северным фронтом белых Марушевский писал: «В этих глухих местах между Усть-Цильмой и примерно Чердынью революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов между отдельными деревнями и поселками. На почве одичалости и грубых нравов местного населения борьба эта сопровождалась приемами доисторической эпохи. Одна часть населения зверски истребляла другую. Проруби на глубокой Печоре были завалены трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды. Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый, было почти невозможно. Отравленные ядом безначалия, группы этих людей дрались каждая против каждой, являя картины полной анархии в богатом и спокойном когда-то крае».

Почему люди превращались в зверей? Только из-за тяжелых природно-климатических условий Севера? Но крестьянские восстания клочкотали тогда в России повсеместно — на холодном севере и на знойном юге. При южном плодородии взаимное озверение сторон было таким же свирепым, как и в таежных дебрях. Сама мысль остаться без хлеба и другого пропитания приводила нормальных крестьян в ужас и заставляла хвататься за ружья, за вилы...

7 февраля 1919 года в Троицко-Печорск под колокольный звон вступила полурота колчаковцев из состава 25-го Тобольского стрелкового полка. Все население села высыпало встречать сибиряков. Местный учитель и бывший большевик А. С. Федоров преподнес белым хлеб-соль.

Между тем в Усть-Шугоре Мандельбаум сдал командование красными отрядами Комиссарову и Зарубину, а сам выехал через Ижму в Усть-

Сысольск, а оттуда в Котлас. Там он заявил, что для наступления на Троицко-Печорск и повторный захват ляпинского хлеба ему необходимы два аэроплана, четыре грузовика, два легковых автомобиля, 3 тысячи гранат, 20 тысяч патронов к станковым пулеметам «Максим», сто кавалерийских седел и столько же сабель, артиллерийские орудия системы «Маклин», двадцать телефонов и триста верст телефонного кабеля. С получением всего этого вооружения и снаряжения Мандельбаум брался за организацию контрудара по верховьям Печоры и похода за Урал — на Ляпино и Березов.

Идея похода за ляпинским хлебом и соединения с сибирскими белыми войсками не оставляла и полковника Шапошникова, произведенного в генерал-майоры. В начале марта 1919 года он запросил командование Архангельской белой армии о присылке в его распоряжение аэропланов «для разведывательных полетов на Ляпино и дальше на Березов». Из Архангельска в штаб Шапошникова приехал военный летчик поручик Толстой с несколькими авиационными мотористами и летательными аппаратами.

Оставшийся в Усть-Шугоре Зарубин 19 февраля приказал готовиться к наступлению на Подречье. По воспоминаниям бойцов, вечером накануне похода Зарубин был весел, жонглировал шашкой, говорил: «Бились мы с немцами, выдерживали газовые и танковые атаки, а с этими гадами, печорскими купцами, подавно справимся. Нам ли перед этими насекомыми трусить?»

На следующий день Зарубин с отрядом в 55 штыков выступил на Подречье, оставив для защиты Усть-Шугора штабные команды и взвод красноармейцев Мезенцева в 12 человек.

Но как только отряд с обозом вышел из села, мятежники устроили ему засаду. Навстречу красным был выслан под видом дровосека лазутчик, который сообщил Зарубину, что белых в Подречье нет. Отряд безбоязненно стал втягиваться в село. Вдруг зазвонил колокол, и началась бешеная стрельба со всех сторон. Красные заметались. Их пулемет молчал — накануне весь спирт из его кожухов был выпит (его заливали туда на морозе вместо воды). Бомбометчики растерялись, и граната взорвалась в стволе бомбомета. Зарубин бросился в атаку, крикнув: «Возврата в Шугор нет! В плен не сдаваться!» Пуля угодила ему в лоб. Остатки красного отряда, отстреливаясь, отошли к лесу и скрылись. В этом бою погиб 31 красноармеец, мятежники потеряли двоих.

Получив известие о разгроме отряда Зарубина, Мезенцев приказал оставить Шугорье и отступить в Ижму. 3 марта белые вступили в Усть-Шугор, расстреляли оставшихся там советских работников, за-

ставили местных крестьян расчистить от лесных завалов Сибиряковский тракт и выслали разведку в Ляпино.

6 марта Архангельск известил Шапошникова, что на Печору отправлен экспедиционный отряд из «...130 отборных офицеров и солдат русской и союзной армии для дальнейшего следования в Сибирь. Цель отряда — связаться с войсками князя Вяземского и перебросить через Урал ляпинский хлеб для сплава его весной».

Находившиеся в районе Ижмы советские отряды под командованием Комиссарова получили 19 марта наименование Ижмо-Печорского полка. Но через десять дней в Ижму явился Мандельбаум, сместил Комиссарова с командования полком и издал приказ об эвакуации из Печорского края: «Товарищи, время для нас ценно, и мы надеемся, что победы на всемирном фронте настолько значительны, что наш уход является временным по чисто военным соображениям... В гражданской войне, где масса еще не сознала своего долга, является врагом для строя советской власти. Ввиду этого, товарищи, те, которые знают свой долг, должны смотреть за тем, чтобы никто по пути следования не обижал бедняков, чтобы у них было доверие. Когда мы вернемся, пусть они знают, что мы были их защитниками и отстаивали их интересы, их несознательность, брошенных на далекий север, ввиду создавшегося продовольственного кризиса заставляет нас уходить. Пусть не гаснет в сердцах ваших пламя революции и ответит на каждое нападение своему врагу сознательно и бодро» (стиль и орфография документа сохранены. — А. П.)¹⁷.

30 марта 1919 года Ижмо-Печорский полк начал отступление. У населения было реквизировано 3 тысячи подвод (!). Огромный обоз вез полковое имущество, продовольствие и награбленные у печорцев вещи. очевидец вспоминал: «Когда Мандельбаум отступал под напором белых, за ним шло множество подвод, нагруженных великолепными малицами, совиками, пимами, шелковыми и бархатными одеждами, швейными машинками, граммофонами, никелевыми самоварами и прочими предметами роскоши и цивилизации, проникшими в этот почти первобытный край».

Документы некогда секретного фонда 1316 Национального архива Республики Коми свидетельствуют: не было на Печоре ни одной деревни, где бы красноармейцы не произвели реквизиций и конфискаций, а попросту грабежа в свою пользу. У населения забиралось все — начиная от ложек и вилок, кончая коврами и лошадьми. Непокорных расстреливали. Вышестоящие военные и партийные власти прекрасно знали о творив-

¹⁷ Призваны революцией. О борьбе за Советскую власть в Коми АССР: сборник документов. Сыктывкар, 1987. С. 145—147.

мых Мандельбаумом беззакониях, о том, что «его армия деморализована и вместо сознательной революционной борьбы занимается бесчинствами, доходящими до открытого грабежа мирного населения». Мандельбаум, «имея при себе молодую и красивую жену, кое-что открыто отбирал для нее, пользуясь своим служебным положением».

1 мая Мандельбаума арестовали. «По приезде в Усть-Усольск его заключили под стражу. Обыск и опись производили сотрудники политотдела в присутствии жены. Найдена масса золота царской чеканки и разных изделий из золота. Кроме того, большое количество шелковых тканей и дорогих мехов...»

Однако «когда Мандельбаума арестовали, то красноармейцы стали требовать, чтобы его освободили и чтобы он продолжал быть командиром». Некоторые его защитники предлагали уже тогда назвать именем Мандельбаума «улицы в наших городах и селах» (что и было потом сделано. — А. П.).

Эти и другие похожие отзывы о «герое Печорской экспедиции» Мандельбауме свидетельствуют, что он и подобные ему красные командиры своими действиями выражали настроения немалой части обнищавшего и озлобленного населения. И сейчас, по прошествии почти ста лет, есть люди, которые считают, что в условиях гражданской войны (оказания интернациональной помощи, восстановления конституционного порядка, принуждения к миру, антитеррористических операций) можно и нужно действовать так, как действовал Мандельбаум. Не считаясь ни с законом, ни с моралью.

Мандельбаума под конвоем этапировали в Вологду. Его дело в ноябре 1919 года рассмотрел ревтрибунал Западного фронта (Северный фронт был уже ликвидирован). Учитывая постановление ВЦИК об амнистии ко второй годовщине Октябрьской революции и плохое владение русским языком, Мандельбаума приговорили к пяти годам тюремного заключения (условно).

Он остался на военной службе, был агитатором-организатором политотдела Запасной армии в Казани. В 1920 году назначен комиссаром 132-го полка 15-й стрелковой дивизии на Южном фронте — воевал на знаменитом Каховском плацдарме, затем в Северной Таврии, участвовал в переходе через Сиваш и взятии Турецкого вала, в захвате Ишуньских укреплений, а потом и всего Крыма.

Сослуживцы по полку рассказывали, что Мандельбаум «был комиссаром смелым, боевым, очень неплохим организатором... Не любил нытиков, просто презирал любителей выпить» и, что особенно примечательно, «вел очень крепкую борьбу против всякого вида мародерства».

Как «самого преданного делу революции», Политуправление Красной армии направило Мандельбаума 25 декабря 1920 года «в распоряжение ЦК РКП(б)». Есть данные, что он использовался в подпольной революционной работе в Австрии и Германии и дожил до 70-х годов XX века.

Между тем историки задаются вопросом: почему при благоприятном для белых развитии событий в Печорском уезде князь Вяземский, укрепившийся в Ляпино, не подавал признаков жизни и ни разу не атаковал красный Усть-Шугор со стороны Березовского уезда? Неужели его останавливал 30-километровый лесной завал на Сибиряковском тракте (его можно было бы обойти) или пугала красноармейская застава в 26 штыков в местечке Катя Ель?

Есть мнение, что князь Вяземский серьезно увлекся... 30-летней женой тобольского пароходчика Голева-Лебедева, по описаниям очевидцев, «женщиной невиданной красоты и очарования». Она сопровождала мужа в «хлебном» рейсе до Обдорска (там у них был дом), но зимовали они в селе Сартыньском, где тоже имелся собственный «приличный» дом. В этом доме в компании красавицы и проводил время князь Вяземский после разгрома красных в Ляпино. Только через два месяца он вырвался из жарких объятий тобольчанки, чтобы официально засвидетельствовать соединение Северного и Восточного фронтов белых – единственный подобного рода случай в истории Гражданской войны в России.

24 марта 1919 года в Усть-Цильме прошли переговоры между генерал-майором Шапошниковым, князем Вяземским, представителем Временного правительства Северной области Романовым и союзными офицерами. Решили, что верхнепечорские волости подпадают под юрисдикцию Омского правительства. Архангельская и Сибирская армии на уровне от командующих до командиров полков обменялись приветственными телеграммами и поздравлениями по случаю встречи фронтов.

4 апреля в адрес Шапошникова пришла телеграмма начальника Северного отряда Сибирской армии и командира 25-го Тобольского полка полковника Бордзиловского: «Я, офицеры и стрелки... просим принять наши поздравления по случаю соединения сибирских войск с архангельцами для совместной борьбы для блага нашей дорогой Родины – России». Офицерский состав этого полка отправил в редакцию архангельской газеты «Вестник Временного правительства» приветствие северным защитникам Белого дела «с пожеланиями боевых успехов, скорого свидания и возможности крепкого рукопожатия у Кремлевских ворот». Командир 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-лейтенант Пепеляев направил в Усть-Цильму телеграмму: «Генералу Шапошникову,

Приветствую Вас, Ваше превосходительство, и Ваши храбрые части, борющиеся за воссоздание нашей великой Родины. Сибиряки шлют сердечный привет архангельцам». Командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант Гайда в своей телеграмме на имя Марушевского писал: «Все офицеры и солдаты Сибирской армии рады, что Сибирская армия имела возможность первой установить братское общение с доблестными отрядами архангельских войск». Командующий Северным фронтом белых Марушевский — в ответ: «Приветствую в Вашем лице доблестных братьев — сибирцев. В успехе не сомневаюсь. Прошу верить моему горячему желанию вести работу не только в связи, но и с полным подчинением наших операций операциям сибиряков».

В обстановке такого ликования князь Вяземский возвратился в Сартыньское к своей подруге. Пока он пребывал в любовных утехах, его бойцы «...распродавали свою военную добычу — награбленные большевиками у местных жителей вещи: зырянские сарафаны, швейные машины и прочее. Передавали, что сестра милосердия из белого отряда стянула на земской квартире двух соболей, которые позже у ней были, однако, отобраны».

С началом весенней распутицы полковник Бордзиловский запросил у Архангельска под хлебный поход в Ляпино значительное вооружение: «Автомобили на тракт Усть-Шугор желательно иметь типа танк... орудия, бомбометы, медикаменты, 50 дюжин фотографических пластинок...» В июне 1919 года из Архангельска в Усть-Цильму прибыл первый «малый» транспорт с оружием для колчаковцев.

15 апреля Временное правительство Северной области признало власть Верховного правителя России Колчака. В Омск была делегирована депутация князя И. А. Куракина для представительства. В составе делегации ехали генерал-майор Кислицын, барон Тизенгаузен и... князь Вяземский (за новым назначением).

Усть-Цильма стала важной перевалочной базой на пути из Архангельска в Омск и обратно. Весной и летом 1919 года через этот центр Печорского уезда проехало множество самых различных делегаций и воинских частей на Северный и Восточный фронты. В Усть-Цильме был устроен обменный пункт северных и сибирских денег (временные белогвардейские правительства выпускали собственные деньги).

В конце июля на лесозаводе «Стелла Полларс» в низовьях Печоры разместились Британская миссия (или английская база) со значительным количеством интендантского имущества. Миссия поставляла белогвардейцам обмундирование, продовольствие, медикаменты и оружие, включая автомобили «типа танк».

При Омском правительстве был создан Комитет Северного морского пути, в состав которого вошли опытные моряки-полярники во главе с генерал-майором корпуса гидрографов А. В. Поповым. Начальником речного каравана судов Карской экспедиции был назначен полковник Д. Ф. Котельников (впоследствии известный советский географ и гидрограф — его именем назван остров в Карском море).

В июле из Омска через Тобольск и Березово на паровой шхуне «Мария» экспедиция отправилась в Обдорск для обследования фарватера в Обской губе и изыскания удобного места для перевалки грузов с морских судов на речные. 28 августа ученые прибыли в бухту Находка (на западном побережье Обской губы) и оценили ее как вполне удобную для организации перегрузочных работ.

Вторая и основная часть Карской экспедиции снаряжалась в Архангельске. Морской караван судов (около десяти единиц) возглавил выдающийся полярный исследователь капитан 1-го ранга Б. А. Вилькицкий. Кроме 100 тысяч пудов различных военных грузов к Колчаку отправили трех генералов и около ста офицеров. Армия Колчака всегда испытывала недостаток в офицерских кадрах, в то время как в Архангельске скопилось много офицеров и даже генералов, для которых не хватало вакансий в войсках Северного фронта. Военный диктатор Северной области генерал-лейтенант Миллер писал: «Сибирская армия переживает кризис вследствие недостатка кадров, оружия, обмундирования и всякого снабжения техническими средствами. Единственная возможность быстро доставлять в Сибирь все необходимое — это переслать с полярной экспедицией».

Среди откомандированных в Сибирь офицеров находилась поручик Мария Бочкарева. После Февральской революции 1917 года ее имя гремело в России.

На допросе в апреле 1920 года в особом отделе ВЧК при красной 5-й армии в Красноярске она рассказала о своей жизни и военной службе: «...27 июня 1917 года в Петрограде в Исаакиевском соборе главнокомандующий генерал Корнилов в присутствии Керенского и других членов Временного правительства вручил мне знамя женского ударного батальона смерти и произвел меня в прапорщики. 1 июля 1917 года после молебна я со своим батальоном отправилась на фронт в Молодечно, где нас прикомандировали к 1-му Сибирскому корпусу... После неудачных боев на фронте мой женский батальон вместе с юнкерами защищал в Петрограде Зимний дворец...»

Потом она возвратилась на родину, в Томск, к мужу, но не выдержала забвения и провинциальной обыденности, выехала через Владиво-

сток в США, где ее встречали как героиню мировой войны восторженные американцы и их президент Вильсон. В Англии ее принял король. Бочкарева вновь почувствовала себя спасительницей России: «...большевики я считала своими врагами и врагами Родины». Так новоявленная Жанна д'Арк оказалась в Архангельске.

Командующий Северным фронтом генерал-лейтенант Марушевский вспоминал: «Г-жа Бочкарева явилась ко мне в офицерских погонах и в форме кавказского образца. Ее сопровождал рослый бравый офицер, которого она представила мне как адъютанта. Нечего и говорить, что результатом этого визита был мой приказ о немедленном снятии военной формы с этой женщины и о назначении ее адъютанта в одну из рот в Пинече».

Неизвестно, подчинился ли этому приказу «рослый бравый офицер-адъютант», но Бочкарева, судя по ее показаниям, в июле 1919 года узнала из газет, что в Сибирь собирается экспедиция: «Она доставит для армии Колчака пулеметы, снаряды, обмундирование. Капитан экспедиции — морской офицер Савицкий (так в протоколе допроса. — А. П.). 10 августа 1919 года я с экспедицией капитана Савицкого покинула Архангельск на пароходе «Колгуев», помимо которого было еще семь пароходов. До устья Оби я пробыла в пути месяц с тремя днями. На устье Оби прошла выгрузка из пароходов экспедиции Савицкого на баржи полковника Котельникова оружия, обмундирования и снарядов. Здесь я пробыла две недели. Потом отправилась с экспедицией Котельникова на Тобольск. Когда экспедиция прибыла в город Березов, Котельников получил телеграмму, что Тобольск взят советскими войсками. Котельникову было приказано половину экспедиции направить в Красноярск и половину — на Томск. Я поплыла на Томск. Прожила в Томске неделю и поехала в Омск. Там 10 ноября встретила Колчака. Колчак предложил мне сформировать добровольческий женский санитарный отряд. Дал распоряжение выдать на формирование отряда 200 тыс. рублей. На довольствие мой отряд был зачислен к добровольческой дружине Святого Креста и Зеленого знамени¹⁸.

14 ноября я на подводах поехала в Новониколаевск. Потом вернулась в Томск. Когда в Томск пришла советская власть, я явилась к коменданту, сдала ему револьвер и сказала, кто я и что делала у белых. На Рождество в 2 часа ночи я была арестована, посажена в томскую тюрьму, позже меня перевели в Красноярск... От Николая II мной получено

¹⁸ В дружины Святого Креста принимались православные, мусульмане, католики и лица, исповедовавшие другие религии. У крестоносных дружин было зеленое знамя с крестом посередине и надписью: «За Веру, за Отечество», у дружинников-мусульман на рукавах были зеленые нашивки с изображением белого полумесяца.

за боевое отличие 4 степеней Георгиевские кресты и три медали: две серебряные и золотая “За усердие”. За формирование женского ударного батальона смерти 1917 года была произведена в прапорщики, позже — за боевое отличие на фронте — в подпоручики, а за оборону боевого участка на фронте — в поручики...»

Морская и речная «экскурсия» закончилась для нее резолюцией чекистов Павлуновского и Шимановского: «Бочкареву Марию Леонтьевну расстрелять. 15 мая 1920 года».

На речных судах Котельникова в устье Оби было доставлено около 500 тысяч пудов хлеба урожая 1919 года. Сюда же с уральских заводов привезли 28 тысяч пудов меди. Все это перегрузили на морские суда для доставки в Англию: оружие и амуницию Антанта поставляла сибирской контрреволюции не бесплатно.

Разгрузка судов в бухте Находка проходила медленно. Погода портилась. Англичане нервничали. Сообщения об активизации красных войск на Тобольском направлении ускорили перегрузочный процесс. 20 сентября речной караван отправился вверх по Оби. Морские суда повернули обратно в Архангельск и благополучно прибыли туда уже 28 сентября. 21 октября Котельников доложил Колчаку о завершении экспедиции. Но часть речных судов из-за раннего ледостава и эвакуационной неразберихи застряла на Оби возле села Тундрино Сургутского уезда и была разграблена красными партизанами.

Главным транспортным средством на севере оставалась лошадь с подводой. После соединения белых фронтов из Усть-Цильмы за Урал был отправлен огромный обоз из 527 подвод за ляпинским хлебом. 10 апреля 1919 года Печорская уездная земская управа телеграфировала в Омск (уезд перешел в его подчинение): «В Печорском уезде хлеба совсем нет... От голода умерли сотни человек. Ели кошек, собак... Ляпинский хлеб — единственная надежда. Просим не препятствовать в отпуске хлеба на Печору...»

30 апреля из Ляпино доносили, что из 527 подвод до места назначения доехали только около 200, поскольку «дожди испортили шугорскую дорогу». На Печору белые доставили лишь 3 тысячи пудов ляпинской пшеницы. Для размола этого зерна в Усть-Шугоре на средства печорского земства построили мельницу.

Тогда же Печора обратилась за помощью в Архангельск и получила на пароходах около 250 тысяч пудов муки. Но голод продолжался. Поэтому ждали первых холодов, чтобы продолжить доставку хлеба из Ляпино.

Однако в мае 1919 года красная 3-я армия, получив значительное пополнение, начала контрнаступление на Восточном фронте. Колча-

ковцы сумели взять город Глазов, но это был их последний успех на Северо-Западном направлении. Сибирская белая армия стала отходить за Урал. Находившийся в Троицко-Печорске Отдельный Сибирский Печорский полк белых получил приказ эвакуироваться по Сибиряковскому тракту в Ляпино. 4 июля командир этого полка капитан Атавин сообщил генерал-майору Шапошникову: «Вследствие создавшейся обстановки на фронте мне с полком приказано выступить из Троицкого через Ляпино на соединение с Северным отрядом. Начальник Северного отряда приказал вам продолжать получение боевых запасов в Архангельске, организовав доставку грузов морским путем через Обь и на оленях в Обдорск».

Как вспоминали современники, уход колчаковцев из Печорского уезда был «совершенно внезапным». 6 июля Шапошников информировал Архангельск: «Причины отхода полка неизвестны». 11 июля архангельское командование ответило: «Передайте, не медля ни минуты, капитану Атавину, что удержание им района Щугор — Ляпино крайне необходимо». Но попытки удержать колчаковцев не увенчались успехом, и их позиции заняли части архангельской армии.

Эти события совпали с началом эвакуации войск Антанты с севера России. Планировалось уже к октябрю вывести в Европу все военное имущество и живую силу, в том числе и Северную добровольческую армию. 2 августа 1919 года генерал Миллер телеграммой на имя генерала Н. Н. Юденича делился планами продолжения борьбы с большевиками на Севере после ухода союзников: «По малочисленности и нравственному состоянию войск после ухода англичан держать нынешний фронт не представляется возможным: с потерей веры солдат в то, что мы сильнее большевиков и что своими силами можем хотя бы отстоять ныне занимаемую территорию, сразу возникает большое дезертирство для непосредственного спасения своего деревенского имущества. Перед правительством дилемма: или оставаться с офицерством и оставшимися верными долгу солдатами до крайнего истощения, в конце концов, в самом Архангельске, или заблаговременно отказаться от борьбы с большевиками в Северной области и перевести весь офицерский, до 9000 человек, и здоровый солдатский элемент, а также военное имущество на другой фронт, к Деникину, или даже, может быть, в Сибирь. Что выгоднее в общих целях? Я полагаю, если есть твердая уверенность, что власть большевиков будет сломлена до наступления зимы наступлением вашим, адмирала Колчака и Деникина и вследствие внутреннего разложения, то нам нужно оставаться здесь до последнего, дабы не дать им даром в последнюю минуту мо-

ральный успех, могущий благоприятно повлиять на действия на решающих фронтах».

Проводившееся в августе 1919 года в Архангельске земско-городское собрание высказалось за продолжение войны с большевиками на Севере, опираясь на собственные силы.

Последние корабли союзников оставили Архангельск 27 сентября 1919 года. Эвакуация войск Антанты сопровождалась массовым уничтожением военного имущества: сжигались аэропланы, портились бронепоезда и орудия, взрывались тонны зарядов и патронов. Десятки машин (в том числе «типа танк») были утоплены в реках и в море. Объясняя причины этого уничтожения, представители Антанты заявили, что не собираются вооружать Красную армию. По их мнению, падение Северной области было только вопросом времени.

К такому же выводу пришел и путешествовавший по рекам Сосьве, Ляпин, Сартынье, Манье и Щекурье натуралист и разведчик Садовников. К «экскурсии» на Сосьву его, скорее всего, подвинул председатель Тобольского губернского земского собрания Пигнатти. Наблюдатели удивлялись странной, на их взгляд, политической пассивности Пигнатти. Действительно, в истории края он известен больше как краевед и организатор музейного дела.

В «Дневнике...» Садовникова отмечено: «“Станкевич” шел в Саранпауль. В нем нам (экспедиция из четырех человек) губернским земством были предоставлены бесплатно места первого класса и провоз грузов». Значит, к финансированию «экспедиции» Пигнатти имел самое непосредственное отношение. Считавшийся социалистом, частный поверенный (адвокат) Пигнатти понимал: белым не удержать Тобольск; предстоит очередная смена власти. Военную диктатуру адмирала Колчака сменит «военный коммунизм» Ленина – Троцкого. Как говорится, хрен редьки не слаще. А у однопартийца Чайковского, председателя Временного правительства Северной области, с которым Пигнатти состоял в переписке, можно было рассчитывать на радушный прием и на престижную чиновничью должность.

Не остался в стороне от организации «экспедиции» и военный комендант Тобольска штабс-капитан Киселев. В сферу его полномочий командующий 1-й Сибирской армией генерал-лейтенант Пепеляев включил Березовский уезд. Киселев уже прикидывал маршруты речных эвакуационных потоков, и его волновала сохранность укрытых в церковных кладовых Тобольска ценностей Сибирского белого движения. Поэтому военного коменданта Тобольска и уездов интересовало состояние коммуникаций, уровень воды в реках, температура

воздуха, возможности обороны войск Архангельского правительства, настроение местного населения... В дневнике натуралиста-разведчика есть ответы на все эти вопросы.

«Пассажиров было много, — отметил Садовников, — особенно в III и II классах. С нами в первом классе ехали остяко-самоедский князь В. И. Тайшин, возвращающийся с губернского земского собрания, его толмач и Н. Кислицкий, вновь назначенный начальник березовской милиции...»

29 июня Садовников был в Самарово, а через день — в Березове: «Березов весь высыпал встречать пароход. Пришла и администрация: управляющий уездом Берянинко, Ямзин, секретарь управляющего и др. Здесь мы узнали, что пароход по причине мелководья не пойдет в Саранпауль, а дойдет лишь до Сартыньи, находящейся верстах в 250 от Саранпауля. Дальше поедем в каюках (больших крытых лодках) за паровым земским катером. В Березове — тишина, потому ли, что народ на пристани, или потому что тишина — особенность глухих городов Севера...»

Местные жители рассказали натуралисту-разведчику «...о боях белогвардейцев с красными в Саранпауле, ...что на Печоре сильный голод, мрут люди. Оставшиеся в живых постепенно переходят в Тобольскую губернию на Ляпин».

7 июля в Саранпауле сам увидел: «Много беженцев. Перед нами пришла партия человек в 50. Они много вытерпели дорогой: взявшиеся вести их проводники сбежали, оставив их на произвол судьбы. Через болота, речки и горы они на десятый день пришли в Саранпауль. Шли голодные: за Уралом, на Печоре нет хлеба; взятых ими запасов хватило ненадолго, дорогой питались пучками (травянистые растения); последние три дня голодали; дорогою встретили самоедский чум, купили у них оленей и слегка оправились от голода. В Саранпауль едва пришли, схоронив дорогою умершую от голода старуху. Часть беженцев гибла дорогою от голода; иные доходят как тени, оборванные, голодные... Отлежавшись и подкрепившись, ходят по миру Христа ради...»

Было бы странным отсутствие интереса Садовникова к запасам хранившегося в Саранпауле ляпинского хлеба. Но хитрые зыряне сообщили ему неверные сведения, увеличив более чем вдвое размеры вывезенных красными за Урал муки и зерна.

14 июля Садовников встретил отступивший из Троицко-Печорска по Сибиряковскому тракту Отдельный Сибирский Печорский полк: «Пришли лишь 200 человек, остальные зыряне не пошли и не отпускали этот отряд, состоящий исключительно из русских; зыряне были местные; они решили защищаться до последней возможности, если

сюда наступят большевики. Утром пришли и остальные из отряда, уставшие, измученные, но веселые. Шли 16 дней; недостатку в провiantе и в др., например, табаке не было. В отряде до 40 лошадей, много проводников-зырян. Мы пригласили к себе двух офицеров (Смирнов, родом из Тобольска, др. не помню), напоили чаем и угостили вином, да еще и на отряд четверть, чему все несказанно были рады. Офицеры угостили нас папиросами, дали папиросной бумаги и 1/4 хо-рошего табаку...»

Садовников умел расположить к себе собеседников: «По их сведениям, дела на фронте направляются. Приказ об отступлении им был дан уже давно, не было необходимости отступать, но приходилось повиноваться... В Березов уже послан нарочный за пароходом (отряд следовал на Березов)».

21 июня офицеры и солдаты еще ждали пароход: новые знакомства, встречи, впечатления. «Вечером заходили Канцельмахер и еще несколько офицеров – все из пулеметной команды. Разговаривали долго. В Березов поехали за пароходом помощник командира полка капитан Полуянов и прапорщик Шерман; с ними двое солдат... Отношение местного зырянского населения к отряду – чисто грабительское: дерут втридорога за всякую малость; были случаи, что за банный веник брали по рублю, молоко достают с трудом, несмотря на то, что отряд дисциплинирован, солдаты вежливы...»

Садовников не успел передать свои сведения о «затерянном мире» и его обитателях ни Пигнатти, ни Киселеву. Организаторы его «экскурсии» не предполагали, что отход колчаковцев на восток превратится в бегство.

Возвращаясь из леса, Садовников и его спутники встретили 15 августа «...на правом берегу реки Ляпин несколько семей зырян. От них узнали, что война идет с прежним ожесточением, что большевиками взяты Екатеринбург и Тюмень, а бои идут на Тоболе, что из-за Урала, из Архангельска прибыли проездом в Омск по Аранецкой дороге представители Архангельского правительства, что по Оби приостановлено пассажирское движение, пароходы мобилизованы для военной надобности, и многое другое...»

Настроение у Садовникова портилось – заметно по тональности дневниковых записей: «Насчет войны передают нерадостные вещи: говорят, что красные чуть ли не заняли уже Тобольск; говорят о необходимости опять, как и зимою, прятать имущество по лесам и спасаться самим».

В дневнике появились строки, не относящиеся ни к научной, ни к разведывательной деятельности: «Мне было тепло, несмотря

на легкую блузу и полумокрый брезентовый плащ: не догорала ли это жизнь, испуская последнюю накопившуюся в теле теплоту?»

Между тем газета «Тобольский стрелок» сообщила: «Днем 11 октября 1919 года высокий гость – Верховный правитель и Верховный главнокомандующий осмотрел г. Тобольск. В Кафедральном соборе его приветствовал преосвященный Иринарх, епископ Березовский. В своей речи он отметил, что свет должен восторжествовать над тьмою и гибель большевизма неизбежна, что наша народная армия под мудрым руководством своего Верховного вождя свергнет большевистское иго в России. Преосвященный благословил иконой Тобольской божьей матери, после чего был отслужен краткий молебен, и Верховный правитель осмотрел собор и могилу преосвященного Гермогена. Из собора он направился в покои преосвященного, а потом побывал в музее. Из музея последовал к памятнику Ермака. Верховного правителя сопровождали высшие военные лица и представитель городского самоуправления».

Через двенадцать лет на допросе в ОГПУ епископ Иринарх признался: «Когда я был епископом Тобольским и Березовским в 1919 году, в Тобольск приезжал Верховный правитель России адмирал Колчак с генералом Пепеляевым – начальником обороны – и двумя адъютантами. Они присутствовали на молебне, который я совершил с собранным духовенством у мощей Иоанна Тобольского. В конце молебна дьякон Алерский или Лопатин провозгласили “многие лета” Верховному правителю. После окончания молебна я пригласил Колчака с его сопровождающими на стакан чая. За чаем Колчак посоветовал вывезти святыни и ценности и самому уехать из Тобольска. ...Серебряную раку из-под мощей Иоанна Тобольского настоятель кафедрального собора протоирей Владимир Хлынов вывез вместе с другими святынями и ценностями по моему предложению... Первоначально я колебался, как поступить с мощами, но после опроса верующих и узнав от двух монахов из Верхотурья, что там мощи Симеона Верхотурского спрятаны на месте, а вывезена одна рака, также поступил и я. Ночью я, Иринарх, Хлынов, дьякон Лопатин и старый соборный (ныне умерший) закопали мощи Иоанна Тобольского под кафедральным собором...»

Проходивший по одному с Иринархом «поповско-повстанческому делу» №8654 56-летний В. А. Хлынов, окончивший в 1901 году духовную семинарию и служивший перед арестом настоятелем Ильинской церкви в Тюмени, подтвердил показания Иринарха, но дальше уперся: «...сопровождал святыни, среди которых были иконы Абалакской и Тобольской божьей матери, серебряно-вызолоченную раку из-под мощей Иоанна Тобольского и другие ценности, в их числе и принадлежавшие царской

семье, по рекам Иртышу и Оби на пароходе только до села Тундрино Сургутского уезда. Дальше в Сибирь отступал в отряде коменданта Тобольска Киселева, церковных святынь и ценностей в двух больших и четырех маленьких ящиках с нами уже не было, где они могут быть, не знаю...» Сколько с ним следователи ОГПУ ни бились, одно твердил: «Не знаю».

Когда 21 октября 1919 года части 51-й стрелковой дивизии Блюхера вновь заняли Тобольск, то, продвинувшись по берегу Иртыша до села Бронниково, не стали развивать дальше наступление на север и преследовать уходившие в сторону Томска белые пароходы.

В первые дни отступления погода стояла теплая и веселое настроение не покидало отступавших: на каждом пароходе и барже слышались песни, звуки пляски, гармонь. На что они надеялись? На необъятные сибирские просторы, на союзников, но больше всего на извечное русское «авось».

Через неделю картина переменилась. С наступлением заморозков одетые по-летнему солдаты стихли и стали кутаться в рогожи, одеяла, половики. Отход перемешал все тылы, централизованная система снабжения сломалась. Армия перешла на существование за счет эвакуационных запасов хлеба и масла, а также массовых бесконтрольных реквизиций у населения прибрежной полосы. Спасаясь от колчаковской мобилизации, мужчины призывного возраста скрывались в лесах.

Партизаны «затерянного мира»

В истории нашего края считалось, что оставленную на фланге и в тылу красных войск территорию Тобольского, Березовского и Сургутского уездов – задворки Гражданской войны – контролировали партизаны. Их участие в борьбе против белогвардейцев и интервентов, особенно в Восточной Сибири и Приморье, имело для большевиков решающее значение.

Организовав по собственной инициативе крупные военные отряды и даже целые армии в тылу противника, эта сила обеспечила быстрый успех Красной армии. Они помогли укрепиться советской власти на отвоеванной территории. При их поддержке были ликвидированы остатки вооруженных белогвардейских отрядов, рассеявшихся по всей Сибири, подавлены повстанческие выступления крестьян против продразверстки.

Услуги своих союзников новый режим оценил достойно: их командиры и активные участники получили боевые награды, различные привилегии и официально признавались социальной опорой власти. На местах создавались комиссии и секции бывших красногвардейцев и партизан – такие объединения имелись в Тюмени и Тобольске.

Организатором партизанского движения на Обском Севере считался Платон Ильич Лопарев. Он возглавлял тобольскую секцию красных партизан и состоял в обществе изучения края при музее Тобольского Севера, был членом правления.

В 1927-м к 10-летию Октябрьской революции на собрании культурно-исторической секции общества слушался его доклад «Революционные партизаны на Тобольском Севере в последние дни колчаковщины», а 2 апреля 1928 года – «Бандитское восстание 1921 года на Тобольском Севере».

Содержание этих докладов неизвестно. Считается, что эта документация (тринадцать дел) сгорела при пожаре в помещении секции в конце 1934 года. Этот пожар странным образом совпал с разгоном объединений бывших красногвардейцев и партизан и их последующей ликвидацией как «врагов народа».

Заигрывания властей с бывшими союзниками, численность которых в Сибири составляла десятки тысяч человек, прекратились с началом коллективизации. Коммунистам никак не удалось расколоть их, обособив «кулацкую верхушку». Этому сильно препятствовала традиционная внеклассовая спайка и бывшая боевая солидарность партизан. В некоторых округах Западной и Восточной Сибири они возглавили крестьянские восстания против насильственной коллективизации.

В 1928 году в партийной печати впервые заговорили о «плохих партизанах», потом был введен запрет на проведение партизанских съездов и конференций и объявлена «тщательная очистка низовых организаций от бывших офицеров, растратчиков и прочих».

ОГПУ насадило в основных сибирских районах тайных осведомителей и агентов и таким образом контролировало поведение бывших партизан. Местная агентура обязана была «освещать динамику экономической мощности партизанских хозяйств, политико-моральное состояние комсостава и авторитетов, отношение бывших партизан к коллективизации, а также выявлять среди них наличие организованных видов контрреволюционной деятельности и повстанческих тенденций».

Подводя итоги общесибирской оперативной разработки «Свои люди», ОГПУ указывало: «Часть лиц этих категорий, принимавшая участие в партизанском движении и впоследствии занимая те или иные ответственные посты, — позднее, вследствие их непригодности к новым условиям, а в большинстве случаев — вследствие неумения работать на советских должностях — оставшись без службы, принужде-

ны были возвращаться или к сельскому хозяйству, или в производство... Это обстоятельство послужило причиной обиженности...»

Тобольский Север не относился к выраженной партизанской территории, но справка окружного отдела НКВД легла в 1936 году в личное дело кандидата в члены ВКП(б) Лопарева.

Арест нескольких видных троцкистов: бывшего командующего Приуральским военным округом в 1921–1922 годах, «освободителя Тобольска от колчаковцев» осенью 1919 года С. В. Мрачковского и управляющего Обьрыбтрестом в Тобольске, в прошлом кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) и секретаря Московского комитета партии Н. А. Угланова – дали НКВД повод для обвинительного заключения:

«...Лопарев Платон Ильич, 1890 года рождения, уроженец с. Самарово Остяко-Вогульского округа, из семьи кулака, отец имел рыбные промыслы, применял батраков, содержал ямщину. Брат Петр – бывший урядник полиции. Дядя Хрисанф служил до революции зав. императорской библиотеки в Петербурге (умер в 1918 г.). Сам Лопарев – лжепартизан, б/ активный эсер, с 1931 по март 1937 г. работал директором Обско-Тазовской научной рыбхозстанции, состоял с 1931 г. кандидатом в члены ВКП(б), исключен в 1937 г. за связь с врагами народа Углановым и Мрачковским. В письмах к Угланову называл себя его верным солдатом. Гордился наградой от Мрачковского – карабином системы “маузер”».

Лопарев видел, как из-за «углановщины» исчезли десятки опытных обских рыбаков: К. П. Данилов, П. М. Аверин, А. М. Будницкий, А. Е. Плотников, В. С. Орлович, А. Н. Юдин, И. Ф. Филиппов, П. И. Трофимов... Знал, что из ВКП(б) исключены коммунисты, давшие ему рекомендации: В. М. Пестерников, С. А. Веселовский... В протоколе № 11 от 11 февраля 1937 года заседания бюро Тобольского райкома ВКП(б) указано: «...Веселовский Савин Алексеевич, член ВКП(б) с 1920 г., родился в 1863 г., рабочий, состоял в партии “Земля и воля” с 1879 по 1882 г., был в краснопартизанском отряде с ноября 1919 по январь 1920 г. В Красной армии – с марта 1920 по январь 1921 г. Дал рекомендацию Лопареву. На собрании первичной парторганизации Обьрыбтреста 5 февраля 1937 г. пытался замазать близкую связь Лопарева с Углановым, заявив, что “я за Лопарева готов стать к стенке”».

Как клятва борьбы с «углановщиной» звучало постановление Тобольской райпартконференции от 6 февраля 1937 года: «Партийное собрание от имени трудящихся выражает глубочайшую благодарность НКВД и его славному руководителю верному сталинцу Генеральному Комиссару Государственной Безопасности тов. Ежову, под руководством

которого был раскрыт контрреволюционный заговор троцкистов и разоблачены изменники Родины, вредители и террористы».

Лопарев каялся, давил на жалость. В автобиографии от 25 декабря 1936 года всячески подчеркивал свои революционные заслуги: «...много раз представлялся к ордену «Красное Знамя», имею сведения о приказе РВС от 1928 г. о награждении именными часами, на севере существует колхоз имени партизана Лопарева... в февральскую революцию разделил офицеров, в гражданской войне партизанил на Тобольском Севере — ликвидировал белых: колчаковцев и чайковцев... недостаточно вооруженный политграмотностью, просмотрел троцкистско-зиновьевскую группу в Обьрыбтресте...»

10 февраля 1937 года он пришел в окротдел НКВД и оставил там расписку: «При настоящем возвращаю карабин Маузера, купленный в 1922 году у Мрачковского. При предыдущей перерегистрации оружия он был мне оставлен до выяснения возможностей именя; в настоящее время в связи с тяжелыми подозрениями о моем участии в углановщине я считаю неудобным хранить карабин на дому. Вместе с ним я сдаю самодельные патроны».

Ничего не помогло. Ни заслуги, ни покаяния, ни обещания. 9 сентября 1937 года Лопарева арестовали в Тобольске, а 9 июля 1938 года расстреляли в Омске.

Следователей НКВД больше интересовал не характер отношений Лопарева с уже расстрелянными в Москве Мрачковским и Углановым, а тайна сокрытых на Тобольском Севере сокровищ Сибирского белого движения. К такому неожиданному выводу приходишь, профессионально оценивая следственное дело № 2104, хранящееся в архиве Регионального управления ФСБ по Тюменской области. Это дело изучали многие местные публицисты¹⁹.

Но их больше волновала тема беззакония, поэтому они героизировали Лопарева, правда, в отличие от ранних его биографов (А. Б. Гамбарова, И. В. Смехова, М. М. Никифорова, Б. А. Ухалея), по другим, не партийно-идеологическим мотивам.

То, что дело Лопарева фальсифицировано, ни у кого не вызывало сомнений. Меня занимало другое: почему обыски по его месту жительства в Тобольске (Ершовский переулок, 1) и в кабинете рыбхозстанции (улица Володарского, 3) были произведены 10 февраля 1937 года, то есть задолго до ареста? Сотрудник Тобольского окротдела НКВД

---

¹⁹ Гольдберг Р. С. Не склонив головы // Тюменская правда. 1988. 30 января; Он же. Платон Лопарев, коммунист // Там же. 1989. 28 июня; Патранова В. В. Был ли партизаном «красный партизан» // Новости Югры. 1992. 18 июля.

Селиванов искал не оружие — в тот день Лопарев сам сдал «купленный у Мрачковского карабин Маузера», а «переписку, относящуюся к партизанскому движению». В протоколах обысков зафиксировано изъятие «415 листов» по первому адресу и «18 штук» (?) — по второму. Да на следующий день — 11 февраля — вскрыли денежный ящик рыбхозстанции и взяли оттуда «отрезанную от календаря 1936 г. книжку с адресами неизвестных лиц и мест, принадлежащую Лопареву».

У меня нет сомнений: Селиванов и его тобольские начальники действовали по команде из Омска. В своем выводе основываюсь на приобретенной к следственному делу записке от 2 ноября 1937 года начальника Тобольского окротдела Тарасова помощнику начальника 4-го отдела (секретно-политического. — А. П.) УГБ УНКВД Омской области Пешкову: «При этом препровождаются документы, изъятые при обыске и аресте Лопарева Платона Ильича для использования на месте ведения следствия. Приложение — упомянутое». Надо думать, в Омск были отправлены все документы о партизанском движении на Тобольском Севере в 1919—1922 годах — 433 листа (!). Но зачем? Ведь Лопарев обвинялся в связях с троцкистами Углановым и Мрачковским. Тогда этого было вполне достаточно для расстрела. Важно и другое: в деле Лопарева этих документов нет, а в справке к обвинительному заключению указано: «1. Обвиняемый Лопарев П.И. содержится под стражей при Омской тюрьме с 9.9.1937 г.; 2. Личн. документы: паспорт серия ДАО № 502659 находится при след. деле в пакете, а также письмо и брошюра (адресованы Угланову. — А. П.)».

Впервые Лопарева допросили не в Тобольске, а в Омске 14 июня 1938 года (через 16 месяцев (!)) — задавали вопросы о социальном происхождении, связях с эсерами в Тобольске, относящихся к марту — июню 1918 года, характере отношений с Углановым и Мрачковским.

О своем участии в партизанском движении Лопарев показал следующее: «При занятии осенью 1918 года Колчаком Сибири я работал инструктором Обь-Иртышского союза кооператоров. Как большой глазами я в армии Колчака не служил. В 1919 году осенью я организовал партизанскую группу из семи человек своих односельчан д. Самарово, которые в течение нескольких дней, пройдя от Самарово до с. Уват (400 км), превратились в партизанский отряд. В отряде я находился с ноября 1919 по март 1920 года. Штаб отряда располагался в г. Березов — расстоянием от г. Тобольска тысячу километров на север. В марте 1920 года я из отряда ушел работать инструктором Обь-Иртышского союза кооперативов. Отряд слился с частями красных и ушел на польский фронт». Все!

Через четыре дня Лопареву объявили об окончании следствия, а 9 июля расстреляли.

Создалось впечатление, что было другое, тайное расследование прошлого Лопарева, которое, в отличие от официального, не оставило никаких документальных следов.

Но НКВД не знал о существовании воспоминаний Лопарева о Гражданской войне на Тобольском Севере. Эти воспоминания на 202 листах, датированные 1931 годом и засекреченные сразу же после ареста автора, хранятся в Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).

Очень осторожно их использовал сибирский историк М. Е. Бударин в своей монографии «Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири», изданной в 1952 году в Омске.

«Часть белых войск, — читаем, — отошла из Тобольска в глубь лесов Обского Севера, районы Самарова и Березово. Ранний ледостав 1919 года задержал на Оби несколько колчаковских частей в районе Тундрино — Нарым. В Березове и Кондинском еще свирепствовали колчаковские отряды, обреченные на гибель под ударами обских партизан и наступающих полков Красной армии. В Саранпауле осел отряд Туркова, установивший связь с белыми бандами Архангельского Севера. В первых числах ноября 1919 года крупный отряд белых под командой начальника колчаковской милиции на Обском Севере Волкова выступил из Тундрино, захватил Самарово и Реполово, надеясь провести зиму в крупных селениях.

Но коммунисты Обского Севера, активисты совдепов, бедняки-крестьяне активно создавали партизанские отряды. Сформировалась Самаровская группа — ядро партизанского движения на Обском Севере. Партизаны, руководимые коммунистами, освобождали от белых Реполово, Самарово, Белогорье...»

Бударин ни разу, по понятным причинам, не назвал Лопарева.

Еще раньше, в 1940 году, исследователь из Ленинграда А. П. Андреев составил объемный доклад «Хантэ-Мансийский (быв. Остяко-Вогульский) национальный округ Омской области к 10-летию юбилею (1930—1940 гг.)».

В исторической справке этого доклада отмечено: «В конце 1919 года партизанский отряд под руководством П. И. Лопарева захватывает с. Самарово и, продвигаясь с боями на Север, громит белогвардейский отряд Туркова, Литвинова у Белогорья, Карым-Карах и в 1920 году принуждает его к капитуляции. ...Действия партизанского отряда П. И. Лопарева совпали с действиями Красной армии. Отряд Красной армии, вступив

в с. Самарово, повел свое наступление против банды некого Волкова, которая в конце 1919 года была изгнана партизанским отрядом Лопарева в Сургут. Волков был арестован...» В тексте справки фамилия Лопарева зачеркнута синим карандашом.

Наступил 1956 год, и Клавдия Петровна Доронина, жена Лопарева, обратилась в очередной раз в Прокуратуру СССР с заявлением о реабилитации мужа.

«В 1937 году 9 сентября, — писала она, — органами НКВД в Тобольске был изъят мой муж Лопарев Платон Ильич. О его судьбе мне до настоящего времени ничего не известно. Я знаю Лопарева с 1918 года, с того времени, как стала работать акушеркой-фельдшерницей в с. Самарово — ныне Ханты-Мансийск. Лопарев работал тогда инструктором-кооператором, а на Тобольском Севере хозяйничали колчаковцы. При отступлении колчаковцев на пароходах по Иртышу из Тобольска на Томск все, кто сочувствовал Советской власти, скрывались в лесах. Когда колчаковцы очистили Самарово и его окрестности, отступив до Сургута, все скрывавшиеся, в т. ч. Лопарев, вышли из лесов. Но после установления зимнего пути отряд колчаковцев из Сургута снова двинулся на Самарово с тем, чтобы произвести расправу с теми, кто скрывался в лесах. Так как связь с Тобольском ввиду распутицы не была установлена, то по инициативе Лопарева организовался партизанский отряд, в который вступили все, кто решил вести борьбу с остатками колчаковских банд. Когда на север были командированы регулярные части Красной армии (отряд Лепехина), бойцы партизанского отряда влились в регулярные части и вместе боролись за ликвидацию колчаковщины на Тобольском Севере.

В 1921 году здесь вспыхнуло восстание. Лопарев сразу из Самарово был вызван в Тобольск, как бывший организатор борьбы с колчаковцами, для подавления восстания. Уже в Тюмени (Тобольск был оставлен советскими войсками) Лопарев собрал демобилизованных из армии северян и двинулся с этим отрядом через тайгу на Конду и в юрты Лорбат, где и происходили бои с повстанцами. После того как в боях часть банд была побита, Лопарев со своим немногочисленным отрядом двинулся через Белогорье на Самарово и здесь захватил штаб белых во главе со Сватышем (бывший адъютант генерала Гайды) и, разгромив основные силы повстанцев, захватил Самарово 9 мая 1921 года.

После ликвидации бандитизма он частично работал в хозяйственных и кооперативных организациях на Тобольском Севере.

Я в 1919 году работала медицинской сестрой в отряде. С 1920 года вступила в ряды ВКП(б) и состояла до 1937 года; в связи с арестом мужа была исключена.

Моя семья была предана Советской власти. Отец подвергался репрессиям при колчаковщине, в 1921 году был заключен повстанцами в Тобольскую тюрьму, откуда освобожден красными частями. Старший брат Доронин Ф. П. был организатором Советской власти на Тобольском Севере. Созвал в 1918 году съезд в Демьянске, который избрал краевой Совет; в то время в Тобольске у власти были контрреволюционные силы. В 1919 году брата расстреляли колчаковцы. Старшая сестра — учительница, член ВКП(б) с 1917 года, замучена колчаковцами.

Со времени ареста мужа я испытываю со стороны руководящих органов недоверие. Мои дети также многое пережили в связи с изъятием отца. Сын Лопарев Юрий погиб в 1944 году в боях за Родину.

Прошу пересмотреть дело Лопарева и снять с нашей семьи недостойное пятно врага народа. Большинство северян, знавших Лопарева, отзываются о нем как о честном гражданине».

Следственное дело Лопарева искали долго — на все запросы учетно-справочные отделы КГБ отвечали: «Сведений нет».

В августе 1956 года в Управление КГБ по Омской области было вновь направлено требование прокуратуры: «Нами разыскивается дело по обвинению Лопарева Платона Ильича, арестованного 9 сентября 1937 года в г. Тобольске. В Центральном архиве КГБ при Совете Министров СССР следственного дела на Лопарева нет и данных о его местонахождении в них не имеется...»

Разыскиваемое дело нашлось только в апреле 1957 года. Нашлось в Омске — в УКГБ. Как будто пылилось на какой-то особой чекистской полке. Не хотелось Омску отдавать Тюмени это дело. Можно было бы в очередной раз ответить на заявление Дорониной о «десяти годах заключения без права переписки», но к процессу розыска уже подключился Тюменский обком КПСС.

Приближалась 40-я годовщина Октябрьской революции. В условиях разоблачения культа личности Сталина партии потребовались забытые, пострадавшие от произвола тирана герои. Таким тогда виделся Лопарев. Поэтому без дополнительной проверки (свидетели не допрошены, архивные документы не изучены) президиум Тюменского областного суда 13 апреля 1957 года решение «тройки» УНКВД Омской области от 27 июня 1938 года в отношении Лопарева «...отменил и дело прекратил за отсутствием состава преступления». Доронина получила обманное извещение «...о смерти мужа 10 июля 1938 года от инфаркта миокарда».

Узнав о реабилитации Лопарева, заведующий партийным архивом А. Б. Гамбаров по заданию Тюменского обкома КПСС издал в феврале 1958 года в серии «Борцы за победу Великого Октября» брошюру

«П. И. Лопарев». Он был представлен как «замечательный военачальник, видный организатор и руководитель партизанского движения на Обско-Иртышском Севере». В Тюмени, Тобольске и Ханты-Мансийске его именем назвали улицы. В окружном центре возле дома, где когда-то размещалась местная рыбохозяйственная станция, установили ему памятник. Косвенные сведения в воспоминаниях Лопарева, извлеченных из спецхрана, о спрятанных в Среднем Приобье сокровищах партию не интересовали. Ее больше волновали идеологические ценности. По моему мнению, Платон Ильич Лопарев не принадлежал к сторонникам большевизма. Он не хотел воевать: ни за царя, ни за белых, ни за красных.

Мое предположение подтверждают выявленные историком из Нижневартовска В. В. Цысем в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области письма и отчеты Лопарева, относящиеся к весне 1918–1919 года, когда тот работал в Обь-Иртышском союзе кооперативов (сокращенно – Северсоюз).

После окончания в 1910 году Омского механико-технического училища Лопарев преподавал в Абатской ремесленной школе Министерства народного просвещения. Чтобы избежать призыва на военную службу, он переехал через год в родное Самарово – северян тогда в царскую армию не брали. Но эту привилегию (или ограничение в правах?) отменили в 1915 году после больших потерь русских войск на фронтах Первой мировой войны. Лопарева мобилизовали во вспомогательные части – 35-й запасной полк в Тюмени и 21-й железнодорожный батальон в Мурманске. В марте 1917 года по дороге на Кавказский фронт он дезертировал и возвратился в Тобольск, где и занялся кооперацией, а это – мясо, рыба, икра, пушнина...

В. И. Ленин объективно считал, что «сибирские крестьяне менее всего поддаются влиянию коммунизма, потому что это – самые сытые крестьяне». Кооператор Лопарев никогда не голодал. И если бы его не пытались мобилизовать в армию Колчака, то он не сбежал бы «на лодке вниз по Иртышу из Тобольска до Демьянска и Самарово» и не скрывался бы в лесах возле родного села. Назвать такую позицию «протестом против колчаковского режима» язык не поворачивается.

В своих воспоминаниях Лопарев признался: «Я выбрал такую систему укрытия – удрать на лодке километров 60–80, показаться населению, затем оказаться в Самаровском и жить где-нибудь на чердаке, совсем по соседству с колчаковской милицией. В этих случаях меньше всего ищут под носом, да и можно знать обстановку и новости. Как только карательные отряды разъезжались по окрестностям, я выходил и спокой-

но разгуливал по Самаровскому: 2–3 милиционера меня взять побаивались, зная, что я прилично вооружен...»

В последнем письме в Тобольск, в инструкторский отдел Северсоюза, относимом к лету-осени 1919 года, он отметил: «При малейшей возможности спешу сообщить о своем здравии и пока благополучии. Милостью Божией обитаю в Самаровском все время последнее. После расстрелов, порок и прямо сбрасывания в Иртыш с пароходов жизнь немного утихла, и сейчас мы начинаем показывать нос из воды и чуть-чуть дышать. Приходилось жить мудрено: просто приходится удивляться, как мя, раба божия, не сбросили в трюм и не отправили в Томск. Объясню это одним. Когда меня надо было — меня под руками не было. Ночью приходилось ночевать где-либо подальше. Днем погуляешь (показать, что не скрываешься), а ночью опять до свидания. Ночью арестов обыкновенно не делали... Пишите ваши надежды на этот год и новости о белых и красных. Мы здесь ничего не знаем...»

Скрываться в лесах было небезопасно: могли задрать медведи. В том же письме: «Сегодня медведь убил 2-х коров...»

Потом почтовая связь с Тобольском прервалась. Сообщение между Сургутом и Березовым поддерживалось по телеграфу через Самарово. Там телеграфистами работали Д. П. Доронина, младшая сестра будущей жены Лопарева К. П. Дорониной, и К. Г. Шмуклер, бывший член Березовского совета, ставший затем зятем Лопарева. Они снабжали местных дезертиров сведениями о планах и намерениях колчаковской администрации в Сургутском и Березовском уездах. На основании этой информации Лопарев составил точное расположение противоборствующих сил: «В конце октября 1919 года красные части, заняв Тобольск, продвинулись только до с. Бронникова, что в 40 километрах на север по Иртышу от Тобольска. Весь Сургутский уезд и Нарымский край были заняты хорошо вооруженными и экипированными колчаковскими частями. Березовский уезд занимала колчаковская милиция и сильный отряд Туркова, вошедший в непосредственную связь с частями Чайковского (архангельского правительства белых). Участок от с. Бронникова до Самарово на 400 километров с лишним, затем от Самарово на Сургут до с. Тундрино 200 километров и, наконец, до Верхнего Атлыма по Березовскому направлению — тоже около 200 километров от Самарово — были свободны от белых... Зима оказалась ранней: к 1 ноября Обь встала, и ледостав захватил громадное количество эвакуированного флота Колчака на участке от с. Тундрино (в 75 километрах юго-западнее Сургута) — Нарым. Но этих пароходах и баржах оставались сильные части колчаковских войск, большое количество арестованных, колоссальные

запасы продовольствия, снаряжение и ценности, которые специально вывозились из Тобольска, чтобы “не достались большевикам”. В этих колчаковских частях, создавших штаб в Сургуте, особо зверствовала Соликамская милиция и Ижевско-Воткинская дивизия. Чехов с ними почти не оказалось; они удрали на первых пароходах до Томска или замерзли недалеко от него...»

Но на этой территории, которую не контролировали, как казалось Лопареву, ни красные, ни белые, появилась банда.

30 октября 1919 года начальник Березовской уездной милиции Н. Н. Кислицкий доложил начальнику гарнизона г. Березова поручику С. Г. Витвинову: «...23 октября с. г. в с. М. Атлым прибывал пароход «Смелый» – Колупаева. К пароходу по службе, не подозревая ничего, явился помощник участкового начальника Гордеев. На палубе парохода он застал вооруженного солдата, который, обращаясь к Гордееву, сказал, что его требует в каюту начальник отряда. В каюте Гордеев застал сидящим на койке в военной форме солдата, изображающего из себя начальника. В его руках был револьвер и ручная граната, и тут же пулемет. Выяснив у Гордеева обстановку в селе, он объявил об аресте. Обезоружив Гордеева и приставив к нему стражу, банда направилась в село, где арестовала милиционера Козьмина и агента Закупсбыта Танина, а также произвела ограбление: у Андрея Прокопьевича Андреева 75 тысяч наличных денег, золотые, серебряные вещи, одежду и товары – всего на сумму 200 тысяч рублей; у братьев Козьминых – 40 тысяч руб., у агента Танина кроме 140 тысяч руб. – ружье-бердана, дробовик, револьвер и одежды на сумму 3500 руб. Кроме того, банда забрала у Гордеева 3 винтовки, 2 револьвера с патронами и 2 австрийских штыка в ножнах. Возвратившись на пароход, банда отпустила арестованных и отдала Гордееву отобранную у него шашку. Сами же грабители на пароходе отправились вниз по течению с намерением явиться в Большой Атлым, но, узнав, что там нет богатых людей, остановились в юртах Товаткурских, где переночевали, а наутро, забрав четырех остяков, заставили их под страхом смерти сопровождать на Лорбат, а оттуда держать путь на Гари.

Банда состояла из 13 человек и была вооружена винтовками, револьверами “наган” и “браунинг”, ручными гранатами и одним пулеметом. При этом участковый милиции Дуркин сообщил, что эта банда вышла из проточных юрт Ахтенских из Конды 22 октября с. г., завладела пароходом “Смелый” и в селе Елизаровском произвела у Колупаева ограбление 15 000 руб. наличных денег, хлеба и меда, а затем зашла к местному жителю Александру Слободскову, представилась ему карательным отрядом, выпытала у него сведения, а затем, закусив и попив

у него чаю, произвела ограбление на сумму до 20 000 руб. Слободсков оказал сопротивление банде, за что грабители проломил ему голову в трех местах...»

А у Лопарева «поведение Красной армии в Тобольске, упорно не продвигающейся на Север, вызвало тревогу и неуверенность. Неизвестно было также, что будут делать белые с Березовского и Сургутского направлений».

В такой неопределенности первое движение сделал Сургут. «1 ноября 1919 года, — вспоминал Лопарев, — к нам в избушку (я и мой брат Петр) в двух километрах от Самарова приехали Скрипунов А. Г. и Доронина К. П. Они сообщили, что Даша (Доронина Д. П.) четыре часа тому назад перехватила телеграмму из Тундрин в Березово о том, что начальник Сургутской уездной милиции Волков наступает на Самарово, имея впереди разведку в 25 человек. Сургут предлагал Березову так же выступить на Самарово, а затем объединенными силами идти на Тобольск, где красные бездействуют из-за своей малочисленности.

На семи лошадях в составе семи человек выехали из Самарова на Мануйлова (20 километров южнее Самарова) — дальше идем через Реполово в Тобольск к Красной армии. Выехали: я, Скрипунов, сестры Доронины, Карлин С. и Губин. Приехали в Мануйлово. Белых там нет. Едем в Базьяны. Здесь к нам примкнуло пять боевых ребят — старший т. Башмаков. Нас уже 12 человек, но вооружены плохо. Едем в Реполово, потом до Филинска, где останавливаемся. Нас уже около 40 человек, большинство старые солдаты и унтер-офицеры, но оружия мало.

Я уже как бы начальник отряда, но это еще не отряд, а просто группа без определенной цели. Надо их “повязать” (по уголовным колчаковским законам) ответственностью, отрезав всякую возможность отступления.

В Филинске беру боевиков — Скрипунова, Карлина, Доронину и несколько человек из наиболее шатающихся. Вооружение: карабин, “Смит” и несколько дробовиков. Едем в почтово-телеграфное отделение:

— Руки вверх! Давай ружье!

Взяли четыре винтовки, два “нагана”, патроны. Этот поступок в 10 минут без единого слова агитации сразу же преобразовал нашу группу в отряд с постоянными караулами и секретами.

Вот с этого, — заключает Лопарев, — и началась партизанская борьба, сначала в форме тактического воздействия на психику противника...»

Эта тактика выражалась в старательно распространявшихся дезертирами-партизанами (в устрашение потенциальному противнику) слухах о собственном многолюдстве и наилучшем вооружении (сегодня такую тактику называют информационной войной).

«Включив в телефон две трубки, — продолжал вспоминать Лопарев, — одну взял себе слушать, вторую передал громадному Саше Скрипунову с медвежьим горлом и велел вызвать Реполовскую телефонную будку. Я слушал и шептал Скрипунову, что говорить — последний ревел медведем:

— Реполово?

— Да, я реполовский сторож...

— Здорово, товарищ! С тобой говорит комиссар красных орлов из Филинска Демьянов. Ты слышишь, товарищ?

— Слышу, госп... товарищ Демьянов...

— Скажи, друг, не вышел ли сегодня на Реполово мой красный отряд в 100 штыков?

— Не знаю, товарищ. Не слышал...

— Как не слышал, мошенник? Красные орлы еще утром должны быть в Реполово.

— Ага! — ревет Скрипунов, — так ты за колчаковскую сволочь. Ну, погоди, дружок, через восемь часов я с тобой разделаюсь, приготовь могилу.

— Ей-богу, товарищ, я ничего не знаю, — вопит несчастный старик.

В Реполово паника. Запаникуешь, если сзади за 18 километров из Конды выходят 100 красных, а с Филинского наступает страшный комиссар Демьянов.

Бросили колчаковцы горячую уху и два мешка муки и подрали на Самарово. Об их бегстве нам сообщил телеграфный сторож.

4 ноября вечером мы повторили дуплетный разговор по телефону с Самаровым. О том, что начальник Самаровской почтовой-телеграфной конторы Мышкин большая сволочь и самый махровый контрреволюционер, я знал. Наверняка он передает содержание разговора Волкову. В том же тоне спрашиваем под угрозой немедленного расстрела сообщить, как велик отряд Волкова, какие у него позиции и сторожевое охранение. Ответы явно дутые, с паузами и перешептыванием.

— Ну, погоди, голубчик (Мышкину), завтра с тобой я поговорю без телефона, — ревет в трубку Скрипунов. — Давай прямой к Сивохребту (юрты Сивохребет — телефон в 100 км от Самарова на Сургут). Пошептываясь, дали. Сами подслушивают.

— Сивохребет?

— Да, сторож.

— Сегодня в 18 часов на Сивохребет должен выйти мой отряд лыжников со стороны Горная Суббота. Когда прибыли?

— У нас никого и не было.

— Как не было? Что они там, сволочи, замешкались. Еще лыжники, а ползут, как тараканы, — и следует отборная ругань.

Иметь 100 красных в тылу и наступающий с Реполово второй отряд Волкову не по нутру. Он отступил на д. Шапшу и дальше безостановочно 200 км до Тундрино.

И так, одной только хитростью, — считал Лопарев, — отделались на время от Сургутского фронта...»

Березовские и сургутские милиционеры Кислицкого и Волкова мало походили на суворовских чудо-богатырей. Запуганные «отрядами красных орлов», оставшись без связи с администрацией и военным командованием Колчака, управляющие уездами Биржишко и Замятин обратились за помощью к руководству Северной области.

Штаб Печорского района белых получил директиву Архангельска о наступательных операциях сразу на трех направлениях: на города Березов, Усть-Сысольск и Чердынь. В Зауралье военные действия вел специальный отряд связи штаба Печорского района под командованием штаб-ротмистра Червинского, бывшего офицера 20-го Финляндского драгунского полка. В ноябре 1919 года Червинский фактически полностью стал контролировать Березовский уезд.

Главнокомандующий Северным фронтом белых генерал-лейтенант Миллер в своих мемуарах писал: «В ноябре 1919 года была установлена телеграфно-телефонная связь с городом Березовым на Оби, и березовский исправник доносил, что в виду отхода войск адмирала Колчака и потери связи с сибирской администрацией он просит включить Березовский уезд в состав Северной области».

Начальником Березовского района «по просьбе ляпинских властей» был назначен ротмистр Бунаков из 10-го Печорского полка. Объединенные силы печорского и березовского отрядов достигли нескольких сотен штыков.

Кислицкий позднее показал: «...24 ноября 1919 года на службу был мобилизован прапорщик Булатников (бывший учитель). В ноябре же из-за Урала (Архангельская область) прибыли в Березов два офицера: ротмистр Бунаков и поручик Озадский с двумя солдатами, которые должны были поехать в Томск с важным секретным поручением. Во время пребывания этих офицеров в Березове Бержишко и Витвиновым было возбуждено ходатайство о присоединении Березовского уезда (а затем и Сургутского) к Архангельской области, о присылке солдат и оружия, а также и сибирских денег. Это ходатайство было удовлетворено...»

Присоединение Зауралья к Северной области не получило никакого отражения в истории края. Может, местные исследователи сочли это событие малозначительным или не располагали соответствующей документальной базой. Но историки Республики Коми И. Л. Жеребцов

и М. В. Таскаев считают включение Березовского уезда в состав Северной области крупным успехом штаба Печорского района белых.

Усиление белогвардейцев в Березове испугало Лопарева, и он отступил в Демьянское: «Это село мы заняли 8 ноября. Сразу же обезоружили почтово-телеграфное отделение и связались с Тобольском. Отряд за два дня вырос до 130 человек. Явившиеся товарищи во главе с одним фельдфебелем Переваловым, Овсянкиным, Вторушиным где-то в болотах выкопали спрятанное колчаковское оружие — до 80 винтовок, 8 ящиков патронов и несколько револьверов. Мое право на командование никем не оспаривалось. Отряд разбили на 4 взвода. Взводными я назначил старших унтеров: Крылова И. И., Перевалова В. К. (убит), незабвенного Бардакова (убит в 1921 году бандитами под Вагаем) и Скрипунова».

Уклоняясь от боевых столкновений с белогвардейцами, партизаны активно расправлялись с «внутренними врагами», нещадно притесняя зажиточных селян и всех тех, кто смел выражать какое-нибудь недовольство краснопартизанским руководством.

В своих воспоминаниях Лопарев привел такой случай: «Наш штаб находился в почтово-телеграфном отделении. В комнату весь в куржаке важно вошел начальник Филинской заставы т. Карлин. Отрывает сосульки льда с усов, с треском бьет их о пол.

— Ну, товарищ Лопарев, я одного субчика угробил.

— Кого? За что? — общее внимание 20 лучших партизан импонирует Сене.

— Угробил кулака горно-субботинского Вторушина.

— Ну туда ему и дорога, расскажи.

— Вы ушли. Собрал я филинских мужиков на сходку, кто, говорю, “за”, кто “против”. Все — “за”, только просят: уберите от нас эту гадину-погану купца Вторушина. Придут белые — всех нас выдаст. Ага, отвечаю, подь сюда, голубок. Арестовать. Взяли, повезли. А старик пилит и пилит меня, терпежу нет.

— Молчи, старый хрыч, убью из “нагана” и до Лопарева не доведу. Не унимается: пилит, смеется, страшает белыми. Совсем вывел из себя. Сам сидит на лавке в большой шубе с кушаком, рожа — с похмелья не обещать. Донял он меня, выхватил я “наган” — раз! Он — брык с лавки. Почупал я пульс — пропал. Ну, собаке — собачья смерть. Все!

Этот рассказ прервал звонок из Горной Субботы (удобный пункт на горе над зимним трактом; в случае появления белых можно сообщить нам по телефону, а самим выходить напрямик по тайге на лыжах в Демьянск).

— В чем дело, поганцы? — спрашиваю.

— Пришли, — сообщают, — в Горную Субботу, залезли на столб, выключили телефон, повели провода в избу. Зашли и ахнули: “угробленный” Вторушин сидит в переднем углу за самоваром, с бороды пот капает. Увидел нас — блюдо из рук вдребезги. Побледнел, упал на колени, кричит: “Больше не буду! Простите! Пощадите!” — Узнали: пуля от сенькиного “Смитт-Вессона” запуталась в шерсти полушубка, который был под тулупом. От страха старик упал. А что Сеня понимает в пульсе, к тому же под сильной “мухой” за ухом.

Пересказал эту историю ребятам — смеялись до слез. Карлин побледнел. Выхватил свой “наган”, швырнул его об пол.

— Давай мне, товарищ Лопарев, настоящий “наган”. С этим говном я не хочу себя срамить.

Дал ему новенький “наган”. Успокоил. Парень действительно решительный и храбрый.

В тот же день приехал в Демьянск т. Зырянов А., статный, высокий военный, развитый, умный. Сразу взяли его помощником (убит в 1921 году в бою с бандитами на Сургутском фронте).

Тогда же пришел ответ-телеграмма т. Блюхера на нашу просьбу о помощи: «Сложившейся обстановке помощи оказать не могу. Выходите из положения сами. Привет красным партизанам!» Ему было явно не до нас...»

Лопарев не ошибся в своем заключении. Войска Колчака потеряли уже всякую боеспособность, и красным дивизиям Восточного фронта предстояло преодолевать не сопротивление противника, а пространство. Пока красная 5-я армия успешно преследовала колчаковцев вдоль главной железнодорожной магистрали по направлению к Омску, красная 3-я армия 24 октября 1919 года заняла Заводоуковск, 3 ноября — Голышманово, еще через день — Ишим. Утром 14 ноября 27-я стрелковая дивизия Блажевича²⁰, сделав за сутки на подводах стокилометровый переход, переправилась по льду на восточный берег Иртыша и захватила Омск.

Газета «Красный набат» сообщила, что с 16 октября по 17 ноября войсками Восточного фронта занято шесть больших городов: Тобольск (вторично), Ишим, Тюкалинск, Петропавловск, Кокчетав, Омск. «Взято в плен 10 генералов, свыше 1000 офицеров, 27 тысяч солдат, причем пять полков в полном составе, штаб дивизии, четыре полковых штаба. Захвачены 30 орудий, 232 пулемета, 3560 винтовок, несколько миллионов снарядов и патронов, два бронепоезда и несколько поездов, 80 паровозов, 3000 вагонов, много лошадей, хлеба, зерна и муки — более 5 миллионов пудов...»

---

²⁰ Иосиф Францевич Блажевич, начальник Управления ПВО Красной армии, был расстрелян в марте 1939 года как «враг народа». Реабилитирован в августе 1956 года.

Лопарев понял: в обстановке окончательного разгрома главных сил Колчака красные войска не будут отвлечены на второстепенный Обь-Иртышский театр военных действий. На какое-то время Тобольский Север отдавался тем, кто успел. Упускать такую возможность? По признанию Лопарева: «...богачи припрятавали ценности в речках и урманах, а прятать было чего: у одного поганого купчишки из Самарова Кузнецова И. Г., “козла”, в последние годы империалистической войны его племянник Кузнецов Яков цапнул шкатулку с золотом и деньгами, ни много ни мало 100 000 рубликов...»

Взять сразу свою судьбу в руки Лопарев не смог. «Получив сведения от матери нашего славного Бардакова, старушки 60 лет, пригнавшей на лошадке из Болчар, о появлении на Конде неизвестного отряда, я распорядился отступить еще на 90 км до с. Увата (150 км от Тобольска). Выехали в тот же день на 180 лошадях в составе 200 человек...»

Указанная Лопаревым численность отряда сомнительна. По заявлению С. С. Шаламова, жителя Реполово, датированному 28 мая 1930 года, «...после госпиталя, не доехав до своего села версты две, навстречу попались несколько знакомых, коим угрожала опасность проживать дома от милиции Волкова, и они бежали, в том числе были товарищ П. И. Лопарев, Х. Е. Башмаков и прочие. Мы с ними переговорили, я им рассказал, что за мной никого нет, все благополучно. Товарищи предложили мне вернуться с ними обратно (в г. Тобольск), но я решил ехать до дома.

После них в Реполово прибыл отряд милиции, который преследовал противников власти. Мне не пришлось быть в своем доме, пришлось скрываться в сено; перед утром удалось убежать в лес, куда мне подали лошадь, и я вернулся обратно догонять бежавших товарищей. Доехали до села Уват. Нас набралось человек пятьдесят. Из Увата стали просить по телефону Тобольск о высылке навстречу вооруженного отряда красноармейцев или вооружить нас. Из Тобольска выслали несколько винтовок, и тогда мы добровольно сформировались в партизанский отряд и вернулись обратно на Самарово во главе с товарищем П. И. Лопаревым».

В воспоминаниях Лопарева так: «С небольшой группой я выехал 13 ноября в Тобольск, связался с исполкомом, военкомом и информировал их о положении дел. Потом, довольный теплым приемом, получив немного разных винтовок и патронов, утром 15 ноября выехал к отряду и догнал его 17 ноября вечером у Реполово».

Тогда же между Лопаревым и Зыряновым началось соперничество. Есть версия: из-за К. П. Дорониной.

«...Среди партизан, – считал Лопарев, – было какое-то недовольство. Нервировало отсутствие противника на тракте и сведений о нем. Зырянов, как не строевой, не сумел как следует прибрать к рукам всю партизанскую массу». Стремление Лопарева приукрасить в 1931 году события конца 1919-го и показать себя организатором партизанского отряда и его командиром понятны. Но рядовые участники считали по-другому: «...11 ноября 1919 года в селе Уват быв. Тобольского уезда происходил стихийный слет бывших солдат царской армии, вернувшихся с фронта и скрывавшихся по лесам от колчаковских мобилизаций или дезертировавших из колчаковской армии, а также бывших советских работников, уклонявшихся или бежавших из-под арестов колчаковских карательных отрядов. Во время этого слета на территории, по существу, никем не охраняемой, сразу начался в отдельных местах захват телефона, телеграфа, аресты активных колчаковцев, но все это происходило на ничейной территории, с которой колчаковцы ушли, а части Красной армии еще не заняли, и не носило организованного характера. Единого руководства и общего продуманного плана действий не существовало. Средства связи отдельными группами, следовавшими на слет, мимоходом захватывались и тут же оставлялись (группа П. И. Лопарева).

...На слете в селе Уват был организован партизанский отряд, командиром избран А. П. Зырянов (но не Лопарев. – А. П.), и в помощь ему создан Военный совет как совещательный орган без права вмешательства в военно-оперативные распоряжения командира отряда».

Назван состав военного совета: «...председатель – командир отряда А. П. Зырянов и члены: Иван Иванович Литвинов – крестьянин Уватской волости, бывш. ст. унтер-офицер царской армии, Платон Ильич Лопарев – житель села Самарова, Варлам Федорович Перевалов – житель села Демьянска, бывш. фельдфебель царской армии, и Иван Авксентьевич Бублик – политссыльный, проживающий в селе Самарове.

...Из села Увата партизанский отряд, насчитывающий 100–120 бойцов, вооруженных в подавляющем большинстве охотничьим оружием, старыми винтовками и дробовиками, начал наступление на север.

Слабое вооружение отряда являлось предметом постоянной заботы командира и Военного совета отряда, поэтому в целях изыскания для партизан стрелкового оружия из Увата в Тобольск был направлен член Военного совета П. И. Лопарев, однако ему в снабжении отряда оружием было отказано, так как сам тобольский гарнизон не располагал в то время запасами оружия. Тов. Лопареву все же удалось получить небольшое количество винтовок и боеприпасов к ним, но это ни в коем случае не обеспечивало партизан стрелковым оружием...»

В отличие от Лопарева Зырянов почти не упоминался в публикациях о советском периоде истории Обь-Иртышского Севера. Его имени нет в трехтомной энциклопедии Ханты-Мансийского автономного округа, а в учебнике «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней», изданном в Екатеринбурге в 1999 году, он даже в составе военного совета партизанского отряда не назван.

Похожий на остяка Лопарев внешне сильно уступал красавцу Зырянову — не в этом ли таились причины их соперничества?

Антонин Петрович Зырянов родился в 1892 году в деревне Борки Самаровской волости Тобольского уезда в семье крестьянина-рыбака. В 1905 году с отличием окончил Реполовскую сельскую школу, много читал. В 1915 году его, как и Лопарева, мобилизовали в царскую армию, но зачислили не во вспомогательные строительные части, а в 223-й Одоевский пехотный полк, отличившийся на германском фронте. За проявленные в боях отвагу и смелость награжден двумя Георгиевскими крестами и произведен в прапорщики. Утверждение Лопарева в 1931 году о «нестроевой службе» своего соперника, погибшего в 1921 году, можно расценить как попытки принизить авторитет Зырянова и возвеличить себя. Тем более что документальные свидетельства рядовых партизан об отношениях между членами военного совета отряда исчезли после загадочного пожара в помещении тобольской секции красных партизан.

С марта 1918 года возвратившийся с фронта Зырянов работал секретарем Реполовского волисполкома, а с отступлением колчаковцев из Тобольска скрывался в окрестных лесах.

Движение партизан на север выглядело в изложении Лопарева следующим образом: «Прибыв 17 ноября в Реполово, я немедленно поехал на телефон в надежде разнюхать что-либо о положении в Самаровском. Приехал как раз кстати: из Самаровского меня настойчиво вызывали уже полчаса. Слушаю и не верю: Скрипунов, прошедший путь Болчары — Белогорье — Самарово, сообщил мне, что ни в Белогорье, ни в Самарово нет колчаковцев, поэтому Самарово заняли без боя. Передаю по телефону пароль, получаю отзыв, но в душе страшные сомнения: может, скрипуновский отряд разбит, а враги пытками вытянули из ребят признание, а теперь заманивают в ловушку и мой отряд?

Прошу Самарово вызвать к телефону брата. Узнаю его по наводящим вопросам. На душе сразу легко и весело. На радостях преодолели за 10 часов 100 км пути до Самарова... Мороз здоровый, с треском. В плохой обувишке у фельдшерички (Дорониной. — А. П.) колеют ноги. Мне и самому не жарко, но распарываю: “Снимай чулки, суй в пазуху...”

В Самарове в первую очередь занялись восстановлением телеграфной связи с Тобольском — политическим и военным центром губернии. Связались с военкомом т. Петровым Владимиром...»

Заметна разница: «я» и «мы». Потому что с Тобольском разговаривал не Лопарев, а Зырянов — командир партизанского отряда. Сохранились подписанные им телеграммы: «Тобольск. Уездвоенкому. Прошу сообщить, в каком положении находятся посылка оружия, денег и политорганизатора. Компартизан Зырянов». 6 декабря 1919 года еще телеграмма: «Ответ о снабжении отряда оружием и снаряжением ждем немедленный и определенный. Люди в отряд каждый день прибывают, а вооружить их нечем. Компартизан Зырянов».

Первое боестолкновение партизан с белыми произошло 18 ноября. По показаниям прапорщика Булатникова, штаб Печорского района решил довести до военного командования Колчака решение о присоединении Березовского уезда к Северной области. С этой целью представитель объединенных печорского и березовского белых отрядов ротмистр Бунаков, поручик Озадский и прапорщик Булатников с охраной отправились в Томск через Самарово и Сургут, но в Белогорье попали в партизанскую засаду и после перестрелки отступили в село Кондинское.

В своих воспоминаниях Лопарев так описал эту стычку: «... 18 ноября, заняв Белогорье, отряд Бардакова и Скрипунова получил сообщение из Троицкого о появлении белых. Их было немного — всего 21 человек; 7 из них двигались впереди — разведка, а 14 следовали за ними. Впустив в деревню разведку, открыли огонь — трое белых было убито, двое ранено, захвачено 4 винтовки и 2 револьвера. У нас один ранен (сам отстрелил себе палец из-за неосторожного обращения с оружием. — А. П.).

Следовавшие за разведкой белые, услышав стрельбу, в панике повернули обратно и не остановились даже в д. Троицке. Этот отряд оказался делегацией правительства Чайковского к Колчаку.

В засаде на Белогорье отличился наш славный Сеня Карлин. Один из белых — фельдфебель или унтер — заскочил в хлев и стал отстреливаться через щели и окна из винтовки и нагана. Сене эта канитель надоела: выпустив по беляку несколько пуль, он бросился в хлев и вытащил дрыгающегося унтера.

— Ну-ка, вылазь, белая стерва, из малицы. Ишь, разоделся, паршивец! — и вытряхнул труп из богатой малицы. Надел ее поверх своего вконец оборванного пиджака, немало не смущаясь ручьями стекающей теплой крови. Похлопывая по малице, говорил:

— Теперь меня, понимаешь, 40 градусов не прошибет, важнейшая, понимаешь, штука (любил и любит он словечко “понимаешь”).

19 ноября отряд т. Бардакова занял село Елизарово, что по тракту на север в 75 км от Самарова...»

По свидетельствам очевидцев, «партизаны смело вступали в деревню, ежели белых не было, ходили по ней с песнями (неприменно революционными), агитировали о свободе, хвалились своей силой. Вволю попев в деревне, партизаны уходили за околицу, давали залп из всех ружей, затем с шумом, с песнями, временами стреляя, медленно двигались обратно к Самаровскому...»

Партизанская война в Среднем Приобье была полна экзотики: «Для устрашения врагов, — отмечал Лопарев, — мы изобрели «пушку». Мешочки с порохом подвешивались к высоким кедром и взрывались. Шум и страшный треск ломающегося дерева наводили панику на противника».

Не отказывались партизаны и от телеграфно-телефонных «пушек». По предложению Лопарева Бардаков «выкинул фортель — ахнешь!».

«Рано утром 20 ноября он с небольшим отрядом ускакал на Обь к телефонной будке (в 15 км от Елизарово). Звонит в сторону белых. Ему отвечает офицер М. Атлымского штаба.

— Господа, господа, я — Слободсков, елизаровский купец. Спасите меня ради бога! В Елизарово сегодня утром ворвались 300 человек мадьяр с пулеметами и пушкой, перебили всех купцов, остался я один. Спасите, они уже сюда идут.

Тут дверь по условному знаку открывается: шум, грохот сапогов, выстрелы, предсмертный крик...

Вообразив, что Елизарово действительно заняли мадьяры, колчаковский штаб перебрался сначала в Кондинск, а затем в Березов. Но все же, — признал Лопарев, — они оставили в Атлымах и Кондинске небольшие силы, не проявляя, впрочем, активности...»

Между тем белые подтянули из-за Урала в Березово дополнительные и хорошо вооруженные части. В уезде была объявлена мобилизация. В декабре 1919 года они предприняли наступление в направлении Карымкар. В телеграфном донесении в Архангельск отмечено: «21 декабря разведка березовского гарнизона при поддержке конных пулеметных частей дошла до села Нарыкары (так в тексте. — А. П.) в 288 верстах от Березова. Бой в селе с большевиками: выбили красных из села. Захвачено 14 винтовок, много разного имущества. Все награбленное красными возвращено владельцам. Наши и сибирские части рвутся в бой».

В то же время колчаковцы оставили Тундрино и Сургут, бросив вмерзшие в лед пароходы со снаряжением, продовольствием и ценнос-

тями, и отступили к Томску, соединившись там с частями 1-й Сибирской армии генерал-лейтенанта Пепеляева.

После этого отступления, похожего на бегство, «партизаны Ивана Ивановича Крылова — крестьянина д. Моховой Уватской волости и Хрисанфа Егоровича Башмакова — рыбака из д. Базьяны спокойно заняли деревню Шапшу, села Зенково, Тундрино и Сургут...»

Легкая «победа» на Сургутском направлении насторожила Зырянова. 7 декабря он отправил телеграммы в Сургут и в Тобольск.

«Начальнику отряда разведки Башмакову. Достигнув села Тундрино, остановитесь и не двигайтесь до особого распоряжения. Разведку вести только через население... Будьте осторожны. Если будет отрезан путь отступления к Томску, то они могут сделать отчаянную попытку прорваться на Березов для бегства в Архангельск».

Лопарев в воспоминаниях признал: «Нас спасло, что колчаковцы решили пробиваться на Дальний Восток, а не к Архангельску».

Сибирские белогвардейцы рассчитывали в Новониколаевске, Томске, Барнауле и Красноярске пополнить армию новобранцами, организовать новый фронт и отбить Сургут, Самарово, Тобольск. «Однако, — по свидетельству Пепеляева, — запасные полки в тыловых городах выражали резкое недовольство колчаковским режимом и не хотели сражаться с красными войсками. Упала дисциплина. Жажда как-то скорее окончить войну овладела всеми. Началось повальное дезертирство. Между Томском и Красноярском 1-й Сибирской армии не стало...»

20 декабря 1919 года в Томск вступила 30-я стрелковая дивизия 30-летнего А. Я. Лапина²¹. Красные захватили свыше 30 тысяч пленных и богатые трофеи.

А среди красных партизан Тобольского Севера произошел раскол.

«Основной причиной раздора, — считал Лопарев, — явилось известие о подготовке к выходу из Тобольска к нам на помощь сильного отряда Красной армии».

Казалось бы, при концентрации белых на Березовском направлении партизаны должны были радоваться подкреплению. Но занятие без боя 8 декабря Сургута и захват колчаковского эвакуационного речного каравана вскружили головы Лопареву и его сторонникам. Они не хотели расставаться или делиться с кем-либо богатой добычей. Поэтому выступление отряда Башмакова в Сургут совпало с переворотом в партизанском руководстве и фактическим отстранением Зырянова от командования отрядом.

---

²¹ Альберт Янович Лапин (Лалиньш), помощник командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией по ВВС, был арестован 17 мая 1937 года. В тюрьме покончил жизнь самоубийством.

Из Самарова в Тобольск была отправлена телеграмма: «Тобольскому военкому. Всем товарищам партизанам. Согласно постановлению общего собрания от 7 декабря 1919 года управление отрядом переходит в руки Военного совета из четырех лиц: И. А. Бублика, П. И. Лопарева, В. Перевалова и И. И. Литвинова. Начальник отряда т. Зырянов остается на месте, но под строгим контролем Совета. Все распоряжения по отряду обязательно должны быть скреплены подписью дежурного члена Военного совета».

В своих воспоминаниях Лопарев отметил: «...текст телеграммы написан мной». Но ниже уточнил: «...протокол общего собрания не сохранился, я тогда дежурил по Совету, на собрании не присутствовал, поэтому не все суждения и причины знаю...»

Там же признал: «Юридически с Уватского общего собрания, т.е. с 11 ноября 1919 года т. Зырянов являлся полномочным хозяином отряда, но фактически... лишь осуществлял отношения с Тобольском. Практически не зная строевой службы и боевой жизни (писарь штаба), он сразу же не удовлетворял партизан боевым распорядком. Кроме того он вел какую-то непонятную игру с Тобольским военкомом, нервировал Тобольск и нашу периферию без достаточного основания.

Главным образом ему мы обязаны отправлением на Север к нам на помощь очень большого экспедиционного отряда Красной армии под командой т. Лепехина, хотя сюда можно было послать совсем небольшую часть или просто ликвидировать белых, снабдив партизан оружием... К чему была такая спешка, не пойму. Ведь партизаны в эти дни взяли Елизаровское и знали о бегстве колчаковцев из Тундринского. Вобщем мы с противником не соприкасались...»

К противнику соперники относились по-разному.

Телеграмма Лопарева: «Белогорье – т. Бабкину. 11 декабря. Опрсите поселение о Кокшарове, допросите его и срочно вышлите (более поздняя приписка на бланке телеграммы: “Кокшаров Д., колчаковский милиционер, сволочь, отвертелся в 1919 году от наказания, но в 1921 году мною расстрелян”»).

«Тундрино – т. Башмакову. 14 декабря Иона Питухин²² (поздняя приписка: “Нач. губ. угол. розыска. Крупный специалист, гадина”), как могущий дать ценные сведения. Направляется в Тобольск. Ивана Сосунова как провокатора и ярого контрреволюционера расстрелять. Привести в исполнение приговор и доложить».

---

²² Питухина расстреляли в 1920 году, а Сосунова, родного брата обдорского чекиста П. И. Сосунова, в 1921 году.

Телеграмма Зырянова: «Тундрино — Башмакову. Немедленно приступите к регистрации пароходов и барж, остановившихся на зимовку на Оби от Тундрино вниз до Зенковой. Возьмите на учет содержащиеся на них грузы, затем опечатайте посредством местного самоуправления. О результатах доложите немедленно».

«Тобольск — военкому. В интересах справедливости является необходимым производство следствия и опрос свидетеля для собрания обвинительного заключения (поздняя приписка Лопарева: «Вот еще, не было печали...»). Я не прочь расстреливать, но не на глазах у населения, чем легко вызвать общее недовольство, расположение которого нам необходимо для достижения цели».

«Уват — Лепехину. Не задерживайтесь движением. Обещайте солдатам отдохнуть в Самаровском. Жду с нетерпением».

Северный спецназ ВЧК

В истории нашего края совершенно не отражены обстоятельства формирования отряда под командованием Лепехина, а действия этого отряда ошибочно отнесены на счет партизан. Таких сведений не оказалось ни в местных архивах, ни в Российском государственном архиве.

Значит, это соединение не входило в состав Красной армии, а являлось специальным (экспедиционным) подразделением ВЧК для проведения на Тобольском Севере оперативно-боевой операции. Подтверждение этому выводу нашлось в личном деле бывшего уполномоченного экономического отдела Тюменского оперсектора ОГПУ Максима Лукича Зуева.

В объяснении от 10 октября 1933 года «по вопросу добровольного поступления в Красную армию в 1919 г.» он указал: «Через несколько дней после отступления колчаковцев и взятия Тюмени и ее окрестностей красными войсками к нам в д. Черная Речка, которая находится в 30 км от города, приехал один из политработников. После информации о внутреннем положении страны он объявил запись добровольцев в Красную армию. На собрании присутствовал мой отец, который и записал меня добровольцем.

В первых числах декабря губчека и губвоенкомат приступили к организации отряда для ликвидации колчаковцев на севере: Самарово — Березов. В нашем батальоне была объявлена запись добровольцев, которую проводил комбат Алексеев и назначенный командиром отряда т. Лепехин. Я изъявил желание, и меня записали (из однодеревенцев со мной записался только один Лузгин Григорий — сейчас живет в д. Черная Речка). Из всех добровольцев (насколько мне помнится, всего 75 человек)

было создано три взвода и пулеметная команда. Я зачислен стрелком 2-го взвода. Отряду было присвоено название “1-й Северный экспедиционный отряд” (правильно – Отряд северной экспедиции. – А. П.).

Из числа командного состава помню: 1) командир отряда Лепехин – слышал от тт., что он в 1926 или 1927 году умер; 2) начальник штаба Губер-Гриц – где находится в настоящее время, не знаю; 3) политком Иваненко – был ранен в ногу при занятии нами одной деревни на реке Оби между Самарово и Березово (за принятие мер по скорейшему обеспечению подводой и отправлению в тыл я получил от т. Иваненко в виде подарка карабин). Где сейчас находится т. Иваненко, не знаю, т.к. он остался инвалидом, т.е. с одной ногой; 4) комвзвода Троцевский – убит во время операции нашего отряда на польском фронте в 1920 году; 5) начальник пулеметной команды Ушаков Леонид (мой хороший друг) – убит бандитами в 1921 году под селом Заводо-Успенским Тугулымского района.

Дня через 3–4 после формирования отряда, т.е. в начале декабря, мы на лошадях выехали из Тюмени по направлению Тобольск – Самарово (я и еще один товарищ назначены квартирными).

...Тогда мне было 17 лет, и мое вступление в отряд обуславливалось не патриотическими чувствами, а, главным образом, желанием иметь шинель и винтовку и «порисоваться» перед сверстниками, а более всего – перед девушками.

...Лепехин был среднего роста крепыш с монгольским лицом. Первое впечатление о нем было у нас незавидное. Мы ожидали военного, а этот – гражданский. Мнение наше о нем изменилось в лучшую сторону несколько позднее. Выступая перед нами, он заявил: “Товарищи бойцы, я много агитировать вас не буду, а скажу вот что: запись производится добровольно; сразу предупреждаю, что отряд идет на север, и воевать там придется в очень суровых условиях, при 40–50 градусах мороза, в глубоких снегах, среди народов Крайнего Севера. Если кто не верит в свои силы или у кого имеется хоть малейшее сомнение, не записывайтесь...”

...Через пять дней мы приехали в Тобольск, пробыли там двое суток, сходили в баню и получили дополнительно теплое обмундирование. Здесь в наш отряд влились добровольцы, прибывшие из Ишима и Ялуторовска. Дальнейший наш путь лежал на Самарово. В Самарово мы приехали ночью. За несколько дней до нашего приезда его заняли партизаны. Здесь в наш отряд влилось 7 человек, и в Белогорье, куда сразу же выехал 2-й взвод – еще 25 человек партизан. Таким образом, в составе нашего отряда находилось всего человек 100–120, из них 25–30 мадьяр (1-й взвод).

Лопарев в воспоминаниях так изложил содержание переговоров Лепехина с военным советом партизан.

Лепехин: «Согласно приказаниям командующего 3-й красной армии все действующие в Тобольской губернии части подчиняются мне (приписано рукой Лопарева: «В их число Лепехин включает и партизан»). Посему я вам приказываю под личную ответственность т. Зырянова никаких смертных приговоров не выносить. Если какие вынесены, то их исполнение не проводить, а виновных вместе с делами направлять в Тобольск (приписка Лопарева: «Только и дело, что писать кучи бумаг на разную сволочь»)».

Военсовет: «Партизанский отряд создавался без указания свыше, совершенно самостоятельно, и до настоящего времени красные партизаны борются своими силами, в то время как регулярные войска окопались в Бронниковой. Приходите сюда и берите всю полноту власти, мы ее с удовольствием отдадим и во всем подчинимся. Но до тех пор, пока вы за 500 верст, считаем себя вправе, стоя на платформе Советской власти, быть самостоятельными в своих действиях. Товарищ Зырянов здесь совершенно ни при чем, так как всем управляет Военный совет, избранный общим собранием партизан».

Лепехин: «Честь и слава красным партизанам, организовавшим отряд. В настоящее время Тобольским военкомом т. Петровым т. Зырянов назначен начальником гарнизона с. Самаровского. А отряд становится частью регулярной Красной армии».

Военсовет: «Партизанский отряд — организация кочующая, поэтому для нас начальник гарнизона не нужен...»

Лопарев отметил: «О конце разговоров документов нет, но я помню, что Военсовет решительно протестовал против явного желания т. Лепехина беспрекословно подчинить себе отряд партизан. При его характере и нашем настроении немудрено, что впоследствии в Обдорске Лепехин выкатил против партизан два пулемета...»

«Понятно, — продолжал Лопарев, — что отказ от расстрелов под давлением Лепехина Военсовет и весь партизанский отряд принял скрепя сердце, так как понимал, сколь много подлецов и контрреволюционеров останутся живыми. Достаточных материалов Ревтрибуналу нам дать было некогда. Особого отдела мы не имели. Поэтому Тобольск всех нами арестованных освобождал и направлял назад. А т. Лепехин за пять месяцев операции на севере не произвел ни одного расстрела, да и арестованных им было очень мало...»

При характеристике командира Отряда северной экспедиции Лопарев заявил: «Многие из партизан знали т. Лепехина как помощника

командира парохода, картежника в прошлом, человека очень вспыльчивого и горячего. Вполне естественно, — подчеркивал автор воспоминаний в 1931 году, уже зная о смерти Лепехина, — что эти сведения восставляли нас против него».

Неудивительно, что при такой характеристике Лепехину не нашлось места в идеологизированной истории нашего края.

Александр Петрович Лепехин родился в 1889 году в Тобольске. В 1922 году в анкете Всероссийской переписи членов РКП(б) в таблице II «Социальное и национальное происхождение» он указал: «...дед (с отцов. стор.) — псаломщик, отец — чиновник-военный, мать — учительница; все русские». Три года учился в тобольской восьмиклассной мужской гимназии, пять лет в тюменском семиклассном реальном училище, окончил в Казани трехклассное речное училище. Считал себя «моряком — капитаном парохода, работал в этой профессии 9 лет».

В сентябре 1914 года его мобилизовали на военную службу — до апреля 1918 года он «служил командиром парохода “Николай Сухотин”», выполнявшего специальные рейсы по реке Оби и ее притокам.

В составленном 7 июля 1922 года послужном списке Лепехина отмечено: «В мае 1918 года после начала мятежа чехословацкого корпуса эмигрировал в Китай. В апреле 1919 года вернулся из эмиграции и в Одессе добровольно вступил в ряды Красной армии».

В его партийных документах другие сведения: «Был в Тюмени с марта по апрель 1917 года рядовым членом парторганизации РКП(б), затем до августа 1918 года также в Тюмени — политическим руководителем Красной гвардии и организатором Красной армии...» А в январе 1919 года отмечен... «Киев».

Причины анкетных противоречий заключаются в выполнении Лепехиным разведывательных заданий ВЧК в Шанхае и в других китайских портах на французских и английских военных и торговых судах. Он добывал информацию о переброске частей интервентов в Советскую Россию и вел коммунистическую пропаганду среди иностранных моряков (сам свободно говорил по-французски, по-английски и по-китайски).

С этими же целями его на попутном пароходе перебросили в Одессу, которая с декабря 1918 до конца марта 1919-го находилась под властью белогвардейцев и «союзников Антанты», в первую очередь французского командования, и представляла собой островок видимого благополучия и обеспеченности среди бушующего океана Гражданской войны.

В городе открывались шикарные магазины и рестораны, игорные и публичные дома, снимались фильмы и работали десятки театров и ка-

баре. Одесса в те дни была прибежищем состоятельных людей и всевозможных предпринимателей. Как мухи на мед слетались туда аферисты и вымогатели, картежники и налетчики, воры и проститутки. Богатые люди со всей «вчерашней» Российской империи проматывали тут огромные деньги.

Среди «фартовых» карточных игроков в Одессе выделялся Санька Монгол, считавшийся «братом» знаменитого «короля» одесских бандитов Мишки Япончика – Моисея Вольфовича Винницкого. Их роднили раскосые глаза, широкие скулы, смуглый цвет кожи. И характер.

Современники считали Мишку Япончика «одной из ярчайших личностей старой Одессы, колоритным типом романтического разбойника и афериста... Говорили, что он не грабит врачей и артистов, любит ходить в театр и на дивертисменты. А его «мальчики» работают очень картинно: на вечерах и на маскарадах появляются в смокингах, ничем не отличаясь от господ, и вежливо просят дам и кавалеров расстаться с драгоценностями. Никакой грубости, хамства, а тем более насилия не допускают, только поигрывают своими никелированными браунингами...»

Япончику было лет тридцать. По описаниям очевидца: «Брюнет, широкие смуглые скулы. Обращали на себя внимание беспокойные раскосые глаза. Они мгновенно и как-то незаметно перебегали с предмета на предмет, казалось, что он смотрит на всех и на все сразу. Часто оглядывался. А одет был богато и несколько мрачновато. Пальто украшал черный каракулевый воротник, шапка того же меха лежала на коленях, едва придерживаемая рукой. Пальто было расстегнуто, и выделялся черный костюм и того же цвета косоворотка...»

Белогвардейцам Япончик устраивал «тихий погром». Частенько бандиты поджидали пьяных белых офицеров при выходе из ресторанов, чтобы их избить и ограбить. Жены одесских бандитов – иногда проститутки, а чаще воровки – помогали мужьям в их «трудной работе».

В ответ на бандитский террор бывший командующий Сибирской белой армией, военный губернатор Одессы генерал Гришин-Алмазов объявил войну бандитам. В предместьях были введены воинские подразделения и броневики. Бандитов расстреливали на месте преступления.

В интервью газете «Одесские новости» в январе 1919 года он заявил: «То, что происходит сейчас в Одессе, внушает серьезные опасения... Одессе в наше безумное время выпала исключительная доля – стать убежищем всех уголовных знамен и главарей преступного мира, бежавших из Екатеринослава, Киева, Харькова».

Япончик попытался договориться и направил Гришину-Алмазову письмо-просьбу: «Мы не большевики и не петлюровцы. Мы — уголовные. Оставьте нас в покое, и мы с вами воевать не будем».

Но молодой и амбициозный губернатор не принял мирного предложения, и война продолжалась. Для ширококомасштабных облав использовались французские и греческие солдаты.

Тогда на белогвардейские репрессии представители преступного мира ответили «бандитским террором», а Санька Монгол склонил своего «коронованного брата» к союзу с революционным подпольем в войне против общего врага. Тогда же они установили «деловые» связи с Григорием Котовским, появившимся в родной для него Одессе с паспортом херсонского помещика Золотарева, и анархистом Анатолием Железняковым (кличка Викторс), который прибыл в Одессу для организации «Интернационального бюро анархистов».

Япончик успешно приторговывал оружием и снабжал им подпольные отряды большевиков и анархистов, а также помогал выкупать за большие деньги революционеров из тюрем «восемнадцати контрразведок». В Одессе ходили слухи, что в городе действует «бандитская армия в десять тысяч человек». Скорее всего, это преувеличение, в лучшем случае Япончик и Монгол могли собрать одну треть названного количества. Но и это было немало. Прибавим сюда триста боевиков революционного подполья и увидим, что «городская партизанская война» в Одессе весной 1919 года была опасна для белогвардейцев и очень выгодна большевикам.

Есть данные, что до Саньки Монгола Мишку Япончика опекал по секретному заданию ВЧК известный в то время авантюрист Борис Ржевский-Раевский, который появился в Одессе еще в августе 1918 года.

За его плечами было множество афер: аристократ, друг царского министра Хвостова, он прославился как военный корреспондент, организатор первого в России Союза журналистов («Клуб журналистов в Петрограде»), участник убийства Распутина. После образования 20 декабря 1917 года ВЧК вел по рекомендации Дзержинского следствие самых запутанных дел: Мануйлова (секретаря Распутина) и Касселя (грабителя из Москвы). За должностные преступления, взяточничество и исключительную жестокость к арестованным, которая шокировала даже выдавших виды чекистов, был арестован своими коллегами.

Но летом 1918 года Ржевский-Раевский сбежал из застенков ВЧК — сначала в Киев, затем в Одессу, где предложил свои услуги полиции в качестве знатока уголовного сыска. Так он ликвидировал ряд знаменитых преступников и расчистил Япончику путь к «трону короля

блатной Одессы». Покровительствуя бандитам Япончика, вчерашний чекист не успел направить уголовную стихию против «врагов революции». 20 февраля 1919 года его тело с пятнадцатью огнестрельными ранениями нашли возле «Клуба артистов», который он любил посещать. После убийства афериста белогвардейская контрразведка обнаружила в его квартире переписку с «блатным миром» и револьвер с золотой монограммой «От благодарного Мишки Японца». После того, как стало известно подлинное лицо помощника начальника уголовного розыска полиции Одессы Ржевского-Раевского, его покровитель генерал Гришин-Алмазов вышел в отставку.

Ослабление белогвардейских сил в борьбе с бандитами Япончика и революционным подпольем и вывод из Одессы войск Антанты привели к тому, что части Красной армии подошли вплотную к городу. Точнее, это были отряды украинских крестьян атамана Херсонщины Григорьева, заключившего формальный союз с красным командованием.

8 апреля 1919 года повстанцы вошли в город. «Вся Пушкинская площадь была заполнена народом. Григорьев ехал, стоя в автомобиле. Толпа выкрикивала “Ура!”. Кто-то ухватил атаманскую руку и поцеловал ее. После этого Григорьев уже сам протягивал руку для поцелуя. Толкотня, крики. Атаман довольно усмехался, он никак не ожидал такой встречи», — вспоминал очевидец.

Красный командарм Скачко докладывал в центр: «Одессу взяли исключительно войска Григорьева. В двухнедельных непрерывных боях бойцы показали выносливость и выдающуюся революционную стойкость, а их командир — храбрость и военный талант... Прошу товарища Григорьева, который лично показал пример мужества в боях на передовых линиях, под ним убито два коня и одежда прострелена в нескольких местах, и который добился победы над сильным врагом с незначительными потерями, наградить орденом Красного Знамени...»

После взятия Одессы Григорьев зазнался, стал говорить о себе как о полководце, любил почести и лесть, появлялся перед народом, как правило, нетрезвый, с большой свитой. Из-за доставшихся ему огромных запасов амуниции, мануфактуры, продовольствия, вооружения, брошенных в одесском порту интервентами и белогвардейцами, у Григорьева обострились отношения с большевиками и бандитами.

В те «смутные» дни, и особенно ночи, в городе не прекращалась перестрелка — воевали между собой победители: Григорьев, Япончик, советский комендант Домбровский. Эта борьба прекратилась только с уходом 22 апреля из Одессы частей Григорьева и с расстрелом «за бандитизм и контрреволюцию» Домбровского.

Входившая в состав руководства одесских большевиков Соколовская писала в ЦК партии: «Одесский пролетариат — это бандиты, спекулянты, гниль... В Одессе без денег революция не двигается ни на шаг».

Народным комиссаром по военным и морским делам Украинской Советской Социалистической Республики был тогда Н.И. Подвойский. Его главная задача состояла в том, чтобы провести мобилизацию и пополнить части Южного фронта, противостоящего Деникину. Подвойский обещал Ленину сформировать армию «за пять дней». Но мобилизация велась плохо, люди не шли в армию, а когда их сгоняли на мобилизационные пункты — сбежали. Подвойского сняли с должности, а спасти положение на Украине поручили в очередной раз ведомству Дзержинского.

В мае 1919 года, надо полагать, не без влияния «брата Монгола», Япончик явился в Особый отдел ВЧК при 3-й Украинской красной армии и предложил создать отряд из своих поделщиков для «защиты революции». Реввоенсовет поддержал это предложение: Япончику разрешили сформировать батальон особого назначения для борьбы на деникинском фронте.

Когда число добровольцев превысило тысячу человек, батальон был развернут в 54-й имени Ленина (!) советский стрелковый полк. Командиром полка остался «товарищ Мишка», а комиссаром назначен секретарь Одесского исполкома, 27-летний анархист Фельдман. Среди политсостава выделялся интернационалист Тибор Самуэли, военнопленный, ставший одним из основателей венгерской группы РКП(б), прилетавший позднее на аэроплане из Венгрии в Москву к Ленину за инструкциями по проведению венгерской революции и убитый при ее подавлении.

Монгол-Лепехин создал из оказавшихся на Украине сибиряков Сибирский батальон красных коммунаров, хорошо вооруженных и одетых в трофейное английское обмундирование.

Говорили, что оружие и форму он выиграл в карты у атамана Григорьева. А во время бегства белогвардейцев из Одессы кто-то (шепотом называли Монгола) совершил налет на банк и вывез из него на трех грузовиках денег и ценностей на 5 миллионов золотых рублей. Судьба этих сокровищ осталась неизвестной, однако в народе в 20–30-е годы ходили слухи о кладах (их чаще приписывали Котовскому), зарытых где-то под Одессой.

Одесский «подпольный» период Лепехина противоречив и лишен достоверных данных. В мае-июле 1919 года председателем Одесской ЧК стал С.Ф. Реденс (партийная кличка Стах) — молодой удачливый

авантюрист, будущий свояк Сталина, женившийся на Anne Аллилуевой²³. Реденс покровительственно относился к Япончику, Монголу и их вооруженным формированиям. Кроме уголовников, анархистов и дружинников еврейской самообороны там оказались студенты Новороссийского университета и коммунисты, призванные губкомом КП(б)У для пропагандистской и воспитательной работы.

20 июля полк Япончика выступил на фронт. Очевидцы вспоминали: «Впереди шли музыканты. Люди Япончика собирали их по всему городу. Трубачи и флейтисты из оперного театра, нищие скрипачи, побиравшиеся по дворам, гармонисты из слободских пивнушек — все они сегодня шли рядом, играя походные марши и молдаванские мелодии. Позади оркестра на белом жеребце — сам Япончик в кожаной фуражке, как у Котовского, в офицерском френче и красных галифе... Рядом несли огромное знамя из тяжелого малинового бархата. На нем было вышито полное название полка: Непобедимый революционный одесский железный полк «Смерть буржуазии»».

Но уже через две недели полк оставил боевые позиции и отбыл в Одессу на попутном пассажирском поезде, при этом ограбив и разогнав всех пассажиров. Большевики на специальном паровозе ринулись в погоню. 4 августа эшелон с беглецами был остановлен на станции Вознесенск (в направлении к Одессе), где Винницкого-Япончика при попытке к бегству застрелил из револьвера командир линейного дивизиона Никифор Урсолов, получивший за это убийство орден Красного Знамени.

В послужном списке Лепехина-Монгола отмечено, что в то время «он был ранен и эвакуирован в госпиталь», но с какой стороны ему досталась пуля, не указано. «По выздоровлении (даты в документе нет) его назначили комендантом в Тюмени». О причинах срочного возвращения на родину «...начальника штаба Сибирской бригады красных коммунаров» можно только догадываться: всех участников ликвидации Япончика, оставшихся в Одессе, убили за предательство.

По указанию председателя Реввоенсовета Троцкого и руководителя ВЧК Дзержинского «похожий на монгола» Лепехин сформировал в декабре 1919 года в Тюмени и Тобольске Отряд северной экспедиции, который находился в оперативном подчинении командующего войсками Северо-Восточного сектора Северного фронта Малкова, но входил в состав войск ВЧК. Кроме проведения разведывательных и локальных боевых операций, Лепехину поручили розыск вывезенных колчаковцами из Тобольска ценностей и документов.

---

²³ Станислав Францевич Реденс, в 1933—1938 годах — начальник УНКВД по Московской области, комиссар госбезопасности 1-го ранга. Расстрелян в 1940 году. Реабилитирован в 1961 году.

Начальником штаба Отряда северной экспедиции был назначен 27-летний Михаил Михайлович Губер-Гриц. Он окончил гимназию в Екатеринославе (Днепропетровске), после чего, как позднее писал в анкетах, «служил в театре артистом». Во время Первой мировой войны командовал взводом разведки в 51-м Литовском и 409-м Новохоперском пехотных полках, дослужился до капитана, был ранен, попал в плен, откуда бежал. После революции судьба свела его с матросом-балтийцем П. Е. Дыбенко и видной революционеркой А. М. Коллонтай.

О романе 29-летнего чернобрового и самоуверенного корабельного электрика с линкора Балтийского флота «Император Павел I», переименованного в 1917 году в «Республику», с 46-летней женщиной аристократического происхождения, владеющей полудюжиной иностранных языков, написано много.

В феврале 1919 года Дыбенко был назначен начальником 1-й Заднепровской стрелковой дивизии, которую составили бывшие партизанские отряды. Коллонтай стала начальником политотдела, а штаб дивизии возглавил Губер-Гриц. В их подчинении оказались отряды Махно и Григорьева, того самого «освободителя Одессы». Эти вожди повстанческого движения недолго оставались у красных: в мае 1919 года Григорьев поднял мятеж против советской власти. Под его началом находилось 20 тысяч штыков, 50 орудий и 6 бронепоездов. Остатки дивизии Дыбенко отошли в Крым. Там 6 мая было провозглашено создание Крымской Советской Социалистической Республики и образовано советское Временное рабоче-крестьянское правительство. Совнарком разместился в Симферополе. Дыбенко стал наркомом по военным и морским делам Крымской республики. Коллонтай назначили начальником политотдела крымской Красной армии. Губер-Гриц состоял при них «инспектором для особых поручений». Но они мало наслаждались жизнью в Крыму.

12 июня 1919 года генерал-майор Добровольческой белой армии Я. А. Слащев со своими войсками высадился в районе Коктебеля, разбил армию Дыбенко и легко сверг советскую власть в Крыму. Оставшегося без войск крымского военного наркома Дыбенко откомандировали (вместе с Коллонтай) в Москву — учиться в Военной академии РККА²⁴. А их красавец адъютант оказался в Екатеринбурге, а затем в Тобольске. Там ему подыскивали новое занятие.

Еще 22 апреля 1918 года ВЦИК принял декрет «Об обязательном обучении военному искусству», в соответствии с которым создавалась

---

²⁴ Павел Ефимович Дыбенко, командующий войсками Ленинградского военного округа, расстрелян в 1938 году как «враг народа». Реабилитирован в 1956 году.

система военной подготовки боевых резервов Красной армии. В первую очередь военную подготовку должна была пройти молодежь до призывного возраста (пятнадцати-семнадцати лет). Так появился всеобуч — Главное управление всеобщего военного обучения территориальных войск.

Страну разбили на дивизионные, бригадные и полковые округа, а внутри территорию делили на батальонные, ротные и взводные участки. В каждом участке выделялись кадровые военные, которые не только занимались военным обучением населения, но и являлись костяком будущих частей, которые могли быть развернуты в случае мобилизации.

В состав всеобуча включили и части особого назначения (ЧОН) — это около 100 тысяч человек. Части особого назначения формировались при партийных комитетах на основании постановления ЦК от 17 апреля 1919 года для борьбы с контрреволюцией и несения караульной службы на важных объектах. Они же использовались для подавления народных восстаний²⁵.

Инспектор Тобольского губвсегобуча Губер-Гриц завершил формирование Отряда северной экспедиции и возглавил его штаб. 17 декабря 1919 года отряд выступил из Тобольска на север.

Продвижение чекистского спецназа не радовало Лопарева и его окружение. Он так характеризовал в своих воспоминаниях близких ему сторонников: «Вошедшие в состав Военного совета Бублик И. А., Перевалов В. Ф. и Литвинов И. И. примерно одного возраста со мной, т. е. 30—33 года, участники, как и я, империалистической войны (исключая т. Бублика). Так, Перевалов — фельдфебель, Литвинов — унтер-офицер, а я, хоть и рядовой, но имел за плечами две учебных команды военного времени. По социальному составу: Перевалов — крестьянин из д. Демьянской, приемыш в исправной семье, на военной царской службе с 1912 года и до окончания войны, беспартийный (убит на польском фронте в 1920 г.). Литвинов — крестьянин-середняк со Стреховой горы, в царской армии с начала войны 1914 года, беспартийный. Я из крестьянской семьи. При помощи дяди получил низшее механико-техническое образование. Призыва 1911 года, призван фактически в середине 1915 года с должности мастера-техника Самаровского ремесленного училища, с 1918 года — инструктор кооперации. Тов. Бублик — политссыльный 1905 года, большой знаток экономики края, пользовавшийся большим авторитетом у населения. В прошлом — эсер, с 1919 года — большевик (умер в 1931 г.).

²⁵ Млечин Л. М. Русская армия между Троцким и Сталиным. М.: Центрполиграф, 2002. С. 192—195.

...Из начальников боевых участков отличились: Бардаков П. Е. — бедняк из с. Болчары, беспартийный (убит во время восстания 1921 г.). Башмаков Х. Р. — крестьянин-середняк из с. Базьяны, унтер-офицер, беспартийный. Крылов И. И. — крестьянин-середняк из д. Моховой Уватского района, унтер-офицер. Карлин С. из бедняцкой крестьянской семьи с. Самарово, рядовой. Скрипунов А. Г. — бедняк из какой-то неясно выраженной семьи с. Самарово, рядовой.

Вся остальная масса партизан состояла почти исключительно из крестьян одного с нами возраста. Было и несколько малышей 14–15 лет...»

Почему Лопарев и другие находившиеся под его влиянием члены военного совета так настороженно отнеслись к появлению отряда Лепехина? Потому что при низкой активности белых на Березовском направлении и полном оставлении ими Сургутского уезда партизаны तोпились растащить доставшееся им совершенно случайно огромное эвакуационное богатство белых.

Лопарев потом признал: «В распоряжении партизан оказались большие запасы продовольствия, оставленного колчаковцами на всем пути отступления из Тобольска. Поэтому у партизан недостатков и перебоев в снабжении не было. Питались мы неплохо. Заняв село или деревню, забирались в лучшие дома купцов и других паразитов и здесь кормились бесплатно и беспошлинно. Поджавшие хвост хозяева из кожи лезли вон, чтобы не попасть прямым сообщением на тот свет. Злое же их посверкивание глазами партизанских appetитов не уменьшало. Мясо и рыбу обыкновенно отбирали у кулаков, да и само население понемногу жертвовало продукты. Местные партизаны останавливались обычно в своих домах и всегда прихватывали своих товарищей. Да и бесконечные друзья-подруги растаскивали их по домам...»

Скрыть грабежи населения было невозможно. Лопарев подтверждал: «Надобности в деньгах мы не имели. Продовольствие получали с баржей и пароходов или на местах от купцов и крестьян бесплатно. Подводы для переброски продовольствия и партизан крестьяне давали также бесплатно. За “тело” (жилье) расходов не несли. На руки партизанам не выдавали ни копейки. Но деньги и другие ценные вещи все же поступали в отряд, и в немалых количествах. Мы их делили по спискам. Так же распределяли купеческую одежду, платье и белье. К сожалению, этого факта, по-видимому, общего для всех партизанских отрядов Советского Союза, я не могу подтвердить документально. Если какие-то документы и сохранились, то только в делах исполкомов, но, вернее всего, эти списки искрутили на сигарки и козьи ножки во время восстания 1921 года».

В такой обстановке пряталось все ценное. Лопарев замечал: «Пролетарская кара скоро настигла мошенников как гром. Часть их ценностей стала достоянием республики, а особо упорные унесли свои богатства на тот свет, на “обед к осетрам”».

Лопарев знал о ценностях сибирских белогвардейцев и драгоценной церковной утвари, спрятанных зимой 1919–1920 годов в окрестностях Сургута. Несмотря на его осторожность, прорвалось в воспоминаниях: «Часть розданного... “по добрым людям” на хранение зажилилось, большинство же... и по настоящее время “кладами лежит в земле”...». Лопарев знал о кладах и искал их.

Другой причиной настороженности Лопарева и военного совета к отряду Лепехина являлась директива о мобилизации в Красную армию мужчин-партизан призывного возраста. Красная мобилизация оказалась для них такой же страшной, как и белая. Воевать по приказу и по уставу партизаны не хотели.

Чтобы показать свою местную боевую значимость, Лопарев и его окружение выехали на фронт к с. Карымкары, где предприняли единственное наступление на позиции белых, но потерпели поражение.

В телеграммах тобольскому военкому Петрову партизаны сообщали вымышленные сведения о появлении на Березовском направлении крупных подразделений белых «в количестве 450 человек, оперировавших ранее на Архангельском фронте», о «движении 120 белых на оленях через Назым в Сургут», о собственных «больших потерях в бою за Карымкары».

Свою реакцию на красную мобилизацию партизан военный совет выразил Тобольску 19 декабря: «Исполнив приказание о мобилизации унтер-офицеров и рядовых призывных годов, мы лишимся командного состава и фактически откроем фронт, так как оставшиеся непризванными партизаны без руководства унтер-офицерами принуждены будут при своей малочисленности и малоопытности, при наших расстояниях и противнике, имеющем в своем распоряжении оленеводов и лыжников-добровольцев из зырян, оставить Сургут и Самарово, что поднимет дух противника, даст ему возможность перейти в наступление и одержать победу».

Дезинформированный подобными паническими сообщениями и не знавший реальной обстановки в уездах Тобольск, посоветовавшись с находившимися в Филинске (в двухстах километрах южнее Самарово) Лепехиным и Губер-Грицем, принял компромиссное решение. В тот же день военный совет получил ответную телеграмму: «Все люди, состоящие на службе в партизанском отряде, мобилизации не подлежат».

В воспоминаниях Лопарева радость: «На обороте этой телеграммы передавший ее Конев поставил подпись с заковыристым подчерком, видно, сильно ему (да и нам) пришлось по душе эта записка. Мало того, Конев повторил ее еще карандашом».

Не состоявшая в партизанах, но подлежащая мобилизации молодежь стала проситься в отряд.

«С топорами, с вилами пойдём на белых, только примите», — так, по словам Лопарева, распинались «желающие» вдруг стать партизанами.

Рассуждать об идейных мотивах партизанского движения на Тобольском Севере после таких признаний не имеет смысла.

Вместо военных действий партизан привлекала «культурно-воспитательная работа». Она, по воспоминаниям Лопарева, заключалась «в организации общих собраний крестьян в занятых нами селах или деревнях. По своим способностям и ораторскому искусству мы рассказывали им о Советской власти, ее задачах и призывали примыкать к нам и помогать чем можно. Вдоволь наговорившись, заканчивали собрания под гармошку и рассказы Сашки Домнина (Скрипунова А. Г.), прибаутки Доки Дошлого (Шмони́на Евдо́кима), уморительно сопровождавшего свои шутки движением отстрелянного им по неосторожности на Белогорье пальца...»

Боевых потерь у партизан не было. К боестолкновениям с противником они не стремились. Запасы провианта на замерзших у Тундрино пароходах и баржах — неисчерпаемы. Только шли телеграммы:

«Тундрино из Самарово. Шлите военным грузом и самой большой скоростью следующие продукты: 60 пудов сахара, 40 пудов консервов, 10 пудов керосину и какие у вас есть еще продукты, полезные для отряда».

Но веселая партизанская житуха кончилась — в Самарово прибыл грозный Лепехин.

Лучше самого Лопарева никто не изложил обстоятельства появления в Самарово экспедиционного отряда ВЧК.

«В Самарово, — вспоминал Платон Ильич, — я приехал из-под Карымкар 21 или 22 декабря поздно вечером. Замерз. Не хотел идти к Лепехину первым — может и сам прийти. Чувствовал, что без крупного разговора с ним не обойдется знакомство. Ругаться с дороги не хотелось. Но пришел вестовой и передал, что Лепехин “требует немедленно явиться”. Ну, раз “требует”, а не просит, значит.. будет бой за партизанщину, за ее дальнейшую самостоятельность. Пошел в дом Чукреек со всякими тяжелыми думами. Членов Военсовета в Самаровском не было, исключая Бублика. Парень он мягкий, серьезно не поддержит. Брать же одному ответственность за отряд было тяжело.

Чего я опасался, то и случилось. Поднимаюсь вверх, вхожу.

Пьют чай Лепехин, Доронина К., Молокова Даша. На столе масло, сахар, рыба. Покуривая козью ножку и как-то затаенно улыбаясь, стоит Мякишев В. В. По комнате ходит красивый военный (Губер-Гриц. — А. П.) со стаканом чая, смотрит на все не то с интересом, не то с опаской, но в улыбке больше симпатии и ожидания. В стороне у печки стоит краснехонький Бублик, смотрит виновато, низко склонив голову. Доронина и Молокова тут уже свои люди, в их глазах и лицах: “Ну, Платон, держись!”.

Лепехин резко поворачивается на стуле, секунды две внимательно рассматривает мою шапку, немудреный полушубок, валенки. Он выше среднего роста, лицо и плечи монгольского типа, короткие черные волосы, энергичное, смуглое лицо, глаза острые, упорные.

Мякишев со смущенной улыбкой бросает:

— Здорово, солдат! — очевидно, так хочет сказать Лепехину: пришел тот, кого ждали.

Лепехин начинает с броска.

— Почему не явились немедленно?

Спорить бесполезно, а сдаваться сразу не привык. Отвечаю полушутя:

— До меня такое же расстояние, как от вас до меня, а приехал сюда Лепехин последним.

Здороваясь, знакомлюсь, хочу этим перевести разговор к более мирному тону, но Лепехин берет “с понту”.

— Весь партизанский отряд, согласно мандату Троцкого, я мобилизую и вливаю в свои части. И никаких возражений. В Карымкары я уже распорядился дать белым решительный бой и идти на север.

— Не знаю, есть ли у тебя мандат Троцкого, а вот я имею разъяснение военкома из Тобольска, что партизаны мобилизации не подлежат.

— Никаких Военных советов, никаких партизан. Полное подчинение мне, и — точка!

— Благими намерениями путь в ад вымощен. Попробуй потолкуй об этом с партизанами. Я лично не могу брать на себя ответственность за их решения и принужден пока от ваших предложений воздержаться.

— Немедленно посажу в чижовку (клоповник такой в волостных управлениях с железными решетками)!

А сам думаю: ведь посадит, заполошный черт, ничего с ним не сделаешь. Наших тут никого. Надо ему насоврать. От шума и драки толку не будет, сгубим и людей и дело.

— Ладно, давай чаю: с дороги не могу наесться.

Лепехин наливает чай, и разговор переходит в более спокойный тон. Тут и Арся Никифоров пришел в своих неизменных сотрях и се-

рой шинели (убит в 1921 году во время восстания в юртах Лорбат). Его примиряющая пассивность, смех и шум еще больше убили меня. Разговор скоро перешел к операциям на фронтах. Я нарисовал опасную картину возможного выхода в наш тыл группы белых с вершин р. Конды по Гаринскому тракту и заявил о необходимости организации туда глубокой разведки. Но Лепехин тут же прямо поставил вопрос о проведении разведки мною. Опасность этой разведки мне была ясна больше чем всем присутствующим: уйти на лыжах на сотни километров в тайгу, в среду враждебного красным туземного населения, невозможность скрыть следы, явно не вернуться обратно, если там действительно белые, — такова перспектива этого рейда.

— Я согласен. Ты, Арся, едешь со мной?

— Поеду.

— Если сегодня же утром, только вдвоем через Богдашку на Васпухоль (200 км от р. Обь) и дальше на лыжах до юрт Кошатских и вершин р. Конды. Документы от волостного правления на агентов по заготовке продовольствия. Другие — от красных, пусть заготовит твой штаб.

Лепехин согласился с довольной улыбкой. Я эту улыбку понял: изолировать меня от партизан. Ничего, если я совсем не вернусь из разведки.

Ребята ничем не выдали волнения, шутили, смеялись, а ведь для большинства из них я был хорошим товарищем и другом. Из девок обо мне мог кое-кто беспокоиться и поглубже».

Так Лопарев стал жертвой своей же «пушки» — дезинформации, которой он хотел напугать Лепехина и задержать продвижение на север красной экспедиции. Но «брат Мишки Япончика» Монгол не поверил этим слухам и разом исключил слабого соперника из событий на главном направлении наступления, отослав его «туда, не знаю куда». Партизанское движение на Тобольском Севере закончилось 20 декабря 1919 года, не успев, по существу, и начаться.

Приложение № 2

В редакцию газеты «Советский флот»

подполковнику тов. Поликарпову

Ваше письмо и № газеты «Советский флот» от 25.8.1959 г. со статьей генерал-лейтенанта Телегина, посланные на мое имя, получены.

На поставленные Вами вопросы могу сообщить следующее:

...Тов. Телегин в своей статье пишет: «На р. Тавда колчаковцы создали речную флотилию, в состав которой включили товаро-пассажирский

пароход “Иртыш”. Из 60 чел. экипажа на п/х “Иртыш” половину составляли белогвардейские офицеры и добровольцы, а остальные мобилизованные солдаты и матросы. Среди мобилизованных оказался балтийский матрос Водопьянов, которого, как наиболее подготовленного и опытного, назначили капитаном парохода “Иртыш”...”

Такая трактовка т. Телегина совершенно неправильна.

Первое: п/х «Иртыш» с начала своей постройки и по настоящее время под названием «Ударник» являлся и является буксирным пароходом; в то время лишен был всяких палубных надстроек, даже служебных.

Второе: когда колчаковцы поставили «Иртыш» под вооружение, на нем была гражданская команда в количестве более 30 человек, в т. ч. и капитан Нарицын А. Ф.

Третье: после вооружения на пароход была посажена военная команда добровольцев 20–25 чел., мобилизованных чел. 15, из них 8–9 моряков, в их числе и Водопьянов. Балакин Николай, на которого ссылается в статье т. Телегин, и еще один моряк по фамилии Гарожный Александр и человека четыре – офицеров флота.

Четвертое: из мобилизованных моряков Водопьянов был назначен командиром орудия; в его распоряжении был орудийный расчет. После восстания никаких изменений не произошло за 3–4 дня. Водопьянов так же командовал артиллерийским расчетом. Гарожный был назначен военным механиком над машинной командой, ему подчинялся механик парохода и его штат.

Пятое: капитаном парохода от начала до конца был Нарицын Александр Федорович. На реку Тавда было послано два вооруженных парохода белых, составлявших дивизион: п/х «А. Невский» – флагман и п/х «Иртыш». Некоторое время они находились вместе, потом п/х «А. Невский» был отозван на реку Тобол. Учтя благоприятный момент, руководители восстания, в частности, Водопьянов воспользовались этим моментом 22 августа.

Уже 24 августа п/х «Иртыш» посадил крупный отряд у деревни Плеханова и, ожидая результат операции, стоял у берега.

Белое командование, узнав о восстании, послало два вооруженных парохода – «А. Невский» и «Тюмень». У дер. Плеханова произошла встреча сторон: п/х «А. Невский» первым атаковал п/х «Иртыш». «А. Невский» был вооружен 3-дюймовой пушкой и четырьмя пулеметами. Пока наводил орудие и брал «вилку», п/х «Иртыш» вышел на середину реки. Водопьянов первым снарядом сбил орудие, а вторым – рулевое управление. С обеих сторон стреляли пулеметы, а с п/х «Иртыш» – десятка три винтовок.

Пароход «Тюмень», видя, что п/х «А. Невский» остался без рулевого управления, стал отступать 18 километров задним ходом (со слов капитана Поталова Петра Михайловича, пенсионера, проживающего ныне в г. Тобольске). В этом бою был сражен Водопьянов и похоронен у села Иевлево.

Так был окончен первый этап.

Колчаковцы, отступая из г. Тюмени, угнали несколько пароходов, дебаркадеры, даже лодки. Рабочие Затона решили помочь родной Красной армии. Они решили подарить ей пароход «Стефан», корпус которого полтора десятка лет лежал на берегу реки Тура: можно представить, что от него осталось за 15 лет на сухом месте. Но люди работали день и ночь, спали на месте работы, и через 10–12 дней пароход был спущен на воду, испробован и сдан речной флотилии 51-й дивизии под названием «ОСОВЭК-Мрачковский», т. е. «Отряд Северной Экспедиции Мрачковского».

П/х «ОСОВЭК» погрузил на себя котельщиков, кузнецов, слесарей для восстановления п/х «А. Невский» и новую для него команду. Таким образом, в составе красной речной флотилии оказалось три боевых судна: «Спартак» — б. «Иртыш» и «ОСОВЭК» — б. «Стефан».

Со взятием г. Тобольска два п/х «Спартак» и «Водопьянов» преследовали белых сначала на север до Нового Села (ниже Тобольска 150 км). Здесь пароходы разошлись: п/х «Спартак» — на Омск по реке Иртыш, а п/х «Водопьянов» — по рекам Иртыш и Обь на Томск. Но с п/х «Водопьянов» произошла трагедия. В первую же ночь он остановился у дер. Кошелева (т. наз. Кошелевской горы). Не принял никаких мер предосторожности, даже не погасил дуговые фонари. В это время задним ходом, очень тихо к нему подошли два белых парохода, и в упор под свет прожекторов стали его расстреливать. Пароход «Водопьянов» затонул на мелком месте — команда погибла. После этой трагедии белые высадили десант и вновь заняли г. Тобольск.

Тем временем на п/х «Спартак» кончились снаряды морского орудия. Отправлен в Тюмень на перевооружение. Там на нем установили 42-линейные гаубицы, выделили собственную артиллерийскую прислугу. 15 октября пароход возвратился на позиции у дер. Бишура, выше дер. Худяковой (км 5–7). Наблюдатель с Худяковской колокольни передал о появлении белой флотилии. П/х «Спартак» из кормового орудия открыл огонь. Тогда с судов белой флотилии снеслись по радио с г. Тобольском. Там находился сам Колчак. Приказал во чтобы то ни стало уничтожить красный пароход. В воздухе раздался далекий рокот мотора — показалась большая серебристая птица — гидросамолет.

лет. Бомба за бомбой повалились на п/х «Спартак». За первым гидро-самолетом появился второй – бомбовые атаки продолжались до наступления темноты. Одна бомба разорвалась у правого гребного колеса, другая – у левого, но на берегу. Землей завалило палубу, был ранен в руку Нарицын.

После вторичного занятия красными г. Тобольска п/х «Спартак» был разоружен и до закрытия навигации выполнял тыловые задания фронта. 13 ноября закован льдами у пристани Иевлево, где зазимовал. Этим закончен был славный боевой путь парохода «Иртыш» и его команды.

Ларькин, бывший пом. механика
п/х «Иртыш», 4 ноября 1959 г.
г. Тюмень (публикуется впервые)

ГАСПИТО. Ф. 4012. Оп. 17. Д. 6. Л. 9–11.

Обские партизаны

Ухваткой рыси, ветки раздвигая,
Неслеженной тайгой крадется партизан.
Следом за ним по куржаку мороза
Мелькают красные банты ушанок северян.

Далекий путь... Тяжелая дорога...
Распутица преграды ставит на пути,
Не счесть ночных стоверстных переходов
От снежных гор Урала до равнин Оби.

Метровый снег тайги и рыхл, и лепок,
Прорезан лыжницей упорной до земли.
Немекют плечи от ремней навесок,
Не входят ноги вспухшие в пробитые пимы.

Но путь один – вперед на Север!
Через засады, засеки, вихревые бои,
Через непреодолимые природные преграды –
Туда, где гибнут красные товарищи твои.

Тайгу, снега и банды прошибая,
В кольцо врагов на тысячном пути,
Через Шаим, Супру и Лорбат
Отряд ударил по врагам Оби.

«Бросай оружие! Сдавайся!
Клонись Советам до земли.
Вяжи головку! Рассыпайся!
Иди к труду! К семье иди!»

Крепко засилье банды лиходеев:
Купцов, чинуш, шаманов и дворян...
Обдорск, Сургут, Березов и Самаров
Бросают бедняков на братьев-партизан.

Их только тридцать три — бесстрашных и упорных,
Громивших Польшу, Перекоп и Колчака,
Непобедимой партии железная рука.

П. Лопарев, г. Тобольск, 1936 год

ГАСПИТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 400. Л. 72 об.

ГЛАВА III

Эпоха Гражданской войны на просторах бывшей Российской империи 1918–1922 годов, новое «смутное время», изобилует авантюристами.

Во французском языке авантюрист — это «лицо, склонное к риску, к опасным приключениям». В русском лексиконе это, скорее, человек, не только не считающийся с закономерностями и реалиями обстановки, но и игнорирующий интересы других людей. У нас авантюрист — всегда понятие негативное... Когда меньше романтики и больше крови. Когда ценность человеческой жизни сводится к стоимости патрона.

Михаил Булгаков, переживший Гражданскую войну, писал: «Была бы кутерьма, а люди найдутся». Они нашлись в избытке: жаждущие власти и славы, готовые на подвиг и на предательство...

В нужное время и в нужном месте

Содержание разговора Лепехина с командиром партизанского отряда Зыряновым 20–21 декабря 1919 года в Самарово неизвестно.

Антонин Петрович погиб в марте 1921 года в стычке с мятежниками при отступлении из Сургута на Нарым. Его бумаги позднее оказались у Лопарева. Как тот отметил в воспоминаниях: «Спустя несколько лет (после 1919 г.) я случайно раскопал остатки документов т. Зырянова...»

По показаниям Николая Петровича Зырянова, эти документы его старшего брата были изъяты 10 февраля 1937 года сотрудниками НКВД при обыске квартиры Лопарева в Тобольске.

Можно предположить, что Лепехин поручил А. П. Зырянову, назначенному им военным комендантом Сургутского уезда, розыск вывезенных белогвардейцами из Тобольска ценностей. В сопровождение Зырянову был определен немец Роберт Валенто, ставший в феврале 1920 года председателем Сургутской уездной ЧК.

Зырянова-младшего Лепехин взял к себе адъютантом и сосредоточился на Березовском направлении. Эти события Николай Петрович так изложил в собственных показаниях для НКВД: «В половине декабря 1919 года в помощь партизанам из Тобольска в Самарово прибыл Отряд северной экспедиции. Им командовал от ВЧК Лепехин Александр Петрович, начальником штаба был капитан царской армии Губер-Гриц. Отряд насчитывал около 140 молодых бойцов — крестьян, на вооружении имел винтовки, пулеметы и некоторый запас боеприпасов. Часть партизан вместе с командирами, действовавшая в направлении Березова, была включена в отряд Лепехина. Партизаны на Сургутском направле-

нии под командой Зырянова А. П. продолжили наступление на восток. Члена Военсовета Лопарева Лепехин направил в глубокую разведку в сторону Урала, остальных откомандировал в подразделения своего отряда — так Военсовет прекратил свое существование.

Вскоре красные заняли Сургут и уезд, захватив на участке между населенными пунктами Зенково и Тундрино большую военную добычу — баржи с соленой рыбой и рыбными консервами рыбопромышленника Плотникова. Отряд северной экспедиции выбил колчаковцев из деревни Карымкары. Увидев, что им противостоят не партизаны, а военные, белогвардейцы отступили на Березов, но в деревне Новой пытались оказать сопротивление. Этот населенный пункт расположен на левом берегу реки Оби. Конный тракт с реки поднимался в деревню, пересекал ее и дальше поймой реки уходил на север. Местность открытая, ровная, без ям и бугров. Колчаковцы поливали наступавшие красные цепи ружейным и пулеметным огнем. Появились убитые и раненые, создалось критическое положение. Презируя смертельную опасность, командир отряда Лепехин встал во весь рост и с криком «Ура!» повел бойцов на врага, который, не выдержав смелости красных, очистил деревню...»

По-другому описал это единственное боестолкновение красных и белых на Тобольском Севере непосредственный его участник Максим Зуев.

«Наш второй взвод, — вспоминал ветеран-чекист, — был назначен для проведения операции по разгрому белогвардейцев, засевших в юртах Новеньких. Для этого нашему взводу придали два взвода партизан, а общее командование поручили политкому отряда тов. Иваненко.

Не доехав примерно 1–2 километра до юрт, бойцы высадились с подвод. Тов. Иваненко, находившийся в нашем взводе, дал команду встать на лыжи, но из этого ничего не вышло, так как почти никто из нас ходить на лыжах не умел. Пришлось оставить лыжи на подводах и идти по глубокому снегу друг за другом «цепочкой»: впереди — здоровые и высокие, за ними — низкорослые.

Шли мы лесом (запомнились березы). Вдруг раздался со стороны юрт выстрел, потом второй, третий... Следом пулеметная очередь. Тов. Иваненко приказал рассредоточиться по фронту, но сделать это по снегу было трудно, а бежать — невозможно. Будучи в возбужденном состоянии, я не заметил, как оказался на дне оврага, и обнаружил, что из под сумки высыпались патроны. Собрать их все мне не удалось, так как они провалились глубоко в снег. Из лога на противоположную сторону нас выбралось человек шесть, в том числе и тов. Иваненко.

Мы находились на окраине юрт, а из оград и из-за домов вспыхивали в предрассветной темноте огоньки — белые стреляли в нашу сторону.

Тов. Иваненко поднялся на ноги, взял свой карабин на плечо и побежал вперед нас по улице, крича: «Товарищи, за мной! Ура!» Мы устремились за ним. Тов. Иваненко выбежал на бугор и сразу упал. Я не понял, в чем дело, и тоже упал, думая, что так и нужно. Но, услышав стон, понял, что он ранен. Я ничем не мог ему помочь, а в голове неотступно вертелась одна мысль — больше огня. Мне представлялось, что если белые узнают, что нас в юртах мало, то вернутся и всех нас перебьют. Поэтому я стрелял в темноту не целясь, а когда кончились патроны, то подполз к Иваненко, взял его карабин и продолжил стрельбу. Потом подоспело подкрепление. Белые отступили.

Я бегал по дворам, искал лошадь, чтобы увезти раненого политкома. Его поместили в наш временный госпиталь в М. Атлыме. Кроме него там лечились пять красноармейцев с обмороженными ногами. Убитых в этом бою не было. Карабин тов. Иваненко остался у меня, с ним я уехал на польский фронт.

В юртах Новеньких наш взвод находился несколько часов, а потом выехал в погоню за белыми. Кондинское они оставили без боя. Наш путь лежал на Березов. Тогда у нас случился печальный случай. Первому и второму взводам было приказано окружить белых в одной деревне (название не помню) и уничтожить. Наш взвод, поставив подводы, тихо подошел к окраине деревни и залег. Мы заметили, что на противоположной стороне между деревьями перебегают вооруженные люди. Предположили, что это белые. От них в нашу сторону последовал выстрел — завязалась перестрелка.

Вскоре, когда стало светлее, мы узнали в стрелявших в нас латышей из первого взвода. Стали кричать друг другу и выяснили, что они тоже приняли нас за белых. Но по ошибке один латыш из первого взвода был убит, его похоронили в Березове. Командир отряда тов. Лепехин расстроился этим случаем и отстранил командира первого взвода от должности».

В исторических исследованиях 50–60-х годов прошлого века отход колчаковцев в Березово представлен как цепь полных драматизма кровопролитных сражений. Но не все принимали такую трактовку событий. Тот же Зуев не согласился с утверждениями И. А. Иванова в книге «Борьба за установление Советской власти на Обском Севере», изданной в Ханты-Мансийске в 1957 году. Иванов так описал бой за юрты Новенькие: «Белогвардейцы в яру из окопов почти в упор вели пулеметный и ружейный огонь. Несмотря на пасмурную ночь, один за другим падали красноармейцы, цепь залегла. Иваненко, не изменяя своего плана, подал команду готовиться к атаке, но в этот момент его голос

оборвался, разрывная пуля выше голени раздробила ему ногу. Правее его стоял красноармеец».

Автор книги ссылаясь на воспоминания партизана Скрипунова, в отношении которых Зуев возразил: «В бою за юрты Новенькие я был все время с тов. Иваненко, который командовал нашим вторым взводом. Я утверждаю: ни один из красноармейцев не погиб. Ранен был только политком тов. Иваненко. Человек пять отморозили ноги и лечились вместе с ним в М. Атлыме. Никаких окопов ни у белых, ни у нас не было...»

Эти и другие замечания и возражения не воспринимались. История Гражданской войны на задворках Отечества излагалась по одному идеологическому трафарету, без учета местных особенностей.

В повествованиях участников тех событий на Тобольском Севере главным злодеем назывался некий Турков. Лопарев считал его «сыном тобольского купца, палачом, начальником карательного отряда, совершившего в декабре 1918 года поход из Тобольска в Саранпауль и разгромившего там красный гарнизон».

Лопарев и поверившие ему историки, включая осторожного в оценках прошлого югорского писателя Николая Коняева, думали, что Турков был в марте 1920 года расстрелян Тюменской губчека.

Ошибочные или сознательные утверждения о злодеяниях местных белогвардейцев не соответствуют действительности. Сохранившиеся в архиве Регионального управления ФСБ по Тюменской области показания Туркова, Витвинова, Булатникова и Кислицкого дают возможность по-другому представить этих людей и показать их роль в бескровном завершении драматических событий начала 1920 года в Березовском уезде.

Тогда Александру Михайловичу Туркову, уроженцу купеческой семьи из Тобольска, окончившему там высшее начальное училище, жене тому и имевшему ребенка, исполнилось 22 года.

На допросе 15 января 1920 года он показал: «При Временном Сибирском правительстве я служил в Тюмени в 18-м Сибирском степном кадровом полку по мобилизации до декабря 1918 года. Потом в Тюмени сформировали Северный отряд, в который меня зачислили младшим офицером. С этим отрядом я отправился в Саранпауль – Ляпино Березовского уезда. Потом находился на отдыхе в Березове, откуда командировался в Тобольск для закупки продовольствия Северному отряду. Там получил по болезни двухмесячный отпуск. После открытия навигации 1919 года комендант Тобольска штабс-капитан Киселев отправил меня обратно в Саранпауль, но отряд к тому времени выбыл в Тобольск. Поэтому я был назначен комендантом г. Березова. В этой должности находился до 10 декабря 1919 года, после чего отбыл в с. Кондинское по приказа-

нию начальника Березовского гарнизона поручика Витвинова. Столкновений с красными войсками у меня за последние месяцы не было ни разу.

Так как связь с Колчаком прервалась еще с октября 1919 года, мы находились в подчинении Северного архангельского правительства. Моим непосредственным начальником был поручик Витвинов.

...В расстреле 57 красноармейцев в с. Покровском я не участвовал, находился тогда в Тюмени. Слышал, что этот расстрел совершил карательный отряд с офицерами Лушниковым и Муромцевым. Лушников командовал потом Северным отрядом, в котором я был его помощником. За все время военной службы я никого не расстреливал и ни разу не присутствовал при расстрелах. Пороть крестьян за неповиновение приходилось по приказанию поручика Лушникова».

Допрошенный 26 февраля 1920 года 28-летний Семен Георгиевич Витвинов, уроженец Дымковской волости Туринского уезда Тобольской губернии, из крестьян, окончивший четырехклассное городское училище, женатый, воспитывающий двоих детей, показал: «В белую армию мобилизован и назначен 18 июня 1918 года комендантом с. Самаровского, потом переведен в 6-й Сибирский кадровый полк младшим офицером 15-й роты. В Северном отряде был откомандирован в г. Березов для несения караульной службы, где и находился до 28 декабря 1919 года. Так как других воинских частей в Березове не было, то я явился начальником гарнизона, ответственным за государственный порядок и общественное спокойствие. Ни одного приказа о расстрелах и порках я не давал.

21 октября была прервана связь с Тобольском. Тогда же получены сведения, что между Тобольском и Березовым появился отряд грабителей. Население нуждалось в моей помощи и защите. Под лозунгом борьбы с бандитами начались военные действия. После нескольких стычек разведок стало выявляться, что в Березовском уезде, который уже подчинялся Северному архангельскому правительству, появились регулярные красные войска. После боя в юртах Новеньких, где моему отряду пришлось иметь дело с красным отрядом в 200 человек, я отдал приказ об отходе на Сартынью, очистив дорогу на Березов.

В Сартынье я и мой отряд были подчинены архангельскому правительству. Тогда же все силы были оттянуты в Саранпауль, где и находились до 27 января. Архангельские офицеры исполняли свои обязанности в Березовском уезде со 2 декабря, но официально они возглавили командование объединенными отрядами 29 декабря.

При отступлении из Березова мне было приказано сжечь хранившийся там хлеб — более трехсот тысяч пудов, но я приказание не выполнил, за что по законам военного времени мог быть расстрелян.

25 января в Саранпауль прибыла делегация от городской думы Березова и отряда Красной армии, которая просила, чтобы я и мой отряд добровольно сдались. Нам всем гарантировалась при этом безопасность. Я считал, что мне лично ничто не угрожает и хотел сдаться, но не я уже командовал Саранпаулем, а печорские офицеры, и с ними 50 солдат-добровольцев, которые и не думали сдаваться красным без боя. Мой отряд состоял из 130 человек, большей частью малоопытных и ненадежных. А Саранпауль был хорошо укреплен и войска сильно вооружены: до 20 пулеметов, 400 гранат. При наличии кольцевых окопов и проволочных заграждений мы могли бы успешно и долго держаться, но воевать с регулярными войсками не хотелось.

27 января после обработки солдат своего отряда Печорский отряд был нами разоружен и отправлен в Шугор. К командиру красных частей мы послали свою делегацию и сложили оружие. Своим отрядом я командовал еще 13 дней. По просьбе населения командир красного отряда Лепехин назначил меня военным комендантом Березовского уезда. Ни одной жалобы на меня ему не поступало.

...Прошу учесть, что я сдался не потому, что выхода не было, а по убеждению закончить войну. Путь отступления на Печору был открыт. В Шугоре находилась моя семья в заложниках. Я рисковал жизнью родных, делая восстание. Семья была возвращена в Саранпауль только в обмен на печорских офицеров.

Многую сданы красным хорошо укрепленные позиции, а также сильное вооружение: 11 пулеметов, 200 винтовок, 70 тысяч патронов, 150 верст телефонного кабеля, 10 телефонных и 2 телеграфных аппаратов...»

Показания поручика Витвинова подтверждались сообщением газеты «Известия Тобольского ВРК и Тобольской организации РКП(б)» от 8 февраля 1920 года: «Северным отрядом т. Лепехина 31 января занят Саранпауль; белогвардейский отряд сдался, пленных 3 офицера, 130 солдат, 11 пулеметов, 200 винтовок, 70 тыс. патронов».

Кроме Туркова и Витвинова, в Березовском уезде был еще один офицер: 25-летний прапорщик Анатолий Васильевич Булатников, уроженец Дубровской волости Ялutorовского уезда Тобольской губернии, вдовец, учитель земского начального училища Тобольского уезда (в деревнях Экстезерск и Супринск), которого поручик Витвинов мобилизовал «временно для получения защиты жителей Березовского уезда от появляющихся в его пределах банд».

Булатников, как учитель, на основании циркуляра Главного штаба Верховного главнокомандующего от 9 марта 1919 года не подлежал мобилизации, и его приглашение на военную службу (он мог отказаться)

должно было, по мнению Витвинова, убедить население уезда в способности местного управления сохранить общественный порядок.

В своих показаниях Булатников отметил: «В июле 1919 года я из Тобольска приехал к отцу в Малый Атлым. В ноябре меня как бывшего офицера мобилизовали временно для борьбы с грабителями и мелкими отрядами дезертиров. С отрядом в 11 человек я прибыл в Кондинск. Наш отряд имел два столкновения с красными с убылью у нас в 4 раненых. Подпоручик Турков прибыл мне на помощь с отрядом в 11 человек и принял командование от меня. С нами в Кондинском находились печорские пулеметчики, а их пехота осталась в Саранпауле – Ляпине. Связи с войсками Колчака у нас не было, и мы перешли в подчинение Северного архангельского правительства. Над населением я не глумился и никого не обижал. Расстрелов я не чинил, и в моем присутствии никого не расстреливали. Был случай, когда выделившаяся из моего отряда группа под покровительством Якова Канева расстреляла двух крестьян без моего разрешения недалеко от Карымкар, приняв их за партизанских разведчиков. Отдавать приказание о порке приходилось. В с. Малом Атлыме по приказу Витвинова одной крестьянке за распространение панических слухов дали 25 розог. В с. Кондинском тоже 25 розог дали крестьянину, кажется, Уткину за разведку в пользу партизан.

Я сдался Советской власти добровольно, причем был заключен договор о переходе всего отряда на сторону красных».

Как настоящий учитель, Булатников вел дневник, в котором отразил подробности этого события:

«В командование Сартыннинским боевым участком 1 января н. ст. 1920 года вступил печорский офицер поручик Озадский. Начальником 1-го поста назначен прапорщик Булатников, начальником 2-го поста – штабс-капитан Рацевич. Поручик Витвинов – при штабе, подпоручик Турков временно отправился в Усть-Шугор.

В с. Сартынском отряд оставался 3–4 суток, а потом из-за неудобной позиции отступил до Саранпауля (Ляпина), отстоящего от Березова в 500 верстах. Здесь провели переформирование постов и пулеметных команд. Начальником Ляпинского боевого участка и комендантом села Ляпино остался поручик Озадский. Все более важные командные должности заняли прибывающие из-за Урала печорские офицеры. В случае сильного давления красных нам приказано отступить в Шугор. Нам рассказывают об успехах белых в России следующее: Деникин стоит под Москвой, а Юденич взял Петроград. В газетах, привезенных из-за Урала, также сообщения об успехах белых на всех фронтах и о жутких зверствах красных.

В Ляпино приехал английский военный инженер Сакс с саперами и приступил к устройству оборонительных позиций: сделаны окопы из снега, навоза и песка, все залито водой и заморожено; с южной стороны вырублен лес, окружавший деревню.

С северной стороны протекает река Ляпин, западная и восточные стороны – равнины открытые. На высотах сооружены опорные пункты – “редуты” с земляными окопами и блиндажами. В строительных работах участвуют не только саперы и наши солдаты, но и местное население, не исключая женщин. Все они еще не забыли зверства красных в 1918 году и боятся их прихода.

Из Щугора привезли колючую проволоку для устройства проволочных заграждений. Молодежь, мобилизованная в Березове, вооружена винтовками. Всем раздали английские стальные каски. Отряд насчитывал 200 штыков при 11 пулеметах, гранатах и до 60 тысяч патронов. Есть лазарет с инструментами и медикаментами. Телефонная и телеграфная станция связала нас с Щугором, отстоящим от Ляпина в 150–160 верстах. В селе подготовлено до 14 тысяч пудов зерна и хлеба к вывозу за Урал. Ляпино представляет собой настоящую крепость.

В 20-х числах января начальником Ляпинского боевого участка назначен приехавший из Щугора штабс-капитан Хрисанфов. Спустя несколько дней после его приезда прибыли из Березова от городской управы делегаты для проведения мирных переговоров.

По распоряжению Хрисанфова делегатов доставили в село с завязанными глазами. О чем говорили они с Хрисанфовым, мы не знали. У дверей штаба выставлены часовые. Вход в штаб запрещен всем, кроме нескольких приближенных к начальнику офицеров, а именно: Рацевича, Дроботова и Витвинова.

Но Турков узнал от ямщика-инородца, привезшего делегацию, что в ее составе находится его тесть. Туркову удалось с большим трудом выпросить у Хрисанфова свидание со своим тестем, но в присутствии самого Хрисанфова. Когда делегатов увозили с завязанными глазами обратно, Туркову удалось в темноте вскочить на сани, в которых ехал тесть. От него он узнал, что Березовская городская управа обратилась к нашему отряду с “воззванием” не проливать напрасно кровь и принять мирное предложение советского отряда, командир которого гарантировал всем нам полную безопасность и свободу.

Тесть Туркова сказал, что это твердая советская власть, в отличие от дезертиров-партизан бойцы советского отряда никого не грабят и не расстреливают. Эти сведения Турков передал нам; их потом подтвердил Витвинов.

Мы развернули агитацию среди технического персонала гарнизона, а тот пропагандировал солдат. 25 января 1920 года был выработан план восстания. Его руководителем выбрали Туркова. Витвинову и мне, Булатникову, Турков поручил под каким-нибудь предлогом собрать вместе печорских офицеров, дабы те не воспротивились восстанию. Начальнику милиции Кислицкому с командой милиционеров нужно обезоружить пулеметную команду 2-й роты, где Турков с техническим персоналом обезоружит находящихся там печорских солдат.

26 января в 5 часов вечера началось восстание. План удался. После обезоруживания пулеметной команды и солдат 2-й и 1-й рот Турков оцепил помещение для печорских офицеров и объявил им, что они арестованы (с ними оказался и Витвинов, который отвлекал их разговорами). Арест Витвинова был сделан специально по его просьбе, так как его семья, эвакуированная в Шугор, находилась в руках печорцев. После ареста офицеров Турков с верными ему солдатами из 1-й роты захватил остальные 9 пулеметов, размещенных на разных высотах. Начались его переговоры с ротмистром Бунаковым из Шугора. Договорились об обмене арестованными офицерами и солдатами на семьи Витвинова и других граждан Березова. Семьи возвратились в Саранпауль, а офицеры и солдаты уехали в Шугор. При отъезде печорские солдаты заявили нам, что в своих родных местах устроят такой же переворот. Кое-кто из них и доктор-хирург Солчев добровольно остались в Саранпауле.

Тотчас составили протокол, выбрали делегатов и отправили их в с. Сартынью для переговоров с начальником красного отряда Лепехиным. Скоро к нам с мандатом Лепехина приехали начальник штаба отряда Губер-Гриц, полуротный 2-й роты Филатов и начальник пулеметной команды Ушаков. Был составлен мирный договор, который гарантировал полную безопасность и свободу офицеров и солдат березовского отряда. По приезде в Саранпауль Лепехин на митинге в присутствии Губер-Грица перед всем отрядом заверил нас в точном исполнении договора.

Еще один участник этих событий – 36-летний начальник Березовской уездной милиции Николай Николаевич Кислицкий. Тот, кто в бытность начальником Тюменской уголовной милиции успел составить рапорт «Об обстоятельствах захвата власти в Тюмени большевиками 27 февраля нового стиля 1918 года в 10 часов утра». «Самого Кислицкого, – дописали в рапорте его подчиненные, – сразу же увели на станцию Тюмень в карательный отряд известного палача Запкуса». Тогда ему удалось остаться в живых.

Через два года на допросе в Тюменской губчека он показал: «В милиции я служил с 1917 года, куда был выбран и откомандирован 7-й ротой

35-го Сибирского стрелкового полка. Потом оставался на этой службе из желания избежать мобилизации в армию Колчака...

...Не имея сведений с октября 1919 года, что делается вообще на русской земле, в связи с оторванностью Березова от Тобольска, мы получали некоторое время зашифрованные телеграммы из Сургута. С появлением грабителей в Малом Атлыме и других местах для их ликвидации был выслан отряд, которым командовали прапорщик Булатников и подпоручик Турков.

В декабре в Березов приехали представители архангельского правительства с пулеметными командами. Они также не освещали истинного положения дел, а в газетах сообщалось об успехах белых на всех фронтах. После эвакуации в Саранпауль туда прибыла делегация Березовской городской управы с предложением о проведении мирных переговоров с красным отрядом. Но мы не знали об этом предложении, так как начальник Ляпинского боевого участка штабс-капитан Хрисанфов выпроводил делегатов из села и изорвал письменные воззвания городской управы и командира красного отряда Лепехина.

Благодаря счастливой случайности в составе делегации находился тесть подпоручика Туркова — Кушников Николай Тихонович. Он рассказал о действительном положении на фронте и разгроме войск Колчака, а также отметил надежность новой Советской власти, отличной от той, которая была в 1918 году. Турков рассказы своего тестя пересказал нам: мне, Булатникову и Витвинову. Мы решили совершить переворот и сдать красным без боя. Руководителем восстания выбрали Туркова. По его указанию я с милиционерами обезоружили сначала команду пулеметчиков, затем остальных солдат. Печорских офицеров арестовали и обменяли на наши семьи, находившиеся в Шугоре. После переворота прошли мирные переговоры с начальником штаба красного отряда Губер-Грицем, который по приказу Лепехина гарантировал всем нам безопасность и свободу...»

Тогда красным кроме оружия и боеприпасов достался считающийся до настоящего времени пропавшим так называемый Березовский архив — переписка Троцкого и Авксентьева во время их ссылки, арестантские дела и другие редкие бумаги.

В акте от 27 мая 1920 года о проверке материальной и продуктовой отчетности Отряда северной экспедиции тов. Лепехина отмечено: «В денежном ящике отряда обнаружены золотые и серебряные вещи, нигде не записанные, опечатанный большой сверток со звонкой монетой, 13 дел о бывших ссыльнопоселенцах и иные бумаги, представляющие историческую ценность».

Думаю, что Лепехин передал эти материалы, по всей видимости, компрометирующего характера, председателю Реввоенсовета Советской республики Троцкому. Из рук в руки. Тем самым он заслужил его особое расположение. За операцию по освобождению Тобольского Севера от белогвардейцев Лепехин был награжден Почетным революционным оружием — маузером с наложенным на его рукоятку орденом Красного Знамени (этим особым видом награды были отмечены за Гражданскую войну всего двадцать военачальников; почти всех их расстреляли в 30-е годы по вымышленным обвинениям как «врагов народа»).

Командир Отряда северной экспедиции Лепехин понимал: штурм хорошо укрепленных позиций белых в Саранпауле мог обернуться для красных катастрофой. Если бы не помощь восставших офицеров Туркова, Витвинова, Булатникова и начальника местной милиции Кислицкого. Поэтому Лепехин 31 января 1920 года отправил с ними письмо тюменскому губвоенкому: «При этом препровождаю сдавшихся без боя офицеров Булатникова Анатолия, Туркова Александра и начмилиции Березовского уезда Кислицкого Николая, которыми был обезоружен печорский отряд. Комсевотряда Лепехин. Начштаба Губер-Гриц».

Однако в истории края заслуга по освобождению Саранпауля от белых приписывалась... тому же Лопареву. В книге А. Б. Гамбарова указано: «Сильно укрепленный пункт белых почти у самого подножья Урала, в Саранпауле, благодаря искусно примененному Лопаревым маневру был занят очень быстро, ценой малой крови и жертв. Здесь были разбиты и пленены крупные силы врага и взяты большие военные трофеи...»

Возражения, пожалуй, единственного здравствовавшего в 1958 году свидетеля (и участника) тех событий Зуева о том, что «...тов. Гамбаров извратил исторические факты, приписав операцию по разгрому белых в Саранпауле тов. Лопареву... ни крови, ни жертв не было — белые сдались без боя...», не воспринимались.

Но Гамбарова можно понять: он использовал воспоминания самого Лопарева. Если этим воспоминаниям верить, то Лопарев присоединился к Отряду северной экспедиции в Березове, то есть в январе 1920 года. А с 21 декабря 1919 года находился в «глубокой разведке», проверял им самим же придуманные для устрашения Лепехина сведения о появлении в верховьях Конды неизвестного вооруженного отряда:

«...До Васпухолья мы с Никифоровым добрались без особых затруднений. Здесь в ожидании сборов проводника пристреляли оружие: я — наган, Арся — браунинг. У меня несколько лучше, прицел быстрее. Взяли проводника Лернова с двумя лошадьми, пошли напрямиком по тайге и бу-

реломам к юртам Кошатским на юго-запад. По дороге пустили пару пуль в “святое дерево”, громадный остаток кедра, разбитого грозой. Мерно потягивая лыжи, Арся на губах исполнял остяцкие мелодии. Ученик Московской филармонии, он быстро схватывал туземную музыку. Жаль беднягу: не удалось ему переложить ее на ноты. Особенное впечатление производил на меня марш остяков “Богу войны”. От жуткого перелива тонов, их жесткости и дикости волосы становились дыбом.

К вечеру 25 декабря мы добрались до юрт Кошатских. Со стороны Конды Кошаты — самый отдаленный населенный пункт в 5–7 хибарок-избушек. Осмотрели пистолеты, переложили неудобные гранаты, насчупали зашитые в ушки сапог документы. Лошадей оставили далеко позади: выдадут ржанием. На улице ни души. Мороз скрипит и ходко подбирает дорожный пот. Ноги и тело просят тепла, пищи и отдыха. Послали в разведку проводника:

— Об нас ни гу-гу!

Нет его 10 минут... 15, 20... Нервы напряжены. Наконец он выходит из избушки и, не глядя на нас, идет в другую сторону... возвратился через час.

— Вчера здесь был отряд из 25 человек. Кто они: красные или белые — неизвестно, остяки понять не смогли. Уехали обратно на Конду.

Прячем оружие под одежду и идем в избушку. Там — удивление, настороженность. Грязнущая детвора с большими животишками, босые, в одних рубашонках, испуганно таращатся из углов на покрытых куржаком незнакомцев. За чаем разговор о житье-бытье. Сказали, что мы агенты по продовольствию, что посланы проверить, как живет народ: хлеба в Конду не удалось завезти.

— Второй год нету хлеба. Все рыба да рыба. Старики еще ничего, а у молодых брюхо пухнет... Мяса нет, ружья все отобрали, чем зверя добудешь?

Обещаем запросить хлеб. Настроение улучшается, говорят свободнее, но по интересующему нас вопросу ничего толком сказать не могут. Ну, завтра дальше, в урман, к черту на рога. А сегодня спать и спать. Проводника отпускаем. Разогретые чаем, снова надеваем полушубки и тулупы и валимся на одинарный, дующий всеми щелями пол избушки. Ночь прошла спокойно. Утром, наварив рыбы и пошвырвав чайку из “чаги” (наrost березы), наняли двух лошадей и двинулись по следам ушедшего отряда. Но ни в следующей, ни в других деревнях мы не могли выяснить, какой отряд пошел на Конду: красные или белые. Прошли за ним 100 километров, затем еще 100, а отряд так и остался «инкоgnито». Узнали только, что отряд — малочисленный, вооружен трехлинейками, много патронов, без наганов. Так, уклоняясь от встречи с этим отрядом, мы исколесили весь его тыл и добрались до юрт Сатыжинских. Здесь

узнали, что таинственный отряд ушел на Леуши. Намерения у него, очевидно, выйти Кондой на Иртыш у с. Демьянского.

Если это белые, то в 750 километрах в тылу у нашей Березовской группы и в 250 километрах от Самарово они могли наделать нам немало хлопот, порвав единственную телеграфную линию с Тобольском. Что делать? Как раскрыть тайну неизвестного отряда в глухой Кондинской тайге? Поскольку сведения от населения не давали ничего положительного, решили сами попасть в этот отряд. Проехали еще сутки, и, не доезжая с. Леуши (400 км от Иртыша), вечером нас остановили:

— Стой! Кто идет?

— Свои, свои!

— Пропуск?

— Ну мало ли их изменилось за эти дни. Веди в штаб, там разберемся.

Привели. За столом, освещенным керосиновой лампой, склонились трое немолодых людей. Холеных рук нет, пальцы коричневые от махры — нам стало внутри полегче. Начались перекрестные вопросы. Прошел целый час. Чем бы это кончилось, не знаю, но помогла случайность. Вбегает связист с передового караула:

— Товарищ командир, продукты привезли с Гарей...

Сердитый взгляд из-за стола опоздал: караульный крикнул так искренне, из нутра, что пропали всякие сомнения. Засмеявшись, мы полезли в сапоги и достали наши настоящие документы.

Жамканье рук и расспросы без конца сменил чай с белыми кренделями. Оказалось, что отряд около 100 штыков вышел из Верхотурья и с Гарей и двигался на Иртыш выяснить обстановку, а затем на обратном пути организовать Советскую власть и подчинить кого надо.

Довольнешенькие неожиданно благоприятным исходом операции, мы в ту же ночь выехали из Леушей и через полторы суток были в Демьянске. Отсюда дали немедленно телеграммы в Березово и Тобольск. Отсыпались двое суток, потом в Самарово, а затем в Березово».

Лопарев, указав маршрут своего разведывательного похода, совершенно не отразил реакцию Лепехина на появление в его тылу вооруженного отряда, пускай и красного. Никаких подробностей. Причина такого равнодушия — проста: этого отряда не существовало вовсе, а Лепехин знал, что других красных частей, кроме его чекистского спецназа, на Тобольском Севере и за Уралом не было. Он разгадал «пушку» — дезинформацию Лопарева, но уклонился от разоблачения обмана, не желая обострять отношения с партизанами.

Об этом в воспоминаниях Лопарева, написанных им, когда в живых не осталось ни одного свидетеля его «разведки», несколько строчек:

«Мое появление вызвало оживление в отряде:

— Эй, братва, Платон нашелся.

— Я говорил, не пропадет, — сказал Лепехин.

— Эх, куда его черт унес. Чуть не за тысячу километров убрался, бродяга, — говорили в штабе. Им, жителям России, наши расстояния казались дикими сказками. Не полюбили они их и до окончания операций. С нашими условиями нужно сжиться, с ними нужно вырасти. Да и северяне не любят новичков и коротких пришельцев».

Лопареву не нужно было забираться в таежную глухомань и проверять придуманное самим же сообщением о неизвестном вооруженном отряде. Достаточно было отсидеться где-нибудь в тепле. А разведывательный маршрут и всевозможные опасности заготовителю потребкооперации совсем не трудно придумать. Сам признал: «Меня среднее и нижнее течение Конды знало в лицо очень хорошо...»

По-своему Лопарев изложил события в Саранпауле: «Там Лепехин с отрядом в 200 человек при двух пулеметах наткнулся на сильный отряд Чайковского и отступившие сюда части Туркова и Лушников с 21–22 пулеметами в гнездах, гранатометателями и целой стеной проволочных заграждений, вынесенных за километр впереди вырубленного начисто леса. Немудрено, что Лепехин отскочил от Саранпауля как ошпаренный и в Березов пригнал туча тучей.

Я как раз вылез из саней и пришел в штаб. Лепехин поздоровался и рассказал обстановку. В самом деле, положение незавидное, выбить белых можно только пушкой. А где ее взять и как доставить за 1800 километров от железной дороги. Настроение у всех подавленное. Без партизанской “пушки” белых не возьмешь. А какую “пушку” тут придумаешь? Греюсь, а в голове разные варианты “пушек”, один другого несостоятельнее.

Лепехин все ходит по кабинету, то поправит маузер, то сердито бросает крепкие словечки по адресу засевшей в Саранпауле белой сволочи.

— Тебя я прикомандирую при штабе для особых поручений.

— Ладно, — думаю, — что это он делает мостик для официального представительства партизан при штабе. Но сейчас не в этом дело, заговздка в Саранпауле.

— Александр Петрович, стой, ход нашел!

— Ну?

— У белых много учителей мобилизованных. Есть немало и других невредных ребят. Многим из них не хочется быть с белыми, особенно при настоящей обстановке. Надо белых взорвать изнутри, а главарям, если сдадутся со всем оружием, пообещать жизнь.

— Ну?

— Нужно сейчас же собрать хотя бы трех самых именитых купцов Березова, семьи их взять заложниками, а купцов послать в Саранпауль с предложением о сдаче. Конечно, белые не сдадутся, и посылка парламентаров только предлог. У купцов там очень много знакомых. Вот и нужно так сделать, чтобы купцы миновали все посты и заставы и въехали сразу в село. Их, безусловно, сначала окружают солдаты, и до тех пор, пока не потащат в штаб, они должны рассовать письма в надежные руки... Писем я напишу немало, ребята примут в этом участие, а потом заставим написать письма родных и знакомых, пропустив предварительно через нашу цензуру. Купцам накажем, что если они не выполнят нашего наказа, в точку расшлепаем и жен, и всю челядь. От себя же пиши наши официальные предложения о сдаче, укажи гарантии и общее положение фронтов.

Лепехин с моими предложениями согласился сразу, да и выхода другого не было. Он в тот же день провернул подготовку и ночью послал насмерть перепуганных купцов в Саранпауль, снабдив их целой пачкой писем. А затем и сам выехал за ними ближе к фронту.

Эффект получился сногшибательный: мы и думать не могли о таких результатах нашего изобретения. Купцы, великолепно знающие эти места и имеющие широчайшие связи среди туземцев, обошли все посты и въехали сразу в середину села. Письма рассовали тотчас же и дали местным жителям несколько полезных советов. В общем, когда офицеры узнали об их приезде, пока им завязывали глаза и повели в штаб, они сделали немало от себя. Началось шушуканье, группировки.

В штабе белых тем временем шел допрос купцов. Передав письменное предложение Лепехина о сдаче, парламентары добросовестно информировали белых о победах Красной армии, о разгроме Колчака и близкой гибели правительства Чайковского, о занятии Березова, Обдорска и Сургута. Нашелся в штабе и друг — денщик одного из офицеров. Припав ухом к переборке, он дословно слышал все разговоры и еще до окончания заседания успел передать их в отряд с надежным человеком. Сразу же после заседания штаба купцов отправили с завязанными глазами обратно. Их встретил Лепехин, которого они обо всем подробно проинформировали.

Полковник, командовавший группой, после заседания штаба оттянул кожу на ноге, прострелил ее из браунинга и немедленно “выехал лечиться” в Архангельск. Оставшиеся офицеры под давлением солдатской массы пошли на уступки и выслали парламентаров к Лепехину с требованием гарантировать им жизнь за сдачу отряда, вооружения и раз-

ных запасов. Лепехин согласился и выслал им письменную гарантию. На практике оказалось, что сдать весь отряд не так-то просто. Против сдачи энергично протестовали печорцы, которых было немало в Саранпаульском отряде белых. Обставил печорцев сам Турков. Подготовив тобольские части, готовые сдать, он распорядился созвать общее собрание отряда. Во время обсуждения вопроса о сдаче выделенные Турковым солдаты заняли помещение, где хранились винтовки, и, когда печорцы, возмущенные желанием командования сдать красным, бросились к пирамидам, их встретили штыки охраны.

Снабдив печорцев продовольствием, Турков отпустил их домой за Урал, а сам начал сдачу отряда и имущества Лепехину».

Рассказ Лопарева, где он — главный победитель белых, отличается от показаний Туркова, Витвинова, Булатникова и Кислицкого (поручика Лушников, которого упомянул Лопарев, не было тогда в Саранпауле, как и белого полковника-самострела. — А. П.).

Свое описание той ситуации дал Зуев: «Несколько березовских купцов сами попросились направить их к Туркову парламентарями. Командир отряда Лепехин согласился на это (ничем не рискуя). Дней 20 от них не поступало никаких известий. После этого отряд выступил на Саранпауль, но, доехав до Сартыньи, сделал остановку, так как встретил там делегатов от Туркова. Их мы оставили заложниками, а от нас для переговоров с Турковым по назначению Лепехина поехали начштаба Губер-Гриц, начальник пулеметной команды Ушаков Леонид и Лузгин Григорий. Решено было так: отряд Туркова сдается без боя, а отряд Лепехина гарантирует всем жизнь.

Приняв наших парламентаров, Турков предъявил им условия: его, Туркова, не арестовывать и не судить, а отпустить домой. Наши попросили оставить их одних, и Губер-Гриц сказал: «Давайте подпишем акт, а там видно будет».

Так и сделали: Турков приказал все оружие сложить на склад. Для его охраны на караул стал сам Ушаков. Первым въехал в село 1-й взвод и сразу же окружил склад с оружием. Вскоре появился и Лепехин. Среди наших трофеев было много боеприпасов и продовольствия, особенно табаку и сигарет.

Все сдавшиеся в плен согласились вступить добровольно в ряды Красной армии. Была создана комиссия по проверке лояльности и выявлению компрометирующих данных. Было выявлено три человека, из них один доброволец и двое обдорских — Новицкий Николай и другой, по имени Василий: они при отступлении застрелили двух крестьян где-то недалеко от юрт Новеньких. Доброволец и Василий сбежали,

а Николай был арестован и сдан в Тюменскую губчека. Туркова под конвоем тоже отправили в Тюмень...»

Лопарев утверждал: «Население крепко помнило палача Туркова и других офицеров. всеми селами и деревнями осаждали конвой, требуя самосуда. Как удалось мадярам провезти их до Тюмени живыми, известно только конвою, но харчков, плевков, а изредка пощечин и конских мерзлушек офицерам досталось до отказа. Вскоре из Тюмени было получено краткое сообщение: Турков и Ливтинов (так в тексте. — А. П.) при попытке к бегству убиты. Такой оборот дела с палачами народа уж очень по душе пришелся трудовым массам Севера. Да и у нас в штабе, и в отделах вызвал глубокий вздох радости — как-никак, а отпускать живьем Туркова никому не хотелось...»

Справедливы ли такие обвинения в отношении Туркова? Суда над ним не было, как и доказательств его участия в расстрелах.

На запрос Лепехина «во все ревкомы-исполкомы по тракту Березов — Тобольск: собрать и представить в Тюменскую губернскую чрезвычайную комиссию о деятельности Туркова, Булатникова и начальника Березовской милиции Кислицкого в 1918 и 1919 годах» самым серьезным «преступлением» Туркова указан «невозврат кошмы длиной 4 аршина, стоимостью 2500 руб., принадлежавшей Демьяновскому волисполкому».

Эту кошму Турков взял в январе 1919 года для белого отряда, возвращающегося в Тобольск после разгрома красных в Саранпауле. К переписке «о кошме» приложено письмо от 12 марта 1919 года Тобольского уездного военного начальника, в котором сообщалось: «Данная Демьянской волостной земской управой Тобольского уезда кошма для офицеров северного отряда находится в настоящее время у поручика Туркова, который обещался лично доставить ее вам». Исполнить свое обещание и возратить «данную» (надо понимать — добровольно) Турков не успел: помешало быстрое продвижение красных на восток, стало не до кошмы.

Утверждение Лопарева о «ненависти населения к Туркову» опровергают показания Булатникова и Кислицкого: «В пути от Березова до Тобольска конвой показывал нас жителям сел и деревень, которые ни в чем нас не обвиняли, а в отношении Туркова говорили, что не знают его, а помнят другого: этот офицер и светлый, а тот — солдат и черный...»

Все оправдательные документы в отношении Булатникова, Туркова, Кислицкого (позднее Витвинова), не допустивших кровопролития в Саранпауле, командир Отряда северной экспедиции направил тюменскому губвоенкому. Однако из Тобольска эти бумаги были переадресованы в Губчека: «Направляются протоколы допросов Булатникова, Туркова,

Кислицкого и Витвинова, дабы они миновали Губчека, ибо сопроводительные письма адресованы губвоенкому. Материалов обвиняющихся предвидится большое количество. Дело столь важное, что его разрешение отзовется на политическом настроении нескольких уездов. Турков приобщен к делу Лушников, как участник расстрела 57 красноармейцев».

Однако Турков вообще не имел отношения к этой акции. Что касается обстоятельств расстрела, то арестованный в апреле 1920 года Тюменской губчека Петр Сидорович Войников, 1899 года рождения, сапожник первой тюменской сапожной мастерской, показал: «В августе 1918 года я был мобилизован в белую армию, как солдат старой армии, окончивший учебную команду в 35-м запасном полку в Тюмени. Меня сразу же сделали взводным командиром 1-го взвода 5-й роты 6-го Сибирского кадрового полка. Потом наша 5-я рота была переведена из Тюмени в Тобольск (6-й Сибирский кадровый полк стал называться 49-м Сибирским стрелковым полком). Из Тобольска меня назначили конвоировать в Тюмень дезертиров, которых было 104 человека, а нас вместе со мной — 6 человек. Дойдя до села Иевлева, дезертиры пошли на вечерку, некоторые из них были выпивши и позволяли себе буянство. Тогда ко мне пришел староста села и потребовал прекратить распущенность дезертиров. Мне пришлось дать телеграмму начальнику гарнизона г. Тюмени, чтобы выслали для сопровождения бунтующих дезертиров солдат. В селе Покровском нас встречал отряд подпоручиков Лушников и Муромцева. Когда я узнал, что дезертиров будут расстреливать, то хотел защитить хороших ребят. Дезертиров построили, и Лушников рассчитал их на первый-второй. Из 104 человек здесь в селе Покровском расстреляли 58 человек. Мой отряд и я в расстреле не участвовали, а только выводили к месту расстрела. Расстреливал отряд из Тюмени. Потом меня заставили конвоировать в Тюмень оставленных в живых дезертиров, где сдал их в пересыльную часть уездного воинского начальника».

Дезертировавших из Сибирской белой армии крестьян почему-то представили красноармейцами. Но непосредственных участников их расстрела, включая Лушников и Муромцева, не нашли. Поэтому Войникова держали в рабочем доме (так называли тюрьму), несмотря на прошение 120 членов сапожной мастерской № 1 «отпустить его на поруки, как специалиста для заготовки сапог для армии». К председателю Тюменской губчека обращался заведующий воспитательной частью при рабочем доме: «...о принятии мер к ускорению дела Войникова, который содержится здесь уже с апреля 1920 года и ведет себя отлично: хороший специалист-сапожник, — если обвинение не подтвердится, необходимо освободить для пользы Республики».

Обвинение Войникова в участии в расстреле дезертиров (называть их красноармейцами неправильно) не подтвердилось, но его не освободили (и не собирались этого делать), а расстреляли по постановлению Губчека, утвержденному 11 ноября 1920 года председателем ЧК Сибири И. П. Павлуновским²⁶.

Красная армия осталась без сапог, жена без мужа, дети без отца...

А в деле Туркова появился протокол допроса 27-летней актрисы Елены Павловны Половцевой: «Подпоручика Туркова я встречала в бытность свою в Тобольске. Он неоднократно бывал с другими лицами у меня в театре за кулисами. Также с компанией я бывала на пикниках, где присутствовал Турков. Тогда он был адъютантом у Лушникова.

Про Туркова говорили, что он кокаинист и алкоголик, и я полагаю, что этим он заразил Лушникова, которому доставал кокаин. По моему мнению, Турков — жестокий человек, что я различала по его обращению с солдатами. Я слышала, что Турков и Лушников творили безобразия: пороли людей розгами. Вообще имена Лушникова и Туркова всегда связывали вместе».

Показания Половцевой подтвердил 30-летний актер Владимир Прохорович Вольмар: «Про подпоручика Туркова я знаю, что он был адъютантом у Лушникова. Он дальше с Лушниковым не поехал. А остался в Тобольске под видом больного...»

Тогда в губернском центре не было постоянной театральной труппы. В спектаклях, устраиваемых в народном доме, выступали заезжие актеры и актрисы. В окружении которых коротали свободное от службы время как белые офицеры, так и красные командиры. На тех и на других военных, в зависимости от режима (в Тобольске с 1917 по 1921 год власть менялась десять раз), их временные подруги давали одинаковые и неконкретные характеристики.

Другие чувства выражали письма постоянных спутниц жизни — жен. Карандашные, полустертые временем строки: «Если тебя посадят в тюрьму, то знай: у тебя есть я, которая разделит не только тюрьму и всякие лишения, но и смерть. Расстрела тебе не будет, т. к. большевики его отменили. Я, Шурик, до суда поправлюсь, и мы уедем из Березова. Такая тоска, так тяжело без тебя, мой безвинный, хороший Шурик, что жизнь становится хуже могилы. Эх, только бы повидать тебя, услышать ласковое слово. Будем надеяться на Бога, будем молиться. Тебя простят: ты никого не убивал. Милый Шурик, приезжай к своей Элке, которая без слез о тебе не может уснуть. Проклятое время... Любящая тебя навеки Элка...»

²⁶ Иван Павлович Павлуновский, с 1910 года полпред ВЧК-ОГПУ по Сибири, в 1926—1928 годах — полпред ОГПУ по Закавказью. В дальнейшем на хозяйственной работе. Расстрелян в 1937 году. Реабилитирован в 1956-м.

Неизвестно, дождалась ли Елена Туркова, в девичестве Кушникова, своего мужа. Как сложилась их жизнь? В следственном деле Туркова нет отметок ни о суде, ни о расстреле, ни об освобождении.

Также неясны судьбы Витвинова, Булатникова и Кислицкого. В карательных акциях они не участвовали. Допрошенные в качестве свидетелей Петр Феликсович Раевский, 1876 года рождения, уроженец Березова, бывший лесопромышленник, заведующий агентством Центросоюза, и Александр Стефанович Григорьев, 1891 года рождения, уроженец юрт Карымкарских, остяк, с высшим образованием (окончил политехнический институт в Омске), заведующий отделом народного образования в г. Березове, характеризовали их положительно.

Раевский: «Булатников хороший учитель и человек. Витвинов был военным комендантом в Березове, а Кислицкий — начальником милиции. При них был законный порядок. На них никто не жаловался...»

Григорьев: «Булатников как мобилизованный учитель сильно тяготился своим положением и хотел просить о своем освобождении от военной службы по болезни. В отношении Витвинова и Кислицкого ничего плохого сообщить не могу...»

Протоколы допросов Раевского и Григорьева сопровождала в Тюмень выразительная телеграмма: «19 октября 1920 года. Указанные лица допрошены. Примите материалы, хотя они бесполезны. Завполитбюро Гриб». Тем не менее коллегия Губчека постановила расстрелять офицеров и начальника Березовской милиции, но в связи с октябрьской амнистией 1920 года заменила высшую меру социальной защиты заключением в концлагерь сроком на пять лет.

В сентябре 1921 года в Губчека поступило письмо Ялуторовского отдела народного образования: «В Ялуторовском уезде ощущается острый недостаток в работниках просвещения. Особенно не хватает учительского персонала. Из школ, существовавших в прошлом году, многие пустуют. Часть учителей убита бандитами. Положение крайне тяжелое. В Ялуторовском рабочем доме содержится осужденный на 5 лет Анатолий Булатников, который известен нам как ценный работник. Полагая, что дело борьбы с темнотой и невежеством должно быть поставлено в первую очередь и что успех этой борьбы возможен только при совместном сотрудничестве всех учреждений РСФСР, убедительно просим Тюменскую губчека отпустить заключенного учителя Булатникова для работы в школе. ...В случае его побега обязуемся отвечать на основании существующих законоположений».

Точку в переписке с уездным просвещением поставило решение Губчека от 21 октября 1921 года: «В ходатайстве отказать ввиду наличия

в губернии бандитизма». Также было отклонено прошение Тюменского исполкома о возможности освобождения из-под стражи Кислицкого «для использования его в охране общественного порядка».

Дети остались без учителя. Обыватели — без защиты. Проклятое время. Несчастливая страна.

Белый исход

Командир Отряда северной экспедиции Лепехин, «препроводив сдавшихся без боя офицеров и начальника милиции Березовского уезда в распоряжение Тюменского губвоенкома», поступил правильно по форме. А по совести? Не знал, не догадывался о том, что трусливое тобольское военное уездное начальство сдаст их в Губчека?

Как там решали в то время судьбы арестованных, рассказал бежавший в 1929 году на Запад резидент ОГПУ в Турции Г.С. Агабеков²⁷, начинавший чекистскую службу с 1919 года в Екатеринбурге и Тюмени: «Председателем Чека и одновременно начальником особого отдела 3-й армии, находившегося в Екатеринбурге, был Тунгусков, старый матрос. Об этом недалеком человеке, жестоком по природе и болезненно самолюбивом, рассказывали страшные вещи. Его товарищами были начальник секретно-оперативной части Хромцов, человек очень хитрый, наиболее образованный из всей тройки, до революции мелкий служащий в Вятской губернии, и латышка Штальберг, настолько любившая свою работу, что, не довольствуясь вынесением приговоров, она сама спускалась с верхнего этажа в конюшню и лично приводила приговоры в исполнение.

Эта «тройка» наводила такой ужас на население Екатеринбурга, что жители не осмеливались проходить по Пушкинской улице, где в доме № 7 размещалась губчека...

Это было 10 лет тому назад. Сейчас, в 1930 году, Тунгусков сам расстрелян за бандитизм, Хромцов, исключенный из партии, ходит безработным по Москве, и только Штальберг работает следователем по партийным взысканиям заграничных работников при Центральной контрольной комиссии. Их садистские наклонности получили некоторое возмездие только много лет спустя, после того как они погубили тысячи безвинных людей, прикрываясь защитой революции и интересами пролетариата...

---

²⁷ Советские спецслужбы несколько лет охотились за предателем Агабековым по всей Европе, пока не ликвидировали его в 1937 году: по одной версии, сбросили в пропасть на границе в Испании, по другой — зарезали в Париже, вывезли труп в чемодане и утопили в море. Тело перебежчика так и не было найдено.

Но вернемся в 1920-й, в кабинет председателя губчека Тунгускова... Идет заседание коллегии губчека. За столом, покрытым малиновым сукном, сидят Тунгусков, напротив него начсоч Хромцов и член коллегии Штальберг. Перед каждым из них листы чистой бумаги и список дел, подлежащих рассмотрению. За другим столом сидит старший следователь губчека Рабинович с грудой папок на столе, которые он нервно и торопливо перебирает.

Тунгусков, одетый в матросскую форму, с впалыми щеками и выбитыми зубами, бритый, с редкими волосами, зачесанными назад, вертит в руках цветной карандаш и просматривает московские газеты. Хромцов, с опухшим от пьянства и бессонных ночей лицом, на котором выделяются маленькие заплывшие хитрые глаза, развалившись в кресле, о чем-то оживленно спорит с рядом сидящей Штальберг. Это молодая, не более двадцати пяти лет женщина с упрямым выражением лица, со светлыми, коротко стриженными волосами, с серыми мертвыми глазами...

— Ну, товарищи, заседание объявляю открытым. Товарищ Рабинович, начинайте доклад, — обратился Тунгусков к следователю, откладывая газеты.

Следователь взял первую папку и, вынув из нее лист бумаги с резюме дела, начал читать вслух. Заканчивает он обычными словами: “Принимая во внимание вышеизложенное, полагаю применить высшую меру наказания — расстрелять”.

Члены коллегии слушают следователя вяло или почти не слушают. Ведь это уже все согласовано до заседания.

— Есть какие-нибудь возражения, вопросы? — спросил Тунгусков. (Молчание). — Утвердить, — пробормотал Тунгусков в сторону следователя и поставил цветным карандашом крестик рядом с фамилией дела, которое слушалось.

Следователь также сделал отметку на постановлении и, отложив первую папку, сейчас же начал читать следующее дело. Он торопился. Чем больше дел рассмотрят, тем лучше. Нужно скорее разгрузить подвал с арестованными и дать место новым... врагам революции. А времени так мало. Всего два часа заседает коллегия.

Наконец заседание кончено. Следователь передал постановление членам “тройки” на подпись. Все, расписавшись, спешно разошлись. У каждого из них накопилось за два часа много новых дел.

Собрав бумаги, вышел за ними и следователь. Усталой походкой пройдя к себе в кабинет, бросил папки на стол и вызвал по телефону коменданта губчека.

Через несколько минут вошел комендант Попов. Это высокий, широкоплечий детина, с рыжими, закрученными сверху усами. Он выглядит еще выше и здоровее рядом с маленьким и шуплым Рабиновичем. Одет он в черный кожаный костюм. Через плечо на ремне висит наган. На груди приколоты большая звезда и красный бант.

— Ну как, работы много будет сегодня, товарищ Рабинович? — спросил он, войдя в комнату следователя.

— Четырнадцать человек, — ответил Рабинович, передавая список коменданту...

Во дворе губчека, в дальнем углу у самой стены находилась конюшня. Это был длинный темный сарай, где в одном углу были привязаны обслуживающие губчека лошади, а в другом, ближе к выходу, навалена огромная куча навоза.

Вот ведут из комендатуры по двору двух крестьян. Руки их крепко связаны назад веревками. За каждым из них идет комиссар в кожаной куртке, брюках галифе, в правой руке наган.

Несмотря на снег и стужу, крестьяне полураздеты и без шапок. Зачем им одежда, что им холод? Их ведут на казнь. Через несколько минут их не будет в живых. Дошли до дверей конюшни. Один покорно, а другой вдруг остановился на минуту у дверей и неожиданно для комиссара рванулся от двери и стал кричать. Точно он только что понял, что это его последний час. Он кричит, или, вернее, воеет и плачет, и хочет вырваться куда-то. Но комиссар уже крепко держит его сзади за веревку и толкает к дверям конюшни. Следом раздаются выстрелы в глубину. И все смолкло. Выходят, пряча револьверы в кобуры, палачи. Дрожащими руками закуривают папиросы “Зефир” и спешат в комендатуру за новыми жертвами...

Красноармейцы поспешно бросают тела убитых на дровни, присматриваясь к валенкам, которые получше. Дежурный комендант торопит их, так как нужно до рассвета вывезти трупы за город и закопать в заранее подготовленных ямах.

Наутро комиссары идут домой отдыхать после ночной работы. Под мышками у них узелки. Это все, что они нашли ценного у убитых крестьян...»²⁸

В отличие от Екатеринбурга, в Тюмени трупы расстрелянных в конюшне во дворе дома тюменского миллионщика Жернакова на углу улиц Томской и Ишимской, в котором с 15 сентября 1919 года располагалась Тюменская губчека, свозили на санях вниз по Масловскому взвозу

²⁸ Агабеков Г. С. Секретный террор Сталина. Исповедь резидента. М.: Яуза-пресс, Эксмо, 2013. С. 42—48.

и сбрасывали в черные квадраты прорубей на Туре — тогда реки в Сибири часто заменяли кладбища.

Председателем Тюменской губчека был назначен Степан Александрович Комольцев. Он родился 22 августа 1888 года в деревне Хрипуны Красногорской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина-середняка. Вскоре после рождения сына его родители переехали в волостное село Красногорское. В то время в нем было «дворов — 145, жителей — 613, в том числе ссыльных — 105, переселенцев — 5, сторонних лиц — 18, нищих — около трех десятков, безлошадных — 25 дворов, бескоровных — 38».

Осевшие в Красногорском каторжане кротким нравом не отличались. Под их влияние попал и молодой Комольцев: «О царе-батюшке ча-стушки срамные забазлал под гармошку...» Мировой судья по требованию старожилы посадил 20-летнего парня на месяц в каталажную тюрьму на хлеб и воду. После отсидки начались его скитания по Ялуторовскому уезду: Лыбаево, Авазбакеевские юрты, Слобода-Бешкильская...

Узнав о Февральской революции 1917 года, он уехал в Омск, где сошелся с большевиками. В декабре того же года с мандатом III Западно-Сибирского съезда Советов возвратился в Ялуторовск, где создал уездную большевистскую организацию. Просуществовала она недолго — 10 июля 1918 года чехи и белогвардейцы захватили Ялуторовск, а еще через десять дней — Тюмень. С красногвардейским отрядом Комольцев отступал до Перми.

Расследованием причин поражения красных войск на Урале занималась специальная комиссия ЦК РКП(б) во главе со Сталиным и Дзержинским, которые назначили Комольцева председателем военно-революционного трибунала при красной 3-й армии Восточного фронта. В подсудность такого трибунала входили должностные преступления военнослужащих: самовольное оставление боевых позиций, нежелание выполнять приказы командиров и дезертирство.

Вместе с Комольцевым в Тюмень отправили группу латышей, на которых возлагалось приведение в исполнение расстрельных приговоров.

Архивные документы свидетельствуют, что вся деятельность первых тюменских чекистов заключалась в проведении арестов недовольных советской властью и конфискации принадлежащего им имущества. В сводке работы секретно-оперативного отдела Губчека с 15 по 30 сентября 1919 года отмечено: «Выдано ордеров — 42. По сем (так в тексте. — А. П.) ордерам обнаружены деньги и ценности, закопанные в земле. По 12 ордерам — спрятанное имущество бежавших из Тюмени хозяев, по трем ордерам — скрытое оружие, по двум ордерам — очень большие

запасы скобяного товара... Арестовано 57 человек, из них шестеро расстреляны, у 26 конфискованы вещи и одна лошадь... По одиннадцати ордерам ничего стоящего не обнаружено...»

Основанием для повальных обысков и арестов служили массовые доносы: за две недели зарегистрировано в Губчека более четырехсот (!).

Правовой основой чекистских конфискаций частных ценностей служил декрет ВЦИК от 16 января 1918 года «О золоте», согласно которому «все изделия из золота весом более 16 золотников и все золото в сыром виде, находится ли оно в руках частных лиц или в магазинах, ювелирных и иных мастерских, или в банковских сейфах, переходит в собственность государства...».

Предусматривалось и поощрение доносов. «Не представленные в течение месяца предметы, — говорилось в статье того же декрета, — конфискуются при обнаружении... с выдачею трети вознаграждения тем лицам, которые укажут государству подлежащие конфискации предметы».

Но чаще всего мотивом доносительства — позорного и весьма распространенного в России явления — была зависть к более удачливому конкуренту, сопернику, соседу.

Неограниченные права всегда оборачивались неограниченными возможностями. В частности, неограниченное право арестов и реквизиций — неограниченными возможностями обогащения. Начавшиеся в 1918 году революционные изъятия ценностей у представителей свергнутых классов отличались от банального грабежа лишь наличием некой бумаги с печатью. Дальнейший путь полученного таким сравнительно законным путем богатства зависел исключительно от сознательности сотрудников ВЧК. Однако борьба между революционным долгом и страстью к обогащению нередко заканчивалась полной и окончательной победой последней.

В результате бесконтрольных арестов состоятельных тюменцев и конфискации принадлежащего им имущества в Губчека поступали значительные денежные и материальные ценности, часть которых местные чекисты присваивали.

В октябре 1919 года Тюменский военно-революционный комитет информировал Сибревком о необходимости очищения Губчека от «политически сомнительных элементов» и направления ее работы «по прямому назначению — борьбе с доподлинной белогвардейщиной и контрреволюцией»²⁹.

²⁹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 2. Оп. 5. Д. 1. Л. 26.

По заключению особой следственной комиссии ВЧК, «председатель губчека Комольцев, заведующий секретно-оперативным отделом Зернин, председатель Тобольской уездной ЧК Падерно, комиссары губчека Сирмайс, Добилас, Ратнек, Синцев, Залевин, комендант Иноземцев, кладовщик Ваксберг расхищали разные вещи, изъятые при обысках...».

Чекисты присваивали преимущественно золото и драгоценные камни. Тогда Тюмень, Тобольск и Ялуторовск были наводнены богатыми беженцами с Урала и Поволжья. Многие припрятали здесь свои немалые ценности. Неслучайно при сносе или ремонте старинных особняков все еще находят клады, владельцы которых сгинули во время Гражданской войны.

«...Комольцеву досталось двое золотых часов, золотые опять же браслет, цепочка, кольца... Падерно — золотые кольца с камнями и без оных, шейная цепь с жемчугами, часы, брошка с эмалью...» От начальства не отставали и подчиненные: «Ратнек проявил себя настоящим хищником, присваивая драгоценности, причем его нахальство дошло до того, что он сделал себе красноармейский знак из награбленного серебра и золота».

19 февраля 1920 года президиум ВЧК признал факты растаскивания изъятых при обысках ценностей по чекистским карманам доказанными. Приятеля Комольцева по юношеским забавам Степана Анфилофьева, которого он назначил председателем Ялуторовской уездной ЧК, обвинили также в соучастии с белогвардейской контрразведкой.

Чтобы доказать свою преданность советской власти, арестованные чекисты Падерно и Добилас рассказали на допросах о своем участии в убийстве в ночь с 6 на 7 июня 1918 года в пяти верстах от Перми по Сибирскому тракту Андроника (Никольского), архиепископа Пермского и Кунгурского.

«...Отвязали от пролетки лопату, дали ему лопату, приказали копать могилу. Андроник безоговорочно взялся и начал копать под высокими елями. Грунт земли попался крепкий: красная глина. Копка могилы шла медленно, у Андроника руки непривычные к физическому труду, да и при этом дряхлость и бессилие... Для ускорения дела пришлось копать нам, т. е. Падерно и Добиласу. Выкопали, сколько полагается, затем сказали: “Давай, ложись”. Он лег, а могила оказалась коротка. Подрыли в ногах. Лег во второй раз — еще коротка. Еще рыли — могила готова. Андроник помолился на все стороны минут десять, мы ему не мешали. Затем он сказал: “Я готов”. Лег в могилу, сложил руки на грудь. Затем мы его забросали землей и произвели несколько выстрелов в голову. Процесс похорон закончился. Наследство осталось от Андроника — чугун-

ные часы и серебряный крест с изображением Богородицы под синей эмалью, цепь и крест под золотом...»

Только через восемьдесят лет, в 1999 году, обстоятельства страданий и мученической смерти Пермского архипастыря перестали быть тайной. Тогда же архиепископ Андроник был причислен к лику местночтимых святых Пермской епархии. Общецерковное почитание в лике святых новомучеников совершено на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви в августе 2000 года.

То ли зачлись вороватым чекистам их прежние пермские «заслуги», то ли по каким другим причинам, но за присвоение чужих ценностей их лишь исключили из партии и уволили из ЧК. Похожими, достаточно мягкими наказаниями отделались в 1919–1920 годах руководители других ЧК, также нечистые на руку. Часть реквизированных денег и ценностей оставлял в своем сейфе на удовлетворение личных нужд Лаврентий Берия, будущий народный комиссар внутренних дел СССР, маршал Советского Союза, Герой Социалистического Труда, орденоседец, заместитель председателя советского правительства: «На чистке партийной организации Азербайджанской ЧК, председателем которой являлся Багиров, а фактически его заместителем, начальником оперативно-секретной части – Берия, одной из сотрудниц (Кузнецовой Марией) Берия разоблачался в попытке изнасиловать ее в своем кабинете, но, получив решительный отпор и желая заставить ее замолчать, предложил ей драгоценное кольцо из числа хранившихся у него в кабинете в сейфе ценностей».

Судя по тому, что после этого инцидента Берия остался и в партии, и в госбезопасности, подобное использование ценностей в узком чекистском кругу, да к тому же для предотвращения скандала, считалось вполне приемлемым³⁰.

Некоторый перевес в силах, а также измены отдельных белых частей способствовали успехам красных, которые 20 февраля 1920 года неожиданно овладели Архангельском. Главнокомандующий Северным фронтом белых генерал-лейтенант Миллер³¹ отплыл в Норвегию на яхте «Ярославна». Одновременно с ним на ледоколе «Канада» эвакуировалось около шестисот правительственных чиновников, военных, женщин и детей.

Но и после падения Архангельска белые продолжали сопротивление в районах Коми края, примыкавших к Зауралью. Эти боевые дей-

---

³⁰ Работа в Чека часто возвращает // Коммерсантъ-Власть. 2008. 15 дек.

³¹ Евгений Карлович Миллер, председатель Российского общевойскового союза (РОВС), в сентябре 1937 года в Париже был похищен агентами НКВД, вывезен тайно на пароходе «Мария Ульянова» в СССР и в мае 1939 года расстрелян.

ствия привлекли внимание IV Всероссийской конференции губернских чрезвычайных комиссий, проходившей в феврале 1920 года в Москве.

По предложению Дзержинского делегаты конференции послали приветствие частям ВОХР, которые «занимают участки и сдерживают напор белогвардейцев на чердынском и вычегодском направлениях».

Тогда же командир северного спецназа ВЧК Лепехин получил приказ: «...усилить нажим на белых по тракту Ляпино — Усть-Шугор».

По воспоминаниям Лопарева, «...Лепехин двинул туда на оленях отряд из красноармейцев и партизан с полевым телефоном для связи во время пути. Урал перешли без потерь и заняли Шугор. Оттуда белые ушли. О размерах военных трофеев в Шугоре говорит их двухнедельная спешная приемка: чего там только не было, и все английское. Целые склады обмундирования, шоколад, табак, сигареты и т. д. Взяв себе небольшие запасы, Лепехин остальное передал подошедшим частям Красной армии. Обратный Урал отряд прошел также благополучно, смотав по пути 60 км двойного телеграфного провода. Так все военные операции были закончены».

По-другому изложен этот рейд в записках Зуева (со слов Лузгина): «По приказу Лепехина была организована разведка на Урал. Начальником разведки назначен тот же неутомимый Леонид Ушаков. Для поездки с собой он отобрал своих земляков: Косова, Бибина, Черкасова, Ермакова и меня (Лузгина) — всего 15 человек. Взяли 15 пар оленей, переводчика, один пулемет, лыжи, продовольствие и поехали. У Саранпауля была телефонная связь с Печорой, поэтому взяли телефонный аппарат. Дорога была трудная, т. к. населенных пунктов не было, хотя раньше там находились избы (их называли “кучники”) для обогрева проезжающих. Но избы сожгли белые. Случайно осталась одна изба, в которой мы обнаружили спящего зырянина. Он рассказал, что Урал занесен снегом и со стороны белых стоит застава из 30 человек. Мы взяли с собой этого зырянина и поднялись на самый горный хребет, но дальше дорога была переметена снегом. Мы снабдили зырянина деньгами, дали ему хорошую тройку оленей, положили газеты и письма от пленных солдат и отправили его к белым, а сами вернулись в “кучник”, откуда по телефону связались с Лепехиным. Тот приказал оставаться на нашем месте до его особых распоряжений. Вскоре от белых из-за Урала к нам прибыла делегация — 3 старших унтер-офицера. Они рассказали, что их собралось около 22 тысяч человек, отступать дальше некуда, поэтому солдаты восстали, арестовали офицеров и хотят добровольно сдаться красным.

От нас поехали за Урал 10 человек, в том числе Лепехин и Ушаков; одного унтер-офицера они взяли с собой, а двоих оставили заложника-

ми. 9 марта они прибыли в Усть-Шугор, приняли все склады с оружием и сдали их и пленных офицеров Пермскому отряду, после чего возвратились сначала в Саранпауль, потом в Березов».

В тот же день начальник обороны края Малков телеграммой № 218 сообщил командующему красной 6-й армией Самойло: «Северный край Печорского фронта признал Советскую власть! Ревкомы просят приостановить военные действия...» Позиционная гражданская война в Коми крае и в Зауралье закончилась.

Однако Лепехин не исключал возможности прорыва не сложивших оружие белогвардейцев через Обдорск на север Енисейской губернии, где оперировали остатки 1-й Сибирской армии генерала Пепеляева. Поэтому один взвод Отряда северной экспедиции находился в Мужах и Обдорске.

«...Первые 2–3 недели обстановка там была напряженной: ждали удара белых, — вспоминал Зуев. — Для нас круглые сутки стояли наготове семь пар оленей, запряженных в нарты. В Мужах тогда проживали зыряне-оленоводы и пять семей русских, из них одна семья начальника почтового отделения. Я и еще один красноармеец были определены на постой в дом братьев Каневых. Мы узнали, что они — крупные оленеводы: у них имелось до пяти тысяч оленей. Один из братьев, а их было трое, всегда находился в тундре на пастбищах: с ним батрак и десять собак. После того как опасность прорыва белых миновала, мы отдыхали. Зырянская молодежь устраивала вечерки и приглашала нас. Мы вместе с ребятами и девушками праздновали масленицу: катались на оленях и с горки на санках. Когда стали переезжать в Обдорск, то нас провожала вся молодежь села. До революции Обдорск называли “золотым уголком”: здесь проживали или имели своих представителей крупные тобольские и тюменские рыбопромышленники и пароходчики. Также много было политссыльных, которые демонстративно встретили нас, выйдя навстречу за село. Нас поселили в бывшем миссионерском доме, где раньше жили попы и монахи, обращавшие в христианство северные народности. По два часа в день мы занимались строевой подготовкой, а остальное время отдыхали или разгружали баржи с зерном. Это зерно предназначалось для заграницы, но баржи не успели отправить, и они застыли в Обдорске».

Лепехин выступал против расстрелов, но его позицию разделяли немногие красные командиры. Сдавшиеся в Усть-Шугоре офицеры 10-го Печорского полка, несмотря на гарантии чрезвычайного уполномоченного ВЧК Труша, по дороге в Чердынь были расстреляны конвоирами. Поэтому отдельные группы белогвардейцев, например, отряд поручи-

ка Рочева, скрывались в лесах и тундре и время от времени нападали на различные обозы: вспыхивали перестрелки, лилась кровь.

Чекистский спецназ Лепехина выполнил свою основную задачу: малой численностью, почти без жертв очистил от колчаковцев огромную территорию Северного Зауралья и Приполярного Урала, ликвидировал угрозу наступления белых на Тобольск со стороны Березово, захватил богатые военные трофеи, важные для Троцкого документы. Оставалось ускорить продвижение от Сургута на Нарым, разгромить отряд начальника уездной милиции Волкова и завладеть ценностями Сибирского белого движения и другими сокровищами, хранившимися прежде в церковных кладовых Тобольска. Проведению этой операции помешала война Советской России с Польшей.

Во время Первой мировой войны территорию Польши, входившей в состав Российской империи, оккупировали немецкие и австрийские войска. 11 ноября 1918 года, когда в Германии началась революция, поляки разоружили немцев, а власть передали самому популярному политическому деятелю — Юзефу Пилсудскому. После многих десятилетий неволи поляки получили свое государство.

Пилсудский решил воспользоваться всеобщей смутой и присоединить к Польше украинские, белорусские и литовские земли — началась война. Тогда Ленин и Троцкий мечтали о соединении русской и немецкой революций, а территория Польши лежала на пути Красной армии к Берлину. Так что у них тоже были причины для войны с Пилсудским.

6 мая 1920 года польские войска вошли в Киев. В Варшаве царила победная эйфория. Но уже через десять дней Красная армия перешла в наступление: поляки бежали, бросая оружие. 12 июля их выбили из Киева, днем раньше были освобождены Минск и Вильнюс. Сталин телеграфировал Ленину: «Польские армии совершенно разваливаются, поляки потеряли связь, управление, польские приказы вместо того, чтобы попасть по адресу, все чаще попадают в наши руки, словом, поляки переживают развал, от которого они не скоро оправятся... Я думаю, что никогда не был империализм так слаб, как теперь, в момент поражения Польши, и никогда мы не были так сильны, как теперь, поэтому чем тверже будем вести себя, тем лучше будет и для России, и для международной революции».

У Ленина возникла надежда, что правительство Пилсудского удастся свергнуть.

Будущий маршал Тухачевский командовал наступлением на Польшу под лозунгом «Даешь Варшаву! Даешь Берлин!». 23 июля 1920 года, когда Красная армия наступала на Варшаву, Ленин телеграфировал Сталину

в Харькове: «Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию».

Для мировой революции были нужны большие деньги. Россия уже ограблена, что не успели захватить большевики, то сокрыто в кладях. Их поиск оставили до лучших времен, а экспедиционные спецназы перебросили из Сибири в Польшу — грабить родовые усадьбы шляхты.

Отряд Лепехина дождался в Березове ледохода и первым же пароходом через Самарово и Тобольск прибыл в Тюмень.

Зуев вспоминал: «Из Тюмени был получен приказ срочно выехать туда на лошадях. К тому времени третья рота находилась в Самарово, две роты и штаб — в Березове, мы со взводом — в Обдорске. По зимней дороге в конце марта выехали на оленях: нас провожали многие жители, среди них девушки, ну и не обошлось без слез. Не доезжая Березова, олени провалились под лед, проводники разбежались, пришлось до места назначения добираться на лыжах. Из Березова уже пароходом в Самарово и дальше... В Тюмени весь отряд собрался на вокзале, на первом пути стоял эшелон. Нас торжественно встречали в Екатеринбурге и в Москве. Поездом доехали до Гомеля, потом пароходом по реке Припяти до Мозыря...»

Из воспоминаний Лопарева: «В конце марта 1920 года военные операции на Севере закончились. В апреле самым последним зимним путем красноармейские части из Обдорска, Березова и Сургуты потянулись к Самарову и прибыли сюда перед самым ледоходом. В Самарово состоялся большой митинг: четкие фразы Лепехина сменились горячими выступлениями красноармейцев и партизан. На трибуну поднимается несуразный Саня Скрипунов. Он расправляет плечи, набирает в грудь воздух, поднимает руку, а слов — нет, убежали, мысли рассыпались.

— Товарищи! Я... да мы... польских панов бить будем... Я кончил.

Из толпы смех и шутки. Но лес рук приветствует предложение о добровольном походе на польский фронт».

Самого Лопарева среди этих добровольцев не было: «...уволился еще 23 марта — острая нужда в организационно-оперативных работниках побудила Тобольск отозвать меня к месту работы. Для того, чтобы не вносить дезорганизацию в партизанскую массу, Лепехин пропустил меня через специальную комиссию и уволил “по состоянию здоровья”».

Но когда Отряд северной экспедиции прибыл на Западный фронт, Пилсудский нанес внезапный удар, и Красная армия покатила назад: десятки тысяч красноармейцев попали в плен. Из окружения под Варшавой удалось вырваться только Лепехину, Губер-Грицу и еще двад-

цати бойцам отряда. Другие части мозырской группы были полностью разгромлены.

После заключения перемирия 18 октября 1920 года Лепехина отправили на Дальний Восток. Он командовал войсками Приморской красной армии, созданной на базе местных партизанских отрядов. За разгром белогвардейцев в октябре 1922 года под Спасском его наградили орденом Красного Знамени. Он стал начальником торгового порта во Владивостоке. В феврале 1923 года прошел Всероссийскую партийную перепись, в примечании к анкете отмечено: «...давал ответы ясно». Его членство в партии — с ноября 1917 года, партбилет № 451680 выдан Хамовническим райкомом в Москве, но когда — не уточнено.

В документах архивных фондов Приморского губкома РКП(б) и Владивостокского торгового порта обнаружено заявление Лепехина от 13 октября 1923 года: «В губком РКП. На основании постановления СТО торговый порт переходит из Народного комиссариата путей сообщения в ведение Народного комиссариата внешней торговли. Уполномоченный НКВТ т. Левин предложил мне остаться на прежней должности. Прошу губком о выдаче мне характеристики по моей работе для предоставления в Центр». Приложена характеристика: «Лепехин Александр Петрович с 1917 года работает в Армии, где получил хорошую практику. В работе в Армии проявлял инициативу и являлся фактически руководителем с стремлением не считаться с военкомом при нем. В настоящее время является начальником торгового порта, подготовка есть и справляется удовлетворительно. Теоретическая марксистская подготовка слабая. Политически устойчив. Энергичность средняя. С собой владеет недостаточно, вспыльчивый характер, ошибки признает, но не умеет делать соответствующие выводы. Отношение к партработникам и партийцам хорошее. Положительные черты: простота, откровенность и храбрость. Страдает некоторым самолюбием. Достаточно дисциплинирован. Временами наблюдается неводержанность к спиртным напиткам. Имеет организаторские способности. Может руководить в масштабе губернии».

20 октября 1923 года Приморский губком РКП(б) отправил в НКПС телеграмму: «Против предоставления двухмесячного отпуска по болезни т. Лепехину с правом выезда на юг России не возражаем».

После этого Лепехин исчез: говорили, что умер в поезде по пути из Владивостока в Москву. Семьи у него не было; кто, когда и где его похоронил — неизвестно.

Но у правителя (дубаня) Синьцзяна — северо-западной провинции Китая — появился военный советник. Похожий на монгола, которого официально называли «русским генералом китайской службы Крафтом».

Потерпев неудачу с продвижением революции на Запад, вожди мирового пролетариата Ленин и Троцкий обратили свои взоры на Восток. Внимание правителей Советской России привлек Синьцзян. Здесь после окончания Гражданской войны находилось несколько тысяч солдат и офицеров из армий атаманов Дутова и Анненкова. В марте 1921 года в Синьцзян прорвались участники Западно-Сибирского крестьянского восстания.

Центральные китайские власти слабо контролировали положение в этой провинции, и ее правители вынуждены были традиционно ориентироваться в своей политике на могучего северного соседа. Части Красной армии, «замаскированные» под белых, с танками, аэропланами и артиллерией неоднократно вторгались на территорию Синьцзяна для борьбы с набирающим силу движением мусульманских народов. Через Синьцзян прошли десятки советских военных советников, среди которых были специалисты по разного рода секретным операциям Ади Маликов, Яков Мелькумов и будущий маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза Павел Рыбалко, псевдонимом которого было не вполне привычное для русского слуха Фу-Дзи-Хуй.

Тогда в Китае в правительстве Сунь Ятсена под псевдонимом Га Лин объявился Блюхер (до него военным советником в Китае был П. А. Павлов, один из известных в то время командиров Красной армии, но летом 1924 года он утонул, купаясь в реке Дунцзян).

Благодаря усилиям цзян-цзюня (генерала) Га Лина Национально-революционная армия (НРА) добилась поистине сногшибательных успехов и установила контроль за большей частью страны.

За короткое время НРА получила из СССР 40 тысяч винтовок, около 42 миллионов патронов, 48 орудий, 12 горных пушек, 230 пулеметов, 18 бомбометов, более 10 тысяч ручных гранат, 3 самолета и другое вооружение.

Имя Блюхера уже окуталось разными легендами. Западная пресса весьма иронично относилась к официальным сообщениям о том, что «тов. Блюхер происходит из семьи ярославских крестьян».

Самым громким и живучим мифом стала германская версия о том, что Блюхер – ротмистр австро-венгерской армии граф Фердинанд фон Гален, считавшийся пропавшим без вести в Первую мировую войну. Бывший денщик фон Галена, увидев в газетах фотографии Блюхера, признал в нем своего начальника. Не случайно, мол, в Китае военный советник Сунь Ятсена выбрал свое настоящее имя – Га Лин. Советские биографы Блюхера утверждают, что это имя взято от имени первой жены Галины Покровской, с которой Блюхер проживет восемь лет –

с августа 1919 года. Она пройдет с Василием огненными дорогами Зауралья и Сибири, Каховки и Крыма; потом — Забайкалье и Дальний Восток, Петроградский гарнизон и, наконец, Китай. Галина родит мужу троих детей: дочь Зоя умрет во младенчестве, не дожив до года, в мае 1922-го появится Всеволод, в июле 1923 года — Зоя (имя ей дадут в память о первой дочери).

Берлинский родственник ротмистра Фердинанда Михаэль фон Гален был убежден в том, что его племянник попал в 1915 году в плен к русским, оказался в Сибири, где, по предложению красных комиссаров, принял имя героя войны с Наполеоном прусского генерал-фельдмаршала Гебхарда Блюхера, отличавшегося энергией и решительностью, храбростью и неутомимостью (как в ратных делах, так и в любовных похождениях). Проведенное в Институте судебной медицины Боннского университета сравнительное фотоисследование изображений фон Галена и Га Лина (Блюхера) показало их идентичность.

Что касается личной жизни Блюхера, то в 1927 году он расстался с первой женой и женился на Галине Кольчугиной, которая, родив ему сына Василия, поступила слушательницей на военный факультет Академии связи в Москве. Ни в Киев, куда мужа после Китая назначили помощником командующего войсками Украинского военного округа, ни в Хабаровск после перевода туда Блюхера для организации Особой Дальневосточной армии она не поехала. В Хабаровске 42-летний командарм встретит 17-летнюю Глафиру Безверхову из многодетной семьи инвалида Русско-японской войны и, не регистрируя брак, проживет с ней шесть лет (до своего ареста и гибели в 1938 году)³².

А «человека с Севера, похожего на монгола» видели в 30-е годы в Непале во главе мятежных отрядов, пытавшихся свергнуть военно-феодальный режим рода Рана (эта война закончилась победой восставших только в 1951 году). Что этот «человек с Севера» — Лепехин, не утверждаю. Просто похож.

Губер-Гриц пережил сталинский террор и военное лихолетье. По сведениям Министерства обороны, он был уволен из армии в марте 1923 года, но в июле 1932-го назначен начальником строевого отдела Военно-инженерной академии в Москве (чем занимался почти десять лет — неизвестно, может, был рядом с Монголом в Синьцзяне), с декабря 1936 по август 1939 года возглавлял штаб 19-й Узбекской кавалерий-

³² Маршал Советского Союза Василий Константинович Блюхер был арестован 22 октября 1938 года и скончался в Лефортовской тюрьме от побоев 9 ноября 1938 года. Бывших жен — Покровскую и Кольчугину — расстреляли. Безверхова отсидела пять лет в лагерях и провела десять лет в ссылке в Казахстане. В 1956 году реабилитирована. Всех детей Блюхера, включая пятилетнюю Вапру и восьмимесячного Василина (от гражданского брака с Безверховой) разбросали по специальным детским домам НКВД.

ской дивизии, а потом преподавал в Академии имени Фрунзе. Уволен в звании полковника по болезни в феврале 1953 года. Умер в Москве. В его личном деле обнаружилась справка от 31 января 1953 года, подтверждавшая существование Отряда северной экспедиции: «Начальнику отдела кадров Краснознаменной орденов Ленина и Суворова 1-й степени военной академии им. М. В. Фрунзе полковнику тов. Сергееву. Сообщаем, что Северный экспедиционный отряд, командиром которого был Лепехин, сформирован в декабре 1919 года. В Березовский уезд для боевых операций отряд был направлен приблизительно в конце декабря 1919 года (точно установить не представляется возможным). Северный экспедиционный отряд прекратил военные действия 8 апреля 1920 года, а в июне 1920 года был переброшен на западный фронт и в составе Мозырской группы продолжал вести операции против белополяков. И. о. начальника Центрального государственного архива Красной армии полковник Чернелевский».

Золотой лабиринт Ваха

Часть Отряда северной экспедиции осталась в Сургуте. Лепехин приказал Зырянову выследить начальника уездной милиции Волкова и дознаться о маршруте эвакуации из Тобольска церковных и других ценностей и документов.

В воспоминаниях Лопарева отмечено: «...Волкова поймали позднее в самых вершинах Ваха. Здоровенный латыш запрокинул щуплую голову Волкова назад до отказа и ребром ладони так ударил по кадыку, что кожа лопнула и наружу вылетели обрывки связок. Насколько я помню, это единственный случай расправы с врагом способом, не достойным пролетариата. Не допускали мы такой расправы и не одобряли ее. Как ни мало было патронов, но израсходовать для этого пулю никогда не было жаль...»

Но розыском Волкова занимался не латыш, а немец: Роберт Валенто, председатель Сургутской уездной чека. Он родился в 1893 году в Вене, участвовал в боях против русской армии, награжден Железным крестом. В 1915 году попал в плен, работал в Сибири на Омско-Тюменской железной дороге. После оставления колчаковцами Тюмени в августе 1919 года поступил в батальон ЧК, затем с отрядом Лепехина отправился на Север.

На след Волкова его вывел Григорий Пирожников, бывший исправник Сургутского уезда (с 1903 по 1917 год), а после упразднения этой должности – уполномоченный Министерства снабжения и продовольствия Временного правительства России.

Переживая за семью, он отказался от предложения Волкова бежать в почти безлюдный, но хорошо известный им по совместным путешествиям бассейн Ваха — юго-восточную окраину уезда.

Дочь Пирожникова Мария Григорьевна вспоминала: «Смена власти запомнилась страшными картинами: убийством, расстрелами, обстрелом города из пулемета с палубы парохода и т. д. Мы всей семьей, кроме отца, сутками находились в подполье... Отец не спускался в подполье, он находился в комнате, принимая всех — и «красных» и «белых», со всеми разговаривал одинаково выдержанно, спокойно. Кто-то позаботился о нас: приготовили лошадей, принесли тулупы, предложили эвакуироваться, но отец отказался. Мать плакала, боялась за него, а он заявил: «Я не преступник — не побегу». Позднее мать поняла, как благоразумно поступил отец».

Только через год, в ноябре 1920-го, чекистам удалось схватить «большого урядника», как называли Волкова ваховские остяки, на берегу правого притока Ваха — реки Кулун-ёган, почти на границе Тобольской и Енисейской губерний.

Эту операцию Валенто отразил в коротком рапорте на имя председателя Тюменской губчека Студитова: «Согласно заданию скрывающийся бандит Волков пойман 23 ноября 1920 года в лесах у речки Кулун-ёган, где скрывался с декабря 1919 года, промышляя охотой и рыбной ловлей. При обыске его жилища у святого места туземцев обнаружено и изъято: трехлинейка — 1, японка — 1, бердана 4-х линейная — 1, наган — 1, Смит-Вессон — 1, ножи — 2, патроны — много, два ящика с золотыми и серебряными вещами и тетрадь с их характеристикой, мешок со звонкой монетой золотой и серебряной царской чеканки, деньги николаевские, керенские и сибирские — много. Бандит Волков попытался бежать и был смертельно подстрелен; труп не найден по причине сильного бурана. Оружие и ценности сданы военкому Зырянову до начала навигации».

Слухи о неуловимом «большом уряднике» до середины 30-х годов будоражили ваховских остяков, долгие другие аборигенов Обь-Иртышья сопротивлявшихся насильственной политике социалистических преобразований.

Считалось также, что Волков успел часть колчаковского золота рассовать по прикладным жертвенным местам остяков в лабиринте притоков Ваха: рек Кыс, Куль-ёган, Яль-Нельтан-ёган, Нинкин-ёган, Мохтох-ёган, Мох-Куль-ёган и Кулун-ёган-Ингал. Неслучайно эти дикие места как магнитом притягивали искателей приключений.

Сдавшему по описи ценности с парохода «Иртыш» Вронскому дали в ВЧК новое задание: под видом окончившего с отличием в ноябре

1917 года 2-ю Омскую школу прапорщиков Константина Карасева внедриться в отдел контрразведки бригады генерал-майора Красильникова и выяснить речные маршруты эвакуации ценностей Омского государственного банка.

Но пока Вронский-Карасев добирался до Тюмени, колчаковский фронт рухнул, чтобы никогда уже не возродиться.

В селе Кольвань, расположенном на Чаусе, левом притоке Оби, всего в 45 километрах от Новониколаевска (сейчас Новосибирск) чекист-прапорщик выяснил, что хранившиеся здесь запасы платины и золота были использованы в октябре 1918 года по указанию Временного Сибирского правительства для изготовления орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России». Назначенный комиссаром Томского отделения районной транспортной ЧК, он по составленному описанию этих орденов собирался опознать их среди «золотых и серебряных вещей», изъятых на стоянке бывшего начальника Сургутской уездной милиции Волкова. Но на пристани Дубровино двухпалубный пассажирский пароход «Богатырь», на котором плыли Вронский и председатель Томской губчека Александр Шишков, был захвачен участниками Кольванского антибольшевистского восстания. Ворвавшись на палубы и в каюты, повстанцы начали грабить пассажиров и команду. Опознали и расстреляли Шишкова. Назвавшийся Карасевым Вронский выдержал допрос с пристрастием – свое служебное удостоверение он предусмотрительно выкинул за борт. Старательно заучиваемые в ноябре 1919 года подробности короткой жизни прапорщика Карасева, расстрелянного в чекистском подвале, спасли жизнь Вронского.

Содержание и направленность его допросов приведены в книге «Были об омских чекистах» (1968) Михаила Бударина, собственного корреспондента газеты «Известия» по Омской и Тюменской областям (с 1944 по 1955 год), ставшего авторитетным специалистом по истории Сибири:

«Оказалось, что допрашивавший Вронского-Карасева “начальник штаба Кольванской народной армии” Забельский тремя годами раньше окончил ту же Омскую школу прапорщиков.

- Кто был в Омске начальником вашей школы?
- Полковник Жарков.
- Кто присутствовал на выпускных экзаменах от штаба округа?
- Штабс-капитан Нерчинов.
- Кого вы знали из командования Омским гарнизоном?
- Войскового старшину Волкова. Он командовал парадом при выпуске из военных училищ Омска.

- В какие увеселительные заведения ходили омские юнкера?
- На Скорбященскую, на Бутырки, на Мокрый форштадт...
- В армии Верховного правителя вы где служили?
- В отделе контрразведки при штабе бригады генерал-майора Ивана Николаевича Красильникова.
- Где в Омске размещался штаб Верховного главнокомандующего?
- В здании коммерческого училища.
- А где стояла бригада генерала Красильникова?
- В главном корпусе сельскохозяйственного училища. В Старой Загородной роще.
- Куда вы доставляли особо важных арестованных? Где размещалась контрразведка Верховного правителя?
- В здании кадетского корпуса.
- А где был секретный отдел контрразведки?
- На улице Тарской в трехэтажном особняке. Рядом с четырехэтажным складом сельхозмашин фирмы “Мак-Кормика”...
- А не припомните ли вы, как генерал Красильников встречал обычно новоиспеченных офицеров? Какой своей любимой фразой?
- Помню. Он говорил обычно в таком случае: “Здравствуй, здравствуй, погон атласный”.

Знание таких деталей военной подготовки и службы в армии Колчака удовлетворило бывшего штабс-капитана Забельского. Но главарь колыванских повстанцев, бывший надзиратель Томской тюрьмы Яковлев-Северский, объявивший себя «полковником», приказал назначенному командовать повстанческой ротой Вронскому-Карасеву утопить ночью в Оби запертых в трюме «Богатыря» председателя Дубровинского волревкома Гавриила Глушкова и других местных коммунистов.

Воспользовавшись этой ситуацией, чекист и речник Вронский предложил капитану «Богатыря» Пленкову разоружить охрану, освободить арестованных и повернуть пароход на Томск.

«— Вы забыли, — возразил капитан. — У мятежников есть еще четыре захваченных парохода: “Барнаул”, “Ермак”, “Мельник”, “Киргиз”. Буксир “Мельник” уже подошел к Дубровино, другие — на ближайших пристанях. На берегу пулеметы, конница. Река петляет. Всадники догонят нас и обстреляют. Убьют в штурманской рубке меня и помощника. Кто судно поведет?

- Я поведу — окончил Рыбинское судоходное...
- А если внизу на Оби встретятся еще суда, захваченные бандитами?
- Тогда и мы поднимем на мачте бело-зеленый флаг. Обманем мятежников. Ближе к делу! Около острова Талового бросаем якорь и захватываем пароход.

Вронский знал: в случае провала конвой расстреляет не только его, но и весь экипаж. Две палубы: на нижней восемь бандитов, остальные девять — на верхней. Один на носу, другой на корме, двое при выходе на палубу слева и справа. Остальные пятеро спят на скамьях. Вронский и старший помощник капитана Скоробогатов приблизились к часовому. Чекист ударил его ломом по голове. Старпом подхватил винтовку. Оружие пятерых спящих отдали матросам. Те обезоружили и связали остальных. Ликвидировали часовых трюма, вывели пленников в коридор. Пересчитали всех охранников: убитых и связанных шестнадцать, семнадцатого так и не нашли.

— Катать якорь! — приказал капитан Пленков. Загремела якорная лебедка, зазвонил телеграф в машинное отделение. — Лево на борт! Полный вперед! Выложить все!»

«Богатырь» устремился вниз по Оби. На берегу разгадали маневр и открыли огонь. На «Мельнике» организовали погоню. По дороге вдоль реки неслась повозка с пулеметом. Рядом всадники размахивали винтовками. Обстрел продолжался до села Вятский Камешек. Потом погоня отстала.

15 июля 1920 года начальник районной транспортной Чека (РТЧК) Сибири и Омской железной дороги Июнин доложил полномочному представителю ВЧК по Сибири Павлуновскому: «От начальника Томской ОРТЧК получена телеграмма. В Томск прибыл пароход «Богатырь». Командированный в Барнаул на том пароходе тов. Вронский спас от верной смерти 52-х товарищей — членов исполкома и коммунистической ячейки из села Дубровино и ближайших сел... Прошу присвоить пароходу «Богатырь» новое название — «Дзержинский» (что и было сделано. — А. П.)».

Спасенный Вронским руководитель дубровинских коммунистов Глушков вспоминал: «Мы ему доверились. А ведь он был совсем еще мальчик, юноша двадцати лет. Внешне необыкновенно симпатичный, обаятельный. Для меня остаются загадкой два момента. Как Вронскому удалось войти в доверие к офицерам, главарям бандитов? Ведь предводители мятежников были людьми образованными, опытными. И как никто его не выдал из членов команды парохода «Богатырь»? Кстати, в суматохе, когда мы посадили бандитов в трюм за решетку, один из повстанцев все-таки спрятался на корме. Это был наш дубровинский житель, бывший матрос царского речного флота Егор Чугуночкин... И вот когда на буксире «Мельник» погнались за нами, он прыгнул с «Богатыря» в Обь и поплыл. С «Мельника» его увидели, подняли к себе на борт, и от него узнали подробно, что же произошло у нас на пароходе... Много я видел смелых людей в Гражданскую войну

и позднее в Великую Отечественную. И среди них достойное место занимает Константин Александрович Вронский. Я видел этого человека только два дня полвека назад. А запомнил его на всю жизнь. И еще он очень любил и умел петь...»

После подавления в Сибири мятежей и крестьянских восстаний Дзержинский, возглавлявший тогда одновременно ВЧК-ГПУ и Наркомат путей сообщений, счел более разумным использовать Вронского по его профессиональному предназначению — речному³³.

Будучи капитаном парохода «Катунь», Вронский участвовал в знаменитой Карской экспедиции — экспортно-импортной операции Северным морским путем через устья Оби и Енисея. В 1924 году, возвращаясь в конце навигации из Обской губы Карского моря, когда уже шла по реке шуга, он сильно простудился и скончался в омской больнице водников.

Похоронив мужа, его жена Нина с грудной дочкой отправилась к родителям в Тобольск, и при переправе через только что замерзший Тобол они провалились в полынью...

А спрятанное «большим урядником» Волковым колчаковское золото народная молва после образования в декабре 1930 года в бассейнах рек Вах и Таз Ларьякского (Ваховского) остяцкого туземного района³⁴ приписала родовому князю толькинских остяков Ефиму Кунину по прозвищу Шатин или Шата. По воспоминаниям секретаря ларьякского туземного комитета Ивана Борщева, «...Кунин-Шатин был сорокалетний высокий, крепкого телосложения мужчина, с басистым говором и богато одетый. При нем всегда была охрана из батраков. Туземное население рек Сабуна и Тольки находилось у него в полной зависимости. Часть своих оленей он сдавал малообеспеченным остякам, а в качестве арендной платы брал беличьи шкурки. Полученную таким образом пушнину сбывал на ярмарках в Ларьяке и в магазины «Сибторга». Годовой оборот от такой торговли достигал 100 тысяч рублей. Князь толькинских остя-

³³ Почему-то многие видные чекисты странным, мистическим образом были связаны с водным миром. Командир Тюменской речной флотилии Хохряков являлся в то же время представителем Уральской ЧК. Командир сформированного в декабре 1919 года в Тюмени Отряда северной экспедиции Александр Лепехин окончил в Казани речное училище и с сентября 1914 по апрель 1918 года служил капитаном парохода «Николай Сухотин». Председателя Тюменского губотдела ГПУ Николая Долгирева назначили в январе 1953 года (после образования Омской области) начальником Нижне-Иртышского речного пароходства.

В свое время Петр I освоившего за границей флотскую науку Петра Толстого сделал начальником Тайной канцелярии — своей спецслужбы. Сталин, напротив, с черным юмором отправил в ноябре 1938 года шефа НКВД Николая Ежова и его первого заместителя Михаила Фриновского, не имевших никакого отношения к речному и морскому делу, во флотские начальники (плотом их расстреляли как очередных «врагов народа»). Председатель КГБ СССР Юрий Андропов свое восхождение на чекистско-партийно-государственный олимп начинал в 1932 году с судоводительского отделения Рыбинского речного техникума.

³⁴ В Ларьякский (Ваховский) остяцкий туземный район входили Больше-Ларьякский, Больше-Тарховский, Колёк-ёганский, Корликовский, Ларьякский (Ваховский), Охтеурский национальные советы и кочевой совет Толькинский.

ков дважды (в 1924 и 1928 годах) совершил торговые поездки в Норвегию, продав там пушнину за валюту. Когда умер его отец, то на покойного надели бархатный халат, обшитый золотыми монетами царской чеканки. Рядом положили золотые и серебряные вещи из спрятанных Волковым в прикладных жертвенных местах. Пять шаманов увезли его на оленях далеко в урман. Такова местная легенда».

После «оперативного изъятия» Кунина-Шатица в декабре 1932 года (он был схвачен чекистами во время ярмарки в Ларьяке, увезен в Остяко-Вогульск и тайно расстрелян) начальник Остяко-Вогульского окружного отдела ОГПУ Николай Петров пытался отыскать могилу его отца, но, как указал в рапорте, «безрезультатно». Остается загадкой, что заставило последнего князя рода Куниных, предупрежденного об аресте, приехать в Ларьяк. Тогда он фактически возглавил восстание оленеводов толькинской тундры против насильственных методов колхозного строительства, определенных решением Президиума ВЦИК СССР: «...произвести экспроприацию всего оленого (так в тексте. — А. П.) стада и прочих средств и орудий производства в зонах тундры и лесотундры Крайнего Севера у отдельных полуфеодалов...».

Надеясь на защиту сородичей, «полуфеодал» Кунин-Шагин хотел забрать ценности из «святых мест» в верховьях Ваха («при аресте у него изъято золота на сумму 8325 рублей») и откочевать в Туруханский край — «тундра большая». Действительно, остяки требовали освобождения князя и отказывались отвечать на вопросы следователей ОГПУ о прикладных жертвенных местах. Так что сокровища, спрятанные в лабиринте притоков Ваха колчаковским милиционером Волковым, не достались никому.

Но как же добыча сургутского чекиста Валенто: два ящика с драгоценными сибирскими орденами — немец считал эти боевые реликвии Сибирской белой армии «золотыми и серебряными вещами» — и мешок с золотыми украшениями и монетами? Куда исчезло это богатство?

Если верить рапорту Валенто, то ценный груз был доставлен на оленях в Сургут и заперт в сейфе, доставшемся военкому Зырянову от местных купцов. Предполагалось весной 1921 года отправить эти сокровища транзитом через Тобольск и Тюмень в Москву. Однако зима 1920 года изменила этот план. Та зима выдалась на редкость холодной. И голодной.

В сочинении Г.А. Пирожникова «Обь-Иртышский Север» снабжение Сургутского и Березовского уездов хлебом названо «...делом первоочередной важности. Население этого края жило исключительно привозным хлебом, доставлявшимся частными торговцами...»

Но новая власть ликвидировала рыночную торговлю и упразднила казенные хлебозапасные магазины, снабжавшие коренное население мукой и другим продовольствием.

Опытных хлебных заготовителей, таких, как Пирожников, отстранили от работы. Его дочь так писала о том времени: «Зимой 1920 года жили в Сургуте очень тяжело. Отец, хотя и заведовал продовольственным делом, а для своей семьи не сделал необходимых запасов муки. Семья перебивалась на рыбе. Рядом с нами жили Панкины, у них была мука, и мать нас посылала к ним попросить хоть несколько стаканов муки...»

Эвакуационное продовольствие, застрявшее из-за раннего ледостава в Тундрино, и хлеб, доставленный Пирожниковым в Сургут из Томска, были разграблены лихими партизанами. Задушенные продрозверткой волости Тобольского, Тюменского и Ишимского уездов не могли выручить голодающий Север.

У сургутского военкома Зырянова оставалась одна надежда на лямпинский хлеб. Зырянов слал в Березов председателю уездного ревкома Сенькину, называвшему себя «красным наместником Севера», отчаянные телеграммы – просил поделиться мукой и зерном.

В истории нашего края Сенькин представлен как политический ссыльный, большевик, герой революции и Гражданской войны, организатор и руководитель первых советов на Обском Севере.

Крестьянин из села Каменка Успенской волости Малоокрасноярского уезда Орловской губернии, 40-летний Тихон Данилович Сенькин, осужденный в 1903 году за кражу Орловским окружным судом на один год арестантских работ, в 1905 году по постановлению Министерства внутренних дел был сослан в Березовский уезд Тобольской губернии под надзор полиции и определен на жительство в село Обдорское. Только не за революционную деятельность, а «за подстрекательство крестьян к аграрным беспорядкам: погромам, поджогам и др.».

В 1911 году «за буйство и пьяный дебош в ренсковом погребе Голева-Лебедева в селе Обдорском по постановлению тобольского губернатора Сенькин отбыл трехмесячное заключение при полиции». В том же году «за покушение на убийство по приговору Тобольского окружного суда провел полтора года в тобольских исправительных арестантских отделениях».

После этих случаев политические ссыльные, жившие в Обдорске вместе с Сенькиным, потребовали его удаления в Березов «под более строгий надзор полиции как уголовного преступника».

Но случились февральские события 1917 года в Петрограде, отречение царя Николая II от престола и Октябрьский переворот... Считается:

«В Березове в конце января 1918 года на общем собрании городской бедноты и демобилизованных солдат под председательством талантливого организатора политического ссыльного большевика Т. Д. Сенькина было принято решение образовать революционный комитет. В марте власть в Березове полностью перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Земская, волостные и «иногородческие» управы были упразднены. Организована Красная гвардия под командованием Т. Д. Сенькина. Беднота начала отбирать у рыбопромышленников снасти и невода и делить их между собой»³⁵.

Налицо местное «триумфальное шествие советской власти» и своя «красногвардейская атака на капитал».

Назван состав первого ревкома: кроме упомянутого Сенькина — Ф. Ф. Котовщиков, И. Ф. Филиппов, Н. Л. Ильин, Д. Н. Ильин, М. П. Кузнецов, Н. С. Михайлов, П. И. Сосунов, Л. Я. Железнов, А. Г. Нижегородцев, Ф. М. Защипов. К. Г. Шмуклер.

В октябре 1937 года НКВД арестовал Ивана Филипповича Филиппова, 1888 года рождения, уроженца Березова, зырянина. В анкете арестованного отмечено: «Служил в Красной гвардии с февраля по май 1918 года, в армиях белой и красной не служил, состоял в ВКП(б) с 1918 по 1922 год, выбыл в связи с судебным делом, работал в Тобольске председателем артели “2-я пятилетка”, предъявлено обвинение за знакомство с Улановым и за контрреволюционные разговоры».

Филиппов представил следствию свои собственноручные показания — воспоминания о событиях весны — лета 1918 года в Березове и о своем участии в поисках кладов белогвардейцев и местных богатеев.

«...В январе 1918 года, — писал Филиппов, — в Березов из Кондинска приехали Михаил Петрович Кузнецов, председатель потребительской кооперации и кредитного товарищества, со своим бухгалтером Павлом Ильичом Сосуновым. Образовалась группа в составе:

1. Федор Федорович Котовщиков, работал бухгалтером, потом председателем кредитного товарищества, очень способный кооператор, окончил городское училище, после смерти родителей имел в своем иждивении двух братьев, четырех сестер и престарелую тетку, прекрасный оратор;

2. Тихон Данилович Сенькин, политический ссыльный с 1905 года, социал-демократ, большевик, малограмотный;

3. Филипп Мелентьевич Защипов, политический ссыльный, большевик, мастер на все руки: часовщик, фотограф, химик, художник;

³⁵ Бударин М. Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. С. 97—98.

4. Лев Яковлевич Железнов, рыбак, кооператор, хорошо владел языками ханты и манси, трудолюбивый мужик, шестеро ребятишек — мал мала меньше;

5. Иван Филиппович Филиппов;

6. Николай Львович Ильин, старый кооператор, хорошо грамотный, бухгалтер, председатель кооператива;

7. Ал. Георгиевич Нижегородцев, сын чиновника, телеграфист;

8. Константин Георгиевич Шмуклер, окончил городское училище, телеграфист;

9. Дем. Николаевич Ильин;

10. Константин Георгиевич Нижегородцев;

11. Николай Иванович (фамилию не помню), политссыльный;

12. Михаил Петрович Кузнецов, окончил городское училище, до революции работал помощником писаря;

13. Павел Ильич Сосунов, сын ссыльного черкеса, батрак, хорошо грамотный, после военной службы телеграфист, исключительно честный и смелый человек».

Присутствие в группе трех телеграфистов не случайно: все политические новости доходили тогда до уездного Березова по телеграфу.

«В начале марта, — продолжал Филиппов, — наша группа решила захватить власть в свои руки революционным путем и создать уездный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Вооруженная сила в Березове была представлена штабс-капитаном Салминим, командиром роты солдат в количестве 72 человек. Это — Георгиевские кавалеры из разных частей действующей армии, имевшие ранения на фронте и считающиеся выздоравливающими.

Был намечен такой план действий:

1. Арестовать уездного исправника Л. Н. Ямзина, его помощника Н. Т. Кушникова, купца С. П. Шахова. Это задание было дано Сенькину и К. Г. Нижегородцеву;

2. Арестовать штабс-капитана Салмина, предъявив ему обвинение в неисполнении декрета Совета Народных Комиссаров о роспуске старой армии и организации Красной гвардии, разоружить местную команду и распустить ее по домам;

3. Арестовать начальника березовской тюрьмы и освободить заключенных в ней. Поручено Защипову и Д. Н. Ильину;

4. Взять под контроль почту и телеграф, поручено А. Г. Нижегородцеву и Шмуклеру.

В ночь на 9 марта каждый отправился выполнять свое задание. Все получилось как нельзя лучше, только Салмин как заядлый монархист

заупрямился и не сразу подчинился нашему приказу от имени совета по березовскому гарнизону, который мы написали заранее.

Салмин со своей семьей жил в отдельной квартире, при нем находился денщик. Мы разоружили штабс-капитана, произвели у него обыск и отвели в канцелярию команды, где по нашему требованию писарь составил приказ о роспуске местной команды и сдаче всего оружия и боеприпасов. Потом мы отвели офицера в тюрьму и отправились в казарму, где зачитали декрет СНК и приказ Салмина о демобилизации и разоружении. Было также сказано, что утром 9 марта они могут ехать по домам, для них будут поданы подводы. Солдаты приняли наше предложение с большой радостью и тут же стали сдавать оружие.

На следующий день по городу на столбах были расклеены объявления и разослан по учреждениям под расписку приказ ВРК о том, что власть Временного правительства Керенского закончилась...»

Родственники арестованных Ямзина, Кушников и Шахова жаловались в Tobольск на самоуправство ревкома. Опасаясь наказания за захват власти, березовские заговорщики обратились за помощью в Тюмень, Омск, Екатеринбург и даже в Петроград. Из «колыбели революции» в Березов прислали трех балтийских матросов-радиостов с радиоприемником. Они наладили прием сообщений об обстановке в стране, но общаться с другими городами можно было только по телеграфу, и то через Tobольск. Омск и Екатеринбург предложили для придания законности новой власти провести 15 апреля уездный съезд в Березове.

По свидетельству Филиппова, «делегаты с мест не приехали из-за распутицы, потому представительство от власти распределили между членами ревкома. Председателем уездного совета выбрали Котовщикова, его заместителем — Кузнецова, остальные ревкомовцы стали членами президиума».

Волости затаились, а Обдорск не признал полномочий ни ревкома, ни совета. Для приведения непокорного Обдорска к «революционному порядку» туда с вооруженным отрядом отправился Сенькин. Они созвали в Обдорске собрание, на котором заявили, что «большая часть отряда задержалась на станке Шурышкары за отсутствием подвод и прибудет позже, после чего пообещали за невыполнение распоряжений уездного совета арестовать весь состав земства и отправить в березовскую тюрьму к заключенным в ней бывшим руководителям уезда».

Филиппов считал, что «члены Обдорского земства хорошо знали характер Сенькина еще со времен его здешней ссылки. Тогда Сенькин открыто при народе стрелял в полицейского станового пристава Тарасова и его урядников. Потому они без всякого сопротивления сдали

свои полномочия. А сам Сенькин со своими ребятами завесновал (остался до первого парохода) в Обдорске».

«В конце апреля 1918 года, — продолжал показания для НКВД Филиппов, — мы услышали из Петрограда сообщение по радио об активизации контрреволюционных сил и необходимости членам советов направляться из глубинки в пролетарские центры для защиты рабоче-крестьянской власти. В самый разгар распутицы мы не смогли выбраться из Березова и ждали первого парохода, рассчитывая захватить его и подняться вверх по реке Сосьве ближе к Надеждинским заводам.

Во второй половине мая пришел первый пароход «Арсений», переименованный в «Отважный», с рыболовецким караваном. На нем прибыл в Березов из Омска через Тобольск продовольственный отряд в количестве 45 хорошо вооруженных солдат под командой поручика Лагуновского, который остановился на квартире Шахова...»

Через три дня отряд поручика Лагуновского при содействии местного союза фронтовиков освободил из тюрьмы заключенных, в их числе Ямзина, Кушникова, Шахова, и арестовал членов уездного совета.

Филиппов так описал этот переворот: «Солдаты и фронтовики окружили наши квартиры и, зная, что мы вооружены, открывали огонь. Ко мне в дом Лагуновский послал солдата Георгия Фомина с требованием сдаться. Фомин же так трусил, что сразу в передней, не говоря ни слова, выстрелил (позднее он говорил, что нечаянно) и выскочил во двор. Услыхав выстрел, оцепление дома дало залпы. Я бросился в кладовку, откуда на чердак, выломал переборку, спрыгнул с крыши и убежал в лес. Но от нервного волнения у меня так разболелся зуб, что на следующее утро я решил лесом пройти в амбулаторию при больнице на окраине города. Когда я вошел в приемную, то фельдшера так перепугались, будто я с того света явился. Едва фельдшер взялся щипцами за мой зуб, как в помещение вошли пять вооруженных солдат: «Руки вверх!» Я рванулся, зуб сломался, фельдшера заломили мне руки, но я вырвался и, выхватив из-за пояса кольт, приказал этой пятерке немедленно убираться прочь, если хотят оставаться в живых. Они выскочили в коридор, а фельдшера А. И. Локиц, Пр. Г. Копылов и доктор Малинин стали просить, чтобы я не стрелял в больнице, где есть тяжело больные, а сдался добровольно, потому что все члены совета, за исключением меня, уже арестованы, но, может быть, все обойдется.

Я был в крови, вытекавшей из десны, и в возбужденном состоянии, но, прислушавшись к уговорам, решил сдаться, чтобы умереть вместе со своими товарищами из совета. В полицейском управлении я сдал кольт, и меня посадили в обычную камеру...

А 9 июня пришел пароход «Народник», принадлежавший жителям Березовского уезда. Он направлялся в Обдорск. Мне пришлось горько раскаться, что сдался. Когда любой пароход приходил в Березов, то все его население бросало работу и бежало на пристань. В такой обстановке я мог выскочить из своего лесного убежища, выпустить своих товарищей из тюрьмы, мы захватили бы пароход и оттуда били бы беляков, как куропаток. Но мечтать об упущенном было бесполезно...»

А как же буйный красногвардеец Сенькин? Обратимся к показаниям Филиппова: «Обратным рейсом на пароходе «Народник» (потом его переименовали в «Могучий») прибыл Сенькин со своими красногвардейцами. Их тут же на пристани попытались арестовать, но он бросился на Лагуновского с гранатой и наганом. Поручик с солдатами отступил. Но и Сенькин не решился в толпе взрывать гранату и стрелять. Поэтому, когда народ разошелся с пристани, его и обезоружили».

По утверждению Филиппова, «25–27 июня 1918 года всех арестованных членов Березовского совета отправили на этом же пароходе «Народник» в Тобольск...» В своих показаниях Филиппов подробно изложил обстоятельства своего заключения в Тобольской каторжной тюрьме, эвакуационного этапа летом 1919 года в Иркутск и дальше, в Александровский каторжный централ, знакомства с еще одним «героем революции и Гражданской войны» А. В. Протасовым-Жизневым, совместного с ним бегства из тюрьмы, скитаний по глухой ангарской тайге, пребывания в красном партизанском отряде, работы уже в советском Иркутске, возвращения в январе 1920 года в Тобольск... Но о Сенькине – ни слова. Чем тот занимался в то время – неизвестно. Как будто ждал где-то нового безвластия в Березове. Дождался. И вновь, как чертик из шкатулки, появился в городе, привычно захватил в нем власть, объявив себя представителем уездного ревкома и «красным наместником Севера». У него были и власть, и то, что всегда дороже золота, – хлеб!

Зная о драгоценной добыче из урманов Ваха, Сенькин потребовал за часть ляпинского хлеба залог. И Зырянов перед угрозой голода согласился отдать Сенькину захваченные Валенто ценности, не задумываясь об их исторических и художественных достоинствах. Для него эти сокровища также были «золотыми и серебряными вещами».

По приказу Сенькина в Саранпауле, Березове и Обдорске отгрузили для Сургута 18 тысяч пудов муки и зерна. Ровно столько, сколько должны были взять колчаковцы для снабжения войск Восточного фронта, но не успели из-за спешного отступления из Тобольска. Соответствующие интендантские документы остались в Березове, и «красный наместник Севера» ими воспользовался.

После Нового года Сенькин отправился с хлебным обозом в Самарово. Здесь он тайно встретился с Зыряновым и обменял на золото хлеб, списанный по бумагам на колчаковцев. Сургутский военком не знал о подлоге, но потребовал от председателя Березовского ревкома расписку о получении «золотых и серебряных вещей». И сам письменно подтвердил отгрузку спасительного хлеба, не обратив при этом внимания на усмешку «продавца»: для того эти расписки ничего не значили.

После сделки Зырянов поспешил в Сургут, а Сенькин еще задержался в Самарово у верной молодухи. Тогда же они узнали о восстании на юге губернии.

Приложение № 3

Протокол

собрания солдат и офицеров Березовской команды, происшедшего по случаю изгнания из Ляпина Архангельского отряда в ночь в 27 на 28 января 1920 года (нов. ст.)

Слушали: Об отправке делегации к отряду советских войск по тракту Сартынья — Ляпин. О деятельности подпоручика Туркова в момент восстания. Предоставление безопасности офицерам — поручику Витвинову и прапорщику Булатникову. О чинах уездной милиции.

Постановили: Немедленно отправить солдат Кудрина Николая, Михельсона Роберта и Бешкильцева Михаила. Считать, что подпоручик Турков решительными действиями с опасностью для жизни помог ликвидировать все кровопролития. Ходатайствуем перед властями Советской России о свободе и полной безопасности подпоручика Туркова, считая последние его действия более важными, чем все его прошлые. Памятуя хорошее отношение Витвинова и Булатникова к подчиненным и их деятельность в восстании, просим обеспечить им полную неприкосновенность. Выразить благодарность за энергичную поддержку при восстании и просить за их свободу и безопасность перед Советским правительством.

Обсуждали: Гарантирование полной безопасности всему составу Березовского гарнизона и милиции. Сдачу Березовским гарнизоном оружия и имущества...

Постановили: Всем гарантируется полная безопасность. Гарнизон сдает оружие и все имущество советским войскам и следует в Березов, где ожидает дальнейших распоряжений. Имеющиеся в гарнизоне ценности и документы сдать лично Лепехину.

Подлинный протокол подписали: Председатель собрания Николай Кудрин и весь наличный состав офицеров и солдат Березовского отряда. Начальник штаба Отряда северной экспедиции Губер-Гриц.

Отделение регистрации и архивных фондов Регионального управления ФСБ России по Тюменской области

Ликвидировать губернатора...

Из воспоминаний сотрудника НКВД В. К. Петрова

...Агент 063, как я обнаружил по прибытии в резидентуру в Синьцзяне в 1937 году, был китайским губернатором, огромным мужчиной, который еле-еле втискивался на стул. Всем нам он был хорошо известен и часто приходил в нашу штаб-квартиру вместе с адъютантом для встречи с генералом Крафтом. Во время таких посещений он надевал китайские штаны с высокими сапогами, сделанными по специальному заказу, и легкое кожаное пальто. Благодаря своему положению он встречался со всеми важными гостями в этом районе и снабжал нас массой информации о миссионерах, торговцах и всех, кто вел пробританскую пропаганду. Несомненно, агент 063 оказывал огромную помощь советской экспедиции. Конечно, он имел глубокое и точное представление и о нашей деятельности.

Полученная телеграмма гласила: «Обезопасьте агента 063, оказавшегося английским шпионом». Это означало: уничтожить! Войтенков быстро составил план по реализации указания Москвы. Китайский переводчик, которого мы звали Питером, был в хороших отношениях с губернатором, и мы быстро направили его для приглашения губернатора к нам на штаб-квартиру, поскольку генерал Крафт хотел попрощаться с ним перед отъездом в Советский Союз.

Как только он вошел, он был схвачен и связан, затем проведен в комнату для допроса, продолжавшегося пятнадцать минут. Хотя я не присутствовал, но позднее читал краткий протокол допроса: агента обвиняли в шпионаже на англичан, он это отрицал. Очевидно, он был ошеломлен обвинением и быстрым развитием событий.

Тем временем трем радистам поручили вырыть большую могилу в подвальном этаже в коридоре. С заткнутым ртом и связанными за спиной руками агент был вынесен и положен лицом вниз около могилы в коридоре. Тут заработал мотор грузовика во дворе, он оглушительно ревел. Один из сотрудников трижды выстрелил агенту в затылок. Сквозь шум мотора я услышал звук, который донесся сквозь выстрелы. Это было нечто похожее на длинный вздох и стон. Я никогда не забуду этого звука. Его огромное тело затем свалили в могилу, полили бензи-

ном и сожгли. Засыпали землей, утрамбовали, заменили бамбуковые маты в коридоре.

О политическом состоянии тундры Ларьякского района на 01.02.1933 г.

Докладная Остяко-Вогульского окружного отдела в Полномочное представительство ОГПУ по Уралу

...Родовой князь кулак-туземец Шатин-Кунин в период перевыборов туземных советов 1932 года увел с собой к Енисею 161 туземца-оленевода. Собрал и вывез пушнины на 50 тысяч рублей, что составило 20% всего годового плана 1932 года. Он же перегородил сплошным «запором» реку Тольку. В ее верховьях находился туземный совет. Рыба в верховье Тольки не поступала, что вызвало недовольство туземного населения...

Наши мероприятия:

1 п. Кунин окротделом ОГПУ оперирован и привлекается к ответственности. Дело направлено на рассмотрение «тройки». Пока у Кунина изъято золото на сумму 8 тысяч 325 рублей.

2 п. По вопросу о привлечении Кунина окротдел поставлен в весьма невыгодное положение. С одной стороны, есть крайняя необходимость привлечения Кунина к ответственности, а с другой стороны — отдел не имеет возможности оформить дело так, как это требуется соответственно статьям УПК и Указаниям ППОГПУ по Уралу, в частности, добыть свидетельские показания, которые добыть в тундре нет никакой возможности. Основным обвинительным материалом являются агентурные данные.

Как и окротдел, и окружком ВКП(б), окрисполком глубоко убеждены в том, что отпускать имеющего неограниченное влияние на туземцев Кунина — значит допустить ряд серьезных политических осложнений в тундре.

На основании этого просьба дело Кунина рассмотреть в таком виде, в каком окротдел его сможет оформить.

Нач. окротдела ОГПУ Петров³⁶

³⁶ Николай Николаевич Петров в органах ВЧК с 1919 года; с 1930 по 1936 год — начальник Остяко-Вогульского окружного отдела ОГПУ-НКВД. В 1937—1938 годах возглавлял Тюменский горотдел НКВД, затем служил в особых отделах НКВД в Киевском военном округе; перед войной переведен в г. Молотов (сейчас Пермь), был заместителем начальника УНКВД и начальником УНКГБ по Молотовской области, после войны — начальник УМГБ по Тувинской автономной области; с 1952 года начальник УМГБ по Костромской области. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», Отечественной войны и медалями. Уволен из органов безопасности в 1954 году. В 1959-м исключен из КПСС «за нарушение социалистической законности». Умер в 1967 году в Перми.

Любимый анекдот Н. Н. Петрова

Чекисты поймали Шату-Кунина и допрашивают его через толмача-переводчика:

— Отвечай, где спрятано золото?

Толмач переводит вопрос и ответ:

— Не знаю, однако, никакого золота!

Чекисты переводчику:

— Если не скажет, где тайник, мы его расстреляем!

Тот переводит:

— Они тебя точно расстреляют, если не расскажешь, где спрятано золото!

Шата:

— Золото в лабазе у «святого места» Юм-Сурлунг...

Переводчик:

— Стреляйте, сволочи!

ГЛАВА IV

Революционные клады оставили значительный след в советской литературе. Сюжетная завязка о буржуях, возвращающихся в Советскую Россию за спрятанными сокровищами, прослеживается в книгах самых разных авторов — от Михаила Булгакова до Анатолия Рыбакова.

Постсоветское время подарило множество увлекательных историй о кладах, пусть и выдуманных, но выдуманных изобретательно, правдоподобно. Там и таинственные ночные тени, и загадочные убийства, и загробные голоса, и жуткие видения.

Но ранее недоступные чекистские документы и секретные отчеты кладоискателей из НКВД интереснее выдуманных историй. И страшнее...

Полярная ночь

Началом Ишимско-Петропавловского, или Западно-Сибирского, восстания принято считать 31 января 1921 года. Утверждалось, что его подняли «уцелевшие после разгрома Колчака белогвардейцы, эсеры, кулаки, попы и купцы». К середине февраля оно охватило все уезды Тюменской (Тобольской) губернии. В ночь с 20 на 21 февраля был тайно оставлен Тобольск. Местные коммунисты и красноармейцы под руководством председателя уездного исполкома А. Ф. Демьянова отошли на восток вверх по течению Иртыша (до села Загвоздино).

Через день в бывший губернский центр вошли мятежники. Очевидец писал: «Странное, непривычное зрелище — воины не воины. Простая домашняя одежда, мешки... А оружие! Тут и современная винтовка, и допотопный дробовик, и самодельная пика, и просто дубина. Это восставшие крестьяне».

В последние годы отечественные историки пришли к выводу, что главной причиной восстания в Западной Сибири была продрозверстка — безмерное, безвозмездное и насильственное изымание у крестьян продуктов их труда (хлеба, мяса, масла, рыбы, пушнины и др.) советским большевистским государством, его уполномоченными и продотрядами. Трактовка восстания в виде белогвардейско-кулацко-эсеровского мятежа опровергнута. Сейчас это событие рассматривается как «защитная реакция крестьянства на государственный произвол и насилие»³⁷.

О восстании на юге губернии коммунисты Березовского уезда узнали 18 февраля из радиоперехвата телеграмм радиостанций Сибири

³⁷ Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918—1922 гг. М.: Посев, 2006. С. 333—385.

и Урала. Были созданы революционные комитеты в Березове (Пензин, Данилов, Попов), в Сургуте (Хорохорин, Зырянов, Зорин), в Обдорске (Протасов-Жизнев, Сосунов, Волков).

При отсутствии в Березове Сенькина — «говорили, что он сейчас в разъездах по уезду и место его нахождения никому не известно» — Обдорский ревком 20 февраля объявил себя военно-революционным комитетом всего Тобольского Севера (Тобсеввоенревком), подчинил себе Березовский и Сургутский ревкомы и приказал взять заложников из «бывших».

Возвратившийся из Самарова в Березово после секретного обмена ялпинского хлеба на «золотые и серебряные вещи» Сенькин потребовал объяснений у членов самозванного Тобсеввоенревкома.

Участник этих переговоров начальник Обдорской радиостанции Иосиф Волков вспоминал: «В разгар нашей борьбы за мобилизацию тыла в Обдорске неожиданно появился мужчина могучего телосложения, рябой, мрачный, с огромной шапкой спутанных волос и бородой, разбросанной клочками по широкому скуластому лицу. Это был товарищ Тихон Данилович Сенькин — председатель Березовского уездного исполкома. Он шумно протестовал против узурпации власти во вверенном ему уезде: “Как же это так, товарищи? Неправильно! А советскую власть вы спросили? Меня народ выбирал по конституции. А вас кто выбирал?”

Двое суток Протасов, знавший Сенькина по заключению в Александровском центре, разводил дипломатию с оскорбленным председателем».

Между тем повстанцы из села Демьянского разгромили у села Цингалы объединенные отряды березовских и сургутских коммунистов под руководством «главнокомандующего революционными войсками Тобольского Севера Данилова (березовский уездный военком) и его заместителя Хорохорина (сургутский уездный военком). Началась паника...»

По словам Волкова, «...Сенькина удалось утихомирить. Мы назначили его командующим Первым северным революционным отрядом. Вместе с этим отрядом в Березов выехал сам Протасов. Он опасался, что Сенькин в Березове опять что-нибудь наколбасит».

Волков признал, что Тобсеввоенревком получил радиogramму председателя Тюменской губчека Студитова: «Повстанческое движение необходимо изучать, тщательно анализировать, выяснять корни, его питающие. К повстанцам следует относиться гуманно. Взятых в плен несознательных дружинников распускать по домам или употреблять на общественные работы. Захваченных главарей не расстреливать, а оставлять до суда. Совершенные бандитами зверства над коммунистами протоколировать, фотографировать трупы замученных...»

Эту директиву-предупреждение члены Тобсеввоенревкома сочли «горькой иронией» и, ссылаясь на «специфические условия Севера», стали расстреливать заложников. Среди жертв массового красного террора в Березове оказались: Добровольский Иван, Суровцев Дмитрий, Карсканов Михаил, Гурьянов Филипп, Охранов Алексей, Григорьев Алексей (единственный в крае образованный остяк. — А. П.), Оводов Тарас, Шахов Семен (местный культурный рыбопромышленник. — А. П.), Попов Николай, Равский Петр, Первов Михаил, Кушников Николай (тесть подпоручика Туркова и красный парламентар в Саранпауле. — А. П.), Кузьмин Григорий, Кузьмин Ларион, Поленов Александр...» Самых активных граждан Обского Севера после расстрелов сбрасывали под лед. Но террор лишь расширял масштабы и ярость восстания. Коммунистические отряды без сопротивления оставили Самарово и Сургут.

Из донесений повстанцев: «Самарово — штаб. Красные бежали из Сургута в ночь на 9 марта по направлению на Нарым. Их человек 60, вооружены, взяли женщину-врача, фельдшера, двух медсестер, весь личный порох, дробь, оружие, разные товары, медикаменты, захватили до 150 лошадей и 70 ямщиков. Советская власть в Сургуте ликвидирована. Для преследования бежавших красных выступили отряды Третьякова и Гущина, последний сформирован из местных жителей численностью в 65 человек. Без боя заняты селения Банное, Широково, Галец, Локозово, где поймано 9 коммунистов из отступающего отряда красных. Они двигаются медленно, большим обозом. Наши части чувствуют себя бодро и уверены в скорой ликвидации бежавшего отряда коммунистов...»

Повстанцы настигли красный обоз у деревни Вата (сейчас Нижневартовского района). В перестрелке погибли председатель Сургутского исполкома Гуряев, его заместители Зырянов, Зорин и другие коммунисты. Обстоятельства их гибели и места захоронений неизвестны. Также неясно, где находились партийные и советские документы: в эвакуационном обозе, спрятаны в Сургуте или в других местах? Позднее эти документы искали не только Лопарев (если верить его воспоминаниям, он нашел их), но и органы госбезопасности. В 1937 году был арестован брат Антонина Петровича Зырянова — Николай Петрович, отступавший в марте 1921 года с отрядом сургутских коммунистов на Нарым. Следственное дело на него почему-то не сохранилось, но по сопроводительной записке к делу Лопарева можно предположить о проводимых между ними очных ставках.

Объединенные отряды березовских и самаровских коммунистов были разбиты повстанцами у деревни Карымкары. Как свидетельствовал Волков, «...много позднее через уцелевших участников боя удалось

установить более или менее правдоподобную картину тех событий. Прибывший с отрядом в Кондинск, в ставку командующего Данилова, Сенькин проявил присущую ему партизанскую самостоятельность. Он собрал митинг, ругал на чем свет стоит бездеятельность Данилова, требовал незамедлительного наступления на врага. Трусливый и безынициативный Данилов не выдержал напора Сенькина и фактически передал ему командование фронтом. Сенькин объединил под своим командованием все отступавшие к Кондинску отряды и приказал занять позиции в узком рукаве Оби с высокими берегами. Но когда показался противник, началась неразбериха. Сенькин командовал: «К бою!» Другие кричали: «Надо отступать!» Под обстрелом противника начался митинг. Часть дружинников и красноармейцев залегла и отстреливалась, другие металась с места на место. Команды Сенькина никто не слушал — обнаружили не обученность наших отрядов и отсутствие у них воинской дисциплины.

Командир конных разведчиков, работник Обдорской продконторы Георгий Чазов пытался спасти положение. Вскочив на коня и крикнув: «Вперед, за мной!» — он с группой из 8—10 человек бросился на врага, но был убит наповал, а его группа разбежалась. Началась паника. Все бросились кто к подводам, кто в окружающий берега лес. Сенькин в тупе, вооруженный кроме винтовки и нагана двумя гранатами, упорно отстреливался, но оставшись с ничтожной группой сопротивляющихся, встал на лыжи и скрылся в лесу, бросив остатки отряда на произвол судьбы. Наши «вооруженные силы» побросали оружие, лыжи, теплую одежду и превратились в бегущую дезорганизованную толпу, неспособную к сколько-нибудь серьезному сопротивлению...»

Что ж такого героического совершил на Обском Севере Тихон Сенькин? За какие подвиги ему памятник и улицы его имени?

Существует несколько версий гибели председателя Березовского исполкома. По свидетельству Волкова, «...спасшийся от бандитов Сенькин пробрался в дальние выловки на реке Казыме, но был выдан бандитам и доставлен в Березов. По рассказам очевидцев, его десять дней водили, как медведя, на цепи напоказ всему населению. Его избивали шомполами и плетью, подкалывали, прижигали раскаленным железом. Наконец, истерзанного, окровавленного и распухшего изрубили на площади на глазах толпы».

В книге очерков о героях революции и Гражданской войны в нашем крае «Сквозь грозы» утверждается, что Сенькина расстреляли в селе Чемаша, а после подавления восстания его тело, на котором насчитывалось свыше тридцати (!) огнестрельных ранений, доставили в Бере-

зов и похоронили под гудки пароходов с красноармейцами (т.е. в мае 1921 года. — А. П.).

А житель этого села В. А. Селиванов, с которым мы искали колчакковский клад в верховьях Малой Сосьвы, даже показал мне стрелянную гильзу от маузера, из которого якобы был произведен контрольный смертельный выстрел.

Официального расследования обстоятельств гибели Сенькина не проводилось, хотя, если верить приведенным версиям, свидетелей расправы с «красным наместником Севера» предостаточно. Почему не установили непосредственных убийц и не привлекли их к ответственности? Да потому, что расправа в мученических и героических тонах придумана в политико-воспитательных целях. По правде Сенькин был убит в неразберихе боестолкновения у Карымкар.

Неизвестно, чья пуля нашла бывшего политкаторжанина. Есть показания Варлаама Сосунова: «Наша рота участвовала в бою против красных под деревней Карымкары. С нашей стороны был убит один. Со стороны красных я лично у дороги видел два трупа. Слышал, будто бы было убито и взято в плен много красных, но сам не видел. А с Сенькина золотые кольца и часы снял Евсеев...»

Кто такой Евсеев? С плененного, но еще живого, или уже с мертвого командира красных отрядов досталась повстанцу золотая добыча? Нет ответов на эти важные вопросы. Как нет в чекистских документах 1921–1922 годов внимания, сочувствия и почтения к трагической по-своему судьбе председателя Березовского исполкома. Можно только предполагать, состоялись ли в Березове торжественные похороны и кто в таком случае был там похоронен.

По воспоминаниям Волкова, после разгрома красных отрядов у Карымкар «Тобсеввоенревком издал приказ об эвакуации из Березова, кроме людей, также валютных ценностей и дорогого технического имущества. В этом году там застрял во льду географический пароход “Орлик”. Чтобы не дать повстанцам возможности использовать его весной для боевых действий, мы приказали снять с него золотники и другие части двигателя и надежно спрятать их в потайном месте. Был назначен начальник эвакуационной части — уполномоченный Тюменского губпродкома в Березове Сирота». Запомним это имя.

Сдав без боя Кондинск и Березов, Тобсеввоенревком стал, по воспоминаниям Волкова, «думать о местных задачах: спасении сотен жизней и значительных валютных ценностей Тобольского Севера. Мы стали готовиться к эвакуации беженцев и ценностей уже из Обдорска, не представляя себе ясно путей этой эвакуации...»

О размерах этого богатства можно судить также со слов Волкова: «Помню, в первый же день после приезда березовцев (т.е. 21 марта. — А. П.) я забежал за чем-то в здание финотдела. Там комиссия во главе с Пензиным, уездным политбюро (т.е. председатель Березовской уездной ЧК), пожилым и лысым петроградским рабочим, самым старым из нас по возрасту и партийному стажу, принимала и проверяла золотой фонд, в том числе и обдорский.

— Смотри, сколько здесь добра! — сказал мне Пензин и начал открывать поочередно шесть небольших деревянных ящиков, стоящих рядом. Они были доверху наполнены золотыми и серебряными вещами: карманными часами, браслетами, кольцами, подстаканниками, ложками, медальонами... В ночь на 23 марта первый транспорт под командой Филиппова выступил из Обдорска на Щучью реку на зимовки Слободского и Терентьева. С этим транспортом было эвакуировано большинство ценностей в виде пушнины, золотого фонда и бумажных совзнаков...»

Однако Филиппов в показаниях, датированных 1937 годом, подтвердил лишь наличие пушнины. Золотые и серебряные вещи, в их числе часть ценностей Сибирского белого движения, доставшаяся Сенькину от Зырянова и Валенто в обмен на ляпинский хлеб, были отправлены двумя обозами за Урал.

Это маршрут, по словам Волкова, предложили «трое пожилых зырян, пострадавших от белых.

— Осип Петрович, — сказали они, — мы к вам по важному делу. Говорят, что вы думаете и нас всех отправить на Щучью реку. Но там же того... жить негде. Всего две зимовки. А ведь народу-то наберется страсть сколько! Только беженцев понаехало душ полтораста... А наши здешние... Вот мы, ижемские, бежали сюда от белых... шестнадцать семей. Нам невозможно здесь оставаться...

— Что вы предлагаете?

— Мы так думаем: за Урал надо податься, на Усу.

— Зимой через Урал?

— Так что ж: мы зимой прошли, в январе... пешком. Тут есть перевал на Ошвор. Мы знаем дорогу — проведем хоть тыщу людей.

— Беретесь?

— Головой ручаемся! Тут способно. По Усе есть деревушки. Пойдем на Петрунь, а то и на Усть-Цильму. А на Щучьей, там нас окружить могут, отступать некуда...

— Дельное предложение!

Возражений у Протасова и других членов Тобсевревштаба (Тобсеввоенревком был переименован в Тобсевревштаб 20 марта после

прибытия в Обдорск всех разрозненных коммунистических отрядов. — А. П.) не было.

Во главе первого транспорта за Урал стал сам начэвак Сирота. Ему же персонально была доверена для сдачи властям Архангельской губернии часть пушнины и золотого фонда... Сирота в полной военной форме и хрустящей портупее держался с большим начальственным апломбом. Но видно было, что он и не нюхал войны, а сидел где-то в глубоком тылу, в продкоме. Его помощник Туркель, горячий и несколько наивный парень, наоборот, исколесил с Красной армией Украину, Дон, Крым, дрался с Деникиным, Скоропадским, Петлюрой, Врангелем, Махно... Этот знал, чем пахнет порох... По предписанию Тобсевревштаба я выдал в распоряжение начэвака весь наличный запас спирта-ректификата, имевшийся на радиостанции, — десять ведер.

Утром 23 марта обоз в полтораста нарт и запасной косяк оленей в пятьсот голов тронулся по направлению к Уральскому хребту через Лабитнанги.

Второй транспорт должен был возглавить чекист Сосунов, а с ним Антонина Протасова, сестра Протасова, ставшая женой Сосунова...

В связи с предстоящей эвакуацией по приказу Протасова, согласованному с Глазковым и Даниловым, ночью 15 марта расстреляли девять заложников: «Все равно девать нам их некуда», — с нехорошей улыбкой произнес Протасов».

Жестокий расстрел безвинных людей вызвал защитные действия со стороны зырян, бывших фронтовиков мировой войны, духовенства и интеллигенции Обдорска.

По книге Бударина: «17 марта обдорские кулаки и торговцы захватили в городе почтово-телеграфную контору. В здании исполкома они предательски убили председателя Совета Королева, а в уличной перестрелке начальника милиции Глазкова. К вечеру коммунисты подавили вспыхнувший кулацкий мятеж». Подробностей «подавления мятежа» историк Бударин не привел, хотя располагал воспоминаниями Волкова.

Начальник радиостанции Обдорской вел переговоры с Архангельском: «Минут за десять до 12 часов дня в коридор с грохотом ворвались человек десять наших дружинников с криком: «Стреляют!» Впереди всех мчался Глазков в одном френче с пистолетом Кольга в руке. Я выбежал в коридор.

— Где стреляют? Кто?..

— Напали на почту, изрубили Оську Протопопова, политкома конторы...

Другие кричали, что за кладбищем лежит цель противника, что на Оби по тракту к городу движется олений обоз.

— Обошли фронт! Прорвались в тыл!

— Спокойно! Это наши, местные, почтовики...

— Мы их, мать их, возьмем в оборот, — старался перекричать всех Глазков. — Приведите себя в порядок! Проверьте оружие! Вперед за мной, цепью, — командовал он, а сам был бледен, как смерть, и нервно подергивал плечами.

На радиостанции было восемь трехлинейных винтовок и семь бойцов. Но в тот момент налицо было трое радиоработников: Донской, Михайлов и я...

Глазков приказал Протасову охранять радиостанцию и стал строить отряд во дворе. Помню, нас всего было 13 бойцов. Я заскочил в аппаратную: там стояли Протасов с наганом и моя жена с “бульдожкой” (дамский револьвер. — А. П.) в одной руке и маленькой дочкой на другой.

— Александр Васильевич, я ужожу, — сказал я тоном приказа. — В случае нападения на радиостанцию — рацию взорвать! — Передохнув, добавил: — Если через два часа я не дам никакого известия, то считайте, что мы все погибли... Тогда... тоже, — и показал рукой, — взорвать!

...Мы бежали цепочкой по Советской улице по направлению к ревкому. Глазков, бежавший первым, командовал: “За мной через два шага! К арестантскому дому. Они наверняка бросились освобождать арестованных...”

Зачем ему потребовалось это направление движения? В Обдорске все знали, что заложники были расстреляны сутками раньше.

На углу улицы Розы Люксембург, пересекающей Советскую, у здания ревкома я увидел, как в шагах семидесяти от нас со стороны улицы Ленина медленно движется толпа мужчин в малицах, человек 20—25, оружия у них как будто не было.

— Долой с улицы! Стрелять буду! — закричал я и, припав на одно колено, прицелился в них. Толпа шарахнулась в сторону и скрылась за углом дома старчества.

Тревожно гудел набат, где-то стреляли...

Так мы добежали до площади перед деревянной церковью, где была каталажка. Вдруг нас обстреляли.

— Ложись! — закричал Глазков.

Рядом со мной упал наш дружинник Терентьев, сраженный наповал. Мы залегли и стали отстреливаться, хотя противника не было видно.

— Не тратить зря заряды! — громко шептал Глазков. — Они во дворе райрыбы... Их надо окружить.

К нам присоединились Филиппов, Сергиенко и еще кто-то. Разделились на четыре группы. Я, Филиппов и Ефим Дьячков попали в группу Глазкова. По Советской улице пробежали в проходной двор расстрелян-

ной заложницы Бронниковой, где помещались казармы отряда милиции, а оттуда через забор соседнего дома, где была сама милиция и жил Глазков.

— Не ходите в ворота! Я обойду их, — крикнул Филиппов и перемахнул в соседний двор.

Но Глазков, чуть передохнув за забором, вдруг стремительно вылетел из ворот с поднятым пистолетом.

— Ни с места! Стрелять буду! — только и успел крикнуть он, направляя куда-то кольт. Громко звякнула пуля. Глазков упал посреди улицы, схватившись за правый бок. На кобуре его кольта зияла большая дыра, а из-под руки лилась кровь. Я поскользнулся и упал — это меня спасло. Над головой щелкнула пуля — второй выстрел целил в меня. Падая, я видел, что в щели противоположных ворот дома Карпова торчит ствол боевой винтовки, а над ним усатое лицо в капюшоне малицы. Это были братья Каневы по прозвищу Нерьяки.

Я приподнялся над забором и выстрелил. Быстро перезаряжаю трехлинейку. Затвор не закрывается до отказа. Рванул его обратно — патрон вышел, но без пули: она осталась в стволе. Дикий страх овладел мною...

— Ефим, есть у тебя шомпол, — бросился я к Дьячкову. Шомпола у него, как и у меня, не было. Мы бросились обратно по сугробам во двор казармы.

В большом зале дома Бронниковой в разных положениях у стен, по углам, на койках притаились десятка полтора подростков-комсомольцев из нашего отряда внутренней охраны. У многих из них были охотничьи берданки, но они не стреляли: боялись или не имели патронов.

— Найдите мне шомпол или хоть проволоку! — исступленно завопил я, вбежав в помещение. Все бросились куда-то: нашли где-то измятый кусок телеграфной проволоки, разогнули, выправили молотком. С помощью Дьячкова я выбил из ствола пулю. Оказалось, что второпях я сунул в патронник самодельный патрон. Баббитовая пуля оказалась толще нужного калибра и прочно застряла в канале ствола...

Я собрал мальчишек, вооружил их чем попало и расставил их у ворот изображать вооруженную охрану.

— Глазков убит! Командовать отрядом буду я.

Тут мне вспомнился мой приказ Протасову. Посылать для связи бойцов — нецелесообразно. Выбрав мальчишку-зырянина, порасторопней на вид, я велел ему оставить ружье (в вооруженных стреляли), пробраться на радиостанцию и сообщить, что мы живы и тесним врага...

— За невыполнение — расстрел!

...Со двора райрыбы я послал на радиостанцию второго мальчишку-русского... Стало уже темнеть, но из моих посланцев ни один не вернулся.

— Донской, пойдешь на радиостанцию. Узнай о положении. Окажи, если нужно, помощь. Живее!

Донской побежал выполнять приказ. Потом выяснилось, что посыльные мальчишки, перепуганные перестрелкой, попрятались по домам...

Мы потеряли противника. Где-то изредка стреляли. Спускалась ночь. Надо было собираться в кучу. Двинулись к зданию ревкома. В пути встретили запыхавшегося от бега Донского.

— Ну как там?

— Ничего! На радиостанции теперь благополучно. Они чуть не взорвались... Товарищ Протасов передал привет. Он убил Вергунова, начальника почты, за нападение на Протопопова... А в ревкоме засел Витязев, секретарь исполкома. Он зарезал Королева и Колосова. Говорят, он без винтовки, только с ножом...

Мы бросились к зданию ревкома.

— Окружить двор! Никого не впускать! Донской — за мной!

Дверь оказалась запертой, внутри ни звука.

— Открой! — забарабанили в два приклада.

— А кто? — жалобный писк за дверью.

— Отворяй, сволочь! Стрелять буду!

Громыкнул засов. Донской рванул дверь. Перед нами стоял наш постовой милиционер, в руках у него винтовка со штыками.

В боковой комнате (там помещался ЗАГС) лежал ничком грузный труп Королева, члена волревкома и председателя «тройки» по учету и распределению у богатеев добра. Он вступил в партию после известия о начале восстания. Учитывая его стаж царского ссыльного и колчаковского заключенного, мы приняли его сразу в члены РКП без прохождения кандидатского минимума³⁸.

Раненого Колосова я не видел — он был в другой комнате. Влетел в зал, где помещались общий отдел и секретарь волревкома — там полно народу. Отсиживаются.

— Где Витязев? — заорал зверем.

Обезумевшие обыватели в страхе забились в проходах меж столами. У стены прижались две юные машинисточки, белее снега, дрожат...

— Где Витязев? — мушка моей винтовки метнулась в их сторону.

— Т-т-там! — выдавила Маруся Мамеева. Глазами и подбородком кивнула влево, в сторону коридора, ведущего в кухню.

Я — резко туда. Толпа шарахнулась в сторону... Витязев сидел в углу — тяжелый, коренастый, с сизо-красным лицом и безумными глазами, рас-

³⁸ В некоторых публикациях о событиях 1921 года на Обском Севере Королева неправильно называли председателем совета.

топырив локти и колена, как зверь перед прыжком. В руке его торчал широкий кухонный нож.

Вдруг он броском кинулся в мою сторону, головой вперед, очевидно, хотел сбить меня с ног. Я выстрелил. Пробитый пулей насквозь от плеча, Витязев плюхнулся мне под ноги. Почти одновременно, уже в спину нападавшему выстрелил Донской. Но враг еще трепыхался, стараясь встать на четвереньки...

В остервенении я звезданул его прикладом по голове. Хряпнул череп, брызнула кровь и мозги... а приклад отлетел в сторону. Толпа от наших выстрелов метнулась в заднюю дверь. Но у крыльца Михайлов.

— Куда... Назад! — он выстрелил под ноги бегущим. Люди — по сторонам. Осталась девочка лет двенадцати, раненая им в ногу.

— Ничего, дяденька, не больно!

На стрельбу сбежались все наши бойцы. Перед ними я — со стволом винтовки в одной руке и с отломленным прикладом в другой.

— Мастера, почините мне приклад! Женщины, перевяжите девочку!

Через минуту Донской сбивал и обматывал провололочкой отбитый приклад моей верной трехлинейки. Девочку перевязали и увели. Она чему-то смеялась...

Вихрем с наганом в руке влетел Протасов.

— Что здесь происходит?

Я указал на распростертый на полу труп Витязева.

— Вот... убил Королева. А Колосов ранен.

— Молодцы, ребята! Поздравляю с победой! — крикнул Протасов.

Я вдруг почувствовал смертельную усталость. Стало нечем дышать, потемнело в глазах... и я повалился на лавку у стены.

— Э, да с тобой, брат, совсем неладно! — наклонился надо мной Протасов. — Живо в постель! Ребята, ведите его в мой кабинет.

Меня поволокли в соседнюю комнату и уложили на кушетку. А в коридоре звенел вдохновенный голос Протасова.

— Слушать мою команду! Очистить помещение от посторонних! Женщины! Накормить бойцов горячим! Достаньте хлеба и мяса! Убрать этого гада во двор! — пнул ногой труп Витязева.

Минут через десять все уплетали за обе щеки жирный суп, оленину, белый хлеб. Им прислуживали женщины во главе с Ниной Ивановной Телицыной, нашей завженотделом. Потом Протасов снарядил группу под командой Михайлова — занять телеграф и восстановить связь с Березовым. Я пытался вмешаться в его приказания.

— Молчать! Лежать два часа! Я сейчас командир! — заорал он на меня, потрясая револьвером.

Спустилась ночь: тяжелая, темная...

Пока я лежал на кушетке, Протасов рассказал мне о том, что произошло на радиостанции в первые часы восстания.

...Не успел он запереть дверь, как в аппаратную влетел метеоролог Сухи (здесь и дальше правильно — Сухих. — А. П.).

— Ты зачем? — бросился на него с наганом Протасов. Тот смутился, бормотал, глядя в пол.

— Я... я прибежал к вам на помощь.

— Врешь, бандит! В угол! На колени!

Из машинной прибежал моторист Толстухин. Протасов приказал ему отвести Сухи.

— В городе стрельба! Это — восстание!

Протасов не мог успокоиться... Заложив наружную дверь на палку, нервно курил, бродил по темным комнатам с наганом в руке, прислушиваясь к звукам наружи.

Звонил, нервируя, набат, слышались иногда отдаленные выстрелы... Вдруг где-то рядом грохнуло: пуля, пробив ставню и стекло, шлепнулась в стену аппаратной.

— Что такое? Нападение? — Протасов бросился к двери.

В дверь снаружи отчаянно стучали... Кто-то кричал: “Откройте, мать вашу!”

— Прочь! — истуПЛенно орал в ответ Протасов. — Уложу каждого, кто ворвется!

Потом влетел в аппаратную.

— Маруся, ты готова умереть?

Моя жена стояла посреди комнаты с ребенком на руках.

— Готова! — едва слышно прошептала посиневшими губами.

— Сейчас будем взрываться!

В предчувствии возможности местного восстания мы подготовили радиостанцию к взрыву. В колодцы печей аппаратной и аккумуляторной (их перестали топить) было заложено по мешку черного пороха. Здесь же двухведерная бутылка денатурата и пудовый бидон бензина. А во дворе стояли бочки — пудов двести — с керосином и машинным маслом, в амбаре — семьдесят пудов бензина и десять ведер чистого спирта. Достаточно было одной спички, чтобы все вспыхнуло и взлетело на воздух.

— Что здесь разбивать? — схватил тяжелый колун Протасов. — Нет, не успеть! Буду зажигать! Приготовиться! — хрипел он, бледный и страшный.

— Спички! Где спички? — он шарил по всем карманам брюк и френча и кое-как нашел коробку. Чиркал спичками, но те ломались и отлетали.

— А, черт!!! — сильно дернул рукой, обожженной загоревшейся стопкой спичек. Протасов стукнул локтем по личику ребенка и разбил ему носик. Девочка залилась криком.

Протасова словно током ударило. Он бросил горящие спички на пол и затоптал. Его глаза наполнились ужасом.

— Маруся! Ну, мы погибнем по долгу, а за что же ребенок? Нет! Не дам...

И он бросился снова в сени, выставив впереди наган.

— Не пройдет, мерзавцы! Через мой труп!

А в дверь продолжали барабанить. Маруся выбежала в сени и узнала голос Тушкина.

— Александр Васильевич! Это как будто наши... Тит Иванович...

— Что? Не может быть! Тит, ты?

Протасов вырвал с петель заломку, отодвинул засов. Радий Тушкин, ругаясь, промчался мимо него в аккумуляторную. Следом за ним — электромеханик Сарапу и моторист Винегр: в аккумуляторной под стеллажами хранились их винтовки и патроны.

Они дежурили на радиостанции с 12 часов ночи до 6 утра, а потом спали в своих комнатах в доме Машеева на противоположном конце улицы Советской. Разбуженные набатом, бросились к радиостанции и наткнулись на засаду: со двора мелкого буржуйчика, кажется, одного из многочисленных Терентьевых, выбежали двое с ружьями наперевес.

— А, попался, большевик! — закричал один из них на Тушкина и выстрелил. Бывалый в перестрелках балтийский моряк упал на землю и тем спасся от пули. Вскочил и зигзагами бросился наутек. За ним эти двое: стреляли, да мимо. Одна из пуль и попала в окно радиостанции, послужив причиной переполоха, чуть не сгубившего весь Обдорск. Взрыв и пожар на радиостанции уничтожили бы дотла деревянный городок.

Схватив винтовки, ребята выскочили во двор. Двое бандитов топтались у ворот радиостанции.

— Говнюки, стрелять не умеете! — крикнул им Тушкин. — Теперь я вам покажу, как наши стреляют. — Те бросились назад.

Тушкин выбежал на дорогу, прицелился с колена. Щелкнул выстрел: один бандит упал, второй продолжал бежать — у Тушкина, как и у меня, застрял в стволе самодельный патрон.

— Сарапу, стреляй!

Электромеханик прицелился и выстрелил — мимо. Тушкин выхватил у товарища винтовку. Выстрелил: бандит, добежавший уже до крыльца ревкома, свалился носом в землю. Пуля с расстояния больше двухсот шагов попала ему в затылок.

Атмосфера на радиостанции разрядилась. Протасов вспомнил о Сухи. Когда ребята вошли в машинное отделение, то увидели: в углу на коленях с поднятыми вверх руками стоял трясущийся метеоролог, а против него с винтовкой наизготовку Толстухин.

— Не шевелись! Руки вверх! — кричал он при каждом движении арестованного. Пленника заперли в холодную кладовку, а Толстухин присоединился к товарищам.

Кто-то привел арестованного на улице начальника почты Вергунова, говорили, что он участвовал в нападении на Протопопова. Но Протасов снова впал в состояние болезненного возбуждения. Завидев Вергунова, он выбежал из радиостанции и застрелил его под окнами, даже не спросив, зачем привели...»

После разгрома сводных коммунистических отрядов у Карымкар и оставления красными Кондинска и Березова повстанцы не спешили к Обдорску. Опасаясь удара регулярных войск в свой тыл со стороны Урала, они прорвались по Сибиряковскому тракту на Среднюю Печору и легко захватили Усть-Щугор. В Саранпауле им достались все еще немалые запасы ляпинского хлеба.

Восстание распространялось на Чердынь. Находившийся в Троицко-Печорске красноармейский гарнизон численностью в 863 штюка, по донесениям политработников, был ненадежен и мог присоединиться к мятежникам. Советские власти на Печоре срочно затребовали помощь. Под Савинобором разведгруппа красных попала в засаду и была частично перебита, однако дальнейшие военные действия показали явное превосходство красных в численности и вооружении.

После упорного боя под Усть-Щугором, во время которого все село несколько часов обстреливалось из пулеметов, часть уцелевших сибирских повстанцев отступила из Печорского уезда обратно за Урал. Узнав о расстрелах заложников в Обдорске, они повернули на север. Тогда же, чтобы не распылять силы, повстанцы не стали преследовать группу беженцев из Березова численностью до 50 человек, состоящую в основном из женщин и детей.

Эту группу возглавлял Кузьма Коровьи-Ножки, принимавший в 1907 году участие в организации побега из Березова следовавшего в обдорскую ссылку «будущего вождя всех революционных вооруженных сил большевистской власти» Льва Давидовича Бронштейна-Троцкого. Беженцам удалось проскочить село Чемаша, расположенное на Тобольском тракте, и оттуда шла дорога на Никита-Ивдель. Потом — в Екатеринбург и в Тюмень. Из Тюмени, уже пароходом, березовские беженцы прибыли в Тобольск, оставленный повстанцами 8 апреля. Как считает

югорский писатель Коняев, так была сохранена партийная касса березовских коммунистов, в которой не было «золотого фонда». Золотые и серебряные вещи вместе с остальным ценным имуществом пришлось эвакуировать в Обдорск. Другие тракты уже перекрыли мятежники.

Николай Иванович Коняев ошибся в продолжительности вооруженного выступления зырян-фронтовиков в Обдорске. Мол, «обдорский мятеж был подавлен через полторы-две недели». Загадка для писателя: «Почему о нем не предупредили отправлявшихся туда (из Березова. — А. П.) эвакуированных? Не смогли? Не успели? Понадеялись на то, что мятеж легко и скоро будет подавлен?» Ни первое, ни второе, ни третье. Душевнобольной (в полном смысле этого слова) Протасов-Жизнев ускорил процесс бегства остатков коммунистических отрядов из Березова в Обдорск, отправив «командующему» Данилову телеграмму: «У нас восстание! Бросай все и лети к нам на помощь!..»

После боестолкновения 17 марта в Обдорске, по воспоминаниям Волкова, «подводили итоги дня». Одна сторона потеряла семь человек убитыми и ранеными: «...Протопопов, Омутув (его убили у конторы связи), Королев, Глазков, Н. Терентьев, Колосов, комсомолец Рочев — то есть половину своего боевого состава (не считая мальчишек-комсомольцев). Бандиты, — считает Волков, — понесли не меньший урон: убиты Витязев, Иван Конев, по прозвищу Трубка, начальник канцелярии почтово-телеграфной конторы (его застрелил Михайлов), двое “крестников” Тушкина, Вергунов, попадя (ее застрелил Дьячков, когда та перебежала площадь). На улицах валялось еще несколько трупов, не то мятежников, не то случайно попавших под пули. Еще расстреляли за нарушение воинского долга постового милиционера Чечурова, при котором Витязев ударом ножа в спину ранил молодого, но умного и энергичного члена водревкома Михаила Колосова (он потом умер), а затем зарезал вбежавшего в коридор Королева. У милиционера, правда, не было ни одного патрона, но против ножа Витязева он мог действовать штыком или прикладом. На вопросы, почему он допустил убийство двух руководителей, только икал — то ли притворялся, то ли действительно лишился языка.

Протасов писал приказы и донесения в губернию. В первой телеграмме в адрес губчека и комбрига 61-й бригады ВНУС (внутренней службы. — А. П.) по-военному сдержано донес: “Сегодня в 12:00 в Обдорске вспыхнуло восстание кулаков. К вечеру восстание подавлено, но положение остается тревожным. Мы держимся”. Дальше сообщались потери: наши и противника.

Вторая депеша была послана на следующее утро в губком партии. Также короткая, но торжественная: “Умирая на постах революции, мы

приветствуем нашу славную коммунистическую партию и родное советское правительство. Будем стоять на своих постах до последней капли крови. В случае нашей поголовной гибели сообщить содержание депеши Центральному комитету РКП(б) и Совету Народных Комиссаров”.

— Впоследствии, — заключает Волков, — мы со стыдом вспоминали эту телеграмму».

Стыдиться должно было не за слова, а за творимый в Обдорске террор. Он начался с доносов:

«Вечером 18 марта, — вспоминал Волков, — в мою канцелярию вихрем влетела Маруся Семяшина, активнейшая из наших женщин коммунисток.

— Осип Петрович! Все узнала! Нерьяк-Егорка, Нерьяк-Мишка, Нерьяк-Яшка, Фурлей-Ванька — главные. Они стреляли в Глазкова. Хотели убить товарища Протасова, вас, захватить радиостанцию... А Чупров-старик (подразумевался Дмитрий Чупров, местный миллионер, “король тундры”) их вином поил.

Она с час перечисляла имена, передавала разговоры, слухи... А я слушал и записывал в свою записную книжечку.

Зырянские клички — Нерьяк, Фурлей, Ламда и т. п. были для меня лес темный. Никого я не знал ни в лицо, ни понаслышке. Слышал только, что они не буржуи, а рядовые рыбаки, боевые фронтовики. Нерьяки — Георгиевские кавалеры: Егор двух степеней, а Михаил — четырех (полный бант). То-то они так метко стреляли.

Постепенно выяснилась такая картина восстания. Мятежники, человек сорок, с ружьями под малицами собрались в доме Чупрова. По сигналу набата — это поручалось местному дьякону — они должны были тремя группами напасть на ревком, казармы наших бойцов и радиостанцию, чтобы перебить “головку”: Протасова, меня, Глазкова, Королева и Филиппова. Почтовики хотели занять почту и порвать проволочную связь с Березовом. Они бросились на часового Обухова и убили его топорами, ломami и кольями. А Трубка и двое других проникли в аппаратную, где после ночного дежурства отдыхал политком Протопопов. Трубка тупым топором нанес ему четыре ранения в голову с повреждением черепа. Рассыльный Росляков бил его ломом, другие — чем попало. Но невзрачный на вид Протопопов оказался живуч. Схватив винтовку, он одного бандита проткнул штыком, другого ударил прикладом, потом, высадив оконные рамы, выпрыгнул в окно. Босой и окровавленный прибежал в наши казармы в доме купчихи Бронниковой и поднял тревогу.

Группа под командой Нерьяка-Егора (старшего из братьев), которой поручалось захватить ревком и убить Протасова, по дороге встретила Ивана Королева. Нерьяк-Мишка ранил его двумя выстрелами в спину.

Но Королев добежал до здания ревкома. Там его увидел Витязев и добил. А Нерьяки вступили в перестрелку с нашим отрядом и сразили Глазкова. Третьей группе человек в двадцать поручалось захватить радиостанцию. Но эту толпу я, угрожая выстрелами, заставил повернуть обратно. К ним должны были присоединиться те двое, которые гнались за Тушкиным и получили от него смертельные пули.

Бандиты ошиблись в главном: напали на Протопопова до набата (сигнал) и, упустив свою жертву, дали нам возможность собраться вместе. Мятежники знали цену наших трехлинеек и побаивались их. Сами они были вооружены охотничьими двустволками, а некоторые — только топорами. Но среди них были опытные солдаты-фронтовики, а у нас только у меня был небольшой военный опыт, да Тушкин и Михайлов бывали раньше в боях.

Потерпев неудачу, повстанцы больше не предпринимали никаких действий. Поутру я начал... аресты и суровую расправу над всеми, кто участвовал в мятеже или помогал мятежникам прямо или косвенно.

Протасов объявил свирепый приказ Тобсевревштаба, в котором население извещалось о попытке контрреволюционных элементов поднять восстание и истребить всех борющихся за Советскую власть... "На удар мы ответили двойным ударом. — говорилось в приказе. — За каждую каплю крови наших товарищей буржуазия заплатит потоками своей черной крови, за каждую голову — сотней своих голов. Смерть буржуазии!" Населению приказывалось помогать нашим армейцам вылавливать и уничтожать повстанцев... пособников и укрывателей...

В первую очередь я начал охоту за главарями — братьями Каневыми-Нерьяками и Фурлетом-Ванькой. Домишки Нерьяков окружили патрули-двойки Донского и Михайлова, но встретили там вооруженный отпор. Наши залегли и стали подбираться к противнику, но, когда подползли к домишкам, там никого не оказалось. Как среди дня ушли бандиты, так и осталось невыясненным. Не нашли и Фурлета...

В числе первых были расстреляны три женщины — жены Нерьяков и Трубки. Первой привели жену Трубки, маленькую, нечистоплотную женщину, в отличие от большинства зырянок, блиставших подчеркнутой красотой и опрятностью.

— Будьте вы прокляты! — вопила она на всю улицу. — Вы убили моего мужа, оставили детей сиротами! Убейте и меня! Я вас проклинаю! Вас бог накажет! — И рвала на себе волосы.

Я сказал конвойному: "Выполни ее просьбу, а с богом мы поговорим особо!" Двух ее маленьких детей мы отправили в детдом и дали им новую фамилию — Советские.

Долго и с жестоким пристрастием, угрожая винтовкой и кольцом, я допрашивал жену Нерьяка-Егора, полную зырянку с лицом мужчины и горящими глазами фанатички.

— Говори, где муж?

— Не знаю.

— Скажешь? — приставляю ей дуло к груди.

— Не скажу! — и крестится, шепча молитву.

— Застрелю!

— Стреляй! Ничего не скажу!

Я застрелил ее сам — в затылок.

Не забыть мне молящего лица стройной красавицы, жены Нерьяка-Якова, и ее застывших от ужаса глаз. Она пришла на казнь, как в церковь: нарядная, сосредоточенная, какая-то потусторонняя. Не верила в смерть. Но упрямо через переводчика повторяла: “Не знаю... Ничего не знаю...” Я приказал расстрелять ее...

Забыты мною имена многих участников мятежа из моей записной книжки — они мелькнули в моей памяти, подобно метеорам. Одного из мятежников, стрелявших по мне на улице, привел Сарапу! Увидев меня, бандит задрожал всем телом, застучал зубами и... внезапно бросился прочь огородами по сугробам.

— Стреляй!

Сарапу был замечательным электриком и хорошим коммунистом, но стрелял плохо. Два выстрела — мимо! Я вскинул винтовку: как на утку — влет.

Выстрел — и бандит, подпрыгнув, ткнулся носом в снег близ радиомачты, откуда накануне он стрелял в меня и Дьячкова. От него сильно воняло.

В больницу явился бандит, нападавший в числе других на Протопопова и проколотый им штыком. Ему оказали помощь, но одна из наших медсестер-комсомолок слышала, как доктор Богословов сказал тихонько фельдшернице: “Штыковая рана!” — и донесла нам. По моему приказу Дьячков вывел бандита в поле и прикончил. Затем он был послан арестовать Котовщикова, линейного механика почтово-телеграфной конторы. О нем я получил сведения, что он был среди убийц Обухова и Протопопова (последний выжил). Но Дьячков не довел арестованного: убил его дорогой выстрелом в спину.

— Он хотел бежать, — путано объяснил, и по его лицу было видно, что врет. Не довел Дьячков и кого-то третьего.

Привели бандита по фамилии Бабилов, раненого нами в перестрелке. По этой ране его и опознали: он лежал дома на печке и при-

творялся больным. Вопрос был ясен, и я приказал Толстухину свершить над ним расправу.

Еще с ночи я получил сведения, что в колокол звонил дьякон Новицкий, а сейчас он вместе с женой заперся в каменной церкви. Арестовать его были посланы Филиппов с Дьячковым и Кесарем Поленовым. Они что-то замешкались, а я был занят допросами и расправами. В записной книжечке против фамилий появлялись отметки: “Расстрелян!” или “Арестован до выяснения”.

Часов в двенадцать Тушкин с Винегром привели Терентьева, грузного, краснолицего старика, организатора нападения на Тушкина, и его сына-юношу, участника этого нападения. Старик упирался, хватался за малицы конвойных и истошно орал: “Ой, убива-ают! Ой, спасите!..” Я выскочил к воротам с кольцом в руке.

— Молчать!!!

Вдруг в этот момент опять мелко-мелко зазвонил набат в каменной церкви. Послышалась отдаленная стрельба. Поднялась общая тревога, все схватили оружие и высыпали во двор. Откуда-то взялся Протасов.

— Набат?.. Опять восстание?.. — он шарил рукой в кобуре нагана.

— Замолчи, бандит! Убью! — зверем наступал я на старика. Тот присел, старался схватиться рукой за ствол моего страшного пистолета и вопил пуще прежнего. Выстрелом в грудь я повалил его, а вторым, в висок, прикончил. Две струи пунцовой крови фонтаном били из него, как из хорошего буйвола. Рядом кто-то пристрелил его последыша, также поднявшего смертельный вой.

— Занять боевые позиции! Узнать, почему набат! — командовал я своему “гарнизону” из десятка штыков. На помощь Филиппову были посланы Донской и Тушкин. Вскоре они вернулись и рассказали, что дьякон с женой затворились в колокольне, а услышав угрозы Филиппова, снова ударили в набат. Наши разозленные бойцы стали стрелять по бойницам колокольни. Филиппов спрашивал запиской, что делать с дьяконом. Я ответил, что его надо снять любым способом и, если потребуется, то взорвать колокольню (в райрыбе хранилось несколько пудов пороху). Но Филиппов, прозванный туземцами-кочевниками “хитрым зырянником”, поступил по-другому. Подобравшись с патрулями под колокольню, он вступил с дьяконом в “дипломатические” переговоры.

— Слышь, дьякон, слезай, а то плохо будет!

— А ты меня не убьешь?

— Ей-богу, нет!

— Не верю! Ты в бога не веруешь!

— Вот честное слово!

Молчание.

— Нет, боюсь...

И дьякон снова начинал бить в колокол. Набат то затихал, то возобновлялся. Я выходил из себя от злости. Моя операция по очистке города от бандитов уже подходила к концу: в списке обреченных все меньше оставалось фамилий без отметок: “Взят. Расстрелян”. Принесли опять записку от Филиппова: “Дьякон требует от тебя сохранить ему жизнь”. Отвечаю резолюцией: “Дать такую гарантию”. Еще полчаса ожидания. Новая записка: “Дьякон взят. Что с ним делать?” Пишу ему красным поперек текста: “Расстрелять!”

Дьякона вместе с его верной подругой поставили к стенке церкви и отправили на тот свет.

Поздно вечером в аппаратной радиостанции состоялось заседание райкома партии. Протасов поздравил нас с пятидесятилетием Парижской коммуны и сделал короткий и содержательный доклад о героизме французских коммунаров. Вторым стоял вопрос о приеме в партию — подали заявления моя жена Маруся Волкова и моторист Альбин Винегр...

После заседания ужинали жирнейшей ухой из огромного десятипудового осетра. Его еще раньше привезли с устья Оби замороженным. Хотели отправить в Москву “самому товарищу Ленину”, как мечтал наш завхоз Ваня Филиппов. Но из-за восстания пришлось отдать на съедение нашему “гарнизону”³⁹.

От запаха вареной осетрины, лука и перца я почувствовал мучительный голод. Больше суток ничего не ел, а только нещадно курил самосад. На многих бойцах стало сказываться общее утомление и длительное нервное напряжение. Люди засыпали стоя. Во сне кричали. Один мальчик-комсомолец ночью бросил ружье и с диким воем убежал с поста — его нашли дома в нервной лихорадке. Второй малец, забытый на дальнем посту у задней радиомачты, простоял там шестнадцать часов подряд. Когда о нем вспомнили, он спал. Его трясли, кричали в уши, бросали комья снега под рубашку — не проснулся. Унесли его домой, он проспал еще часов двенадцать, а проснувшись — помешался.

У нашего председателя Тобсевревштаба Протасова тоже обострились признаки нервного расстройства. Он начал заговариваться, терял мысль, беспричинно плакал. Его уложили в постель, приставили сиделку — мою Марусю. Только ее он слушал, остальных “гнал к чертовой матери”.

---

³⁹ Видимо, это самый крупный осетр, выловленный в нашем крае: из него, по словам Волкова, вынули около трех пудов икры. Официально зафиксированный рекордный вес осетра — 105 килограммов, его поймали в 1946 году в Иртыше под Тобольском. Зампред советского правительства А. И. Микоян разрешил сделать из этой рыбины чучело для местного краеведческого музея, а тушу и икру сдали в план заготовки ценной рыбы.

Ночью я продолжал свою следственную и судебную работу. Уже не посылал никого арестовывать и свою страшную книжечку положил в карман. Но мне все вели и вели людей под штыками: не уличенных чем-либо в участии в мятеже, а тех, кого считали пособниками и укрывателями.

Наша неутомимая разведчица Семяшкина дозналась, что “король тундры” Дмитрий Чупров с сыновьями скрывается у себя дома в тайнике под полом. Еще затемно 19 марта я снарядил целую экспедицию — семь человек, чтобы захватить их живыми или мертвыми... Часа два длилось напряженное ожидание. Наконец дозоры сообщили: “Идут! Ведут!”

В свинцовом тумане рассвета показалась большая группа людей, одетых в малицы. Вели пятерых мужчин и четырех женщин. Стояла жуткая тишина. Их взяли в подземном тайнике, искусно скрытом под полом амбара и заваленном дровами. Там же фонари для освещения, теплые постели, запас продуктов, но оружия не было.

Женщин я допрашивать не стал: достаточно с меня тех трех... Передо мной шеренгой на снегу на коленях пятеро в малицах. Благообразный грузноватый старик лет шестидесяти с лицом иконописного спасителя и холеной бородкой. Он казался совершенно спокойным, лишь молитвенно сложил руки на груди крест на крест. По сторонам его сыновья, статные ребята с сытыми лицами в возрасте 22–25 лет. Все одеты в новые малицы с дорогими гарусными накидками стального цвета и в художественно украшенные унты. Двое остальных — маленький тощий мужичонка и юноша лет восемнадцати — бедно одетые работники. Я велел отодвинуть их в сторону.

— Ну, почтенный отец, — обратился затем к старику Чупрову, — расскажи, как ты учил православных стрелять в спину коммунистов?

— Ничего не знаю.

— Что? Не скажешь? — приставляю я дуло винтовки.

— Видит бог, ничего не знаю, — тем же смиренным тоном отвечает он.

— Нет, скажешь, собака! Пытать буду, по кускам резать! — беснуюсь я.

— Бог нас рассудит...

Нет, такого не сломить ни угрозами, ни пытками. Взгляд мой мельком скользнул по фигуре младшего Чупрова. Из него едва ли много выжмешь — упитанный и глуповатый барчук... Все мое остервенение обратилось против старшего — смуглый, худощавый, с играющими желваками скул и глазами, горящими звериной ненавистью. Он, кажется, готов вцепиться зубами мне в горло. Сдерживает направленная на него винтовка.

— Скажешь, собака? — минут пятнадцать я бесновался около него: хлестнул шомполом по голове и по лицу, ударил стволом винтовки по плечу. На щеке вздулся кровавый рубец, рука повисла, а он — молчал...

— Довольно! Пора кончать! — раздался с крыльца повелительный голос Протасова. Он уже был на ногах: свежий, выбритый (когда успел), в костюме военного покроя с выпущенным воротником рубашки апаш.

Я поставил семейку бандитов в затылок, на шаг друг от друга, и Сарпу одной пулей пронзил всех троих. Диким криком восторга приветствовала расстрел группа наших людей. Две женщины бросились обухом добивать еще шевелящихся врагов.

Освободившись, я зашел в каталажку. Там творилось нечто невообразимое. Стоя, сидя, на коленях (лежать было негде) разношерстно одетые люди стонали, выли, охали на все лады. Вонь стояла нестерпимая.

Какая-то прилично одетая молодежь женщина вцепилась в полы моей меховой куртки, ползала передо мной на коленях и сквозь рыдания кричала:

— Родные, милые, за что? всю жизнь на людей работала! Помилуйте!

Фамилия ее была не то Тележкина, не то Теляшкина. Откуда-то мне было известно, что она портниха, вдова. Рядом с ней всхлипывал и захлебывался от слез болезненный лысоватый человек лет 35, какой-то счетный работник райрыбы.

— Я рабочий! Шестнадцать лет трудового стажа... Был грузчиком, матросом...

Спросил их, за что они арестованы.

— Не знаем... заложники. — Оказывается, Глазков, расстреляв девять человек, взял новых заложников.

— Сейчас разберемся, потеряете еще немного.

Но Глазкова уже не было в живых — у кого спросить? А Протасов подписывал приказы об аресте заложников по определению того же Глазкова: “Люди сказывали. Ненадежный. Контра...”

Вдруг меня позвали. Конвой привел полноватого коренастого мужчину в кожаной паре и стильных унтах. Интеллигентный вид, борода клинышком “под Ленина”. Это был тобольский этнограф и музейный работник Садовников.

— Меня арестовали в Хэ, — заговорил он обиженно и испуганно. — Говорят, меня расстреляют за то, что я был в партии социалистов-революционеров. Но ведь я давно порвал с ними — вот документы!

Садовников предъявил паспорт, мандат от какой-то влиятельной организации, удостоверяющий, что он командирован в тазовскую тундру с научной целью, удостоверение члена Географического общества... Я вспомнил, что Протасов однажды действительно возмутился, как этот “прохвост” оказался в нашем тылу, и даже поручил кому-то арестовать его и доставить в Обдорск.

— Документы ваши в порядке, — сказал я Садовникову, — но я все же вынужден задержать вас до выяснения... Не я давал распоряжение о вашем аресте.

Я отправил его в каталажку, отобрав у него документы, семейную фотографию и вещи: часы с серебряной цепочкой, остяцкий нож, кошелек с деньгами, полевую сумку с записями. Отпустив конвой (они ушли разочарованными), я занялся своими делами. Вдруг с шумом ворвался бледный, трясущийся от бешенства Протасов. За его спиной торчали конвойные, приводившие ко мне Садовникова, и телохранитель Протасова — здоровенный детина из наших коммунистов Попов по прозвищу Большой.

— Как? — бесновался Протасов, потрясая наганом. — Освободить Садовникова? Эсера пожалел? Может быть, как бывшего товарища по партии?

Кровь бросилась мне в лицо. Да, я в 1917 году на фронте шесть месяцев был в партии эсеров и при вступлении в РКП(б) после работы в подполье при Колчаке делал публикацию в газете о разрыве с ними. Но упрекать этим в такую минуту... после этих трех дней?

— Товарищ Протасов! — зловеще зашипел я на него, сжимая рукоять кольта. — Прошу выбрать слова! Во-первых, я его не освободил...

Но он не слушал, а, повернувшись, вылетел обратно во главе своего эскорта. Схватив шапку, я бросился следом, но опоздал. Выбежав за ворота, я увидел, что Садовников раздетый, мертвенно-бледный стоит у дверей каталажки, а Протасов целится в него из нагана.

— Александр Васильевич!

Раздался два выстрела, и Садовников упал. Глаза у него вылезли из орбит. Попов штыком прикончил его.

— Что вы делаете?

— Я знаю, что делаю! — встав в величественную позу, заявил Протасов, — они нас пачками расстреливали в Тобольской тюрьме!»

Революция, при всей политической сознательности и энциклопедической образованности вождей, вовлекла в русло своей стихии массы людей, являвшихся по своим моральным и физическим качествам изгоями в сложившейся к тому времени системе общественных отношений... И в царские времена высокий суд оправдывал народовольцев и посылал на каторгу вельмож. Аристократы строили на свои средства больницы, а купцы открывали школы и публичные библиотеки. Революция потрясла устои не только государства, но и нравственности. Предательство стало нормой, сострадание — слабостью, жестокость — героизмом, распушенность — лихостью. Закон подменялся революционной необходимостью, ум — пролетарской сознательностью.

Поэтому отщепенцы, фанатики, моральные и физические уроды, а то и просто психопаты стали вершителями судеб страны и людей, вождями, идеологами, палачами...

«...Собралась толпа любопытных, — продолжал Волков. — На беду в этот момент привели нового арестованного — рассыльного телеграфа Рослякова, дружка начальника канцелярии Трубки. Росляков, как и Трубка, жил очень бедно.

— Он убивал часового на почте! Бил ломом товарища Протопопова! Скрывался!

Арестованный лязгал зубами и дрожал всем телом.

— Попался, негодий! Ставь его к стенке! — гремел Протасов. Его глаза выражали безумие. Попов прикончил Рослякова.

С другой стороны подвели двух некрупных мужчин рабочего вида.

— Они были в толпе нападавших на ревком. Были с топорами в руках! — объяснил не помню кто.

— Да, да, их видели, — подтвердили из толпы...

Один был русский Собрин, другой — самоед Вануйто, оба плотники.

Протасов схватил Собрина за рукав рваной малицы и поставил под расстрел. Тот, только что видевший дикую расправу с предыдущими жертвами, трясся как в лихорадке, пытался что-то сказать, но не мог.

— Стреляй подлеца! — неистовал обезумевший Протасов. Я схватил его за наган, но выстрелил Попов — все было кончено.

Стали тащить к месту казни и Вануйто. Я обомлел.

— Что вы делаете? — бросился к конвойным. — Это же инородец! Самоед! — и вырвал его из толпы. — Надо же допросить...

Но Вануйто почти не знал по-русски. Позвали Дьячкова; он поговорил с Вануйто, который отвечал совершенно спокойно, держа в руке никем не отобранный топор.

— Он говорит так: мы работали на барже. Услыхали колокол. Думали, пожар. Побежали: ведь на пожаре с топором надо. Видим, люди стоят — подошли. Тут стрелять начали. Мы испугались и убежали домой...

А взяли их с работы, они спокойно плотничали. Стало ясно — Собрин пал жертвой чудовищной ошибки. Потом Филиппов подтвердил, что оба были пролетариями и примерными работниками.

— Что же, бывают ошибки! — мрачно сказал Протасов, засовывая наган в кобуру. — А ну, разойдись!

Рабочие горкомхоза увозили трупы расстрелянных — топить в Полуе. Но к утру 20 марта, когда в город вступил большой, человек семьдесят, транспорт эвакуированных из Березова и отряд Данилова человек в полсотни, на улицах кое-где еще валялись трупы повстанцев».

В разные стороны

О защите фронта никто из палачей не думал. Бежать! Обороны Обдорска, о которой утверждалось в некоторых публикациях, о событиях 1921 года на Обском Севере, не существовало. Содержание пафосной телеграммы: «Всем, всем! Держаться нет сил. Отступаем. Наш прощальный привет Ильичу!» — выдумано партийными историками.

В книге «Чекисты» Бударин указал: «Первого апреля 1921 года последние защитники Обдорска ушли в безлюдную тундру на оленях через Полярный Урал с женщинами и грудными детьми. Через скалы и пропасти. Обдорский ревком на нартах увозил из местного банка шесть ящиков золота...» При отступлении, похожем на бегство, перемешались и люди, и ценности.

Но до оставления Обдорска красный террор бушевал с еще большей силой. По воспоминаниям Волкова, «кровавые лозунги, которыми сыпал Протасов и в приказах, и в речах, быстро нашли подражателей и исполнителей. Начались самовольные расправы. Вечером 21 марта башибузукообразный Меликадзе, телохранитель “командующего” Данилова, влетел в аппаратную радиостанции и, сделав салют своим кинжалом, лихо оттрапортовал Протасову:

— Товарищ председатель! Ваше приказание выполнено: пятерых застрелил, одного заколол!

Я вытаращил на Протасова глаза.

— За смерть наших товарищей, — сказал тот, — голова за голову. А надо бы десять (повернулся к Меликадзе), согласно приказу.

— Ты приказал?

— Постановил ревштаб... в узком кругу.

Было еще несколько случаев самочинных убийств. На них особенно падки Панов-младший и Пантелей Рябков — Пантя, балагур, шутник, матершинник и подхалим, мелкая сошка уездной ЧК. Он готов был “шлепнуть” хоть родного отца и сам напрашивался на исполнение расстрелов. Активных повстанцев было всего девять человек, но они скрылись. Кто-то донес, что их приют находится в юртах Лабытнанги в 12 верстах от Обдорска. Был послан отряд для поимки, но они снова оказали вооруженное сопротивление, а потом на оленях бежали в тундру. Со злости начались новые массовые аресты, откровенный грабеж обывателей и ночные попойки... В стороне держался Хорохорин, бывший сургутский военком. Я как-то спросил его, почему он — способный командир — не смог организовать должного отпора врагу. Он уклончиво ответил: “Я был подчиненным человеком...”

Утром 24 марта от Протасова я узнал, что ночью расстреляны еще шестнадцать человек: все заложники, сидевшие в катажке. Расстреляли их будто бы по приказу Тобсевревштаба, но никакого приказа и даже списка казненных мне не показали. А среди работников радиостанции шли шепотком разговоры, что расстреливал Данилов со своим ближайшим окружением, причем в расстреле участвовал и сам Протасов. Все они при этом были сильно пьяные. В числе расстрелянных оказались Тележкина и лысоватый счетовод, которых я определенно считал ни в чем не виноватыми. Еще раньше я подозревал, что при отборе заложников Глазковым вносились какие-то сторонние, не политические мотивы. Лишь через год я узнал, что с Тележкиной у Глазкова было нечто вроде романа, и на почве ревности он «имел счеты» к молодому Чупрову. А может быть, и лысоватый счетовод ему чем-нибудь помешал? Иванович считался холостяком и не был лишен игривых настроений...»

Одна из улиц Салехарда носит имя Глазкова: первый начальник советской Обдорской милиции, как считалось, погиб «в борьбе за светлое будущее»...

Демонтировав радиостанцию, Волков в ночь на 25 марта в сопровождении Винегра отправился на оленях через зимовки на Щучьей реке и главную реку Ямала Юрибей до Маре-Сале (в переводе с самоедского означает «Песчаный мыс») — круто обрывающегося в море мыса на западном берегу полуострова, где находилась еще одна военно-морская радиостанция с командой из шести человек.

«...Длинный кирпичный жилой дом, рядом поменьше — радиостанция, ажурная мачта, баня, деревянный барак — склад и поодаль метеорологическая площадка. Унылый до тошноты песчаный берег, свинцовое море, зимой до горизонта покрытое льдами, вечно хмурая погода. За сто верст вокруг ни человека, ни зверя... Люди здесь жили изолированно от всего мира. Не слышали передач Москвы, ничего не знали о происходящих в Сибири событиях...»

10 апреля Волков увидел: «...С горы к нам легко катились нарты. На одной, запряженной тройкой оленей, на светло-золотистой медвежьей шкуре возлежал Протасов в шапке с большой красной звездой на лбу. Рядом с ним какая-то маленькая женщина, закутанная в малицу и пуховые шали. Протасов резко подскочил к нам.

— Будем знакомы! Протасов-Жизнев! А это Маруся Мамеева... моя жена!

У меня захватило дыхание и колотилось сердце от злости и удивления. Что значит этот приезд, этот опереточный маскарад, эта машинисточка из ревкома, купеческая дочка?

Протасов чувствовал себя явно не в своей тарелке: был приторно развязан и болтал всякую чепуху...

— Обдорск оставили первого апреля. Бегут наши “орлы”. Основная масса, человек двести, направлена на Урал, туда же отступают по двум направлениям оба наших отряда под командованием Хорохорина и Сосунова, которые вместе с Сиротой составляют оперативную “тройку” Тобсевревштаба. Сюда, на Маре-Сале, движутся эвакуированные со Щучьей Ванька Филиппов с пушниной. И еще набралось разного бабья да калек человек тридцать. Из вооруженных сил к нам отступает Данилов со своим штабом, человек с полсотни будет...

— А зачем Данилов? Он как командующий должен быть с основными силами...

— Какой он “командующий”... Да и не хотелось с ним расставаться — сдружились мы с ним...

Скоро среди нас появились Данилов со своим адъютантом Меликадзе и еще с кем-то из березовцев. Явились шумной ватагой, с развязанностью хозяев завладели тесной кают-компанией. К ним немедленно прилип и Протасов. Целыми днями они слонялись по помещениям радиостанции, мешали радистам и мотористам, паясничали, сквернословили, а по ночам под охраной башибузка Меликадзе вели какие-то таинственные переговоры и устраивали попойки за счет каких-то неизвестных ресурсов. Числа с двадцатого апреля стали подходить транспорты с беженцами: ...какие-то неизвестные мне нарядно одетые молоденькие девицы. Среди них была вторая машинистка ревкома Оля Павлова, кругломордая и курчавая, как фарфоровая кукла.

— Это что за хари? — спросил я проводника, доставившего их в Маре-Сале.

— Даниловский гарем, — ответил тот, помолчав.

Потом появился Филиппов с большим обозом пушнины... Обдорские коммунисты из старичков, женщины, отправленные раньше на Щучью речку, в том числе демьянская большевичка Евдокия Михайловна Доронина и елизарьевская — Фелицата Лазарьевна Никифорова, обдорянки Телицына, Толстухина, Сарапу, Мария Семяшкина, Уварова и другие.

Под охраной чекиста Пензина пришел транспорт с печеным хлебом, мукой, маслом, чаем... Занятый под жилье барак копошился и гудел, как потревоженный улей...

А наша “головка”: Протасов, Данилов и Панов — с кучкой холуев, вроде Рябкова и Меликадзе, совершенно устранилась от всякой организационной работы и с вызывающей беспечностью проводила дни и ночи в обществе своих “полевых подруг”.

Филиппов рассказал, как после моего отъезда из Обдорска они в пьяном виде снова учинили массовые расстрелы ни в чем не повинных людей.

— Человек сорок угробили, — говорил Иван Филиппов, смахивая слезу, — из райрыбы пятерых и Груню Седельникову... убил Данилов.

Нельзя было без дрожи негодования слушать этот рассказ. Мне вспомнилась эта миловидная белокурая девушка, работавшая в райрыбе на мелкой канцелярской должности. Она пела у меня в хоре, иногда выступала в пьесах. Около нее табуном увивались молодые ребята. И вот расстреляна... За что? Тогда я не знал всей гнусности этого преступления. Данилов, получив отказ обворожительной, как Снегурочка, Груни Седельниковой добровольно отдаться ему, изнасиловал ее. А потом приказал своему охраннику Меликадзе убить девушку. И тот зарезал ее кинжалом. Я узнал об этом уже от Сосунова месяца через три, когда Данилова и след простыл. Тогда же я выяснил, что он из чиновничьей семьи, бывший гимназист и подпоручик, а его дядя, в прошлом генерал или полковник, занимает крупный пост в Красной армии...

Утром я встретил Протасова в аппаратной за приемом депеши и вызвал его в тундру “надва слова”. Мы дискутировали часа полтора без злости, но с жесткой откровенностью. Я обвинил его в пьянстве, попустительстве разврату в лице Данилова и компании, участии в самочинных расстрелах, в утрате идейного руководства массой коммунистов, отрыве от них и потере авторитета руководителя. Он всхлипывал, вытирал слезы, оправдывался.

— Я слабый человек, наследственный алкоголик! Это не вина, а беда моя... Конечно, кое-где я перехлестывал... А раньше другие мало колбасили? Пьянствовал с Даниловым, но виноват спирт, выданный ему на нужды эвакуации. В расстрелах не участвовал, это все Данилов с Пензиным... Ты сам поддался обывательщине, слушаешь бабские сплетни!

Меня взорвало.

— Это ты прилип к этой кукле, к буржуйской дочке!..

Он вскипел тоже.

— Ося! Все с бабами!.. И ты на бабе спишь. А я не человек? Не имею права? — и выразился неприлично...

И правда, не один Протасов переживал “медовый месяц” под хмурым небом Ямала. Приехали мужем и женой Филиппов и Телицына, Панов-малый, Гриб, чекист из Березова, и еще кое-кто из холостяков обзавелись в походе подругами. На нарах барака множились двухместные “купе для новобрачных”, отгороженные от соседей оленьими шкурами. Интимные связи завязывались легко: люди все были молодые, здоровые и жили слишком тесно...»

После подавления Западно-Сибирского крестьянского восстания проводилось партийное расследование в отношении отсидевшихся в Маре-Сале руководителей Тобсевревштаба: Протасова-Жизнева, Данилова, Волкова и других. Следователей Центральной контрольной комиссии ЦК РКП(б) Шкирятова, Сольца и Коганицкого интересовало одно: где золото, хранившееся сначала в Березове, а затем в Обдорске, и кто причастен к его пропаже? Бессудные расстрелы безвинных людей во имя «торжества революции» не считались тогда преступлением. Но коммунисты, возвратившиеся из глухой ямальской тундры в Обдорск, занятый красным экспедиционным десантом Арсения Баткунова, не могли вразумительно ответить на эти вопросы. Золото и драгоценные реликвии Сибирского белого движения, доставшиеся Сенькину от Зырянова, были отправлены за Урал в обозах других отрядов: Сироты и Туркеля, Хорохорина и Сосунова.

Когда 4 апреля 1921 года, через три дня после оставления коммунистами Обдорска, в город вступили повстанцы численностью до двухсот человек, они, не дожидаясь, пока из-под льда Полуя будут выловлены трупы расстрелянных заложников, бросились в погоню за красными отрядами, отходившими за Урал по заснеженной реке Усе.

Это преследование возглавил представитель Тобольского штаба Народной армии Георгий Гобирахашвили.

Он родился в 1885 году в городе Гори Тифлисской губернии, окончил Горийское духовное училище (там же учился Иосиф Джугашвили — Сталин). Однако священником не стал, а устроился слесарем на завод Нобеля в Баку и вступил в РСДРП(б). За организацию боевой «красной сотни» и хранение оружия в 1907 году выслан в Обдорск. В 1916 году добровольно ушел на фронт. Через год возвратился на Ямал, где его избрали председателем продовольственного комитета; летом артелью в десять человек ловили рыбу.

В 1919 году поехал в Тобольск сдавать улов в Центросоюз (кооперативную организацию), но из-за отступления колчаковцев на восток рыбный караван повернули на Омск. Только весной 1920 года грузин Гобирахашвили возвратился в Тобольск и был мобилизован на работу в Областьрыбу секретарем отдела снабжения.

После занятия Тобольска повстанцами штаб Народной армии направил Гобирахашвили на север губернии с мандатом такого содержания: «...поручается информация населения о происходящих событиях, содействие мобилизации населения для борьбы с коммунистами, принятие мер к установлению дисциплины, реорганизация на местах власти, если таковая не соответствует своему назначению, организация сбора оружия и снаряжения...»

Позднее на допросах в Обдорской ЧК он заявил: «Я выступал не против Советской власти, а против ее отдельных представителей, идущих вразрез интересов государства и правящей коммунистической партии... я против кровопролития, против гражданской войны...»

Возглавляемый им отряд настиг красный обоз в печорском селении Ошвор и почти полностью уничтожил его охранение — из шестидесяти бойцов уцелели только три красноармейца.

Историки Республики Коми И. Л. Жеребцов и М. В. Таскаев предполагают, что «преследование сибирской группировки красных на столь значительном расстоянии было вызвано стремлением обдорских повстанцев любой ценой захватить золото, которое увезли красные».

Думаю, что Губирахашвили двигала не корысть, а месть: в оставленном коммунистами Обдорске он узнал о расстреле Садовникова и его жены, с которыми находился в дружеских отношениях, и бросился в погоню за убийцами. Но, захватив в Ошворе красный обоз и часть находившегося в нем золота, он узнал от пленных, что действительные палачи невинных отступили из Обдорска совсем в другом направлении — на Маре-Сале.

Поэтому Губирахашвили не воспользовался военным успехом, отказался от дальнейшего преследования красных до селений Петрунь и Абезь, где размещались штабы бежавших за Урал красных отрядов, и возвратился в Обдорск. Там он узнал, что Садовников чудом уцелел. Психопат Протасов промахнулся: пуля из его нагана лишь задела голову и контузила. Потерявшего сознание Садовникова проткнули штыком, но в темноте он очнулся и добрался до доктора Богословова, который перевязал ему раны и той же ночью отправил в селение Хэ вместе с также уцелевшим при расстреле метеорологом Сухих.

Писатель Коняев отмечает, что «у краеведов нет единой версии ошворской трагедии». Хотя после подавления восстания проводилось расследование обстоятельств нападения повстанцев на заставу в Ошворе. Результаты этого расследования рассмотрела 16 августа 1922 года в Березове выездная сессия Тюменского губревтрибунала в составе председателя Бершанда, членов Пунтуса и Чегина.

22 октября 1922 года газета «Трудовой набат» сообщила: «Закончилось слушанием крупное дело по обвинению целого ряда бандитов в числе 54 человек. Этот отряд отличался особой жестокостью и зверством. Производились расстрелы и издевательства над попавшими в плен лицами. По следственному материалу выяснилось, что бандиты у пленных коммунистов выкалывали глаза, выматывали кишки, насиловали женщин, убивали беззащитных старух за то, что их сыновья были коммунистами.

Пролетарский суд вынес вполне правдивый приговор: шесть человек из комсостава приговорены к расстрелу, восемь человек — на разные сроки принудительных работ, остальные осуждены условно и некоторые к штрафу.

На суд явился лишь 31 человек. Многие из подсудимых по вине политбюро (так назывались тогда уездные ЧК. — А. П.) скрылись. К розыску их приняты меры».

Участник судебного разбирательства Пунтус (в 1921 году он стал председателем Березовского райисполкома) со ссылками на «факты, оглашенные на судебном заседании» написал брошюру «Безумству храбрых поем мы песнь». В ней приведены примеры героизма коммунистов и комсомольцев и зверств повстанцев.

Однако в деле, ранее недоступном для исследователей, бой в Ошворе представлен, по показаниям участников, как рядовое, обыденное событие. Его трудно назвать боем: обоз с охранением был брошен его командирами Сиротой, Хорохориным и Сосуновым. Повстанцы при содействии зырян ликвидировали караул и перебили утомленных длительным переходом по весеннему бездорожью беженцев.

Иосиф Молоков: «Был мобилизован в селе Филинском и, кроме Ошворского боя, нигде не участвовал. В Березове был выбран командиром отряда и отправлен с ним в Обдорск. По прибытии в Обдорск нам приказали отправиться за Урал в погоню за коммунистами...»

Варлаам Сосунов: «В Обдорске я был переведен в 7-ю роту, с которой поехал догонять отступающих коммунистов. За Уралом, в Архангельской губернии, Печорском уезде, Петрунинской волости, деревне Ошвор, захватили их врасплох и почти всех перебили. Человек 25 взяли в плен, но участия в их расстрелах я не принимал...»

Александр Александров, 26 лет, уроженец Обдорска: «Отступал до дер. Ошвор. Остановились кормить оленей. На третьи сутки приехали рано утром бандиты и напали на сонных. Несколько человек убили и ранили. Остальных взяли в плен. Я убежал, но через 15 верст был пойман и отвезен в Ошвор. Там я встретил своих односельчан. Они отнеслись ко мне недружелюбно, стали меня ругать и угрожать расстрелом. Некоторых пленных расстреляли, а других, в том числе меня, увезли в Обдорск...»

Василий Артеев, 30 лет, зырянин, уроженец Обдорска: «Отступал до дер. Ошвор. Там остановились кормить оленей. Напали бандиты и многих убили. Я убежал, но через три версты меня поймали и привезли в Ошвор. Там отобрали у меня винтовку и патроны и отдали Ёбирахашвили...»

Степанида Широветьева, 43 года, уроженка Тобольска: «Отступала до дер. Ошвор. Там взяли в плен. В избушку зашел Губирахашвили... стал меня ругать, зачем я бежала, ничего бы тебе не сделали в Обдорске. Взял у меня деньги и разделил их промеж своих бандитов... Меня увезли в Обдорск...»

Елизавета Лапотникова, 15 лет, уроженка Обдорска: «Утром в дер. Ошвор приехали бандиты и напали на сонных. Нас увели в избушку, где у бандитов был штаб, раненых заперли, меня оставили прислуживать. Распоряжался Губирахашвили...»

Дмитрий Лоцев, 17 лет, зырянин, уроженец Обдорска: «Отобрали у пленных оружие и вещи. Выводили расстреливать. Видел Губирахашвили. Мое мнение: таковой принимал участие во всех гнусных действиях и расстрелах...»

Николай Александров, 19 лет, зырянин, уроженец Обдорска: «Меня взяли в плен и заперли в избушке. Губирахашвили распорядился отправить пленных в Обдорск. Проехали с версту и услышали несколько ружейных выстрелов. Мы остановились. Пришли другие пленные и рассказали, что после нашего отъезда из Ошвора там расстреливали. В Обдорске Губирахашвили распорядился о погоне за коммунистами, которые уехали на Маре-Сале».

Герасим Логинов: «В числе раненых был и я. Нас вывели на улицу. Губирахашвили стал всех переписывать и допрашивать. Через два часа пришли бандиты и увели четырех — ехать в Обдорск. Которые не могли идти, их вынесли, не знаю куда, но лично мое убеждение, что их расстреляли...»

Василий Дыбенко, 17 лет, уроженец Обдорска: «В дер. Ошвор меня присудили к расстрелу. Но меня от расстрела спас Губирахашвили. В Обдорске он взял меня на поруки».

Показания других обвиняемых: «...в бою участвовал, но никого не расстреливал».

Показания других свидетелей: «...отступали, остановились в деревне Ошвор кормить оленей, напали бандиты, слышали, что расстреляли раненых, но сами расстрелов не видели...» Ни слова о пытках и глумлениях над убитыми.

Палачом признан «Сергеев Василий Дмитриевич, 24 лет, происходящий из с. Обдорска Березовского уезда Тобольской губернии, бедняк, рыбак, окончил трехклассную сельскую школу, женат. Арестован 4 января 1922 года. При обыске у него обнаружено: серые суконные брюки из одеяла, серебряный бруслет (так в деле. — А. П.) с тремя камнями, список бывших красноармейцев в дер. Ошвор; список находится в деле

(но там его нет. — А. П.). Обвиняется в бандитизме, в расстрелах коммунистов, в издевательствах над трупами и ограблении их вещей...»

Доказательства: «...вывел пять коммунистов из избы, потом их видели расстрелянными; ...нас повезли в Обдорск, по пути слышали выстрелы, Сергеев догнал, с ним никого не было; набрал у убитых целый мешок вещей...»

В 1919 году Сергеев служил в отряде Туркова, после капитуляции белых в Саранпауле перешел к красным, потом примкнул к повстанцам. Протоколов его допросов в деле нет. Дальнейшая судьба неизвестна.

Не случайно Верховный трибунал ВЦИК указал: «Следствие, проведенное по делу, недостаточно полное; судом не принято во внимание социальное положение подсудимых».

Тем не менее, по приговору Выездной сессии Тюмгубревтрибунала в г. Березове от 17—19 августа 1922 года, утвержденному Кассационной коллегией Верховного трибунала от 16 сентября 1922 года и выпиской из протокола заседания Президиума ВЦИК от 5 декабря 1922 года, расстреляны в ночь с 30 на 31 января 1923 года в окрестностях г. Тобольска осужденные:

Молоков Иосиф Алексеевич,
Ногин Николай Поликарпович,
Корепанов Савелий Данилович,
Сосунов Варлаам Матвеевич,
Левдин Елпидифор Иванович,
Полков Федор Павлович.

Все крестьяне. Все в 1989 году реабилитированы. В деле есть такие заявления приговоренных к расстрелу. Ногин: «Во время моего пребывания под стражей в Обдорске тов. Пензин отобрал у меня малицу, кисы, гимнастерку, три пары белья, полотенца, деньги (50 000), золотые кольца. При отправке в Березов эти вещи мне не вернули». Полков: «16 сентября с.г. взяли мои вещи: кожаную сумку, а в ней гимнастерка, портсигар, 3 золотых кольца, 3 золотых пятирублевки, серебряные монеты и несколько немецких медалей (я их принес с фронта). Не возвратили...»

За этими заявлениями — протоколы допросов. «Пензин Александр Александрович, 42 года, уроженец Новгородской губернии, член РКП(б) с 5 декабря 1919 года, № п/б 598599, служит в органах ЧК. Никаких вещей у Ногина Николая не брал. Его заявление считаю ложным. Ногин был арестован до моего прибытия в Обдорск. При приемке мною Обдорского арестантского дома и арестованных от командира 232-го стр. полка Баткунова мне никаких вещей не передавали».

«Федоров Порфирий Федорович, 45 лет, уроженец Казанской губернии. 15 июня 1921 года по приезде в Обдорск я был назначен начальником арестантского дома. От командира 232-го стр. полка Баткунова я принял 86 арестованных, в том числе Ногина и Полкова. Вещей не принимал...»

При расследовании обстоятельств захвата повстанцами красного обоза в селении Ошвор чекистов интересовало, кому досталось находившееся в обозной поклаже золото.

Об этом знал только Молоков: «Гобирахашвили был представителем Тобольского штаба Народной армии... Он издавал приказы. Ему все подчинялись... Знаю, что он увез с собой два ящика с золотом и серебром. Слинкин (командир объединенных повстанческих отрядов в Березовском уезде. — А. П.) хотел их взять с собой, но Гобирахашвили не отдал...»

7 апреля 1921 года, через три дня после вступления повстанцев в Обдорск, были проведены выборы в городской совет, который в воспоминаниях Волкова назван «бандитским». Совет возглавил Константин Васильевич Дурасов. Он родился в 1896 году в Тобольске, работал бухгалтером Обдорского районного управления по рыболовству (райрыба). В состав совета вошли В. М. Новицкий, П. П. Мамеев, С. А. Протопопов, Г. И. Артеев, К. А. Чупров, Ф. О. Терентьев... К совету «перешла вся полнота гражданской власти». Жертвы красного террора были похоронены. («Тогда, — отметил Волков, — выяснилось, что Груня Седельникова и жена Садовникова, красивая женщина лет сорока, были изнасилованы, а потом зарезаны кинжалом — об этом я слышал от доктора Богословова»).

В селение Хэ направили указание: «По получении сего срочно созывите сход оседлого населения волости и имеющееся налицо кочующее население и выберите волостной совет из трех человек. Кроме того, этим же сходом выберите двух человек представителей от Хэнской волости в Обдорский крестьянско-городской совет. При волсовете организуйте милицию. Продовольственное дело передайте кооперативам».

Председателем совета в Хэ стал Садовников, имевший опыт административной деятельности: в марте 1917 года избирался в селе Демьянском Тобольского уезда председателем комитета общественной безопасности и волостного правления; в июне 1918 года входил в состав комиссии по расследованию преступлений против личной неприкосновенности граждан и казенного имущества, совершенных членами исполкома Тобольского совета.

Метеоролог Сухих, который был выслан в Обдорск из Польши в 1914 году по подозрению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, воз-

главил у повстанцев контрразведку. «Глубоко штатский человек по анкетным данным, он вдруг обнаружил таланты и знания в кавалерии, в стрелковом деле и в других военных вопросах, вплоть до умения дешифровать секретную переписку. Кроме того, наперечет знал всех жителей Обдорска, их родственные связи и политические симпатии...» Волков отметил: «По его приказам трупы двенадцати расстрелянных родственников эвакуированных из Обдорска коммунистов бросали в заливчик в устье реки Шайтанки».

После захвата красного обоза в селении Ошвор Гобирахашвили возвратился в Обдорск и организовал погоню за отрядами, отступившими в Маре-Сале. Повстанцы, среди которых были братья Каневы-Нерьяки, уже добрались на оленях до заимки Седельникова на реке Щучьей, но, узнав о продвижении красного экспедиционного отряда на пароходах из Тобольска на север и падении Самарово, повернули обратно. «Благодаря этому обстоятельству, — считает Волков, — наш лагерь в Маре-Сале с его беспечными и трусливыми руководителями был спасен от неминуемого и полного уничтожения».

Ошворские события всколыхнули весь Печорский уезд. В Усть-Цильме возник подпольный штаб подготовки антибольшевистского восстания на Печоре. В этот штаб входили ответственные работники уездисполкома и военкомата. Началось Усинское волнение (на реке Усе, где растянулись эвакуированные транспорты с беженцами из Обдорска). Повстанцы стали нападать на обозы и захватывать их.

30 апреля 1921 года в селении Ниедзьель отряд Меркурия Рочева (кличка Исак Меркуш) встретил Туркеля, заместителя начальника обдорской эвакуации Сироты. По одним сведениям, Туркель с небольшим конвоем в пять красноармейцев пробирался в Усть-Цильму, где уже находился его начальник Сирота. По показаниям Протасовой-Сосуновой, Сирота, бросив обоз, благополучно добрался до Усть-Цильмы, где местные власти отобрали у него пушнину и ценности. Не дождавшись своего заместителя, он скрылся в неизвестном направлении.

По воспоминаниям Волкова, «Туркель погиб, рискуя поехать в какую-то командировку без охраны в сопровождении только своей молодой подруги Марии Мещеряковой. Дорогой они встретили конный разъезд бандитов. Туркеля убили выстрелом в спину, а Мещерякову увезли в свое логово. Она освободилась через месяц, когда в погоню за бандитами в деревню прибыл один из наших зауральских отрядов». Волков считал, что «маршрут Туркеля выдал перебежавший к бандитам некий Голошубин, кандидат в партию, прибывший в Обдорск в декабре 1920 года из Тобольска вместе с Протасовым. Он стал в райкоме партии

техническим секретарем, а потом попал в один из наших отступивших за Урал коммунистических отрядов».

Кроме Туркеля повстанцы убили в деревне Ниедзьель начальника архангельского продотряда Власия Виноградова. Его продотряд действовал в Верхнеусинском районе Коми края, занимаясь реквизицией мяса и рыбы у населения. По показаниям продотрядовца Ивана Гичева (спасая свою жизнь, он вступил в отряд Меркурия Рочева), повстанцы захватили все имущество «экспедиции Туркеля» (так Гичев называл обоз Туркеля), как-то: «золото в бочках (количество не указано), серебро, ткани, шелка и другие всевозможные товары (какие, не указано)».

3 мая 1921 года в Ниедзьель прибыл поручик Алексей Рочев, возглавлявший повстанческое движение в Печорском уезде (получившее впоследствии известность как «рочевщина»).

Считается, что имущество продотряда Виноградова и ценности, которые вез Туркель, были разграблены. В середине мая 1921 года Рочев занял Колву и намеревался идти на Усть-Цильму; его отряд насчитывал около двухсот человек. Контролируя часть Усинского района, печорские повстанцы установили связь с Ляпино и Обдорском.

В Печорском уезде было объявлено осадное положение. 29 мая 1921 года газета «Красная Печора» признала: «...в нескольких селениях по реке Усе бандитами захвачены местные кооперативы и склады, разхищено продовольствие, затрудняется наш план весенней доставки части ляпинского и обдорского хлеба через Урал».

Для подавления «рочевщины» были направлены красноармейские части и чекистские оперативно-боевые группы из Архангельска и Чердыни. Заговорщики в Усть-Цильме были арестованы. 6 июня 1921 года красные каратели захватили Ляпино, где им сдались около двухсот повстанцев.

Отряды Хорохорина и Сосунова также приняли участие в преследовании рочевцев по реке Усе. По словам Волкова, «особенно активно действовал чекист Сосунов. Он носился на пароходике “Межень”, вооруженном двумя пулеметами Кольта, по Усе и ее притокам, безжалостно уничтожая повстанцев, которые прозвали его “красным карателем”. Сосунов искал одурачивших его Сироту и Туркеля и пропавшее из эвакуационных обозов золото».

29 июня 1921 года Сосунов настиг отряд Рочева у деревни Калякурья. Участник этого боя А. И. Семяшкин вспоминал: «Раздается команда занять места на носу судна. Зашевелились пулеметчики, по бортам... разместились бойцы с винтовками. Занималось утро. Над лесом повисло солнце, в воздухе чувствовалась утренняя прохлада. Бандиты, видать,

только встали, тревоги не чувствовалось. Некоторые в нижнем белье играли в городки, другие занимались утренним туалетом. Как только пароход повернул к берегу, сразу же ударили наши пулеметы. Среди бандитов началась паника. Многие устремились к лесу, а небольшая группа с винтовками наперевес побежала к воде и стала отстреливаться. С приближением парохода выстрелы стали стихать. Было много убитых и раненых». Рочеву удалось скрыться. Здесь Сосунов поймал Голошубина, от которого узнал, что золото из обоза, захваченного повстанцами в Ошворе, Гобирахашвили увез в Обдорск. Расстреляв предателя, Сосунов с отрядом в тридцать человек поспешил в Обдорск. Хорохорин с сургутско-березовским отрядом вышел через Саранпауль на Сосьву, а затем пароходом из Березова отправился в Сургут.

Для подавления крестьянских восстаний, бушевавших в России в 1921 году, большевики широко применяли так называемые оперативно-боевые легендированные группы. Войсковые и чекистские отряды, выдавая себя за мятежников, встречались с действительными повстанцами и вероломно по условному сигналу открывали огонь на поражение.

Классическим примером такой операции является внедрение кавалерийской бригады Котовского, выступавшего под видом донского атамана Фролова, в «партизанскую армию» Матюхина на мятежной Тамбовщине. В художественном фильме «Котовский» есть эффектный эпизод: бритоголовый лжеатаман выхватывает наган и с криком: «Комедия окончена! Я — Котовский!» — всаживает несколько пуль в сидящего за столом напротив главаря повстанцев.

Но в «комарином царстве» Тобольского Севера пехоту и кавалерию не используешь. И тогда карательные отряды посадили на пароходы. Сибирское бюро ЦК РКП(б) еще 28 февраля 1921 года, рассмотрев вопрос «О мерах обороны Сибири от кулацких восстаний...», рекомендовало Сибревкому и помглавному по Сибири «выделить для этих целей... 4 парохода: два по Иртышу, один по Оби и один по Енисею военного образца, покрытых броней и вооруженных орудиями».

В марте началось наступление частей Красной армии на захваченный повстанцами Тобольск: 8 апреля они оставили город и отступили на север — в Самарово и Березово.

Как только вскрылись ото льда Иртыш и Обь, из Тобольска на пароходах «Мария», «Волна» и «Сергий» отправилась под видом повстанческой флотилии секретная экспедиция. Ее возглавил Арсений Николаевич Баткунов. Год рождения — 1894-й. Уроженец деревни Самсоново Духовщинского уезда Смоленской губернии. Работал на заводе, а в январе 1915 года отправлен на войну с немцами, был ранен. В 1917 году ко-

мандовал отрядом Красной гвардии на Украине, дослужился до командира 232-го полка 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Участвовал в боях против колчаковцев и в борьбе с бандитизмом на Алтае.

В Самарово поверили «неожиданной подмоге». А почему нет: там знали о восстании моряков в Кронштадте. Команды судов на сибирских реках также часто меняли своих хозяев.

«Волна» причалила к берегу, и начались переговоры со штабом отступившей на север Тобольской народной армии. А дальше по сценарию: неожиданная стрельба в упор — и трупы в воду. Остальных обезоруженных повстанцев расстреляли уже на пароходах по пути к кондинской пристани.

Историк из Омска Бударин указал, что экспедиция Баткунова прошла Самарово 17 апреля 1921 года: «В деревянном домике телефонного пункта при впадении речки Максимовки в Иртыш захватили главарей тобольских мятежников. В перестрелке были убиты командующий Тобольской народной армией Желтовский и полковник Сватош, бывший адъютант генерала Гайды...»

Другие исследователи считают, что Самарово занял отряд Лопарева. Называют разные даты: 9, 10, 11 мая. Обстоятельства формирования этого отряда пока неясны. Архивист Гамбаров ссылается на записку члена президиума Тюменского губкома РКП(б) А. В. Семакова на имя секретаря губкома: «Товарищ Агеев! На Дальний Север едут гг. Лопарев и Никифоров для организации сил по подавлению восстания. Они старые партизаны, за которых я ручаюсь головой, несмотря на то, что они беспартийные. Снабди их, нажав на все кнопки и все средства, чтобы дать им отряд красноармейцев и как можно больше оружия и патронов, которые они увезут на Север...»

Историк из Нижневартовска Цысь утверждает, что отряд Лопарева «был сформирован в Тюмени 18 марта 1921 года. Получив винтовки, пулемет и 10 тысяч патронов, 19 марта в 20 часов красноармейцы выступили в направлении Туринска. Перед Лопаревым была поставлена задача добраться по Шаймскому тракту до деревни Красноленинской, расположенной на Оби ниже села Самарова. Тем самым отряд оказывался в тылу березовской, ляпинской, обдорской и сургутской группировок повстанцев. После окончания распутицы требовалось наступать на Елизарово и Самарово, захватить штабы повстанцев и держаться до подхода частей Красной армии».

Закрепившись в д. Лорбат к северу от Самарово, Лопарев повторил свой маршрут разведки по поручению Лепехина в конце 1919 года, только в этот раз наоборот — с запада на северо-восток.

Дождавшись прохода через Самарово по Иртышу и Оби пароходов с экспедицией Баткунова, Лопарев появился в селе. Единственный сохранившийся в архиве Ханты-Мансийского автономного округа приказ Лопарева гласит: «Приказом командующего Тобсевгруппой тов. Самохвалова от 17.07.21 г. я назначен начальником боевого участка Демьянское — Березов — Сургутский уезд... Приказываю при волревкомках из компартии, милиции, надежных людей организовывать отряды местного назначения под руководством ответственных работников партии и военспецов. О числе и вооружении к 24 часам мне донести. Предлагаю последний раз предупредить население, что за укрывательство бандитов мною будут приниматься самые строгие меры вплоть до расстрелов на месте и выжигания целых сел. Комсевотряда П. Лопарев».

В статье «Ледоход», опубликованной 29 августа 1972 года в окружной газете «За коммунизм», пожелавший остаться неизвестным автор исправил в приказе Лопарева дату его назначения военным начальником территории на 17 мая 1921 года. Поэтому и стал Платон Ильич главным освободителем края от мятежников.

В июле 1921 года восстание на Обском Севере было подавлено. Грозить запуганному населению «расстрелами на месте и выжиганием целых сел» не требовало уже большой смелости.

В действительности экспедиционный отряд Баткунова, легендированный под повстанческий, захватил все пристани на Оби без столкновений. Назначенный военным комиссаром отряда младший брат Клавдии Петровны Дорониной Иона вспоминал: «Нам дали винтовой пароход “Сергий”. Мы забронировали мешками с песком борты и рубку, установили два пулемета: один — на носу, другой на корме, подняли на мачте бело-зеленый флаг Народной армии и поплыли на север. На морской шхуне “Мария” за нами следовали основные силы — 232-й стрелковый полк под командованием Баткунова. “Мария” была вооружена двумя орудиями... До Обдорска свыше 1500 километров по Иртышу и Оби “Волна” и “Сергий” шли впереди. Много населенных пунктов по пути было освобождено нами от мятежников, которые... сдавались без боя или разбежались по тайге»⁴⁰.

Взять хитростью Обдорск не удалось. Красный десант тормозило медленное движение ледохода — пароходы на двое суток задерживались в Мужах, а затем, показавшись у Обдорска, из-за льда не смогли войти в реку Полуи. За это время повстанцы раскрыли обман и основательно укрепились: на берегу между речкой Шайтанкой и пристанью вырыли окопы.

---

⁴⁰ Доронин И. П. Семья Дорониных. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. С. 91.

«Волна» несколько раз входила в устье Полуя, но всякий раз ее встречали с берега огнем. Наконец 2 июня, когда льды из Полуя скатились в Обь, показалась у Ангальского мыса «Мария». За ней «Сергий» с металлическим лихтером на буксирах. С пароходов ударили пулеметы и винтовки.

Баткунов приказал бить из пушек по пристани и городу: ориентирами для наводчиков служили каменные церковь, клуб и школа. Их крыши пробиты снаряды. Обский Север впервые услышал артиллерийскую пальбу.

По свидетельству очевидца, дикая паника овладела населением Обдорска: «Все, кто имел ноги и мог двигаться, бросились кто куда — за Шайтанку в лес, на берег в лодки, вверх берегом Полуя. Видя это, и защитники Ангальского мыса бросили окопы и тоже пустились в беспорядочное бегство».

В оперативной сводке штаба Северной Тобольской группы по состоянию на 16 часов 31 мая 1921 года значится: «Северное направление. Город Обдорск 26 мая сего года после ожесточенного непродолжительного боя частями десантного отряда под общим командованием комполка 232 взят. Подробности боя таковы: 26 мая в 20 часов десантный отряд находился в 5 верстах от Обдорска и вследствие громадного затора льда дальнейшее продвижение пришлось приостановить. Только на рассвете 26 мая шхуна «Мария» направилась к г. Обдорску, где была встречена сильным ружейным огнем бандитов, засевших в хорошо оборудованных на берегу реки окопах.

Открытый ружейный и артиллерийский огонь со шхуны «Мария» навел панику, и бандиты, не выдержав огня, оставляя на пути убитых и раненых, бросились бежать. С нашей стороны потерь нет.

Внезапность появления красных частей навела панику и на население города, в котором почти все мужское население бежало в тундру. Бандитский отряд под командованием Слинкина численностью до двухсот человек, вооруженных трехлинейными винтовками и берданами, рассеялся по тундре...

При занятии города Обдорска взяты богатые трофеи: бандитские продовольственные склады, хозяйственные части бандитских отрядов, а также склады пушнины, которые берутся на учет. Захвачен пароход «Тобольск» и две баржи, которые срочно ремонтируются. Восстановление органов Советской власти замедляется в связи с отсутствием политических и технических сил»⁴¹.

---

⁴¹ Российский государственный военный архив. Ф. 3531. Оп. 1. Д. 14. Л. 409.

Но у Тобольска не было связи с Баткуновым. Отчет командира экспедиционного отряда об очищении прибрежной полосы Оби от мятежников доставил из Обдорска в Тобольск пароход «Пермяк», следовавший за десантной флотилией. Поэтому в составленной задним числом оперативной сводке Северной Тобольской группы появилось расхождение с действительной датой оставления повстанцами Обдорска — 2 июня.

Когда пароходы пристали к берегу, встречать их вышли двое. Одним, по воспоминаниям Волкова, был завдетдомом, беспартийный учитель. С ним — «вдова и мать расстрелянных нами в качестве заложников Чечурова и его сына. В ее доме когда-то жил Протасов. Теперь там разместились Баткунов и штаб полка».

16 июня 1921 года в Обдорске была восстановлена радиостанция. «Спрятанное бандитами оборудование отряд Тушкина нашел в лесу на берегу Полуя верстах в 90 выше Обдорска. Ящики были аккуратно сложены штабелем, прикрыты древесной корой и пихтовыми ветками. Все оказалось в полной исправности».

Волков удивлен: «Безо всякой пощады проливать кровь своих ближних... А вот уничтожить эти мертвые блестящие штуки не поднялись руки. Чего проще было разбить все это вдребезги, утопить в глубинах бесчисленных окрестных водоемов или сжечь, облив бензином. Может быть, кто-то рассчитывал заработать себе этим пощаду и право на жизнь?»

Волков жаловался в Тюмень: «...Обдорск занят десантом, приехавшим на пароходе “Мария”, город обстреливался артиллерией. Бандиты около четырехсот бежали вверх по Полую. Обдорские главари скрылись на низ. Десант не принимает никаких мер по поимке бандитов, благодаря чему мелкие банды скрываются в районах Питляра, Кушевата, по рекам Сосьве и Конде. В низовьях Оби прячутся тридцать хорошо вооруженных бандитов, в том числе Нерьяки, Гобирахашвили, Ванька Панда, Фурлет Ванька, Садовников, Сухи, Кондаков, Дурасов...»

По словам Волкова, «Баткунов не проявлял особого рвения в вылавливании разбежавшихся по лесам повстанцев. С пленными бандитами он обращался с большим великодушием, считая, что карательные функции не входят в его компетенцию. Очистив прибрежные населенные пункты на Оби без особых усилий и почти без потерь, он считал свою задачу выполненной».

— Не мое дело, — говорил он, — гоняться за ними по лесам: пусть этим занимается чека. Люди сами вернутся, когда жрать будет нечего».

Волков признал: «Баткунов отчасти оказался прав. Бежавшее из Обдорска население начало понемногу возвращаться. Вести, что в Обдор-

ске никого не расстреливают, а распускают по домам или отправляют на работы, действовали отрезвляюще. В начале июля вернулись учителя Новицкий и Протопопов с женами. С ними человек 20 «интеллигенции», замаравшие себя участием в работе бандитского горсовета. Все черные от грязи и дыма, исхудавшие, с провалившимися глазами и осипшими голосами».

В сентябре 1921 года сдались Гобирахашвили и Дурасов. Кроме обстоятельств расправы с сопровождением обоза в селении Ошвор, следствие интересовалось у пленных и судьбой захваченного там золота. В дополнение к протоколу допроса Гобирахашвили указал: «При отступлении из Обдорска мною действительно были погружены два больших ящика и три маленьких. Откуда они поступили, я не знаю, накладных на них не было. Что в них содержалось, я не знаю. По их тяжести можно предположить, что в них было золото. Продовольствие и эти ящики были отправлены в местность Мака Юган, куда наши войска отступили. Когда мы дошли до Мака Югана, то переночевали там две ночи, потом увидели пароход и отошли верст двенадцать в гору. Послали людей за оставшимися лодками. Про ящики ничего больше сказать не могу...»

В деле есть показания 30-летнего Самуила Афанасьевича Протопопова из села Сухоруково Березовского уезда: «Я действительно отступал из Обдорска вместе с Гобирахашвили до Мака Югана, а потом в гору, но ящиков при нас уже не было. Ящики были оставлены у инородцев в чумах. Гобирахашвили с нами пробыл только сутки, а потом отделился и уехал обратно к инородцам к чумам. Больше я его не видел. Я сам ушел к заведению Плотникова в Аксарке. Оттуда на лодке ушел в Обдорск и явился к властям».

Кто был неискренним? Гобирахашвили? Протопопов? А может, допрашивавший их 20-летний чекист Пантя — Пантелеймон Васильевич Рябков, уроженец Тобольска, работавший до службы в ЧК на кожевенном заводе, имевший «домашнее образование» и входивший, по свидетельству Волкова, в близкое окружение Протасова и Данилова во время их «медового месяца» в Маре-Сале?

17 декабря 1921 года Рябков составил заключительный акт по следственному делу № 16 на Гобирахашвили Георгия Зааловича, происходящего из города Гори Тифлисской губернии, проживавшего в Обдорске Березовского уезда Тюменской губернии, имущественное положение — бедняк, крестьянин, семья — 4 человека от 15 до 3 лет, грузин, окончил четырехклассное духовное училище, содержится под стражей с 26 сентября 1921 года в Обдорском арестантском доме. «Обвиняется в ини-

циаторстве, в активном участии с бандитами в расстрелах коммунистов. Виновным себя не признал...» Доказательств его вины у Рябкова не было.

И тем не менее он заключил: «Передавая дело вместе с арестованным Гобирахашвили на определение коллегии губчека, полагаю, что к Гобирахашвили как к отъявленному бандиту, увлекшему жизни коммунистов в целях антигосударственного замысла (так в тексте заключения. — А. П.), следовало бы применить высшую меру наказания — расстрел». Заключение утвердил начальник Обдорского политбюро Пензин.

1 февраля 1922 года к чекистам обратились «зав. Обдорской расчетной кассой Черемных Д. С., зав. Обдорским управлением по рыболовству Филиппов И. Ф., зав. Обдорским коммунальным отделом Дьячков Ефим. Все трое — коммунисты». «Для пользы дела и соблюдения интересов государства, — писали они, — для ведения дел Обдорской расчетной кассы, во избежание закрытия последней, за неимением подходящих работников и согласно телеграммы завгубфинотдела (прилагаем), ходатайствуем перед Обдорским политбюро об освобождении тов. Гобирахашвили под нашу личную ответственность и поручительство».

Не освободили. Держали в тюрьме. Последний лист в деле № 16 — записка врача Березовской советской больницы (подпись неразборчива): «В Березовское политбюро. Довожу до Вашего сведения, что посланный на излечение арестованный Гобирахашвили умер 4 апреля 1922 года от сыпного тифа».

Так в очередной раз оборвалась золотая ниточка.

Но в то же время участились вылазки в тундру обдорских чекистов во главе с Пензиным, который своими губернскими начальниками характеризовался «слабым работником, но исполнительным, по образу жизни — скромным». Они искали золото. В этих вылазках Пензин обморозил ноги. Его отправили в Тобольск в больницу, где ампутировали фаланги пальцев. Но началась гангрена, и в июне 1922 года главный чекист Ямала умер.

Итоги классовой борьбы на Обском Севере подвела тюменская газета «Трудовой набат» 26 октября 1922 года в статье «Ликвидация бандитизма на Севере»: «Несколько человек скрывавшихся в тундре бандитов угнали 3700 голов оленей из советских стад у верховья реки Щучьей. За ними была послана погоня из Березова и Обдорска. Бандиты были настигнуты около Байдарацкой губы. Был открыт огонь. Бандиты вышли из чума, залегли за яром озера и стали отстреливаться. Брошенной в них бомбой один из бандитов был убит, двое сражены пулями. Один из бандитов скрылся и один утонул в озере.

Один из убитых по найденным документам оказался офицером Киселевым и двое бывшими народоармейцами из Тобольска – Садовниковым и Сухих. Захвачено 5 винтовок-трехлинеек, одна японка, один наган и один смит-вессон, свыше 250 патронов к этим оружием. Олень захвачено около тысячи голов, остальные, по-видимому, растеряны по тундре...»

Приложение № 4

Письма из прошлого

Тобольск, 25 мая – 7 июня 1918 года

...Давно никаких слухов о Вас не знаю ни я, ни Пепька, дорогие и хорошие наши друзья. Живы ли Вы, вот первая мысль ежедневно о Вас, так как в нашем «социалистическом» государстве в настоящее время нельзя ручаться и за один час, что не будешь на штык или под пулей.

Только что прочли телеграмму об аресте Вас и Иванцова, сейчас же ринулись к Пузыреву в надежде найти там Ивана Афанасьевича, но, увы, его и след простыл, а г. Пузырев обещал нам дать сведения о Вас какие получит, но до сих пор ничего не слышим, а часто заходить и беспокоить как-то неудобно все-таки, так как нам не привился еще дух современных «социалистов».

Иллюзии разлетаются, а факты остаются, да еще какие факты, которые несмываемым позором запятнали нашу милую родину. Боже, какой кошмар, поистине кошмар, творящий ужасную историю. Вот вам и бескровная революция, так сами нальем реки крови братоубийственной бессмысленной бойней, продолжая разрушать все, что попадается под руку кровожадного инстинкта.

Вот и наша поездка повидаться с Вами – остается только несбыточной мечтой. Во-первых, не знаем о Вас ничего, а во-вторых, проезд к Вам теперь так дорог, что нам, оказывается, не по карману подобная роскошь, приблизительно, говорят, нужно на поездку около 400 рублей. То ли дело, как теперь у «товарищей» хорошо, не то что у «буржуев». Вздумал бы что-либо предпринять, да только думой и ограничишься, а уж в дело-то воплотить немислимо.

Это письмо посылаю Вам со своими хорошими приятелями Варварой Васильевной и Павлом Михайловичем Гилевым (первую из них Вы в прошлом году видели у нас, а супруг ее в то время был на войне), они служат на пароходе «Храбрый» и направляются в Обдорск, вот мы и просим, чтобы они обязательно Вас разыскали там и привезли о Вас

весточку, а остальные посудинки, в том числе и наш бочонок, попросим увезти Садовникова. Если все будет благополучно, то ведь посуда-то Вам там нужна будет.

Не одну тысячу раз слали мы ныне Вам спасибо за рыбу, прокормили Вы нас, здесь теперь очень худо в отношении продовольствия, ну да все же, думаю, лучше, чем в других местах. Если сумею достать хоть на одну лепешку масла, то пришлю, но при написании этого письма еще не знаю, найду ли чего, т. к. все по карточкам, да и то не всегда.

Как поживают Ваши дети Маруся и Костинька, тоже, бедняжки, наберутся страху, не дай Бог.

К нам в Тобольск вчера из Томска пришли два парохода с красногвардейцами «для борьбы с контрреволюцией», говорят, что пройдут в Омск, так как у нас «делов не предвидится». Привет наш передайте Иванцову и напишите — как его благополучие.

Ну, будьте здоровы. Что надо, то доскажут Вам наши други верные. П. М. и В. В. Гилевы — люди вполне честные и надежные.

Крепко целуем Вас, Ваши Сер. и Петр Деминовы

Обдорск

Георгию Зааловичу и Анастасии Егорьевне Гобирахашвили
Дом Ивана Афанасьевича Рочева-Моторова

Примечание: Это письмо изъято у Гобирахашвили Г. З. при аресте в сентябре 1921 года в Обдорске и приобщено к его следственному делу.
Уполномоченный ГО ГПУ по Березовскому уезду

Начотдела ГПУ

Препровождаю письмо, написанное женой сотрудника губотдела ГПУ т. Гультьева, дочерью расстрелянного кулака с. Обдорска Карпова. В прошлом году по моему прибытию в Обдорск Гультьев был врид уполн. ГПУ. Я останавливался у него на квартире, и мое внимание было следующее: тов. Гультьеву чрезвычайно опасно иметь жену — дочь расстрелянного кулака и кроме того жить у тещи, которая не расстреляна лишь «по недоразумению» или было слишком занято время у соответствующих органов тогда. Гультьев мною был откомандирован немедленно в распоряжение губотдела ГПУ.

23 мая 1923 г. Ворончихин

Приложение: письмо.

...6 февраля 1921 г. вдруг утром в 12 часов пошли аресты. Арестовали в с. Обдорске 19 человек, все буржуазный класс, в том числе Броничи-

ха. Папа, П. Васильич Ерлыков, Пузырев, П. К. Попов, А. С. Протопопов не были арестованы до осадного положения или, точнее сказать, до Варфоломеевской ночи. Арестованные были 2 Нижегородцева, Броничиха, А. Е. Козлов...

Миша Тележкин, М. Ф. Слободчиков, батюшка и много, много — они оказались как заложники. Как их посадили, так в Обдорске было объявлено военное положение. Стали жить в страхе. Потом и в Березове, и в Сургуте, и в Самаровском то 10 человек расстреляют, то одиннадцать, а в Обдорске все еще никого. Мы думаем, что слава Богу, может, сидят они, да их и выпустят. Но не тут-то было. Они сидели три недели, а в одну прекрасную ночь на 3 марта их расстреляли.

Когда узнали, что 11 человек расстреляны и снова аресты, то народ собрался и давай бунт устраивать. Убили Глазкова и Королева, да двух ранили — Осипа Протопопова да Колосова.

Других заложников расстреляли 8 и 10 марта. 17 марта были расстреляны наш дорогой папочка и Ерлыков, Груша Седельникова, Шура и Таничка Карпова — всего 218 человек. И нам бы не миновать такой участи, да Бог помог.

Они еще хотели расстрелять 83 человека, как вдруг приехала ихняя разведка и говорит, что видели сейчас шесть лыжников с той стороны. Они в кою пору собрались и бежать. Вот благодаря чему мы и остались живы.

...Всех убиенных вытащили из-под льда и будем хоронить.

Примечание: Гультяев Михаил Алексеевич родился в 1904 году в Березове, окончил там высшее начальное училище, в ноябре-декабре 1919 года был в Отряде северной экспедиции, потом работал в Обдорске телеграфистом, с июня 1921 года в органах ГПУ. Дальнейшая судьба неизвестна.

**В Тюменскую губчека
Тюменского районного комитета
Всероссийского союза рабочих
водного транспорта**

Препровождая при сем акт о вмешательстве вашего агента в дело управления судном «Пермяк», каковое явление противоречит всем изданным на сей предмет приказам и постановлениям Центра, а посему Райкомвод просит указать товарищам, находящимся на реках Оби, Тоболе, Иртыше, Туре и Тавде, о недопустимости в будущем подобных явлений, а тов. Сосунову сделайте соответствующее внушение.

Акт

1921 г. сентября 6 дня, местность Вандияские острова

Я, нижеподписавшийся командир парохода «Пермяк» Шалгин, составил настоящий акт в присутствии подписавшихся лиц о следующем: 14 часов, придя пароходом «Пермяк» к Вандияским островам с двумя груженными и к тому же водотечными баржами № 651 и 516, а также имея на борту парохода пассажиров, при сильном северо-восточном ветре, разведшем большой вал в р. Большой Оби, опасаясь аварий баржей на валу, вынужден был остановиться за пароходским островом для отстоя каравана. Ветер с прежней силой продолжал дуть всю ночь, а также следующий день.

6 сентября в 10 часов едущий пассажиром член политического Обдорского бюро т. Сосунов стал требовать от меня, чтобы я отправился в Обдорск. На мои ему разъяснения, что выполнить это при такой погоде я не в силах, он заявил, что применением оружия заставит меня выполнить его желание. Принимая во внимание свою беззащитность от произвола т. Сосунова, я отправился в рейс. Дойдя до нижнего конца пароходского острова, пароход начало валом бросать, а баржи бить одна в другую. У баржи № 651 начало отворачивать левый борт, в силу чего я немедленно вынужден был вернуться обратно на остров на якорную стоянку. При дальнейшем объяснении по происшедшему т. Сосунов грозил выбросить меня за борт и вообще применить ко мне какие-то репрессивные меры. Руководствуясь приказом по Сибирскому округу путей сообщения за № 179 о невмешательстве посторонних лиц в управление судами, поступок Сосунова усматривается полным самоуправством как сознательного, ответственного политического работника и произволом, а угрозы его применить оружие с выбрасыванием за борт — деморализацией команды, убивающей всякую энергию к делу, и нарушением всей планомерности транспорта. В чем и удостоверяется.

Резолюция: Обдорск, начполитбюро Пензину. За вмешательство в дела администрации парохода «Пермяк» и незаконное предъявление требований приказываю арестовать сотрудника Сосунова на 14 суток с исполнением им служебных обязанностей. Исполнение донести. Нач. админоргчасти Тюмгубчека Бобров. 1 ноября 1921 года.

**Председателю Тюменского
губисполкома тов. Макарову**

Начальник Обдорского политбюро телеграммой № 69 донес, что сотрудник такового т. Сосунов якобы заручился какими-то личными Ва-

шими распоряжениями и в данное время без предупреждения оставил службу в политбюро и перешел куда-то в другое учреждение. Т. Сосунов до сего времени состоит в списках губчека и числится сотрудником Обдорского политбюро.

Просьба сообщить, действительно ли Вы давали какие-либо распоряжения т. Сосунову об оставлении службы в политбюро и перехода в другое учреждение.

Считаясь с полным отсутствием работников в ЧК, а в особенности в Обдорском политбюро, Губчека не может дать соглашение о переходе в другое учреждение т. Сосунова.

Предгубчека Студитов. 31.10.1921 г.

Резолюция:

Никаких официальных согласий не давал. Макаров. 11.11.1921

Анкета

сотрудников Тюменск. Губ. Чрезв. Комиссии по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлениями по должности

- 1) Место службы: Обдорское политическое бюро.
- 2) Фамилия: Сосунов. Имя: Павел.
- 3) Занимаемая должность: замзавполитбюро.
- 4) Время вступления в члены РКП и № партийного билета: марта 1918 г., билет № 600865.
- 5) Время поступления в Чека (или Политбюро): 20 октября 1920 г.
- 6) Образование (указать: высшее, среднее, начальное, домашнее): среднее.
- 7) Владеет ли иностранными языками: нет.
- 8) Возраст: 30 лет.
- 9) Национальность: русский.
- 10) Основная профессия (столяр, слесарь и др.): канцелярский труд.
- 11) Род занятий до поступления в Чека: то же что и в п. 10 в совучреждениях.
- 12) Место рождения: с. Юровское Тобольского уезда Тобольской губернии.
- 13) Сословие: гражданин.
- 14) Семейное положение: мать, жена и двое детей.
- 15) Имущественное положение: пролетарий.
- 16) Работал ли раньше в Чека, если да, то когда и в какой должности: июль-август 1920 г. в Березовском политбюро, на должности уполномоченного.

17) Место прежней службы перед поступлением в Чека: народный следователь 2 уч. Березовского уезда в с. Обдорском.

18) Какое участие принимал в Февр. рев.: никакого в силу проживания на Севере.

19) Какое участие принимал в Октябр. рев.: никакого в силу проживания на Севере.

20) Не служил ли, не работал ли у Колчака и где: нет.

21) Служил ли на военной службе до Февр. револ., в какой должности и где: 18 месяцев, в Забайкалье, писарем, в штабе дивизии.

22) Имеет ли оружие, и какое: смит-вессон.

23) Подвергался ли репрессиям: 19 мес. 28 дней колчаковской тюрьмы и высылка на русско-китайскую границу.

Непосредственный начальник (с указанием должности): завполитбюро Глазков.

Отрывок из стихотворения

Максимилиана Волошина

«Гражданская война»

...Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Все золото, весь глени идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий...

В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,
А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаяй жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам...

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас – тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

1919

ГЛАВА V

Романтическая охота на золото и бриллианты, меняя формы, продолжалась годами. С лихими погонями по сибирским просторам. С перестрелками на заброшенных таежных заимках и прикладных жертвенных местах северных народностей. С арестами от Москвы до Обдорска. С орденами Красного Знамени и пулями в затылок. Тысячи секретных папок, разыскных ориентировок, агентурных разработок, проектов и отчетов. Пыточные подвалы и безымянные могилы. Чекистские спецпайки и лагерная баланда. Даже за случайное прикосновение к тайнам сокрытия ценностей Сибирского белого движения десяткам людей пришлось расплатиться жизнью.

В полосе отчуждения

Штабс-капитан Киселев, комендант белого Тобольска, не случайно появился в селении Хэ, где чудом уцелевшие натуралист Садовников и метеоролог Сухих возглавляли повстанческий совет и народную милицию.

Спрятав ценности Сибирского белого движения в лабиринте речных притоков Ваха и оставив присматривать за ними «большого урядника» из Сургута Волкова, Киселев через Нарым добрался до Томска и доложил генералу Пепеляеву о непредвиденных трудностях на эвакуационном пути.

16 декабря 1919 года они в эшелоне выехали из Томска в Мариинск, а затем в походном порядке с авангардом в восемьсот человек прикрыли отступление белых войск. После Красноярска Пепеляев заболел тифом, и Киселев со штабс-капитаном Аняповым, поручиками Малышевым и Мальцевым доставили генерала в теплушке чешских войск в Верхнеудинск, а затем уехали с ним в Харбин. Там находились жена Пепеляева Нина Ивановна и семилетний сын Всеволод.

Характеризуя обстановку в среде белой эмиграции в Маньчжурии, Пепеляев писал:

«Разгром белых армий выбросил в полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) первую волну беженцев. Здесь были бросившие свои имения помещики из Казани, Самары, Уфы, буржуазия Урала и Сибири, железнодорожники Златоустовской и Пермской дорог, сибирские, уральские и оренбургские казаки, зажиточные крестьяне с Волги и Камы, десятки тысяч солдат. Все они спешили как-то устроиться, приспособиться к новым условиям, жадно ловили слухи с родины, верили, что их пребывание здесь – временное и скоро возвращение

в брошенные города и села. Жизнь в Харбине кипела. Знакомства завязывались легко и быстро. Сходились в столовых Союза городов, в дешевых трактирах и чайных, а то и просто на улицах.

Тоска и разочарование в прежних идеалах прошли. Со мной в Маньчжурию пришли офицеры и солдаты, за которых, кроме меня, никто не хотел беспокоиться... Тогда я организовал артели плотников, грузчиков, извозчиков. Для взаимопомощи создал Воинский союз, председателем которого выдвинули генерала Вишневого, бывшего командира 2-го корпуса моей армии.

...Япония, зорко следившая за политической жизнью в Харбине, отметила создание Воинского союза как организации, способной продолжать борьбу с большевиками. Не случайно от японского правительства через бывшего министра иностранных дел Сибирского правительства И. А. Михайлова мы получили 10 тысяч иен.

...1921 год активизировал русскую эмиграцию. Постоянные сообщения белогвардейских газет о голоде в России, о жутких репрессиях и крестьянских восстаниях будоражили беженцев. Созывались совещания и съезды. Создавались и распались политические блоки, кабинеты и правительства. Спорили за министерские портфели. Подсчитывали иностранные деньги и российские штыки. На политическом горизонте вновь замаячили представители зарубежных посольств, консульств и миссий. Особую активность развели японцы. Они сколотили широкий антибольшевистский блок: харбинское и беженское купечество, сибирско-уральское общество мукомольцев, политические группировки газет "Свет", "Русский голос", "Заря", кооперативов, земский и городской союз... Споры шли из-за атамана Семенова: японцы не хотели с ним расставаться, а эмигранты, даже не социалистической ориентации, не хотели с ним знаться.

Еще зимой 1921 года в Харбине появился Сазонов, видный эсер, лидер сибирских предпринимателей. Он организовал Сибирский комитет, политической платформой которого стало возрождение Сибирской автономной республики. Предполагалось: использовать восстание крестьянства в Сибири для воссоздания сибирской армии, которая свергнет Советскую власть, а созванная Сибирская Дума установит новую буржуазно-демократическую форму правления с восстановлением частной собственности на землю и средства производства.

Базой для формирования этой армии и стал мой Воинский союз».

Тогда же во Владивостоке в правительстве братьев Меркуловых появился промышленник П. А. Куликовский, возглавлявший кооперативное объединение «Холобос». Действуя от имени предпринимателей

Якутии. Куликовский получил от Приморского правительства полномочия управляющего Якутской областью.

Куликовский, Сазонов и их сподвижники Головачев, Попов и Никифоров на конспиративной встрече во Владивостоке, предъявив Пепеляеву протокол заседания нельканских купцов о «страданиях населения Якутии от коммунистов», предложили генералу организовать военную экспедицию для помощи восставшему якутскому народу.

«...Руководство Сибирского комитета, — вспоминал Пепеляев, — обещало выделить для финансирования “экспедиции” 500 тысяч рублей золотом из колчаковских запасов, переправленных в Японию. Однако я получил лишь 60 тысяч, а также тысячу винтовок и 100 тысяч патронов. В конце августа я сформировал Сибирскую добровольческую дружину численностью 750 штыков с 2 пулеметами и на двух пароходах отправился в якутский поселок Аян...»

Японцы знали о спрятанных в тайге Среднего Приобья ценностях Сибирского белого движения, поэтому сократили финансирование северного десанта Пепеляева, указав ему на собственные, но пока недоступные средства.

Заняв у Приморского правительства братьев Меркуловых недостающую для формирования дружины часть денег, генерал отправил штабс-капитана Киселева через Якутию и Енисейскую губернию к местам сокрытия вывезенных из Тобольска сокровищ.

Секретная экспедиция Киселева совпала с рождением 5 апреля 1921 года в семье Пепеляевых второго сына, которого окрестили Лавром (в память о генерале Л. Г. Корнилове, организаторе и командующем белогвардейской Добровольческой армией).

Штаб дружины составили сподвижники Пепеляева по борьбе против красных в Сибири: полковники Шнаперман, Леонов, Иванов и другие находившиеся в Харбине офицеры — 120 добровольцев. Формирование десанта завершилось во Владивостоке. При этом не обошлось без происшествий: часть добровольцев пьянствовала и устраивала скандалы со стрельбой. Жесткими мерами наладили дисциплину. Приняли несколько воззваний. Первым стало обращение об условиях приема в Сибирскую добровольческую дружину. Его дословное содержание таково: «Я поступил добровольно, по своему желанию, меня никто не заставлял. Иду вместе с другими любящими свой край добровольцами освободить народ от большевиков. Буду помогать населению — русским, якутам, тунгусам — выгнать большевиков и устроить для народа свободную мирную жизнь и порядок, какой захочет сам народ. Я должен быть честным, храбрым, выносливым, никого не обижать, не грабить,

не насильничать, не убивать того, кто добровольно сдаст оружие, чтобы видел народ, что мы защитники его, а не грабители. Должен знать в лицо своих начальников, исполнять их приказания скоро и честно, как на глазах, так и за глазами; с другими добровольцами должен жить дружно, помогать им во всем, выручать из беды, не бросать в бою. Исполняя службу добровольно, должен быть всегда готов перенести всякие лишения, болезни, раны и самую смерть стойко и безропотно».

В другом документе под названием «Задачи и цели Сибирской добровольческой дружины» отмечалось: «Мы, войско Сибирской добровольческой дружины, идем помочь нашим братьям в Сибири освободиться от гнета коммунистической диктатуры. Ни власти, ни главенства мы не ищем, мы верим в народ, верим, что в процессе борьбы найдутся силы, которые организуют истинно народную власть и наладят жизнь и хозяйство в освобожденных районах. На наших знаменах один лозунг: "Свободная, мирная жизнь всех граждан, управляемых властью, ими самими выбранной". Не ненависть, не месть несем мы, а свободу, прощение взаимных обид и мирную жизнь. Довольно классовой борьбы, интересы каждого класса должны прежде всего подчиняться интересам народа и Родины. Довольно диктатур — красной и белой, которым принесены в жертву десятки тысяч жизней народных. Мы знаем, какие ужасные кошмары переживает Сибирь под властью красной диктатуры. Цветущий, богатый край превращен в пустыню. Далек и труден наш путь. Непреклонной верой в торжество правды во имя счастья народного смело пойдем мы в этот путь. С Богом, братья!»

Требуется пояснения место десантирования дружины Пепеляева. После Февральской революции 1917 года власть в Охотском уезде менялась несколько раз. Вначале старый его начальник стал комиссаром. В феврале 1918 года из Хабаровска поступило указание об организации советской власти. В Охотский совет избрали двух рабочих, двух казаков, якута и эвенка. Этот совет ничем себя не проявил, за исключением реквизиции товаров у одного местного богача. В январе 1919 года в Охотск пришла шхуна «Михаил» с отрядом полковника Широких. Он объявил себя уполномоченным по охране государственного порядка, забрал все имевшееся в поселке золото и уехал, а вернувшись в сентябре, назначил представителем гражданской власти инженера Молчанова (красные расстреляли его в 1920 году).

14 декабря 1919 года оставленные полковником Широких в Охотске солдаты взбунтовались. Переворот носил явно анархистский характер. Бунтовщики безо всяких оснований расстреляли девятнадцать человек.

С открытием навигации 1920 года в Охотск на пароходе «Астрахань» прибыл уполномоченный Приморского правительства Сентяпов. В ноябре того же года там была создана большевистская организация.

14 апреля 1921 года Якутский областной комитет РКП(б) приказал арестовать Сентяпова, но тот скрылся и сформировал партизанский отряд, к которому примкнули бывшие колчаковские офицеры из 1-й Сибирской армии Пепеляева. Среди них главную роль играл корнет Коробейников, который и осуществил переброску штабс-капитана Киселева на Ямал.

В октябре 1921 года на охотский рейд прибыли пароходы «Кишинев» и «Свирь». С них высадился отряд полковника Бочкарева. Красные, около 120 человек, отступили к Якутску, но в пути почти все погибли от голода и холода. Обосновавшиеся в Охотске бочкаревцы бесчинствовали и грабили местное население, три четверти которого составляли эвенки и якуты.

Хотя экспедиция Пепеляева готовилась с мерами предосторожности, органы госполитохраны, находившиеся под контролем ВЧК-ГПУ, узнали о белом десанте.

30 августа 1922 года, когда пароходы Пепеляева взяли курс на Аян, в ГПО ДВР поступило агентурное донесение: «Удалось выяснить, что как Семенов, так и Пепеляев рассчитывают в ближайшем будущем начать активную борьбу с большевиками. Пепеляев приступил к организации во Владивостоке 1-го Сибирского стрелкового полка. Полк формируется из верных Пепеляеву сибиряков. Действовать будет не здесь, а в Сибири, где, по сведениям Пепеляева, имя его пользуется популярностью. Предполагается, что полк отправится в Сибирь северным путем, т. е. через Охотск и Якутский район на Иркутск, Томск, Обдорск...»

6 сентября дружина прибыла в Аян. Вместе с офицерами находились сибирские областники Куликовский, Попов, Борисов. На собрании общественности Аянской области Пепеляев отметил, что его дружина появилась здесь по приглашению населения с целью помочь освободиться от власти большевиков. Было решено, что «высшая законодательная власть останется у Якутского областного народного управления, избранного всем народом, а исполнительная власть передается Куликовскому».

После собрания Пепеляев принял корнета Коробейникова, который доложил о секретном маршруте штабс-капитана Киселева на Ямал и передал сведения о расположении сил красных в селе Нелькан: до трехсот красноармейцев при пяти пулеметах и двух орудиях.

14 сентября дружина в составе 480 штыков выступила на Нелькан. Но застать красных врасплох не удалось. Предупрежденные перебежав-

шими к ним поручиком Наха и унтер-офицером Плотниковым, они ушли из села на барже и катере по реке Май, не приняв бой.

Пепеляев возвратился в Аян, куда 5 ноября на очередном пароходе прибыл генерал Вишневецкий со 180 хорошо вооруженными добровольцами. Генерал Ракитин с группой офицеров разоружили в Охотске разложившихся бочкаревых и создали боеспособный гарнизон. Удалось наладить снабжение поселков продовольствием. В Нелькане съезд тунгусов поддержал дружину и пожертвовал ей триста оленей.

Но создать свой «золотой запас» из сокрытых в Среднем Приобье и на Обском Севере ценностей Сибирского белого движения Пепеляев не смог. Даже не дождался вестей о судьбе сокровищ, спрятанных в таежных урманах и горных распадах Приполярного Урала. При возвращении из ямальской тундры в Якутию его порученец Киселев вместе с Садовниковым и Сухих напоролись на чекистскую засаду и погибли.

В то же время Совет народных комиссаров Якутской Автономной Социалистической Республики принял декларацию об установлении в крае советской власти. Большевистские газеты представили Пепеляева и его соратников отъявленными разбойниками и кровожадными палачами.

Пепеляев отправил в Якутск письмо, в котором предлагал мир путем созыва Учредительного собрания. В начале января 1923 года дружина в составе 590 бойцов выступила из Нелькана. Генерал Ракитин со 120 дружинниками двинулся из Охотска в направлении села Чуранга. Все силы собрались на реке Алдан. Алданский съезд якутов заявил о поддержке дружины.

5 февраля авангард дружины под командованием полковника Рейнгардта — 130 пеших бойцов и 110 конников — атаковал слободу Амга. Белые одержали победу: им досталось 10 пулеметов и 130 винтовок.

13 февраля отряд генерала Вишневецкого в 175 человек вступил в бой у деревни Сасыл-Сысы. Красные при 380 штыках и 8 пулеметах отбили атаку: дружинники потеряли 13 человек убитыми и 29 ранеными.

Через три дня, подтянув дополнительные силы (всего 350 бойцов и 4 пулемета), белые, которых вел сам Пепеляев, захватили этот опорный пункт противника, но штурм укреплений из замороженного коровьего навоза обошелся дружине большими потерями.

2 марта генерал получил от Вишневецкого донесение о поражении отряда в слободе Амга — пригороде Якутска. Захватить столицу края не удалось, а поход к Томску по зимней тайге или к Обдорску по безжизненной тундре означал гибель. И политическая обстановка в России изменилась: еще 25 октября 1922 года красные вступили во Владивосток — в России закончилась Гражданская война.

Позднее Пепеляев так оправдывал свою военную неудачу: «В Якутии я нашел совсем иную обстановку, чем ту, о которой мне говорили руководители Сибирского комитета. Повстанцы были разбиты, и вместо 12-тысячной армии остался отряд в 250 штыков, деморализованный и почти безоружный... Якуты помогали только транспортом и довольствием, сами в боевых действиях старались не участвовать».

На военном совете в деревне Усть-Лыба генерал заявил, что имеющимися силами Якутию от красных не освободить, и предложил прекратить военные действия. Первыми покинули дружину якуты и бывшие красноармейцы. С остатками отрядов Пепеляев отступил в Нелькан. 8 апреля там собрался второй съезд, в котором, кроме тунгусов, участвовали жители Аяна, Салдана, Чумикана. Их лидеры Карамин и Нестеров ратовали за продолжение борьбы с советской властью, но генерал не изменил своего решения.

14 апреля дружина выступила из Нелькана в Аян, куда прибыла после 250-километрового перехода 1 мая. К тому времени в ней насчитывалось до 550 человек. Решили строить морские кунгасы и плыть до Амура и дальше в Китай. Стали валить лес, создали мастерские и кузницы.

Но советское правительство не могло примириться с тем, что на окраине России существует вооруженное формирование белогвардейцев. В апреле 1923 года из Владивостока в Охотск на пароходах «Индигирка» и «Севастополь» отправилась красная экспедиция под командованием Вострецова.

Степан Сергеевич Вострецов родился в 1883 году в селе Казанцево Бирского уезда Уфимской губернии в семье деревенского писаря. Был кузнецом — высокий рост, недюжинная сила. Участвовал в Первой мировой войне, был трижды ранен, столько же раз награжден Георгиевскими крестами. В боях с колчаковцами и поляками получил два ордена Красного Знамени (первый — за Челябинск, второй — за Минск) и заслужил репутацию «мастера внезапного удара».

Высадившись с батальоном и четырьмя орудиями в тридцати километрах от Охотска, он лихой атакой захватил в поселке дружинников генерала Ракитина, от которых получил сведения об обороне Аяна. Оставив пароходы в Алдомской губе (в шестидесяти верстах к северу от Аяна), отряд Вострецова в четыреста человек скрытно в ночь с 17 на 18 июня подобрался к Аяну. У Пепеляева было 350 штыков при 10 пулеметах; многие дружинники еще не оправались от ран, другие находились в тайге на охоте и рыбалке.

Под покровом ночи красные окружили землянки и единственный в поселке каменный дом, в котором размещался штаб Пепеляева. Кто-то

из белых обнаружил опасность, и ночную тишину нарушили выстрелы. Поняв, что далее скрываться бессмысленно, Вострецов направил к противнику парламентаря — захваченного в Охотске полковника Варгасова. Пепеляев скоординировал: «Братья, сложите оружие, я решил не сопротивляться». В комнату вошел Вострецов, дружески пожал руку генералу и заявил: «Даю вам честное слово, что вы останетесь живы, вас не расстреляют, а вашу дальнейшую участь решит рабоче-крестьянский суд».

Пепеляев написал обращение к остаткам своей дружины. В нем подчеркивалось: «Мы не совершали грабежей, мародерства не было, пленных отпускали, поэтому никто не будет расстрелян». Адьютант генерала поручик Мальцев и один из красноармейцев передали это обращение полковникам Сивко и Цевловскому, которые со 160 дружинниками сдались красным.

Отказались подчиниться приказу Пепеляева 39 офицеров во главе с полковниками Шнаперманом и Степановым. Возле Чумикана они приняли бой: Степанов и 16 дружинников погибли, а раненого Шнапермана захватили в плен⁴².

30 июня 1923 года Охотско-Аянская экспедиция Вострецова с 450 пленниками возвратилась во Владивосток. Победителя наградили третьим орденом Красного Знамени — немногие красные военачальники могли соперничать с ним по количеству наград (только, разве что Блюхер, Егоров, Котовский, Фабрициус).

Побежденных передали ОГПУ — начались допросы «последнего тигра», так в чекистских оперативных документах называли Пепеляева. Изъятое у него в июне 1923 года в Аяне письмо жене в Харбин приобщили к следственному делу. «...Вот видишь, Ниночка, много, много труда и терпения нужно потратить, чтобы воспитать добровольцев, особенно офицеров. Есть такие, которые пришли просто пограбить, но теперь прониклись моими идеями... У меня почему-то полная вера в успех. Ты за нас не волнуйся, даст Бог, вернемся здоровыми или к нам приедешь в Свободную Сибирь... Молись, Ниночка, родная, чаще ходи в церковь. Не грусти, Нина, люби меня, не забывай, как я люблю и не забываю тебя. Детей береги. Да храни вас Господь. Твой Анатолий»⁴³.

---

⁴² Николай Феофилактович Шнаперман, 1886 года рождения, уроженец Санкт-Петербурга, окончил Владимирское военное училище, в царской армии был штабс-капитаном, в войсках Пепеляева — командиром полка и бригады. Отступил в Маньчжурию, принимал участие в формировании Сибирской добровольческой дружины и Якутском походе, за что приговорен к расстрелу, замененному десятью годами лагерей. После отбытия срока заключения работал агрономом-плановиком в Сиблеспромсоюзе в Новосибирске. Расстрелян в 1937 году в числе 1759 бывших белых офицеров.

⁴³ Нина Ивановна Пепеляева и сыновья Всеволод и Лавр были арестованы в августе 1945 года в Харбине после вступления в Маньчжурию Советской армии. Ее выслали в Южно-Казахстанскую область, детей заключили в лагерь на 25 лет. Всеволода амнистировали по инвалидности в 1956 году, Лавр умер в неволе.

Степан Сергеевич Вострецов командовал дивизией на Дальнем Востоке. Отличился в 1929 году разгромом китайских милитаристов, пытавшихся установить контроль над КВЖД. Получил еще один орден Красного Знамени и Почетное революционное оружие. Умер на пике своей известности в мае 1932 года в Ростове-на-Дону, будучи командиром 9-го корпуса. Все другие красные командиры, воевавшие против Пепеляева в Сибири и Якутии, были расстреляны как «враги народа» в 1937–1938 годах.

Суд над Пепеляевым и его сподвижниками (всего 78 человек) состоялся в Чите и длился двадцать дней. Обвинением не предъявлено генералу ни одного факта убийств представителей советской власти, расстрела пленных, мародерства, грабежей и других действий, квалифицирующихся как уголовные преступления. Уполномоченный Дальневосточного ЦК РКП(б) и Далькрайисполкома по Охотскому уезду В.А. Абрамов писал: «Пепеляев ведет оригинальную для белогвардейского генерала линию широкого демократизма по отношению к населению и гуманного отношения к красным. У населения Пепеляев идет под названием “брата-генерала”, захваченных в плен красноармейцев освобождает под честное слово».

Пепеляеву вменили в вину лишь организацию вооруженного выступления против советской власти. Решением суда 26 человек были приговорены к расстрелу. По их обращению ВЦИК всех помиловал и заменил смертную казнь десятью годами лишения свободы. Все рядовые участники дружины от уголовной ответственности были освобождены⁴⁴.

Вместе с тем в официальном пропагандистском освещении судебного процесса и во всех последующих исторических трудах Пепеляев и его соратники по Белому движению в Сибири и экспедиции в Охотский уезд представлены как бандиты, у которых «руки по локоть в крови».

Нельзя не согласиться с мнением сотрудника Управления ФСБ по Хабаровскому краю А.П. Лавренова, изучившего материалы уголовного дела 1923–1924 годов: «...Пепеляев и его соратники были, наверное, последними, кто на романтической идейной основе желал помочь народу, не допустить всевластия большевизма, приведшего страну к трагическим последствиям. По тем жестоким временам Анатолий Николаевич выгодно отличался от военачальников Белого движения, применявших репрессивные меры не только к красным, но и к мирному населению»⁴⁵.

---

⁴⁴ Их расстреляли в 1937 году.

⁴⁵ О дальнейшей трагической судьбе генерала А. Н. Пепеляева см.: Петрушин А. А. Три жизни генерала Пепеляева // «Мы не знаем пощады...»: известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999; Петрушин А. А. Генерал Пепеляев: герой и жертва Сибирского белого движения // Сибирский исторический журнал. 2002. № 1.

После гибели в чекистской засаде порученца генерала Пепеляева штаб-капитана Киселева и примкнувших к нему Садовникова и Сухих обдорские чекисты нашли «свою» часть колчаковского золота. В Москву через Тюмень было отправлено несколько увесистых драгоценных посылок.

Секретное кладоискательство совпало с проводимой в стране кампанией по изъятию церковных ценностей. Постановлением Президиума ВЦИК от 5 февраля 1922 года предлагалось местным советам «... в месячный срок... изъять из церковных имуществ всех религий по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней».

Грабеж церкви объяснили «организацией помощи голодающим Поволжья». Но действительную цель изъятия церковных ценностей раскрывало секретное письмо В. И. Ленина от 19 марта 1922 года членам Политбюро: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько миллионов золотых рублей... Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно невысказано... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Шифрованную телеграмму о проведении антицерковной кампании Тюменский губком РКП(б) получил 28 марта 1922 года. В соответствии с ней стали создаваться специальные комиссии. В Березове такая комиссия была сформирована 13 апреля. В нее кроме секретаря уездного комитета партии вошел уполномоченный ГПУ Ворончихин.

До 5 мая, то есть менее чем за месяц, в Березове из двух церквей изъяли 9 пудов 35 фунтов 73 золотника серебра. Это составило 1/16 часть всех изъятых в губернии церковных ценностей. К 20 мая березовские власти рапортовали об изъятии более чем 20 пудов ценного металла. Сейчас понятно, что к золотому церковному «лимиту» они приписали вес обдорского колчаковского клада, в котором было немало предметов церковной утвари.

Но эти ценности не имели отношения к Сибирскому белому движению. Не потому, что среди «золотых и серебряных вещей» не было орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России». А потому, что клад обдорские чекисты нашли не в предгорьях Полярного Урала, где спрятал его Губирахашвили, а в селении Хэ.

Этот обман раскрылся только в 1938 году после ареста Филиппова. В своих показаниях он отметил: «...Ворончихин, уполномоченный ГПУ, тщетно стремился разыскать золото и другие ценности... которые, как потом оказалось, были сложены в водосточную трубу, находившуюся в соляном амбаре богача и белогвардейца П. И. Туркова, расстрелянного в 1921 году... Когда в ноябре 1922 года Ворончихин арестовал меня, то одновременно посадил пастухов хэнских: Вавилу Ямзина, Ивана Канева, оленевода Фурлета, Алексея Алексеевича Чупрова и братьев Семена и Василия Сверчкова за то, что они нашли клад, спрятанный Турковым, и сдали золото обдорскому уполномоченному ГПУ, а не лично Ворончихину, как он добивался... В Москве арестовали и привезли в Обдорск П. И. Сосунова... Вот какое дело раздули березовские власти...»

Такой же служебный подлог совершил уполномоченный ГПУ в Сургутском уезде Валенто. 22 мая 1921 года бронепароход с десантом 25-го стрелкового полка под командованием Александра Неборака причалил к пристани Сургута. Мятежники оставили город без сопротивления⁴⁶.

Из Тюмени чекист Валенто получил грозную телеграмму: «Приказываю первым пароходом выехать в Тюмень. Неисполнение будет рассматриваться как неподчинение боевому приказу. Предгубчека Студитов».

В губернском центре от Валенто потребовали объяснений: «...где «золотые и серебряные вещи, изъятые им при ликвидации банды начальника колчаковской милиции г. Сургута Волкова?»» Валенто доложил Студитову об обмене ценностей на ляпинский хлеб между сургутским и березовским красными уездными начальниками Зыряновым и Сенькиным. Но их уже не было в живых (о гибели Сенькина Валенто не знал).

Предгубчека Студитов был немногословен: «Золото или трибунал!» Валенто возвратился в Сургут и приказал своей жене, служившей переписчицей в политбюро (уездной ЧК) составить по дневниковым записям штабс-капитана Киселева, найденным на стоянке Волкова в верховьях реки Вах, описание-ориентировку по розыску орденов «Освобождение Сибири» и «Возрождение России».

Агриппина Ильинична Меньшикова родилась в 1900 году в Сургуте. Отец, происхождением из казаков Ермака, занимался рыболовством. Семья была многодетной. Дочь училась в местной церковно-приходской школе, потом работала прислугой у купцов. «...В 1917 году умерли отец

⁴⁶ Александр Андреевич Неборак, командир 59-й стрелковой дивизии, а затем старший преподаватель Военной академии имени Фрунзе, был арестован в марте 1938 года, но 1 декабря 1939 года освобожден из тюрьмы, восстановлен в партии и в воинском звании комбрига. Когда началась Великая Отечественная война, его назначили командиром 253-й стрелковой дивизии, входившей в состав Юго-Западного фронта. Под воздействием неудач в обороне и обвинений в пораженческих настроениях и восхвалении немецкой армии 5 мая 1942 года выстрелом в висок покончил жизнь самоубийством.

и братишка. Осталось нас трое: мать — 57 лет, брат — 12 лет, и я — 17 лет. С 1920 года, когда в Сургут пришли красные, я поступила на службу сначала в местный Трамот (транспортно-материальный отдел. — А. П.), затем — в уездный военкомат регистратором, а в январе 1921 года — в Сургутскую уездную ЧК переписчицей и машинисткой...» Тогда же «сошлась с Валенто: немец, но — начальник!» (старше ее на семь лет).

«...Во время бандитского восстания я вместе с мужем и войсковыми частями отступала из Сургута на Нарым и находилась на бандитском фронте, работая в канцелярии при полевом штабе...»

Она отвечала за архив Сургутской ЧК и самый дорогой документ — дневник Киселева. Потом по его записям при свете керосиновой лампы на пишущей машинке, доставшейся от уездного исправника Пирожникова, напечатала: «Общая форма ордена “Освобождение Сибири” — сильно стилизованная снежинка. В центре ордена — сибирский герб с присоединенным к нему сверху гербом России. Между концами ордена изображены: вверху кедровые ветки с шишками, а под ними два горностая, в нижней части — головы мамонтов...»

Справившись с заданием мужа и размножив на той же машинке под копирку описание-ориентировку, переписчица ЧК оставила у себя дома дневник белого офицера.

В 1981 году, в бытность моей службы в Сургутском отделе КГБ, старожилы этого города Сергей Назаров и Леонард Кочетков, зная о моем увлечении историей края, рассказали как-то на рыбалке о дневнике белогвардейца, сохранившемся у старушки Меньшиковой (матери Агрипины Ильиничны?).

Тогда я не придавал серьезного значения этой, как мне показалось, легенде. А зря! Деревянные дома, в которых жили потомки Меньшиковых, на улице первого сургутского комсомольца Щепеткина давно снесли. Остается только гадать, сохранился ли дневник Киселева.

Валенто не хотел рисковать своей жизнью и искать в таежных урманах пропавшие сокровища. Служба в ЧК ему наскучила, тянуло домой, в Вену. В декабре 1921 года он подал рапорт начальнику административной части Тюменской губчека Боброву: «Находясь на службе ЧК с февраля месяца 1920 года непрерывно в отдаленном Сургутском уезде, работающий при таких затруднительных условиях местности, при наличии не так опытных работников, считаясь с моим ветхим здоровьем (страдаю нервным расстройством), прошу перевести меня в другой уезд или губернию. Я утомлен работой, в течение двух лет не отдыхал и по этой причине прошу перевести меня в Омскую губернию, где мне приходилось скрываться около семи месяцев от колчаковщины».

В переводе из Сургута ему отказали, но вновь напомнили про трибунал. Тогда Валенто с той же просьбой обратился в июне 1922 года к ответсекретарю губкомитета РКП(б) Зикову. Губернское чекистское начальство рассвирепело: «Не хочет искать золото!»

Последовал приказ от 12 июня 1922 года: «Предлагается вам сдать все дела и должность по Сургутскому ГПУ назначенному на эту должность Королеву Ивану по акту с приложением описей. После сдачи дел немедленно явиться в Тюменский губотдел ГПУ».

После этого приказа — ордер № 379 от 10 ноября 1922 года: «Тов. Валенто уволить со службы в связи с имеющимися на него материалами в преступлении по должности».

Так в истории с пропавшим колчаковским золотом «козлом отпущения» сделали «красного немца», как звали Роберта Валенто обские остяки. Его жену Меньшикову также уволили из органов ГПУ. Она работала в Тюменском окружном отделе народного образования. В анкете 1928 года указала: «...семейное положение: четверо детей (три девочки в возрасте от 2 до 6 лет и сын 6 месяцев) и еще мать (на моем иждивении)».

Бывший бондарь из деревни Иски Велижанской волости Тюменского уезда 28-летний Иван Никифорович Королев, назначенный вместо Валенто уполномоченным губотдела ГПУ по Сургутскому уезду, не в пример своему предшественнику, занялся поиском сокровищ.

Изучив документы, захваченные при отступлении повстанцев из Сургута, и опросив амнистированных участников восстания, он разработал операцию по захвату одного из членов местного комитета общественной безопасности (орган самоуправления. — А. П.) Андрея Силина. По версии Королева, 30-летний сургутский учитель, хорошо знавший язык, обычаи и нравы коренного населения и географию края, завладел пропавшими ценностями.

«Северного купца», под такой оперативной кличкой в чекистских документах проходил Силин, «поймали 15 февраля 1923 года в лесах у речки Колик-Егана (правильно Колёк-ёган — приток Ваха. — А. П.), что в Ларьякской волости, где он скрывался с мая 1921 года, промышляя охотой и рыбной ловлей».

Изъятые у него золото и деньги Королев, чтобы отвязалось тюменское начальство, представил в рапорте «частью колчаковскогоклада, отданного Силину ваховскими остяками».

В условиях разгоравшейся междоусобицы между Обдорском, Березовом и Тюменью чекистскому ведомству стало не до розыска ценностей Сибирского белого движения.

«Обдорский совнарком»

После подавления восстания в Березовском уезде Протасов-Жизнев уехал в Тюмень. «Он находился, — по наблюдениям Волкова, — в явно угнетенном состоянии: бродил по Обдорску с рассеянным видом, ни во что не вникая. Иногда у него проскальзывали фразы вроде “пришла пора расплачиваться за грехи”. Отношения между нами продолжали оставаться холодными, почти враждебными. Только в день отъезда Александр Васильевич забежал ко мне оживленный, с посветлевшим и потеплевшим лицом:

— Ну, Ося, давай простимся по-братски! Еду отчитаться за все наши головотяпства. На север не вернусь. И в Тюмени не останусь, если только не посадят за решетку. Надо бы и тебя выдернуть отсюда.

И повторил им же изобретенную формулу:

— Нас или расстреляют, или наградят орденами. Середины быть не может...»

Волков заключил: «Никого из нас не осудили и не расстреляли. И награждать нас никто не собирался»⁴⁷.

Начальника Обдорской радиостанции Волкова в ноябре 1922 года отправили на остров Диксон. Воспоминания о событиях 1920–1922 годов в Обдорске он написал в 1956 году. Они никогда не публиковались по понятным сейчас причинам — слишком откровенен был их автор.

По утверждению Волкова, «...Сосунов с вооруженным отрядом обдорцев, человек 30, возвратился из-за Урала в конце июня или в первых числах июля 1921 года». После ликвидации 29 июня отряда Рочева у деревни Калякурья на реке Усе волнения в Печорском уезде считались подавленными, хотя отдельные банды скрывались в тундре и в предгорьях Полярного Урала до конца 1922 года. По докладом уполномоченных губотдела ГПУ, «каждый оленевод был для них приютом, поэтому долго приходилось их искать». Сам поручик Рочев был выдан собственными дружками в сентябре 1921 года и без суда расстрелян в Усть-Усе (заод-

⁴⁷ Александр Протасов-Жизнев, 1891 года рождения, окончил в 1914 году медицинский факультет Казанского университета, участвовал врачом в Первой мировой и Гражданской войнах. После Обдорска в июле 1921 года Тюменский губком РКП(б) направил его в Москву в распоряжение ЦК с мотивировкой: «Тов. Протасов в течение 5 месяцев, с февраля по июнь, во время борьбы с бандитами был заброшен на самый крайний Север Тюменской губернии, где ему с небольшим отрядом пришлось выдержать отчаянную борьбу; здоровье тов. Протасова настолько пошатнулось, что он несомненно нуждается в отдыхе или хотя бы в перемене обстановки работы...» ЦК РКП(б) откомандировал его в Тверь на лекторскую работу «по вопросам мироздания истории партии, интернационального рабочего движения». Потом — снова в Сибирь. Последний документ партийных архивов о Протасове датирован 22 декабря 1926 года: «Сибкрайком. При отсутствии возражений откомандируйте тов. Протасова — бывш. секретаря Сибкрайправления Союза просвещения — в распоряжение ЦК для работы в другой губернии. Секретарь ЦК Кошор».

но расстреляли и дружков). «Тогда, — вспоминал Волков, — безвестные трупы никто не считал».

Несмотря на возражения губернского чекистского руководства, Сосунов оставил службу в Обдорской ЧК (политбюро) и перешел в местное отделение треста «Областьрыба». Надо отдать ему должное: он хорошо знал край и пользовался большой популярностью у коренного населения.

В феврале 1922 года его старанием был созван в Обдорске съезд важных старшин. Ненецкие и хантыйские вожди настойчиво требовали местного самоуправления в области хозяйственной, политической и культурной жизни. Съезд уполномочил Сосунова довести эти требования до правительства и снабдил его соответствующей доверенностью, скрепленной тамгами В. Тайшина и Н. Вануйто.

В Москве Сосунов заручился поддержкой заведующего отделом национальных меньшинств Наркомата по делам национальностей Плича, а тот обратился с запиской к заместителю наркома Карклину (наркомом был Сталин). В ней Плич в энергичных выражениях обосновал необходимость принятия срочных мер по охране народов Севера, положение которых после революции «невероятно ухудшилось». 13 марта 1922 года в Наркомнаце был создан подотдел во главе с Сосуновым по управлению и охране туземных племен Севера.

По воспоминаниям Волкова, «Тюменская губерния, потрясенная повстанческим движением, не справлялась какое-то время с руководством отдаленной периферией. В Обдорске мы почти не ощущали этого руководства. До половины лета 1921 года власть принадлежала военным. Но в середине августа, когда на Севере только разгорелась страдная пора навигации, десантный отряд Баткунова погрузился на свой пароход и окончательно покинул Обский Север. Мы вновь остались изолированными ото всех не меньше, чем в дни войны с бандитами...»

Этой оторванностью от Тюмени воспользовался Сосунов. Он стал готовить конференцию представителей северных этносов. Предполагалось создать ее в Москве и пригласить в столицу делегатов Березовского, Сургутского, Тобольского уездов Тюменской губернии, Нарымского уезда Томской, Туруханского уезда Енисейской и Печорского уезда Архангельской губерний. По норме представительства: один делегат от двух тысяч туземных жителей. Финансирование конференции Сосунов взял на себя, однако скрыть от своих бывших коллег-чекистов найденный в Хэ клад ему не удалось. Поэтому из-за недостатка средств конференцию провели 24—29 июля 1922 года в селе Самаровском Тобольского уезда, ограничившись представительством только трех уездов Тюменской губернии.

В своих выступлениях делегаты (пятнадцать — с правом решающего голоса и три работника местных хозяйственных организаций и администраций с правом совещательного голоса) описали крайний упадок северного хозяйства, обнищание северян по причине ограбления сонмищем разного рода заготовительных организаций и частных предпринимателей. Отмечалась неэффективность работы советов: «Все мероприятия центральной власти, — говорил делегат Березовского уезда Г.И. Артеев, — проводятся на местах, не отступая от буквы закона, не образуя их ни с местными условиями, ни с интересами населения... Работы соваппаратов состоят в постоянных попытках, обычно безуспешных, прямолинейно, слово в слово, применять к тундре декреты центра, рассчитанные на более культурных народов и местностей Республики, имеющих определенные культурные формы хозяйства, но никак для самодов и остяков, и в результатах — горы переписки, масса ненужного труда и ничтожные результаты».

Конференция постановила ходатайствовать перед правительством РСФСР о том, чтобы признать за туземным населением Полярного Севера право выделения в административную единицу на началах восстановления национального аппарата в масштабе краевого исполкома, подведомственного Тюменскому губисполкому, под руководством и наблюдением Народного комиссариата по делам национальностей. Делегаты просили Наркомнац разработать положение по административному управлению северными народами и их хозяйственному строительству, «...согласованное с бытовыми особенностями края, для чего привлечь научные и практические силы».

В области судопроизводства конференция высказалась за широкое участие аборигенов в работе народных судов и ведение судебного процесса на национальных наречиях или, в крайнем случае, с переводом на эти наречия. С учетом своеобразия национальных традиций и всего уклада жизни должна быть построена система образования и здравоохранения.

Иными словами, Самаровская конференция видела решение проблем северных этносов в предоставлении им административно-хозяйственной и культурно-национальной автономии в пределах Березовского, Сургутского и северной части Тобольского уездов, объединенных в единый округ, административно входящий в Тюменскую губернию⁴⁸.

Достаточно скромная программа северных преобразований перепугала Тюмень. Уже через два дня после конференции в Самарово пре-

⁴⁸ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: из истории национально-государственного строительства, 1822—1941 гг.: сборник документов. Тюмень. Управление по делам архивов Администрации Тюменской области, 1944. С. 10—14.

зидиум Тюменского губкома РКП(б) в своем постановлении признал выделение Тобольского Севера в автономную «национальную» административно-хозяйственную единицу опасным для политического состояния края, а саму идею автономии — плодом «домогательства частного капитала». Губернский отдел ГПУ начал оперативную разработку Сосунова и его единомышленников, якобы ведущих контрреволюционную агитацию за создание и отделение «остяко-зырянской и самоедской республик».

Но высказанная Сосуновым идея национальной автономии получила неожиданную поддержку у ряда местных советов. За создание северного округа с центром в селе Самарово голосовали Березовский и Сургутский уездные и Обдорский волостной исполкомы. Свой голос в пользу национального округа подал председатель Тюменского гублана И. Ф. Первухин.

Дискуссия о национальной автономии Тобольского Севера совпала с реализацией нэпа — новой экономической политики. По утверждению Волкова, «...НЭП внедрялся на местах с большим трением. Многие коммунисты открыто возмущались лозунгом В.И. Ленина “Учитесь торговать” и готовы были скорее расстаться с партбилетом, чем пойти в торговые организации...»

Проводниками приватизации северного рыбного хозяйства выступили Лопарев и Бублик. «...Они, как представители Тобольского отдела Центросоюза, прибыли в Обдорск для приема дел райрыбы... Однако райком (Сосунов, Волков, Протасова, Филиппов, Гаврюшин, И. Чупров и Тушкин) отказался выполнять приказ Губпродкома и Березовского уездного исполкома о передаче ранее национализированных и ставших государственными пунктов заготовки рыбных промыслов, пушнины и товарных фондов райрыбы кооперативным организациям. В конфликт вмешался губисполком, поддержавший кооперативы...»

Этот приватизационный процесс сопровождался жалобами в высшие хозяйственные, советские, партийные и чекистские инстанции, угрозами, необоснованными арестами, тенденциозными разбирательствами и заказными, но не раскрытыми убийствами — так велика была в то время цена северной рыбы и пушнины.

По мнению Волкова, «Обдорская вольница встретила с открытой неприязнью многими губернскими начальниками, привыкшими к чиновничьей почтительности своих аппаратчиков... На всю жизнь запомнились мне слова председателя губчека Студитова:

— Вы там, в Обдорске, слишком дружны. Надо послать вам хорошую собаку, чтобы она всех вас перессорила.

Студитов же прозвал нас “Обдорским совнаркомом”. Это прозвище закрепилось в губернских кругах и вскоре получило криминальную окраску...

“Собакой раздора” стало для предгубчека и других руководителей губернии березовское уездное начальство. Оно сняло с должности начальника Обдорской милиции Преображенского за невыполнение приказа об аресте Сосунова и Филиппова, угрожало арестовать всех членов райкома. Новый, присланный из Березова начмилиции Слепцов пытался разоружить наш отряд ЧОН. “Обдорский совнарком” оказался в осаде... “При попытке к побегу” был убит Преображенский (он в должности помощника начальника уездной милиции пришелся “не ко двору”, так как раскрыл какие-то служебные злоупотребления в уездном политбюро)... Об этом мы узнали от одного обдорского жителя, сидевшего по какому-то делу в Березовской тюрьме и слышавшего, как Преображенского силой выводили на расстрел...

Не лучше была обстановка в Тюмени. Там весной 1922 года был убит в своей квартире ответственный секретарь губкома партии Вадиковский. Шли слухи, что в этом деле замешаны видные губернские работники. Вскоре после этого убийства предгубисполкома Новоселов, предгубчека Студитов и некоторые другие губернские руководители были переведены из Тюмени в другие места...»

Хлебное место

В изданном в 1965 году в Свердловске учебнике «Очерки истории партийной организации Тюменской области» Петр Иванович Студитов-Парфенов упомянут лишь как член губкома РКП(б), хотя, будучи председателем Губчека, а затем начальником губотдела ГПУ, имел власть не меньшую, чем губернские партийные секретари и продовольственные комиссары.

Он знал о недовольстве зауральских крестьян грабительской продразверсткой, но опасался перечить напористому и надменному губпродкомиссару Инденбауму и поэтому не предотвратил перерастания локальных протестных выступлений в стихийный бунт, «бессмысленный и беспощадный».

Чтобы хоть как-то оправдаться перед скорым на расправу полномочным представителем ВЧК по Сибири Павлуновским, Студитов на пару с заведующим секретно-политическим отделом Губчека поляком Иосифом Бойко обвинили группу тюменской молодежи в возрасте от четырнадцати до двадцати лет в попытке захвата власти в Тюмени.

В архиве сохранилась записка Студитова: «Командующему вооруженными силами Тюменской губернии. Коменданту города Тюмени. Начальнику отряда особого назначения РКП. Предлагается Вам на сегодняшний день усилить охрану города в продолжении до особого извещения. Причины к этому следующие: из проведенной нами операции в ночь с 10 на 11 сего февраля документально установлено, что восстание в городе Тюмени назначено на одиннадцатое февраля 1921 года, 9 вечера. Обратите внимание на необходимость прекратить хождение по городу с определенного времени. О последующем сообщим».

Руководителем «тюменского контрреволюционного центра» представили 19-летнего учащегося сельхозтехникума Степана Лобанова, назвав его «корнетом колчаковской дружины Христа Спасителя», хотя он никогда не служил ни в армии, ни в других белых воинских формированиях.

Для пущей убедительности возможностей «центра» в число «заговорщиков» включили комсомолку Косареву, служившую секретаршей в секретно-оперативном отделе губчека и отвергавшую интимные домогательства начальника Бойко.

«Корнета» Лобанова и его приятелей, одному из которых едва исполнилось 14 лет, расстреляли 2 марта 1921 года. В деле «заговорщиков» нет обвинительного заключения. Вещественных или документальных доказательств их вины не добыто. При обыске обнаружена и изъята «одна стреляная гильза». Маловато для достижения целей, о которых 21 марта 1921 года сообщила губернская газета «Известия»: «Заговорщики планировали прервать телеграфную и телефонную связь и, воспользовавшись известным им паролем, захватить склады с оружием. К тому времени в Тюмень должны были прибыть повстанческие отряды из волостей. Предполагалось захватить и губчека, но заговорщики сами попали в руки чекистов, не успев привести в исполнение свой замысел».

Не в оправдание Студитова и его подчиненных, а объективности ради надо отметить, что сообщение о ликвидации «тюменского контрреволюционного центра» успокоило губернское партийное и советское руководство, собиравшееся по примеру Тобольска оставить Тюмень и бежать по железной дороге в Екатеринбург.

Поэтому в характеристике председателя Губчека подчеркнута: «Политически вполне развит, несмотря на низшее образование. Одной из важнейших заслуг перед революцией, известной губкому РКП(б), является раскрытие белогвардейского заговора в Тюмени в феврале 1921 года. На протяжении всей работы с повстанцами проявил громадную энергию, стойкость, политическую выдержку и такт...»

У Агабекова, откомандированного в июле 1921 года в Тюмень на должность помощника по секретной агентуре заведующего информацией губчека, другое мнение о руководителях Тюменской губчека: «Председателем был некто Студитов, старый путиловский рабочий, но деклассировавшийся, с огромным животом. Членами коллегии были: Бойко — начальник секретного управления, человек развитой и претендовавший на пост председателя, и некто Пильчак, который ничего из себя не представлял, кроме того, что был родственником начальника спецотдела ВЧК в Москве Бокия. Между тройкой шла глухая вражда, передававшаяся в среду сотрудников. С одной стороны был Студитов, а с другой — Бойко и Пильчак...»

К тому времени крестьянское восстание в губернии было подавлено регулярными красными войсками и карательными отрядами ВЧК. Крупные банды ликвидировали.

В одну из поездок по губернии Инденбаума остановили на Тобольском тракте крестьяне-разбойники из деревни Редькиной. Кучера Конева застрелили, а солидно одетого губпродкомиссара раздели и закололи штыком. Позднее при зачистке уезда от повстанцев был выявлен их убийца — Михаил Редькин (умер в августе 1922 года в Тобольском исправдоме). Расследования убийства Инденбаума не проводилось, что показалось очень странным известному тюменскому краеведу Александру Стефановичу Иваненко: «Будто убит не самый большой человек губернии, а прихлопнута муха, будто все обрадовались — убит, ну и ладно...»

Причины такого странного равнодушия тюменских чекистов объяснил Агабеков: «Были сведения, что сам губпродкомиссар находится под влиянием эсеров и посылает на места уполномоченных, которые подстрекают крестьян к выступлению против советской власти. Чека командировала меня в губпродком на официальную должность заведующего личным составом, чтобы я мог проверить весь состав служащих и следить за их работой и передвижениями.

Сидя в отделе личного состава, я, конечно, завел агентуру и в других отделах и имел полное представление о работе всего продовольственного комитета. С агентурой в то время расплачивались не деньгами, так как деньги не имели почти никакой цены, а продуктами, водкой или же протекцией в учреждениях, где агенты служили. В распоряжении губчека имелся секретный фонд спирта, выдававшегося агентуре для угощения лиц, у которых можно было получать сведения...»

Нетрудно догадаться, от кого Редькин из деревни Редькиной узнал о маршруте поездки Инденбаума и почему чекисты не проявили рве-

ния в расследовании его убийства. А про то, как «повстанцы глумились над губпродкомиссаром — распороли живот и набили его зерном...», сочинили к 40-летию Октябрьской революции в 1957 году. Тогда по рисунку тюменского скульптора Герасимова из крашеного гипса отлили скульптурную группу — вооруженных рабочего и крестьянина под Красным знаменем — и поставили на площади, названной площадью Борцов Революции. На постаменте этого памятника, отлитого в 1967 году уже из чугуна, есть надпись: «1921 год. Зверски замучен кулаками губпродкомиссар Инденбаум». В действительности место его захоронения неизвестно, и кулаки к убийству Инденбаума не имели отношения. А крестьянина Редькина, остановившего на дороге важный экипаж, интересовала не должность пассажира, а его «одежка и обувь».

Если верить Агабекову, то после устранения Инденбаума «...из Тюменской губернии было вывезено 20 000 пудов хлеба неизвестным путем, и что за это дело крупные взятки получили председатель Чека Студитов, председатель губисполкома и председатель губернского комитета партии».

Агабеков доложил об этом своему непосредственному начальнику Бойко. «Недели две спустя Бойко при очередном скандале со Студитовым намекнул о взятке. В ту же ночь по распоряжению Студитова был арестован Бойко, а заодно с ним и Пильчак по обвинению в склоке и подрыве авторитета начальства.

Пильчаку вскоре удалось при помощи своих приверженцев бежать из Тюмени в Москву и найти там поддержку у Бокия, а спустя несколько дней в Тюмень прибыл для расследования дела инспектор от полномочного представителя ВЧК в Сибири. В результате расследования Бойко был освобожден, а Студитов выехал в Новониколаевск к полномочному представителю ВЧК Павлуновскому и получил от него изрядный нагоняй...»

6 февраля 1922 года Президиум ВЦИК утвердил декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов». ВЧК преобразовали в ГПУ — Государственное политическое управление. В губерниях ЧК сменили отделы ГПУ. Штат ведомства Дзержинского сократился вдвое. В октябре 1923 года начальником Тюменского губотдела ГПУ назначили Николая Алексеевича Долгирева.

Он родился в 1889 году в селе Старое Сандалово Щербаковской волости Весьегонского уезда Тверской губернии, в бедной крестьянской семье. Однако в изданном в 1923 году справочнике «Тюменский губернский исполнительный комитет (гор. Тюмень, угол улиц Иркут-

ской и Республики)» Долгирев назван «питерским пролетарием, токарем по металлу, членом РКП(б) с 1909 года, несколько раз подвергшимся арестам, отбывавшим заключение в Крестах и 5-летнюю ссылку в Якутске, членом Питерского совета, председателем Весьегонского уездного исполкома, членом Тверского губисполкома и председателем Тверской губчека...»

По партийной мобилизации он отправился на Восточный фронт с отрядом иваново-вознесенских рабочих, которыми командовал Дмитрий Андреевич Фурманов. Этот отряд составил костяк Александровско-Гайской группы войск, возглавляемой амбициозным, но талантливым боевым командиром Василием Ивановичем Чапаевым. В мае 1919 года это соединение было переформировано в 25-ю стрелковую дивизию. По мощи она напоминала армию, включая в себя 11 пехотных и 2 кавалерийских полка, 2 разведывательных кавдивизиона, 24 орудия, 4 броневика, 4 аэроплана, курсантскую школу и хозяйственные подразделения. Фурманов получил при Чапаеве должность комиссара, а Долгирев возглавил дивизионный политотдел. Первое время их отношения складывались довольно сложно, однако потом переросли в тесную боевую дружбу.

Чапаевцы удачно действовали под Бугульмой и Белебеем, причем на их сторону даже перешел набранный из принудительно мобилизованных крестьян полк из 1-го Поволжского армейского корпуса генерала Владимира Оскаровича Каппеля. Но на рубеже реки Белой красное наступление застопорилось. Попытка переправиться южнее Уфы закончилась неудачей. Зато к северу от города красные захватили два парохода. Сюда же согнали лодки, и образовалась вторая переправа. Белые поначалу сочли ее демонстрацией. Именно здесь под прикрытием массированного артиллерийского огня Чапаев перебросил на правый берег сначала два батальона пехоты, затем первую бригаду, прорвал оборону колчаковцев и захватил плацдарм для успешного развития Уфимской операции.

Пытаясь сбросить чапаевцев в реку, каппелевцы бросались в штыковые атаки, но всякий раз откатывались обратно. Одна из таких «психических атак» и была показана в фильме «Чапаев». Только в кино она изображена неверно. У Каппеля не было офицерских полков, черно-белой марковской формы, корниловских черепов вместо кокард и черных махновских знамен. А ижевцы и у Колчака продолжали воевать под Красным знаменем, в атаки ходили с «Варшавянкой».

Белых встретил шквальный огонь десятков орудий и пулеметов. Неся большие потери, каппелевцы все же сошлись с чапаевцами в руко-

пашную. При налетах неприятельских аэропланов был тяжело ранен начдив 25 и контужен командующий Южной группой красных войск Фрунзе. Фурманов и Долгирев подняли бойцов в контратаку – вечером 9 июня ворвались в Уфу и перерезали железную дорогу на Челябинск. Корпус Каппеля начал отход к Уральским горам. После поражения между Волгой и Уралом Белое движение на востоке медленно, но неуклонно покатило к своей гибели.

За Уфимскую операцию Чапаев был награжден орденом Красного Знамени. В приказе Реввоенсовета говорилось, что в ходе контрнаступления против колчаковских войск «настойчивыми, стремительными ударами и искусным маневром он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район. В боях под Уфой (8 июня с. г.) при форсировании реки Белой лично руководил операцией и был ранен в голову, но несмотря на это не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием Уфы».

Все полки чапаевской дивизии получили Почетные революционные Красные знамена.

Для борьбы с политическим и уголовным бандитизмом Долгирев организовал по указанию Дзержинского Уфимскую губчека. На «укрепление местных чекистских органов» в Уфимскую губернию прибыл Евгений Александрович Тучков – противоречивая, непонятная личность.

Родился он в 1892 году в деревне Тепляково Суздальского уезда Владимирской губернии, в набожной крестьянской семье. О его дореволюционной жизни известно мало: окончил четыре класса училища, работал в Иваново-Вознесенске подсобным рабочим обувного цеха, выбился в фабричные конторщики. Всю Первую мировую войну служил в тылу писарем в запасных полках. В 1918 вернулся в Иваново-Вознесенск и поступил в местную ЧК.

В Уфе он возглавил чекистский карательный отряд и отличился в подавлении крестьянского восстания «Черного орла» в Мензелинском уезде. Такое название дано оттого, что «...крестьянин, сбросивший иго коммунистов, подобен черному орлу». Вооруженные вилами, топорами и пиками крестьяне окружили город Белорецк и станцию Златоуст, подошли к городу Бирску. Лишь спешная переброска боевых частей из других районов и поголовная мобилизация всех членов партии в Уфимской, Челябинской и Казанской губерниях помогли переломить ситуацию в сторону советской власти.

После подавления восстания «Черного орла» Тучков перешел на службу в центральный аппарат ВЧК, где возглавил 6-е отделение секретного отдела, занимавшееся антирелигиозными делами.

«Борьба с церковной контрреволюцией» стала одной из актуальных проблем для советских органов государственной безопасности. Держинский так определил роль спецслужб в отношении с религиозными конфессиями: «Церковную политику развала должна вести ВЧК, а не кто-то другой. Официальные или полуофициальные отношения партии с попами недопустимы. Наша ставка на коммунизм, а не на религию. Лавировать может только ВЧК для единственной цели — разложение попов. Связь, какая бы то ни была, с попами других органов бросит на партию тень, это опаснейшая вещь».

Штат 6-го отделения был небольшим, всего восемь человек; грамотных только двое. Тучков отмечал, что «сотрудники хотя и очень старательны, дисциплинированы, но при этом очень слабо развиты и малограмотны». Главными слагаемыми успеха «в деле борьбы с церковной контрреволюцией» начальник антирелигиозного подразделения ВЧК считал организацию тотальной слежки, наличие многочисленной агентуры и «обладание полной информацией».

В воспоминаниях русских священников, знавших Тучкова, остался его довольно скудный словесный портрет: «Человек среднего роста, плотно скроенный полуинтеллигент, обходительный и при этом довольно развязный...» Патриарх Тихон именовал своего «куратора» не иначе как «некто в сером». Высшие церковные иерархи недооценили Тучкова, который, используя их слабости и особенности характера, создавал ситуации, когда епископы боролись между собой за влияние на паству, интриговали и ссорились.

Тучков участвовал в расколе Русской православной церкви на обновленцев, тихоновцев и компрометации Русской зарубежной церкви. Был сорван объявленный папой римским в 1930 году крестовый поход против СССР. На громком судебном процессе так называемую Истинно-православную церковь обвинили в контрреволюционной деятельности, попытке захвата власти в СССР, организации вооруженных отрядов и террористической деятельности.

В 1931 году Тучкова наградили орденом Трудового Красного Знамени за «удушение церкви». В представлении к награждению отмечено: «...в деле борьбы с контрреволюционным движением среди церковников и клерикально-монархических кругов, группировавшихся вокруг церкви, проявил огромную энергию, инициативу, решительность и находчивость...».

В сентябре 1932 года его выдвинули заместителем полномочного представителя ОГПУ по Уралу. Тучков возглавил розыск сокровищ находившегося в Тобольске в ссылке бывшего российского императора Николая II, спрятанных в 1918 году тобольским епископом Гермогеном. Эта секретная операция завершилась в ноябре 1933 года: монахиня Иоанно-Введенского монастыря Уженцева выдала царские бриллианты «на сумму в три миллиона двести семьдесят тысяч шестьсот девяносто три золотых рубля». Добраться до ценностей Сибирского белого движения и драгоценной церковной утвари, сокрытых белогвардейцами и участниками крестьянского восстания 1921 года в таежных урманах Среднего Урала и предгорьях Приполярного Урала, Тучков не успел — отозвали в Москву. Он не справился и с другим заданием: не добился от высланного на Ямал в селение Хэ, а затем заключенного в чекистскую тюрьму Свердловска митрополита Крутицкого (Полянского) добровольного отказа от сана Местоблюстителя Патриаршего престола. Причисленный ныне к лику святых митрополит Петр спас Русскую православную церковь от окончательного позора и унижения самоликвидации⁴⁹.

Еще до появления в Уфе будущего «душителя церкви» Тучкова Долгирев, оставаясь председателем Уфимской губчека, организовал Верхнеуральскую ЧК и провел расследование «исчезновения начдива-25 Чапаева» — так чекистское следствие характеризовало рейд белых уральских казаков на станицу Лбищенскую, занятую чапаевцами.

Долгирев знал, что удачливому в боях Чапаеву не везло на любовном фронте. В двадцать лет он женился на шестнадцатилетней работнице кондитерской фабрики Пелагее Метелиной. Девушка была на редкость красива. И все же, несмотря на массу поклонников, остановила свой выбор на сыне плотника. Незадолго до венчания во время строительства сельской церкви он сорвался с двадцатиметровой высоты, но, к всеобщему удивлению, отделался легким испугом. Невеста слышала рассказы очевидцев: «Будто ангелы небесные подхватили его и мягко опустили на землю».

---

⁴⁹ Майор госбезопасности Тучков — один из немногих высокопоставленных чекистов, уцелевших во время репрессий 1937—1938 годов. В октябре 1939 года по распоряжению наркома внутренних дел СССР Берия его уволили из НКВД «за невозможностью предоставить работу по данному направлению». Дальнейшая трудовая деятельность Тучкова была связана с центральным советом Союза воинствующих безбожников, где он читал лекции на антирелигиозные темы (с начальным образованием). Выйдя в 1947 году на пенсию, Тучков продолжал «борьбу с церковным мракобесием», с гордостью отмечал в своих анкетах, что им опубликовано 3 брошюры и 27 статей. Через десять лет он умер от рака. Перед смертью больше пяти часов исповедовался у Патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) (1877—1970). Содержание этой исповеди неизвестно, но похоронили Тучкова с соблюдением всех церковных обрядов. На его отпевании вместе с патриархом присутствовали все иерархи Русской православной церкви.

Через год у молодоженов появился сын Александр, затем еще двое детей — Клавдия и Аркадий. Потом началась Первая мировая война, и Чапаева мобилизовали в армию.

В стране царил тогда необычайный патриотический подъем, многие шли на фронт добровольно. План мобилизации был блестяще выполнен (в 1914—1918 годах в российскую армию мобилизовано 15 с половиной миллионов человек). В 1915 году Николаем II была учреждена медаль «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года» с портретом государя императора на лицевой стороне, ставшая последней наградой Российской империи.

Сражался Чапаев храбро, отличался редкой выносливостью, за героизм и отвагу заслужил Георгиевские кресты всех четырех степеней — «полный бант». А ведь родился семимесячным и был настолько крохотным, что помещался в теплой отцовской рукавице. Первые недели родители бедняки частенько засовывали его в эту варежку и укладывали греться в остывшую после топки деревенскую печь. Никто тогда не мог и предположить, что из недоношенного хилого мальчонки вырастет со временем человек-легенда, герой фильмов, книг и анекдотов.

В детстве и юности пастушествовал, маляричал, плотничал, торговал, ходил с шарманкой по приволжским городам. Не прочь был сообщить о себе какую-нибудь фантастическую историю, вроде того, что он «сын генерал-губернатора, только подброшен, передан в деревню на воспитание, да никто этого не знает...».

Одним из друзей Чапаева в Белгорайском пехотном полку был Петр Кашемирцев. В одном из боев он, смертельно раненный, умирая, просил товарища позаботиться о своей семье. В 1917 году вдова Петра, Пелагея Кашемирцева, стала гражданской женой Чапаева, но произошло это после того, как он узнал об измене своей законной супруги.

Столь бурные потрясения в его личной жизни совпали с крушением государства. После очередного ранения Чапаев получил назначение ротным фельдфебелем в размещенный в Николаевске 138-й запасной пехотный полк. Здесь, в глубоком тылу, его и застали отречение царя Николая II от престола и Февральская буржуазная революция.

Несмотря на свой статус георгиевского кавалера, Василий Иванович не относился ни к ярым монархистам, ни к демократам — сторонникам продолжения войны до победного конца, ни к большевикам.

После Октябрьского переворота совершенно необразованного, безграмотного, политически невежественного Чапаева выбрали командиром полка. Когда весной 1918 года Урал и Поволжье запылали в огне Гражданской войны, Чапаев во главе партизанского отряда жестоко

мстил белым казакам за зверское убийство младшего брата Григория — военного комиссара города Балаково. Постепенно на базе партизанских отрядов в Заволжье сформировали полки имени Степана Разина и Емельяна Пугачева. Эти части, сведенные в бригаду, возглавил Чапаев.

«... Чапаевская стихия — боевая страда, — писал комиссар Фурманов. — Чутьзатишьена фронте, и он томится, нервничает, скучает, полон тяжелых мыслей. А из конца в конец по фронту мотаться — это его любимое дело... Тов. Чапаев, этот степной орел, действует исключительно партизанским способом. Распоряжений штаба не признает. Бывали случаи, когда Чапаев уходил со своим отрядом и пропадал без вести, а возвратившись через некоторое время, доставлял трофеи и пленных. Население мест, где появлялся Чапаев, терроризировано. Его жестокость известна многим...»

В Уфе Долгирев перехватил письмо Фурманова к Чапаеву, в котором комиссар так оценивал приставание начдива к своей жене: «Я Вас считал за грязного и развратного человека... и Ваши прикосновения к ней оставили во мне чувство какой-то гадливости. Впечатление получилось такое, будто к белому голубю прикасалась жаба: становилось холодно и омерзительно».

К тому времени гражданская жена Пелагея Кашемирцева изменила Чапаеву с одним из снабженцев дивизии, и взбешенный Василий Иванович прогнал ее из обоза и застрелил любовника. Долгирев, зная о любовных поражениях Чапаева, считал, что неверная Пелагея навела белых казаков на его штаб в Лбищенске.

Однако, судя по чекистским документам, о местонахождении Чапая и силах его охраны противник знал из перехваченных донесений в штаб Восточного фронта. Оценив ситуацию, уральские казаки разработали план операции по ликвидации ненавистного большевика. В ночь на 5 сентября 1919 года казачий отряд в триста сабель при одном орудии и пулемете наскочил на Лбищенск. Красных там было больше — курсанты дивизионной школы младших командиров, штаб и политотдел дивизии. Но налет был неожиданным и стремительным. Казакам помогало местное население, указывая дома, где стояли красные. Наиболее жестокий бой разгорелся у здания штаба. Раненный в руку Чапаев сплотил вокруг себя бойцов и даже устремился в контратаку. Именно здесь, как установил позднее Долгирев, был сражен командовавший белогвардейцами генерал-майор Бородин.

Красноармейцы пытались прикрыть отход любимого начдива, но исход боя был предрешен. Оставшиеся чапаевцы бросались в воду и плыли через Урал. Казаки с высокого обрыва стреляли по ним из винтовок и захваченных у красных пулеметов.

Долгирев опросил всех уцелевших тогда бойцов. По их показаниям, жители Лбищенска принимали непосредственное участие в истреблении чапаевцев. Принявший дивизию Кутяков сжег дотла станицу Лбищенскую и изрубил всех пленных и «подозрительных», включая изменницу Кашемирцеву (по другой версии, она сошла с ума).

Считается, что в числе утонувших в реке Урал был и Чапаев. Однако двое венгров-интернационалистов свидетельствовали, что они переправили раненого начдива 25 на деревянной створке ворот на противоположный берег, где он скончался. Однако показать место его захоронения не смогли. И сети не подняли мертвеца.

Отраженная в известном кинофильме братьев Васильевых история гибели Чапаева основана на показаниях одного из связистов штаба. Но уцелевшие после кутяковской расправы жители Лбищенска держались на допросах одинаково: «Небесные силы его забрали, потому что из народного заступника стал он разбойником и душегубом. Не ищите его, не найдете. Придет час, сам объявится...» Видимо, этот час еще не наступил...

Трагическая судьба Чапаева странным образом повлияла на окружающих его людей. Первая жена, изменившая ему, когда он воевал «за веру, царя и Отечество», разругалась со своим новым мужем, убежала из дома в сильный мороз, после чего заболела и умерла. Исчезла Пелагея Кашемирцева: то ли с ума сошла, то ли лихие красные конники зарубили.

Ординарец Петр Исаев, разбитной киношный Петька, в действительности уцелел в ночном бою, однако через месяц застрелился. И вдова его поступила так же, только через двадцать лет после Гражданской войны. Знакомые считали, что причиной самоубийства стал показанный в фильме «Чапаев» и вымышленный от начала до конца роман ее супруга с Анкой-пулеметчицей. Этот образ списали с медсестры Марии Поповой, которая в одном из боев вела огонь из максима, закрыв от страха глаза, а раненный в правую руку пулеметчик здоровой рукой направлял ствол пулемета в нужную сторону.

После неудачной операции на желудке 31 октября 1925 года скончался наркомвоенмор СССР Фрунзе, и эта внезапная смерть породила много загадочных слухов. Преемник Чапаева по командованию 25-й дивизией комкор Иван Семенович Кутяков был расстрелян в 1938 году. Еще раньше умер Фурманов, а жена его, из-за которой комиссар поссорился с начдивом, также покончила жизнь самоубийством.

Да и Долгирева, у которого до Тюмени была Чечня, проклятье безвинно казненных тоже черным крылом зацепило.

Драма на охоте

За предшественника Долгирева в Тюмени Студитова, обвиняемого во взяточничестве, заступился Матвей Давыдович Берман, яркий представитель так называемой «когорты пламенных революционеров», до фанатизма уверовавших в большевистскую идеологию как религию, ставший в мае 1932 года начальником Главного управления лагерей ОГПУ-НКВД СССР.

Будущий «энтузиаст» строительства невольничьих лагерей родился в 1898 году в Ундургинской волости Читинского уезда Забайкальской области. Окончил в 1908 году Читинское коммерческое училище по первому разряду с вручением золотой медали. «Зимой 1916 года, — указывал в автобиографии, — проживал дома, отчасти зарабатывал уроками и работал в нелегальном кружке молодежи, одним из организаторов которого я являлся».

Считается, что по заданию сибирских большевиков Берман добровольно поступил на военную службу. В мае 1917 года он стал вольноопределяющимся 15-го Сибирского запасного стрелкового полка — эта существовавшая в русской армии категория военнослужащих из нижних чинов с высшим или средним образованием являлась одним из источников пополнения офицерских кадров.

Ускоренное обучение военному делу в Иркутской школе прапорщиков было недолгим — всего четыре месяца. «Здесь, — отметил Берман в автобиографии, — нас основательно травили и хотели даже избить...» «Нас» — это группу юнкеров-евреев, приверженцев партии большевиков: Бермана, Бака, Татарийского...

После производства в прапорщики и назначения в Томск, в 25-й запасной стрелковый полк взводным командиром, Берман близко сошелся с Меером Абрамовичем Трилиссером — будущим руководителем советской разведки.

В 1918–1920 годах Берман успел поработать председателем Глазковской уездной ЧК и начальником секретно-оперативной части Екатеринбургской губчека, где познакомился со Студитовым и рекомендовал его на самостоятельную чекистскую работу в Тюмень.

После образования 6 апреля 1920 года Дальневосточной республики Берман, в ту пору председатель Томской губчека, возглавил Государственную охрану ДВР. Затем Иркутск, Бурятия, Средняя Азия...

Все это время бок о бок с Матвеем Давыдовичем трудился одноклассник по Иркутской школе прапорщиков Борис Аркадьевич Бак, который, в свою очередь, привел в органы ЧК младшего брата — Соломона.

Вскоре Берманов и Баков связал ведомственный брак: брат Матвея — Борис, будущий резидент советской разведки в Берлине, первый заместитель начальника иностранного отдела НКВД и нарком внутренних дел Белоруссии, женился на родной сестре Баков — Марии Аркадьевне, которая тоже служила в НКВД оперуполномоченным секретно-политического отдела.

Так формировались чекистские территориально-родственные кланы, активно продвигавшие своих людей по служебной лестнице и защищавшие их от непредвиденных административно-ведомственных течений. К середине 30-х годов такими наиболее мощными группировками считались украинская, северокавказская и сибирская. Между ними развернулась настоящая подковерная война за лидерство в ОГПУ-НКВД СССР.

Понятно, почему Берманы-Баки не хотели уступать хлебное место председателя Тюменской губчека, которое после подавления в губернии крестьянского восстания стало еще и рыбным местом.

Однако Ленин и его окружение отводило в своих планах далекому от Москвы северному краю другую роль — места политической ссылки.

Декретом ВЦИК от 10 августа 1922 года для лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, вводилась административная высылка за границу или в определенные местности РСФСР сроком до трех лет под надзор местного органа ГПУ. Эти места определил в записке Ленину председатель ГПУ Дзержинский: «...Печора, Березов, Обдорск...».

На Тобольский Север стали высылать представителей «исторической контрреволюции» из бывших привилегированных дворянских и духовных сословий и членов буржуазных и социалистических, но оппозиционных большевизму политических партий: конституционных демократов (кадетов), социалистов-революционеров (эсеров), социал-демократов (меньшевиков), анархистов, армянских дашнаков, украинских боротьбистов, азербайджанских мусаватистов, грузинских меньшевиков, еврейских сионистов.

В селение Хэ выслали митрополита Петра Крутицкого (Полянского), которого после смерти патриарха Тихона (1925) собор 37 епископов Русской православной церкви избрал Местоблюстителем Патриаршего престола. В Обдорск отправили в ссылку «охладиться» гордость русской культуры — Московский художественный театр с оппозиционно настроенным к большевистскому режиму Немировичем-Данченко. Как отмечалось в докладах уполномоченного Обдорского отдела ГПУ Игнатия Кузнецова, «...коллектив ссыльных артистов играл в народном доме по договору, заключенному с РИКом».

Чекист Кузнецов вел в Тобольске оперативную разработку лиц, причастных к сокрытию сокровищ Николая II и его семьи. В Обдорск губернское чекистское начальство откомандировало Кузнецова для розыска пропавших ценностей Сибирского белого движения (на смену уже не внушавшим доверия Пензину и Рябкову).

Однако Кузнецов, совершив несколько секретных вылазок в тундру и оставив ряд интересных сообщений о жизни коренного населения, решил не рисковать своей молодой жизнью — в приполярной тундре еще оперировали недобитые остатки «рочевщины».

После истории с кладом, найденным в Хэ и выданным за колчаковский, розыск ценностей уступил по политической актуальности надзору за ссылкой. Поэтому Кузнецов сосредоточился на оперативном наблюдении за ссыльной артистической труппой и... увлекся опальной актрисой, которую в своих докладах в губотдел ГПУ величал не иначе как Еленой Прекрасной (за что и был «вычищен» из органов. — *А. П.*).

В противостоянии между сторонниками планового государственного лова рыбы и развития рыбных промыслов на основе кооперации Лопарев потерпел неудачу. В его автобиографии от 3 октября 1936 года (за несколько месяцев до ареста. — *А. П.*) отмечено: «Из кооперации ушел — устал от бесконечных разъездов по Северу. До июня 1924 года охотился, изучал рыбное хозяйство и балычное дело...» Его видели в окрестностях Сургута и в верховьях Ваха. Под прикрытием охотничьего и рыбного промыслов он искал архив Зырянова (и нашел. — *А. П.*) и ненайденную часть спрятанного штабс-капитаном Киселевым и «большим урядником» Волковым золота. При этом Лопарев не терял надежды на союз частной инициативы и рачительного отношения к местным рыбным ресурсам с поддержкой государства и научным объективным подходом к нормам вылова рыбы и ее качественной переработки (отсюда интерес к производству балыка, маринованию и консервированию. — *А. П.*).

В то же время сменивший Студитова на посту начальника Тюменского губотдела ГПУ Долгирев довольно быстро установил места сокрытия кладов, но делиться этим богатством с московским начальством не спешил. Перепрятать эти ценности он не успел — в ноябре 1923 года Тюменская губерния была упразднена, а ее территория, разделенная на три округа (Тюменский, Тобольский, Ишимский), вошла в Уральскую область⁵⁰.

Территория новой области составляла 1 миллион 661 тысячу квадратных километров, а территория Тобольского округа — 1 миллион 168

⁵⁰ Уральская область создана из Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Тюменской губерний и условно разделена на четыре зоны: Предуралье, Зауралье, Горнозаводской Урал и Тобольский Север.

тысяч квадратных километров, т.е. две трети территории всей Уральской области. По данным переписи 17 декабря 1926 года, на территории области проживало 6 миллионов 800 тысяч человек, в т.ч.: в Предуралье — 1 миллион 900 тысяч, в Зауралье — 3 миллиона 200 тысяч и на Тобольском Севере — 192 тысячи человек. В состав области входило 16 округов, 205 районов, 87 городов и 3100 населенных пунктов. Административным центром Уральской области считался Екатеринбург (с 1924 года Свердловск). В нем находились такие органы управления, как облисполком Уральского областного совета, функционировали Уральский областной комитет ВКП(б) и Полномочное представительство ОГПУ по Уралу, в руках которых находилась реальная власть.

Тюменский губотдел ОГПУ реорганизовали в окружной отдел, а Долгирева направили в Среднюю Азию, где он возглавил окротдел ОГПУ в Ходженте (с 1936 года — Ленинабад)⁵¹.

Тогда же был разогнан «Обдорский совнарком». Под предлогом проводимой на местах партийной переписи, называемой «чисткой партии», из ВКП(б) исключили Сосунова и всех членов Обдорского райкома партии. Их называли «кабардинцами», видимо, из-за близости с главным автономистом Сосуновым, которого считали «черкесом» (он происходил из семьи горцев, высланных в село Юровское Тобольского уезда в период покорения Северного Кавказа. — А. П.).

Сосунову припомнили «бунт на пароходе “Пермяк”» в сентябре 1921 года и последующее «бегство» из Обдорской ЧК. Волкову, Филиппову и Чупрову приписали «чуждое происхождение», а Гаврюшину — «пьянство и пассивность». Назначенные «уполномоченными по чистке» березовские Желенкин и Гришанов отобрали у всех членов «Обдорского совнаркома» партбилеты, изъяли и увезли в Тюмень протоколы их собраний.

Сосунов перехитрил уполномоченного губотдела ГПУ по Березовскому уезду Ворончихина, перекрывшего речной путь бегства, и известными ему по 1921 году тайными тропами ушел через Урал в Москву.

После упразднения в 1924 году Наркомата по делам национальностей и подотдела по управлению и охране туземных племен Севера он с присущим ему напором «пробил» создание при ВЦИК Комитета содействия народностям северных окраин, или сокращенно — Комитета Севера. В феврале 1925 года была учреждена местная структура этого комитета, которую возглавил Сосунов. Он же разработал Положение

---

⁵¹ О службе Долгирева в Чечне и Таджикистане см.: Петрушин А. А. На задворках Гражданской войны. Кн. 3. Тюмень: Мандр и К°, 2006. С. 24—32, 55—66.

о местном национальном самоуправлении на Тобольском Севере (туземные родовые советы).

Переход к родовым советам начался во время выборной кампании 1925–1926 годов и сопровождался реформой судостроительства и судопроизводства на Севере. Инициатива и здесь шла от Сосунова. Он правильно определил главное направление поиска наиболее приемлемых для северян форм национально-государственного строительства: постепенно приобщать северные этносы к современной цивилизации, бережно сохраняя их своеобразный психологический характер, нравственные ценности и органическую связь с природой. Тогда перед Севером открывались обнадеживающие перспективы, которым, однако, не суждено было воплотиться в жизнь.

Утвердившийся в стране тоталитарный режим положил конец реформам Сосунова. В соответствии со сталинской концепцией перехода к социализму во главу угла ставилась идея непримиримой и возрастающей классовой борьбы. Принимаемый за универсальный, классовый подход был распространен и на Север. Здесь обнаружилось, что внедряемая Сосуновым и его сподвижниками система родовых советов принципиально несовместима с ним.

Вставший на ортодоксальную большевистскую позицию Уральский комитет Севера 15 января 1929 года заявил: «Туземные советы оказались совершенно не приспособленными к проведению в гуще туземных масс директив правительства, особенно в части осуществления классовой политики».

Строптивного идеолога «остяко-зырянской и самоедской республики», бывшего обдорского чекиста Сосунова сместили с поста председателя Тобольского окружного комитета Севера. Чтобы развести враждующие стороны и не допустить протестных выступлений аборигенов в условиях массовой ссылки на Тобольский Север репрессированного крестьянства, вспомнили о другом чекисте — Долгиреве — и назначили его секретарем Тобольского окружка ВКП(б). Как раньше, в Чечне и Таджикистане, он решил опереться на местных родовых вождей: встречался с князем ваховских остяков Куниным-старшим. Этому старику народная молва приписывала спрятанное «большим сургутским урядником» Волковым колчаковское золото.

Для нормализации обстановки на Тобольском Севере Долгирев предложил в феврале 1930 года в письме Комитету Севера при ВЦИК заменить существовавшие здесь с 1925–1926 годов родовые туземные советы территориальными (в то время уже действовали 12 туземных районов и 64 родовых совета).

10 декабря 1930 года Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера»: были созданы восемь национальных округов, в том числе Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий. Образование национальных округов официальная пропаганда немедленно выдала за очередной триумф советской национальной политики.

В действительности формальное провозглашение национальной государственности лишило северные народности всякой автономии. Власть в национальных округах и территориальных советах оказалась в руках партийной советской бюрократии, преимущественно русской. Существенной роли в жизни Севера новые советы не играли. Они оказались неспособными остановить массовые репрессии против аборигенов во имя «социалистического будущего». Может, поэтому главный идеолог национального самоуправления северных народностей П. И. Сосунов не упомянут в советских и постсоветских исторических изданиях (его имени нет в энциклопедиях Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов)⁵².

Образование в декабре 1930 года в бассейнах рек Вах и Таз Ларьякского (Ваховского) остяцкого туземного района (Большеларьякский, Большетарховский, Колёк-Еганский, Корликовский, Ларьякский (Ваховский), Охтеурский национальные советы и кочевой совет Толькинский) совпало с кончиной старого князя Кунина. Власть над сородичами и тайна колчаковского клада перешли к его 40-летнему сыну — Ефиму Кунину по прозвищу Шатин или Шата. Первое время местные партийные, советские и хозяйственные органы вполне с ним ладили.

Но в 1931 году Долгирева назначили начальником Нижне-Иртышского государственного речного пароходства, которое обслуживало судоходные Иртыш, Обь и их притоки в пределах национальных округов — протяженность речных маршрутов в Обь-Иртышском бассейне достигала 13 тысяч километров.

Механическое перенесение методов колхозного строительства из южных районов в северные и решение Президиума ВЦИК «произвести экспроприацию всего оленьего стада и прочих средств и орудий производства в зонах тундры и лесотундры Крайнего Севера у отдельных полуфеодалов» не могли не вызвать среди коренного населения сопротивления.

---

⁵² НКВД вспомнил о Сосунове в октябре 1938 года после получения из Омска «признательных» показаний Филиппова о подмене ценностей Сибирского белого движения, спрятанных Гобирахашвили в 1921 году в предгорьях Полярного Урала, на найденный в 1922 году в селении Х» клад местного рыбопромышленника Турнова. На Лубянку запросили все имевшиеся на Сосунова материалы, в частности, его архивное чекистское личное дело. Чем закончился этот очередной оперативный розыск Сосунова, неизвестно (может, он был к тому времени расстрелян или находился в одном из бесчисленных лагерей ГУЛАГа).

В декабре 1932 года чекисты заманили Кунина-Шатина в Ларьяк и «оперативно изъяли» — увезли в Остяк-Вогульск. Но он не выдал тайник в лабиринте притоков Ваха. Кроме него о месте сокрытия клада знал лишь его покойный отец. Да еще Долгирев, который успешно провел четыре навигации. А пятую не успел...

7 августа 1935 года члена Омского обкома ВКП(б), начальника Нижне-Иртышского государственного речного пароходства, старшего майора государственной безопасности запаса НКВД СССР (соответствовало армейскому званию комбрига) Николая Алексеевича Долгирева похоронили в Омске. По официальным данным, он погиб на охоте в результате несчастного случая. О месте трагедии и ее обстоятельствах не сообщалось.

Для расследования гибели Долгирева в Омск приехал следователь по важнейшим делам при прокуратуре Союза ССР Лев Романович Шейнин, будущий автор знаменитых «Записок следователя». Результатами оперативно-следственных мероприятий активно интересовался народный комиссар внутренних дел СССР Генрих Григорьевич Ягода.

В постановлении о прекращении уголовного дела «за отсутствием состава преступления» следователь Шейнин, ссылаясь на «устные объяснения ответственных работников НКВД СССР», указал: «Труп Долгирева... был обнаружен на левом берегу реки Вах в окрестностях селения Больше-тархово. Смерть наступила в результате глубокого проникающего ранения в правый глаз...» Эта нелепая и страшная история получила в 1938 году отражение в шейнинских «Записках следователя». Но имена и географические названия в рассказе «Охотничий нож» были изменены.

Почему местом охоты для начальника Нижне-Иртышского государственного речного пароходства Долгирева стали столь далекие от Омска безлюдные берега Ваха — притока Оби? Кто из «ответственных работников НКВД СССР» сопровождал его на последней охоте? Какую роль в этой трагедии играл генеральный комиссар государственной безопасности СССР Ягода?

Приложение № 5

Водники Иртыша склоняют знамена

Тобольск (молния)

Парторганизация Тобольской пристани выражает глубокое соболезнование по поводу преждевременной и трагической смерти старого большевика и начальника Нижне-Иртышского госпароходства Николая Алексеевича Долгирева, погибшего в расцвете сил и большевистской энергии. Эта смерть является большой утратой для партии.

Его недавнее посещение и большевистская работа по Тобольской пристани по выполнению задач партии свежа в нашей памяти. Ходатайствуем о присвоении одному из судов имени товарища Долгирева.

Пароход «Красный путь»

Молния

Узнав о преждевременной и трагической смерти старого большевика, члена Обкома партии и Облесполкома, стойкого борца, прекраснейшего руководителя водного транспорта Николая Алексеевича Долгирева, скорбим вместе со всей общественностью, всеми водниками и семьей погибшего...

Мы, команда парохода «Красный путь», на котором ты, Николай Алексеевич, ехал последний раз в своей жизни, склоняем знамена и свои головы и перед твоей могилой даем свое пролетарское обещание еще больше сплотиться на выполнение навигационного плана, поставить железную трудовую дисциплину, бороться за выполнение плана осенних перевозок...

Уважаемый Александр Антонович!

...Спасибо Вам за то, что приоткрыли завесу над его гибелью, что его смерть не была трагической случайностью, а насильственной.

До сих пор в Омске, во всех изданиях, в которых упоминается о его работе, имеет версия об утоплении на охоте. При моих встречах в Омске с ветеранами-водниками я говорила о том, что мы не верим в эту версию.

Гибель папы все годы не давала покоя семье. Моя мама, Ульяна Борисовна Долгирева, обращалась к секретарю Омского обкома ВКП(б) Булатову с просьбой о проведении расследования обстоятельств гибели мужа, но получила циничный ответ: «Вашему мужу были организованы такие пышные похороны, которых не знал еще Омск».

...Из газет видно, что все представители обкома и облесполкома были на кладбище. Дома на поминках были только работники пароходства. Начальник политотдела пароходства Гуминский сказал маме за столом: «...Николай Алексеевич видел смерть в лицо». Секретарь парткома пароходства Вронский добавил: «Хорошо, что это случилось здесь, а не в Карской экспедиции – его просто похоронили бы в море...» Отцу предстояло возглавить Карскую экспедицию, которую он готовил по указанию Наркомвода и ЦК ВКП(б).

...Назначению начальником пароходства он сильно сопротивлялся, зная, что ему придется работать с Булатовым. Дело в том, что еще в 1923 году, когда папа был председателем контрольной комис-

сии Вятской губернии, а Булатов – секретарем Вятского губкома партии, между ними было много противоречий...

Провожая папу на охоту, мама стояла на крыльце. Папа вместе с собакой подошел к подъехавшей за ним машине... но там был еще незнакомый мужчина...

Мой старший брат лично беседовал с шофером... вел он себя очень неуверенно, можно даже сказать трусливо, отвечал, потупив глаза...

В комклубе к телу папы, уже положенному в гроб, нас допустили только 6 августа. Из морга привезли его вещи, все в крови. Кавказская бурка, которую папа всегда брал на охоту, сверху была отрезана, а оставшаяся часть была в бурых пятнах крови. Внутри кепки тоже была кровь и прилипшие волосы...

Собаку, с которой папа уехал, нам позднее отдали, всю избитую. Видимо, она пыталась защитить хозяина...

Александр беседовал и с профессором, который проводил вскрытие тела. Профессор рассказал, что был очень удивлен этим поручением, так как находился на пенсии и давно не практиковал. Из обкома просили дать заключение о причинах смерти, не производя вскрытия, на что он категорически отказал...

Мама обратилась с письмом к прокурору Вышинскому. К нам приехал следователь по особо важным делам Шейнин. Он взял все имеющиеся у нас вещественные доказательства и просил маму об этом никому не говорить...

Мама обратилась в ЦК к Ярославскому и Шкирятову, которые очень хорошо знали папу, но они не смогли или не захотели ничем помочь...»

В 1936 году маму вызвал Вышинский и сказал: «Да, Ваш муж был убит. Вам назначена персональная пенсия республиканского значения...

Мы уехали из Омска в Москву, благодаря хлопотам В.К. Блюхера, получили жилье в поселке Томлино Московской области – две комнаты в доме барачного типа... Папу перезахоронили на Дорогомилевском кладбище, а затем, после сноса кладбища под застройку домов для ЦК КПСС, перенесли на Востряковское кладбище...

Еще раз благодарю Вас за теплые слова о моем отце и посылаю Вам его статьи того времени, когда он был направлен на изучение Крайнего Севера...

Сентябрь 2008 года
Москва

ГЛАВА VI

Каковы причины взаимного тяготения советских писателей и поэтов — «инженеров человеческих душ» — и высокопоставленных чекистов-кладоискателей? Максим Горький и нарком НКВД СССР Генрих Ягода. Владимир Маяковский и комиссар госбезопасности 1-го ранга Яков Агранов. Сергей Есенин и резидент ОГПУ на Ближнем Востоке Яков Блюмкин. Николай Рерих и начальник спецотдела ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР Глеб Бокий. Самуил Маршак и начальник УНКВД Крымской АССР Яков Бухбанд...

Может быть, разгадка этой странной «дружбы» кроется в тайне заговоренных кладов...

«Теткины сыновья»

В 20-е годы «теткой» прозвали ГПУ, а поводом к этому послужили строчки из поэмы Александра Безыменского «Комсомолия»:

Комсомол — он мой папаша,

ВКП — моя мамаша...

«Теткины сыновья» — сотрудники ГПУ — отличались вздорным и скандальным характером. К 1931 году подковерная борьба практически дезорганизовала деятельность чекистского ведомства, расколола руководство ОГПУ на несколько мелких групп, которые были заняты лишь выяснением отношений между собой.

Болезнь председателя ОГПУ Вячеслава Рудольфовича Менжинского (у него в 1929 году произошел сильный сердечный приступ) выдвинула на первые роли в центральном аппарате Генриха Григорьевича Ягоды. Его возвышение вызвало недовольство пяти высокопоставленных чекистов: второго зампреда ОГПУ и начальника иностранного отдела Станислава Адамовича Мессинга, начальника секретно-оперативного управления Ефима Георгиевича Евдокимова, начальника особого отдела Яна Каликстовича Ольского, начальника административно-организационного управления Ивана Александровича Воронцова (он одновременно возглавлял Главное управление пограничной охраны и войск ОГПУ) и полпреда ОГПУ по Московской области Льва Николаевича Бельского.

В эту ситуацию вмешался Сталин: 31 июля 1931 года из Коллегии ОГПУ были выведены Мессинг, Евдокимов, Ольский, Воронцов, Бельский. Сам Ягода был смещен на ранг ниже — стал вторым заместителем председателя ОГПУ. Одновременно на Лубянку высадились «партийный десант»: заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции Иван Алексее-

вич Акулов стал первым заместителем Менжинского, заведующий оргинструкторским отделом ЦК ВКП(б) Дмитрий Александрович Булатов занял пост начальника отдела кадров ОГПУ.

Была введена должность третьего заместителя председателя ОГПУ для председателя ГПУ Украины Всеволода Аполлоновича Балицкого, вместе с которым в центральный аппарат ОГПУ пришло значительное количество украинских чекистов.

Открылась вакансия в секретно-политическом отделе (СПО). Его бывший начальник Яков Саулович Агранов был назначен полпредом ОГПУ по Московской области.

СПО создали в марте 1931 года путем слияния информационного (ИНФО) и секретного (СО) отделов ОГПУ. 20 ноября 1931 года вышло в свет постановление Политбюро ЦК ВКП(б): «Утвердить начальником Секретно-политического отдела ОГПУ тов. Молчанова, освободив его от работы полномочного представителя ОГПУ в Иваново-Промышленной области».

Какие тайные пружины вытолкнули на вершину политического сыска этого на первый взгляд непримечательного чекиста, не входившего ни в одну из сложившихся к тому времени территориально-ведомственных группировок?

Георгий Андреевич Молчанов родился в 1897 году в Харькове. Его отец служил официантом в одной из харьковских рестораций, тяготел ко всему французскому и хотел назвать сына Жоржем. Почти все детство Егора — так звали его сверстники — прошло в нездоровом районе Харькова — Москалевке, или Пустыне Аравии, как называли эти места городские остряки. Родители мечтали «выбиться в люди», выбраться в более спокойный и благополучный район города, поэтому на всем экономили и жили впроголодь. Поднатужившись, устроили сына в торговую школу, организованную на пожертвования местного купечества. Там учили конторскому делу и счетоводству, коммерческой арифметике и товароведению. Егор уже и место приказчика в галантерейном магазине присмотрел, но... наступил 1917 год. Революционная буря захлестнула Украину. Появилось множество политических партий, проводились митинги, демонстрации... Все это увлекало молодежь, и Молчанов не стал исключением. Он быстро просчитал финансовые перспективы партии Ленина и примкнул к большевикам, хотя многие в Харькове всячески их ругали, называя немецкими шпионами, продавцами Россию. В декабре 1917 года, в самый ответственный момент противостояния войск Украинской Центральной рады и отрядов Красной гвардии, Молчанов был принят в РСДРП(б).

Решение сына оглушило отца, с ужасом смотревшего на то, как рушится старый добрый мир, в котором он занял хотя незавидное, но удобное место. Он не смог найти опоры в новой, пугающей его жизни и умер в своем маленьком доме на окраине Харькова.

А несостоявшийся приказчик Жорж поступил на службу в штаб Владимира Александровича Антонова-Овсенко, верховного главнокомандующего советскими войсками на юге России.

В Харьков прибыли отряды балтийских матросов, питерские и московские красногвардейцы под командованием бывшего царского полковника и будущего маршала Советского Союза Егорова⁵³, барона Сиверса и левого эсера Саблина. Все операции для этого деморализованного грабежами и пьянством воинства разрабатывал начальник штаба Южного фронта Михаил Артемьевич Муравьев, главный военный специалист Советской республики, мечтавший стать «красным Наполеоном».

В своих «Записках о гражданской войне» Антонов-Овсенко оставил такой портрет Муравьева: «Его сухая фигура, с коротко остриженными седеющими волосами и быстрым взглядом, мне вспоминается всегда в движении, сопровождаемом звяканьем шпор. Его горячий взволнованный голос звучал приподнятыми верхними тонами. Выражался он высоким штилем, и это не было в нем напускным. Муравьев жил всегда в чаду и действовал всегда самозабвенно. В этой горячности была его главная притягательная сила, а сила притяжения к нему солдатской массы, несомненно, была. Своим пафосом он напоминал Дон-Кихота, и того же рыцаря Печального Образа он напоминал своей политической беспомощностью и своим самопреклонением. Честолюбие было его подлинной натурой. Он искренне верил в свою провиденциальность, нимало не сомневаясь в своем влиянии на окружающих, и в этом отсутствии сомнения в себе была его вторая сила... Вообще этот смелый авантюрист был крайне слабым политиком. Избыток военщины мешал ему быть таковым, а плохой политик мешал ему быть хорошим военным... фанфаронство не покрывало в Муравьеве смелость, которая в нем бурлила...»

Антонов-Овсенко рассказывал, что Муравьев был «всегда бледный, с неестественно горящими глазами на истасканном, но все еще красивом лице», постоянно «сорил деньгами и сеял разврат», окружив себя «подозрительными личностями», среди которых выделялась группа его телохранителей – не то бандитов, не то наркоманов.

Навыки, полученные Молчановым в торговой школе, пригодились ему в штабной работе. Расторопность, услужливость, желание угодить,

---

⁵³ Александра Ильича Егорова, заместителя наркома обороны СССР, расстреляли как «врага народа» в 1938 году.

ставшие чуть ли не семейной традицией, помогли ему стать незаменимым в окружении бывшего подполковника царской армии Муравьева.

Тогда Жорж был очарован этим «полубогом», «хозяином жизни» и перенял его далеко не лучшие качества.

В начале января 1918 года ленинское правительство решило начать полномасштабную войну против Украинской народной республики. Муравьев стал командующим советскими войсками (около трех тысяч штыков), наступавшими в направлении Полтава – Киев. Именно он разработал план «молниеносной эшелонной войны», которая предполагала быстрое продвижение войск в эшелонах по железным дорогам при полном отсутствии фронта. Этот план сработал, и уже 27 января 1918 года армия Муравьева появилась под Киевом. 9 февраля он доложил Ленину: «Я приказал артиллерии бить по высотным и богатым дворцам, по церквям и попам, бил, никому не давая пощады... Я занял Киев. Сотни генералов, а может, и тысячи, были безжалостно убиты... Так мы мстили. Мы могли остановить гнев мести, однако мы не делали того, потому что наш главный лозунг — быть беспощадными!»

Считая себя «главным красным маршалом», он продолжал: «Думаю начать формирование Социалистической армии из рабочих для того, чтобы при первом зове восставших рабочих Германии, Австрии и других стран мы могли бы подать руку помощи нашим братьям рабочим...»

Ленин телеграфировал в ответ: «Действуйте как можно энергичнее на Румынском фронте».

Для военного похода в Европу понадобились большие деньги, и Муравьев потребовал от Одесской городской думы предоставить ему в трехдневный срок десять миллионов рублей золотом: «Черноморский флот мною сосредоточен, и я вам говорю, что от ваших дворцов ничего не останется, если вы не придете мне на помощь. С камнем на шее я утоплю вас в море и отдам семьи ваши на растерзание. Я знаю, что в ваших сундуках есть деньги... Я знаю этот город. Деньги есть...»

Но вместо ожидаемых десяти миллионов он получил только два. Тогда «диктатор Малороссии» приказал реквизировать все деньги из банков и касс предприятий Одессы. В городе начался хаос. Состоятельные одесситы спешно прятали ценности в укромные места.

Писатель Михаил Афанасьевич Булгаков с присущей ему дотошностью описал этот процесс в своем романе «Белая гвардия». Инженер Василий Иванович Лисович, прозванный жильцами дома по Андреевскому спуску Василисой, тщательно завесил окна простынями и... «взял стул, влез на него и руками нашарил что-то над верхним рядом книг на полке, провел ножичком вертикально вниз по обоям, а затем под прямым

углом вбок, подsunул ножичек под разрез и вскрыл аккуратный, маленький, в два кирпича, тайничок, самим же изготовленный в течение предыдущей ночи. Дверцу — тонкую цинковую пластинку — отвел в сторону, слез, пугливо поглядел на окна, потрогал простыню. Из глубины нижнего ящика стола, открытого двойным звенящим поворотом ключа, выглянул на свет божий аккуратно перевязанный крестом и запечатанный пакет в газетной бумаге. Его Василиса похоронил в тайнике и закрыл дверцу».

И далее: «Пятипроцентный билет прочно спрятан в тайнике под обоями. Там же пятнадцать “катеринок”, девять “петров”, десять “николаев первых”, три бриллиантовых кольца, брошь, Анна и два Станислава. Еще в одном тайнике двадцать “катеринок”, десять “петров”, двадцать пять серебряных ложек, золотые часы с цепью, три портсигара... пятьдесят золотых десятков, солонки, футляр с серебром на шесть персон и серебряное ситечко (большой тайник в дровяном сарае, два шага от двери прямо, шаг влево, шаг от меловой метки на бревне стены. Все в ящиках эйнемовского печенья, в клеенке, просмоленные швы, два аршина глубины).

Третий тайник — чердак: две четверти от трубы на северо-восток под балкой в глине: щипцы сахарные, сто восемьдесят три золотых десятки, на двадцать пять тысяч процентных бумаг». Так Лисович собирался пережить черные времена. Но ограблен он быть чуть ли не на следующий день после закладки тайника.

Никакие ухищрения не сохраняли спрятанные сокровища от всепроникающего Молчанова, которого в роли ловкого кладоискателя приблизил к себе Муравьев. Однако удержать богатую Одессу они не смогли: 13 марта 1918 года в город вошли немецкие войска.

Муравьев заявил, что не признает Брестского мира с немцами, и выехал в Москву, где левые эсеры встретили его как триумфатора и «военного вождя революции».

В Одессе с награбленными ценностями остались Молчанов, адъютант Муравьева Юров и Исидор Константинович Трофимовский, комендант Одесского железнодорожного узла.

В ВЧК узнали об огромных деньгах Юга. Чтобы переманить Трофимовского вместе с сокровищами и вооруженным отрядом в четыреста бойцов с пулеметами и пушками на свою сторону, председатель ВЧК Дзержинский в письме Ленину обвинил Муравьева в превышении власти на Украине, в вакханалии расстрелов и реквизиций, в диктаторских намерениях. Муравьев был арестован и две недели находился в тюрьме, ожидая своей участи. Дзержинский считал, что звезда Муравьева закатилась и он сгниет в подвалах Лубянки.

Но в мае 1918 года в Поволжье и Сибири восстал чехословацкий корпус. Выступила местная контрреволюция.

Спасти положение Советской республики и сохранить эвакуированный в Казань золотой запас России: слитки, монеты и ювелирные изделия на сумму свыше 600 миллионов рублей — мог, по мнению Ленина, только Муравьев. Его освободили из тюрьмы и назначили 13 июня командующим «главнейшего фронта республики», по определению того же Ленина, — Восточного (войска этого фронта состояли из трех армий).

В то же время Ленин приказал Дзержинскому постоянно следить за Муравьевым, «не оставляя его ни на секунду», установив за ним «тайный контроль».

6 июля левые эсеры убили германского посла в Москве, чтобы сорвать Брестский мир с немцами. Но левозэсеровский мятеж был разгромлен. Муравьев заверил Ленина в своей полной поддержке большевиков и пообещал порвать со своими однопартийцами. Ленин телеграфировал председателю ЧК и воентрибунала Восточного фронта Мартину Яновичу Лацису: «Запротоколируйте заявление Муравьева о выходе из партии левых эсеров. Продолжайте внимательный контроль».

Не зря вождь большевиков сомневался в преданности своего главного военного специалиста. Дождавшись прибытия в Казань, где находился штаб фронта, отряда Трофимовского, Муравьев разработал секретный план захвата Москвы и свержения ленинского правительства.

Назначенный начальником снабжения Восточного фронта Трофимовский вместе с Молчановым расположились на пароходе «Миссури», превратив его одновременно в интендантский склад, гарем и мастерскую по изготовлению фальшивых денег. Таким способом «друзья» хотели покрыть хищение части переданного им на хранение (в кладовых городского банка) золотого запаса России. Не случайно чекист Лацис в своих секретных донесениях Ленину именовал «снабженцев» Трофимовского не иначе как «партизанско-бандитской частью». Сам командир этой «части», по словам очевидцев, смотрелся «типичным волжским разбойником, способным на дикие выходки, пытки и расстрелы безвинных обывателей».

Ночью 9 июля 1918 года Муравьев на пароходах отправился из Казани в Симбирск, где арестовал местных большевистских лидеров Шеленкевича и Лаврова, а также командующего 1-й красной армией Восточного фронта Тухачевского (будущего маршала Советского Союза)⁵⁴. Через

---

⁵⁴ Тухачевского Михаила Николаевича, первого заместителя наркома обороны СССР, расстреляли как «врага народа» в 1937 году.

день Муравьев собрал левых эсеров Симбирска и объявил о восстании против большевиков и продолжении войны с Германией. Он приказал войскам Восточного фронта начать наступление на Запад и изгнать немцев с Украины.

«Сохранение Советской власти в современных обстоятельствах требует немедленной передачи власти только левым эсерам, — заявил Муравьев в своем ультиматуме Москве. — Я спасу республику от нашествия немцев и внутренней конституции». Он рассчитывал создать Поволжскую советскую республику, заключить союз со своими недавними врагами — чехами и призвать белых офицеров к совместной защите Отечества.

Ленин мгновенно заклеил изменника «делу пролетарской революции» и потребовал «немедленно расстрелять его»: «...всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте».

О том, что произошло дальше, говорили разное. Когда на заседании губернского исполкома советов Муравьев, чувствуя себя хозяином положения, потребовал отдать власть левым эсерам, возникла драка. Неожиданно погас свет. Раздались выстрелы. Потом одни утверждали, что Муравьев погиб в перестрелке, которую сам начал, другие уверяли, что он пострадал от неосторожного обращения с оружием.

Чтобы не возбуждать лишних слухов, «Известия» сообщили, что предатель Муравьев «застрелился, осознав провал своей авантюры».

Не исключено, что Молчанов, как прилежный ученик торговой школы, раньше других просчитал крушение плана Муравьева «все и сейчас» и, воспользовавшись темнотой и паникой, стал тем «честным гражданином», которого так искал Ленин.

Трофимовский пытался сбежать на флагманской «Миссури», но в Чебоксарах пароход перехватили чекисты — кто-то известил их о секретном речном маршруте. Здесь «снабженцу» Восточного фронта предъявили обвинение «...в грабежах, истязании своих подчиненных и растрате народных денег». В его архивном следственном деле имеется телеграмма Дзержинского от 16 сентября 1918 года с указанием «снять последний допрос с Трофимовского и немедленно расстрелять».

Из всей харьковской компании в живых оставили только Молчанова. Адъютанта Муравьева Юрова расстреляли еще в Одессе за то, что он продавал конфискованные особняки их прежним владельцам.

Обнаруженные в трюме «Миссури» фальшивые деньги были использованы для разложения белогвардейского тыла. А оставленные после ликвидации Муравьева без присмотра российские национальные ценности — золотой запас бывшей империи — захватила 6 августа в Казани белая дружина подполковника Каппеля.

Тогда же Молчанов стал помощником начальника наблюдательного отдела военного контроля при штабе Восточного фронта. Так первоначально называлась военная контрразведка, подчинявшаяся наркомвоенмором Троцкому. Ее обязанности: «...обнаружение, обследование всяких шпионских организаций и производство расследования по этим делам...». Рядом существовала подчиненная Дзержинскому фронтовая ЧК, которой была поручена «борьба с контрреволюционными элементами в войсках...».

В ноябре 1918 года Молчанова перевели в «купеческую столицу» Самару заведовать пунктом военного контроля 4-й красной армии, в которой процветала партизанщина. Командарм Александр Алексеевич Балтийский, бывший царский генерал-лейтенант, окончивший две академии – морскую и генерального штаба, не мог совладать с этой буйной вооруженной толпой. Дело дошло до убийства члена Реввоенсовета Гавриила Давидовича Линдова-Лейтейзена и военного комиссара армии Владимира Петровича Мяги.

Обуздать мятежников Москва послала Михаила Васильевича Фрунзе. 11 февраля 1919 года он телеграфировал председателю ВЦИК Якову Михайловичу Свердлову: «Прибыл лично в распоряжение армии, ознакомился с составом и настроением, а равно с командным составом и политработниками. Требуются большие персональные изменения. Необходимо тщательное расследование всей деятельности не только мятежных частей, но и всего руководящего персонала армии...»

Балтийский сдал Фрунзе должность и остался при нем «для поручений» – фактически в качестве военного советника. Начальником штаба армии Фрунзе взял бывшего генерал-лейтенанта царской армии Федора Федоровича Новицкого. Обладая такой сильной командой, Фрунзе быстро учился у своих военных наставников.

Командовать армией оказалось непросто. Один командир бригады, получив от Фрунзе выговор, обратился за подмогой к своим подчиненным, и те вызвали командарма для объяснений. Другой комбриг потребовал отвести его часть в тыл на отдых, угрожая в противном случае бросить позиции. Третий вообще отказался исполнять боевой приказ...

Фрунзе действовал где уговорами, а где и жесткостью. Молчанов тайно ликвидировал наиболее авторитетных бунтовщиков, и командарм эту помощь оценил и запомнил.

13 июля Фрунзе стал командующим войсками Восточного фронта – вместо Сергея Сергеевича Каменева, назначенного главкомом. Но уже через месяц фронт разделили на два – Восточный и Туркестанский. Фрунзе возглавил Туркестанский фронт, штаб которого разместился в Ташкенте.

Огромный Туркестанский край состоял из Сырдарьинской, Ферганской, Самаркандской, Закаспийской и Семиреченской областей. Основную массу населения составляли узбеки, казахи, киргизы, таджики, туркмены, каракалпаки...

Годом раньше 19 декабря ЦК решил объединить соперничавших между собой военных контрразведчиков и чекистов. В каждом фронтовом управлении и в каждой армии создали особый отдел ВЧК, в дивизии — особые отделения. Задача — бороться со «шпионажем, изменой Родине и другими контрреволюционными преступлениями».

Эта реорганизация спецслужб совпала с вооруженным мятежом в Ташкенте, который возглавил окружной военный комиссар Осипов. Мятежники разгромили Туркестанскую ЧК и расстреляли ее председателя Фоменко. На подавление этого мятежа в числе других чекистов Восточного фронта направили по просьбе Фрунзе и Молчанова. Его назначили начальником особого отдела в Самарканде, но на новом месте у него не заладились отношения с начальником особого отдела Туркестанского фронта Глебом Ивановичем Бокием. Фрунзе не хотел ссориться с Бокием, который, как и он сам, был сторонником военного вторжения в Бухарское ханство, свержения эмира и присоединения Бухары к Советской России. Чекисты Бокия устранили всех приверженцев мирных отношений с Бухарой, сфабриковав дело «бухарской шпионской организации», хотя сами признали позднее: «Следствием фактического шпионажа не установлено, а есть только намеки...»

Поэтому Фрунзе предложил Молчанову отправиться в штаб созданного в апреле 1919 года южнее Актюбинска Северо-Восточного фронта с задачей — преградить путь войскам Колчака в советские районы Казахстана и Туркестана. Его и фронтом назвать было трудно: всего лишь восемь тысяч бойцов, которым противостояли белоказачьи части генерала Белова. Красные войска несли здесь поражение за поражением.

Дисциплина в частях Северо-Восточного фронта практически отсутствовала. Существовало «выборное начало, имела место большая склонность командного состава выносить распоряжения высших властей и другие вопросы на обсуждение митингов».

Заняв должность адъютанта председателя Реввоенсовета фронта Бригадзе, которого он хорошо знал по совместной службе в 4-й красной армии, Молчанов занялся «укреплением командования, установлением порядка и дисциплины в войсках». «Красное воинство», сформированное по месту жительства и передвигающееся на телегах вместе с семьями, не признавало дисциплины. Красноармейцы запросто убивали командиров и комиссаров, если те пытались навести порядок.

Новое назначение Молчанова совпало с очередным мятежом. Повстанцы захватили здание Реввоенсовета фронта, застрелили начальника особого отдела фронта Чарикова, ранили командующего фронтом Астраханцева, избili Брегадзе... Неимоверными усилиями Молчанову удалось уговорить восставших красноармейцев вернуться на боевые позиции. Постепенно положение на Северо-Восточном фронте стабилизировалось — красные войска перешли в наступление и, преодолев сопротивление белоказаков, соединились 3 октября 1919 года с 1-й Туркестанской красной армией.

Молчанов стал адъютантом Фрунзе. Тот не любил вмешиваться в тайные дела чекистов, поэтому возложил на Молчанова все контакты с представителями карательных органов.

Историк Михаил Тумшис считает, что своим восхождением на чекистский олимп Молчанов обязан Фрунзе: «...период работы с ним сыграл в жизни Георгия огромное значение...» После Муравьева Молчанов увидел во Фрунзе нового «красного Бонапарта» — разговоры об этом велись.

Уже в наши дни академик Юрий Поляков, оценив личность Фрунзе, пришел к выводу, что Михаила Васильевича ждало большое политическое будущее: «Фрунзе обладал всеми качествами, необходимыми выдающемуся революционеру: горячее сердце и холодный ум, романтизм и прагматизм, смелость, личное мужество, бесстрашие без рисовки и авантюризма. Скромный в быту, не увлекшийся возможностями, которыми обладали обитатели Кремля, Фрунзе являл собой образец подлинного революционера.

Без нервозности и издерганности Дзержинского, без сталинского дальнеприцельного честолюбия, умения закулисно приближать будущее, сочетая без самовлюбленности Троцкого и Зиновьева деловитость Рыкова и разумное спокойствие Каменева. Подпольщик, партийный руководитель, крупнейший полководец Гражданской войны, выдающийся деятель мирного строительства, он более всего подходил к роли преемника Ленина»⁵⁵.

Но Молчанов недолго работал с Фрунзе — больших перспектив адъютантская должность не сулила. После окончания Уральско-Гурьевской операции (2 ноября 1919 — 10 января 1920), когда войска Фрунзе взяли Гурьев и восстановили советскую власть в Уральской области, Молчанов перешел на чекистскую работу и убыл на Северный Кавказ.

Он больше не встречался с Фрунзе. 31 октября 1925 года наркомвоенмор скончался на операционном столе в Солдатенковской (ныне Бот-

---

⁵⁵ Тумшис М. А. ВЧК. Война кланов. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 81—85.

кинской) больнице. И сразу пошли разговоры о том, что «Фрунзе зарезали». Версии обсуждались разные. Одни полагали, что операция вовсе не была нужна. Другие настаивали, что хирурги действовали нарочито неумело. Третьи утверждали, что ему сознательно ввели двойную дозу хлороформа, убийственную для его слабого сердца. Говорили, что Фрунзе оказался жертвой жестокой политической игры в Кремле.

Бывший секретарь Сталина Борис Георгиевич Бажанов, бежавший в январе 1928 года за границу, писал: «Фрунзе Сталина не очень устраивал, но Зиновьев и Каменев были за него, и в результате длинных предварительных торгов на тройке Сталин согласился назначить Фрунзе на место Троцкого наркомвоенмором и председателем Реввоенсовета, а Ворошилова его заместителем...

Фрунзе был способным военным. Человек очень замкнутый и осторожный, он производил на меня впечатление игрока, который играет в какую-то большую игру, но карт не показывает. На заседаниях Политбюро он говорил очень мало и был целиком занят военными вопросами».

Бажанов, пожалуй, единственный, кроме Молчанова, кто увидел во Фрунзе политического игрока. Возглавив военное ведомство, Фрунзе отменил институт военных комиссаров и поставил во главе военных округов и соединений командиров, «подобранных по принципу военной квалификации, но не по принципу их коммунистической преданности». Бывший сталинский помощник разглядел в этом далеко идущий замысел: «Я был тогда уже скрытным антикоммунистом. Глядя на списки высшего командного состава, которые провел Фрунзе, я ставил себе вопрос: “Если бы я был на его месте, какие кадры провел бы я в военную верхушку?” И я должен был себе ответить: именно эти. Это были кадры, вполне подходившие для государственного переворота в случае войны...»

Бажанов привел слова еще одного личного помощника Сталина — Льва Захаровича Мехлиса, который позже стал заместителем наркома обороны и начальником Политуправления Красной армии:

«Что думает Сталин относительно новых назначений в армии? Ничего хорошего. Посмотри на список: все эти тухачевские, корки, уборовичи — какие это коммунисты? Все это хорошо для 18 брюмера, а не для Красной армии».

18 брюмера 1799 года молодой генерал Бонапарт произвел государственный переворот и со временем стал императором Франции. Брюмер — второй месяц (с 22 октября по 20 ноября) французского республиканского календаря, принятого после революции (иначе говоря, генерал Бонапарт взял власть 9 ноября)...

«Между тем Сталин вел себя по отношению к Фрунзе скорее загадочно, — продолжал Бажанов. — Я был свидетелем недовольства, которое он выражал в откровенных разговорах внутри тройки по поводу его назначения. А с Фрунзе он держал себя очень дружелюбно, никогда не критиковал его предложений... Мои неясные опасения оказались вполне правильными. Во время операции хитроумно была применена как раз та анестезия, которой Фрунзе не мог вынести. Он умер на операционном столе. А его жена, убежденная в том, что его зарезали, покончила с собой... Почему Сталин организовал это убийство Фрунзе? Только ли для того, чтобы заменить его своим человеком — Ворошиловым? Я этого не думаю: через год-два, придя к единоличной власти, Сталин мог без труда провести эту замену. Я думаю, что Сталин разделял мое ощущение, что Фрунзе видит для себя в будущем роль русского Бонапарта. Его он убрал сразу, а остальных из этой группы военных (Тухачевско-го и прочих) расстрелял в свое время...»

Лучшие хирурги страны, оперировавшие Фрунзе, видимо, действительно допустили роковую ошибку, стоившую ему жизни. Но была ли эта ошибка следствием роковой случайности или результатом злого умысла? У историков есть основания его предполагать.

Но одно очевидно: рекомендовать Молчанова на Лубянку Фрунзе не мог. Не успел.

Свои и чужие

На новом месте, в Грозном, Молчанов познакомился с Долгиревым, стал его заместителем, а после перевода Николая Алексеевича в Пятигорск возглавил Грозненскую окружную ЧК.

В основном вся деятельность Молчанова в тот период была связана с ликвидацией бандитизма в Чечне. Чекистам удалось путем агентурного проникновения в банды добиться их распада и ликвидации.

Для подкупа горцев и расчетов с секретной агентурой Молчанов организовал изготовление фальшивых денег. Еще в харьковской торговой школе Жорж-Георгий понял: все продается и покупается. Революционные лозунги о равенстве и братстве не поколебали его веру в силу денег. Специалистами-фальшивомонетчиками стали арестованные им фотограф, художник, студент консерватории и бывший белый офицер. Выполненные ими «путем фотографического метода» 100- и 500-рублевые купюры выпуска 1922 года не отличались от настоящих. Скоро эти деньги наводнили Чечню и прилегающую к ней округу, заменив товарные расчеты патронами.

Еще будучи начальником отдела ГПУ Горской АССР, Долгирев подозревал своего заместителя в причастности к исчезновению казны эмира Узун-Хаджи, провозгласившего образование Северо-Кавказского эмирата, но ликвидированного его соплеменниками, купленными за фальшивые деньги. В 1927 году из Ходжента Долгирев отправил в ОГПУ рапорт, в котором изложил свои подозрения в отношении Молчанова. Этот рапорт явился поводом знакомства зампреда ОГПУ Ягоды с Молчановым, возглавлявшим тогда Иваново-Вознесенский губотдел ОГПУ.

До того времени Молчанов успел поработать в Сибири заместителем начальника Новониколаевского губотдела ОГПУ: полученный им в Чечне опыт борьбы с бандитизмом решили использовать при ликвидации вооруженных банд, скрывавшихся в тайге после разгрома Западно-Сибирского крестьянского восстания.

Но для Молчанова главным врагом в Новониколаевске стали не бандиты и эсеры с меньшевиками, а жена его непосредственного руководителя — начальника Новониколаевского губотдела ОГПУ Бака. Феоктиста Николаевна Жаркова-Бак, будучи помощником окружного прокурора, опасалась, как бы Молчанов не занял пост ее мужа. Поэтому она постоянно сигнализировала в партийные и чекистские инстанции «о моральном разложении Молчанова: приехал на новое место службы с двумя женами — молодыми девчонками, катался бешено на автомобилях, странно общался с людьми и вообще вел себя размагниченно...»

Так ли это было в действительности, сказать трудно: деньги у Молчанова водились, и в маленьких удовольствиях он себе не отказывал. Снять его с должности не давал Павлуновский, который, в свою очередь, опасался Бака как возможного претендента на пост сибирского полпреда ОГПУ.

В такой обстановке мелких ведомственных склок Молчанов провел в Новониколаевске два года. Он был уже готов уходить из органов. В Сибири его держало только золото, спрятанное сургутским урядником Волковым в верховьях реки Вах.

О ценностях Сибирского белого движения, вывезенных в сентябре 1919 года из Тобольска по рекам Иртыш и Обь на восток и пропавших в таежных урманах Среднего Приобья, Молчанов узнал от Михаила Бонифатьевича Шатилова, бывшего министра туземных дел во Временном Сибирском правительстве 1918 года.

После неожиданного для колчаковцев захвата красными Омска в руки сибирских чекистов попали архивы правительственных, дипломатических, военных, разведывательных и контрразведывательных органов противника. На основании этих документов было объявлено

в розыск 5750 активных белогвардейцев, карателей и агентов колчаковской контрразведки. Сибчека организовала учет всех находившихся в Сибири белых офицеров и чиновников временных антисоветских правительств, ввела их обязательную регистрацию. Шатилова заключали под стражу в 1920 и 1921 годах.

Молчанов, изучив секретную ведомственную переписку о розыске колчаковских кладов, добился освобождения из тюрьмы ученого-министра Шатилова, но за свободу потребовал от него выяснить у вождей и шаманов ваховских остяков систему жертвенных прикладных мест в бассейне Ваха, где Волков спрятал часть сокровищ. Чтобы выполнить это задание, Молчанов организовал для Шатилова экспедиции по Ваху с целью исследования хозяйственно-бытовых особенностей жизни ваховских остяков.

Свои секретные отношения с бывшим министром Временного Сибирского правительства Шатиловым Молчанов скрывал от своего непосредственного начальника. Дело в том, что Бак в 1920 году возглавлял секретно-оперативную часть Томской уездной ЧК и знал о маршруте «золотого парохода».

Шатилов не успел отчитаться о результатах своих переговоров со знатью ваховских остяков: 16 мая 1925 года по постановлению ВЦИК был образован Сибирский край, в который вошли пять губерний. А в октябре того же года губернии упразднили и образовали шестнадцать округов. Полномочное представительство ОГПУ по Сибири было преобразовано в Полпредство по Сибирскому краю, в ведение которого включались: Ачинский, Барабинский, Барнаульский, Бийский, Иркутский, Канский, Красноярский, Кузнецкий, Киренский, Минусинский, Новониколаевский, Омский, Рубцовский, Славгородский, Тарский, Тулунский, Томский и Хакасский окружные отделы, Бурято-Монгольский и Ойротский отделы и Якутский областной отдел⁵⁶.

Павлуновского перевели полпредом ОГПУ по Закавказью, а главным чекистом Сибири назначили Леонида Михайловича Заковского (Генриха Эрнестовича Штубиса), который в июне – августе 1918 года служил в Казани и знал об увлечении Молчанова фальшивомонетничеством в отряде Трофимовского.

Молчанову ничего не светило в Новониколаевске, даже мечта о колчаковском кладе не грела, поэтому он с радостью принял неожиданное предложение переехать в Иваново-Вознесенск.

---

⁵⁶ Тюменский, Ишимский, Тобольский (с декабря 1930 года — Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий) окружные отделы находились в подчинении Полномочного представительства ОГПУ по Уралу.

Там шла очередная ротация кадров. Сторонника Троцкого Зорина на посту секретаря губкома ВКП(б) сменил Николай Николаевич Коптилов, активный участник иваново-вознесенских забастовок 1905 года (подпольная кличка Лапа). В чекистских органах текстильного края ему был нужен свой человек, а не «соглядатель» Москвы. Вспомнили о бывшем адъютанте своего земляка Фрунзе (до роковой операции оставалось полгода). В мае 1925 года Молчанов приступил к исполнению обязанностей начальника Иваново-Вознесенского губотдела ОГПУ.

В 20-е годы XX века Иваново-Вознесенск считался третьей пролетарской столицей Советского Союза (после Москвы и Ленинграда). Этот город власти страны взяли под особое попечительство и решили превратить его в «культурно-хозяйственный центр, нужды которого должны быть рассмотрены особо независимо от общего союзного бюджета». Всерьез обсуждалась идея перенесения административного центра РСФСР из Москвы в Иваново-Вознесенск.

До этого решения город поражал приезжих своей неблагоустроенностью: мощеных улиц мало, окраины тонули в темноте. Летом поднималась страшная пыль, а при дожде улицу нельзя было перейти из-за грязи. Основным транспортом были извозчицьи пролетки, трамвай появился лишь в 1934 году.

Транспортные и иные коммунальные проблемы Иваново-Вознесенска не волновали Молчанова. Здесь его обеспечили жильем, сытным продовольственным пайком и служебным автомобилем.

Его нереализованный торгашеский талант раскрылся в полной мере в условиях ажиотажного спроса на текстиль. В губернию за ходовым товаром хлынули спекулянты и перекупщики из Москвы, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Одессы... Все они, как правило, попадали в умело расставленные Молчановым агентурные сети.

В партийных документах тех лет отмечалось, что «Иваново-Вознесенский отдел ОГПУ с успехом и умением проводит экономическую работу... с корнем вырвал спекуляцию мануфактурой, быстро ликвидировал текстильных “королей”, что будировали рынок, помог государству и текстилю снизить цену и вернул на рынок те кипы товара, которые были украдены спекулянтами».

Из конфискованной у торговцев мануфактуры оборотистый, расторопный и услужливый начальник губотдела регулярно снабжал дорогими отрезами губернскую партийную верхушку и московское чекистское начальство.

Такие подношения особенно радовали заместителя председателя ОГПУ Генриха Григорьевича Ягоду, необыкновенная любовь которого

к форменной одежде и ее аккуратному ношению прослеживается через всю его беспокойную жизнь.

Оставаясь в глубине души завзятым портным, он в свободное от напряженной борьбы с контрреволюцией время увлеченно кроил, шил и перешивал свои коверкотовые гимнастерки и суконные галифе, которые, если приглядеться к старым фотографиям, сидели на нем без единой складочки, не топорщились и не провисали в самых неподходящих местах, прекрасно держали нужный объем и линию.

Не случайно ношению чекистской формы посвящено огромное количество приказов, директив и распоряжений, подписанных Ягодой.

Например, циркуляр ГПУ от 5 ноября 1923 года, адресованный всем руководителям низовых органов и подразделений ГПУ, гласил: «Форменное обмундирование является отличием сотрудника ГПУ от рядового обывателя, обязывающее сотрудника быть примером для других как при выполнении служебных обязанностей, так и вне их... Нечищенные сапоги, неопрятные шаровары и гимнастерки, не вовремя положенная заплатка, пришитая пуговица, крючок — уносят миллионы народного достояния».

В конце этого документа — предупреждение: «...небрежное отношение к обмундированию рассматривать так же, как и поступки несбережения оружия».

Когда постановлением ЦИК СССР от 26 ноября 1935 года Ягоде было присвоено звание генерального комиссара государственной безопасности, приравненное к маршальскому, нарком внутренних дел лично разработал новую чекистскую форму одежды, которая отличалась по качеству и богатству украшений от армейской.

По свидетельству еще одного высокопоставленного чекиста-перебежчика Александра Яковлевича Орлова, «Ягода увлекся переодеванием сотрудников НКВД в новую форму с золотыми и серебряными галунами и одновременно работал над уставом, регламентирующим правила поведения и этикета энкаведистов. Только что введя в своем ведомстве новую форму, он не успокоился на этом и решил ввести суперформу для высших чинов НКВД: белый габардиновый китель с золотым шитьем, голубые брюки и лакированные ботинки. Поскольку лакированная кожа в СССР не изготовлялась, Ягода приказал выписать ее из-за границы. Главным украшением этой суперформы должен был стать небольшой позолоченный кортик наподобие того, какой носили до революции офицеры военно-морского флота.

Ягода также распорядился, чтобы смена энкаведистских караулов происходила на виду у публики, с помпой, под музыку, как это было

в царской лейб-гвардии. Он интересовался уставами царских гвардейских полков и, подражая им, издал ряд совершенно экзотических приказов, относящихся к правилам поведения сотрудников и взаимоотношениям между подчиненными и вышестоящими. Люди, еще вчера находившиеся в товарищеских отношениях, теперь должны были вытягиваться друг перед другом. Щелканье каблуками, лихая отдача чести, лаконичные и почтительные ответы на вопросы вышестоящих — вот что отныне почиталось за обязательные признаки образцового чекиста и коммуниста...»

Отличаясь быстрым и практичным умом, Молчанов заметил необычную привязанность Ягоды к форменной одежде и ярким наградным побрякушкам. Из-за этой патологической страсти к дорогим иваново-вознесенским тканям председатель ОГПУ положил под сукно (в прямом смысле этого слова) доклад Долгирева о финансовых махинациях Молчанова.

В апреле 1927 года знаток текстильного бартера стал по совместительству со службой в ОГПУ заместителем председателя губернского исполкома. Для Молчанова не составило труда решить продовольственную проблему в крае путем тайного обмена мануфактуры на несколько эшелонов с продовольствием с Украины и Поволжья. Как представитель губернских властей, он зачастил «по вопросам обеспечения продовольствием» в Москву: ЦК ВКП(б), СНК СССР, ВЦИК РСФСР. Всякий раз с подарками — завязывались связи на самом верху.

Тогда же Молчанов сошелся с Саррой Ноевной Циммерлинг, которая приехала в Иваново-Вознесенск после окончания экономического факультета МГУ. Сыграли свадьбу. Родилась дочь. Жена работала вначале инструктором отдела труда хлопчатобумажного треста, затем заведующей технико-нормировочным отделом фабрики «Ивановская мануфактура».

В 1929 году в связи с образованием Иваново-Промышленной области, в состав которой вошли Владимирская, Ивановская, Костромская и Ярославская губернии, Молчанова назначили полномочным представителем ОГПУ по ИПО. Он получил возможность формировать чекистский аппарат региона «под себя»: двое из наиболее преданных ему сотрудников впоследствии отправились с ним на Лубянку.

«Советским Зубатовым» называли Молчанова в ОГПУ-НКВД. Возглавив в 1931 году советский политический сыск, он за пять лет воплотил в жизнь мечту начальника Московского охранного отделения Департамента царской полиции Сергея Васильевича Зубатова — поставил почти все взрослое население страны на оперативный учет.

Созданная им учетная база, а не доносы завистников, злопыхателей, провокаторов и партийных фанатиков (хотя и доносов было немало) стали «питательным ресурсом» для массового террора 1937–1938 годов⁵⁷.

Секретно-политический отдел в ОГПУ был немногочисленным и простым по структуре. На 1934 год его численность (с учетом периферийных аппаратов) составляла всего лишь 2400 человек. СПО состоял из четырех отделений.

Первое отделение, так называемое «рабочее», занималось освещением «рабочей массы и всех слоев, соприкасающихся с таковой», а также разработкой «антисоветских партий, антипартийных группировок и организаций (кадеты, меньшевики, анархисты, бундовцы, сионисты, троцкисты, мясниковцы и др.)».

Второе отделение — «крестьянское» — разрабатывало кулацкие повстанческие организации и контрреволюционные организации в среде сельской интеллигенции. В его ведение входили учет и освещение, обслуживание политических и хозяйственных кампаний, контроль над советскими органами и сельскохозяйственными заведениями, а также за «антисоветскими партиями, опирающимися в своей основной массе на деревню: правыми и левыми социалистами-революционерами, народными социалистами-трудовиками, трудовой крестьянской партией».

Третье отделение — «городское» — опекало церковных служителей всех культов, проповедников многочисленных религиозных сект. Интересовали его и «бывшие люди»: чиновники царской России, Временного и различных белых правительств, фабриканты, купцы, нэпманы. В функции этого отделения входило также оперативное обслуживание органов милиции.

Четвертому отделению был отведен «молодежный и культурный фронт» — студенчество и учащиеся старших классов школ, профессура, научные и просветительские общества, библиотеки, музеи, театры, издательства, книжный рынок, пресса, литературно-художественные круги.

Надо отметить, что в ОГПУ кроме СПО имелись экономический и транспортный отделы, которые занимались оперативным обслуживанием всех отраслей промышленности, товарного и денежного обращения и всеми видами перевозок.

---

⁵⁷ Согласно документально подтвержденным данным, основанным на статистических сведениях Центрального оперативного архива ФСБ России, всего с 1918 по 1990 год за государственные и иные преступления по политическим мотивам было осуждено 3 миллиона 853 тысячи 990 человек; 827 тысяч 995 из них расстреляны. К концу 1933 года были подвергнуты аресту порядка 519 тысяч 600 кулаков и 1 миллион 100 тысяч крестьян стали спецпереселенцами. На территории нынешней Тюменской области, включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, за это время осуждено судебными и несудебными органами («тройками») за «политику» более 22 тысяч человек; 7 тысяч 290 из них расстреляны.

На особый отдел помимо освещения кадрового состава Рабоче-крестьянской Красной армии возлагалась борьба с политическим бандитизмом, учет и проверка бывших офицеров царской и белогвардейской армий.

На местах с 1931 года при полномочных представителях ОГПУ были созданы оперативные секторы, структурно аналогичные центральному аппарату, которые координировали работу районных и городских отделений ОГПУ. Последние «имеют право и обязаны обеспечивать надлежащее всестороннее изучение района и города и информационно-политико-экономическое освещение их, чекообслуживание всех массовых хозяйственных и политических кампаний, проводимых в районе и городе, а также чекоосвещение советского аппарата, сигнализируя парторганизациям о всех искривлениях и политнастроениях масс, политических процессах и назревающих явлениях в политическом состоянии социальных прослоек и обеспечивая необходимые профилактические мероприятия».

С весны 1933 года во всех районах были введены должности заместителей начальников политотделов машинно-тракторных станций (МТС) по работе с ОГПУ. Основной их задачей назывался «решительный разгром контрреволюции до весеннего сева... выявление скрывавшихся от выселения и вступивших в колхоз кулаков...».

«Социализм – это учет», – завещал Ленин. Молчанов и его подчиненные во многом продолжили работу чекистов в 20-е годы, но теперь все было централизовано: людей, сил и средств для этих мероприятий не жалели. На Лубянке и на местах шло активное накопление материалов на «политически чуждых элементов», обновлялись старые информационные массивы, создавались новые списочные и персональные оперативные учеты новых категорий населения.

Активность эспэошников иногда переходила границы положенного, и они вторгались в сферы интересов других отделов ОГПУ, чаще других – экономического, особенно из-за кладыискательства.

Назначение Молчанова начальником СПО совпало с решением Политбюро ЦК ВКП(б) «О строжайшей проверке наличия валютных и золотых фондов у областных и республиканских ОГПУ и передаче в Госбанк всего наличия валюты и золота, накопившегося в ОГПУ».

Закончилось время, когда, по словам одного из членов Коллегии ВЧК Другова, в «помещении ЧК шкафы ломились от золота, отобранного у обывателей, когда это золото складывалось в нашем хранилище штабелями, как дрова...». Молчанову и Ягоде не удалось присвоить золото и бриллианты, обнаруженные в июле 1935 года в забытом сей-

фе Свердлова (происхождение этих ценностей и документов осталось неизвестным).

Экономический отдел ОГПУ, занимавшийся валютчиками, возглавлял Георгий Евгеньевич Прокофьев, ставший в 1934 году заместителем наркома Ягоды и ждавший удобного случая свалить Молчанова, в котором видел своего соперника.

В такой обстановке ведомственных интриг «советский Зубатов» никому не рассказывал о колчаковском кладе в глухих урманах по берегам реки Вах. Оставленный без его опеки бывший министр туземных дел во Временном Сибирском правительстве 1918 года Шатилов прошел в летней экспедиции 1926 года вверх по Ваху около семисот километров до его правого притока Корельки-ёган — «выше этого пункта имеется по Ваху всего одна юрта в шести днях пути» — составил отчет о результатах научных исследований и... исчез на «десять лет без права переписки».

Наблюдать за речником Долгиревым, знавшим тайну сибирских орденов, Молчанов назначил начальника отделения СПО ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю Матвея Мироновича Подольского, который после образования в 1934 году НКВД стал начальником Томского оперсектора (в зону его оперативного обслуживания входила территория бывшего Ваховского-Ларьякского-Остяцкого туземного района).

Проводимые в стране репрессивно-карательные меры против крестьянства и оппозиционных правящему политическому режиму общественных сил создали серьезную проблему «реализации оперативного учета». Проще сказать, что делать с «оперативными категориями», прежде всего раскулаченными: только в Сибирском крае в 1930 году из 76 тысяч 334 крестьянских хозяйств было раскулачено 55 тысяч 426, или 72 процента (на Украине 61 процент)⁵⁸.

Тогда один из секретарей райкома признался: «Для меня, практического работника, многое было непонятно. Я много читал: прочитал Калинина, Енукидзе, прочитал все последние партийные директивные материалы, все искал, куда же его девать (кулака). Средства мы у него экспроприруем, но ведь он остается как живой человек, девать его некуда. Куда его девать?»

ОГПУ придумало способ устранения зажиточных крестьян: «...начать гигантское строительство искусственных водных путей». Сталин одобрил чекистский проект: «...прорыть канал протяжением в 227 километров, прорезать Карелию от Онежского озера до Белого моря, связав

---

⁵⁸ Папков С. А. Сталинский террор в Сибири 1928—1941. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 43.

Балтику с водами севера, дабы этот канал явился первым звеном сталинской программы реконструкции водных путей Союза».

Тюрьмы и лагеря существовали в России задолго до 1917 года. Но большевики не просто продолжили дореволюционную тюремно-лагерную политику, а превратили в концентрационный лагерь всю страну. Если в 1930 году в тюрьмах и лагерях находилось 171 тысяча 251 человек, то в 1933-м — 334 тысячи, а еще через три года — 1 миллион 296 тысяч⁵⁹. Стиралась грань между заключенными и охранниками. По утверждению «Правды», «на этих стройках замечательным образом решается проблема “чудесного сплава” — перековка людей...» Родилось слово «каналоармейцы»... Строителей Беломорско-Балтийского канала, как и самого Ягоду, и главных надсмотрщиков Френкеля, Фирина, Бермана, Кагана, Рапопорта, Жука наградили одинаковыми орденами Ленина. Издавались массовыми тиражами газеты «Перековка», «Каналоармейка», ежемесячный художественный журнал «На штурм трассы» и серийная «Библиотека “Перековки”» (последние два издания редактировал Максим Горький). Возникла новая литература и изобразительное искусство. Поэт Безыменский славил ОГПУ в роли воспитателя:

Я сообщаю героической Чека,
Что грандиозность Беломорского канала
И мысль вождя, что жизнь ему давала,
Войдут невиданной поэмой в века.

Автор популярного в 30-е годы романа «Человек меняет кожу» Бруно Ясенский от волнения тоже заговорил стихами:

Я знаю: мне нужно учиться —
Писателю у чекистов —
Искусству быть инженером,
Строителем новых людей.

При взаимном интегрировании сторон утверждался колхозно-лагерный казенный стиль. Во всем: в быте, одежде, манере поведения, в отношениях между людьми... Декларированные законы заменили чекистско-уголовные понятия. Наряду с официальными органами власти в стране существовала иерархия «паханов», «воров в законе», «хозяев», «смотрящих», «положенцев», «мужиков», «шестерок»...

Но власть и силу золота («рыжья») не смогли отменить ни партийно-советские постановления, ни чекистские приказы, ни воровские «сходняки».

---

⁵⁹ Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 64—67.

Официальное открытие Беломорканала было торжественным. Из газеты «Каналоармейка»: «Пароход “Анохин” режет воды Беломорского канала. На палубе — Сталин, Ворошилов, Киров и несколько чекистов во главе с товарищем Ягодой. На пароходе как-то по-особому толпятся люди, слышатся возгласы, оживленный говор. Легко опираясь на перила, стоит Сталин.

— Разрешите представить вам строителей Беломорстроя.

— Очень рад, — отвечает Сталин.

— Поздравляю вас с орденом, — обращается Ягода к инженеру-арестанту.

Ягода шутит, смеется. Пароход плывет. Палуба. Плетеные кресла. Сталин и Ягода беседуют. Палуба легонько покачивается...»

А начальник ГУЛАГа Берман встречает очередной эшелон с бывшими кулаками: «Без шума! Вы можете обрести душевный покой... Забудьте о своей прежней жизни и не вредите своему здоровью. Вот вам комендант, и живите ладно. Какой у вас будет режим? У вас будет советский режим! Работайте дружно колхозом, и вы еще будете угощать меня пельменями!»

Чекистско-лагерную идиллию прервал 1 декабря 1934 года выстрел партийного психопата Леонида Николаева, стоявшего на оперативном учете секретно-политического отдела Ленинградского управления НКВД. Стало не до пельменей.

Сквозняк из могилы

Выстрел в Смольном 1 декабря 1934 года стал хлестким ударом для НКВД, и в первую очередь для СПО и его начальника Молчанова, гордившегося созданной системой оперативного учета.

Расследованием убийства Кирова занялась оперативная группа под руководством заместителя наркома внутренних дел СССР Якова Сауловича Агранова. В группу вошли ответственные работники особого и экономического отделов Главного управления государственной безопасности НКВД. Интересы секретно-политического отдела представлял заместитель начальника СПО Генрих Самойлович Люшков.

Сталин сразу же указал на организаторов убийства Кирова. Курировавшим следствие секретарю ЦК ВКП(б) Николаю Ивановичу Ежову и генеральному секретарю ЦК ВЛКСМ Александру Васильевичу Косареву Сталин прямо заявил: «Ищите убийц среди зинovieвцев».

По словам Ежова, эта версия вызвала молчаливое недовольство среди чекистов, и прежде всего среди работников возглавляемого Молчановым секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР. С 1932 года

СПО проводил активную разработку Зиновьева, Каменева и других лидеров оппозиционных групп. Контролировалась их переписка, прослушивались телефонные разговоры.

Целенаправленные действия агентуры СПО привели к тому, что к 1933 году находившийся за границей Троцкий фактически утратил все контакты со своими сторонниками в Советском Союзе. Его переписка с поставленными на оперативный учет бывшими троцкистами сократилась до ничтожных размеров, а затем и вовсе прекратилась.

Итогом этой чекистской деятельности явились представленные в 1934 году в ЦК ВКП(б) документы за подписью Молчанова, свидетельствующие, что материалов о существовании возглавляемых Зиновьевым и Каменевым подпольных антисоветских организаций не имеется.

Выходило, что Молчанов и аппарат СПО проморгали существование террористической группы, состоявшей из членов ЦК ВКП(б), в том числе и исключенных из партии за причастность к троцкизму. Проморгали группу, организовавшую и совершившую убийство члена Политбюро ЦК ВКП(б). А может, сознательно скрывали от партии этих террористов?

Реакцией Сталина на результаты расследования убийства Кирова могла стать кадровая чистка в Наркомате внутренних дел — это прекрасно понимали и Молчанов, и Ягода.

23 февраля 1935 года Сталин получил от заместителя наркома внутренних дел СССР Георгия Евгеньевича Прокофьева донесение о том, что у одного из арестованных был обнаружен архив Троцкого за 1927 год. Сталин воспользовался этим случаем для подключения к разработке бывших оппозиционеров представителя ЦК и наложил на документ резолюцию: «Чрезвычайно важное дело, предлагаю троцкистский архив передать Ежову. Назначить Ежова наблюдать за следствием, чтобы следствие вела ЧК совместно с ЦК».

Ежов сразу же заявил: «...по моему мнению и мнению ЦК партии, в стране существует нескрытый центр троцкистов». Потянуло сквозняком⁶⁰.

Ягода, Молчанов и другие начальники отделов ГУГБ НКВД СССР пытались первоначально выставить Ежова перед Сталиным непрофессионалом, «запрещали всем сотрудникам давать Ежову какую-либо информацию, всеми силами преградить ему путь к аппарату НКВД».

Ежов уловил тактику оттяжек и недомолвок. Он жаловался Сталину, что «в аппарате НКВД пружинят... начальник СПО Молчанов действует без присущей органам оперативности... считает, что никакого серьезного троцкистского подполья в стране нет».

⁶⁰ Цыркун С. А. Кровавые ночи 1937 года. Кремль против Лубянки. М.: Яуза, Эксмо, 2010. С. 36—59.

Сталин посоветовал ему «идти напролом». Ежов стал приходить в НКВД, не оповещая Ягоду и Молчанова... спускался неожиданно в оперативные отделы, влезал сам во все дела, ходил к следователям на допросы, сам вызывал и допрашивал арестованных, беседовал с рядовыми оперативниками ГУГБ НКВД... И тут Ягода, Молчанов и их помощники были бессильны: «Ни договориться с работниками, ни инструктировать их, что говорить Ежову, не смогли».

Постепенно Ежову и поддерживающему его Агранову удалось расколоть руководство НКВД. Они сделали ставку на Управление НКВД по Московской и Ленинградской областям. «Москвичи» арестовали бывшего активного участника троцкистской оппозиции Ефима Александровича Дрейцера и бывшего секретаря Зиновьева Ричарда Витольдовича Пикеля — «сразу же прорвались». Арестованных доставили к заместителю начальника УНКВД по Московской области Израилу Моисеевичу Радзивиловскому, у которого «в результате исключительно тяжелой работы в течение трех недель они начали писать показания».

О том, как вели дела «ленинградцы», рассказал в 1956 году делегатам XX съезда КПСС Никита Сергеевич Хрущев: «Член партии с 1906 года т. Розенблюм был арестован Ленинградским управлением НКВД... Его подвергли жестоким истязаниям, вымогали ложные показания как на него самого, так и на других лиц. Затем его привели в кабинет начальника УНКВД Заковского, который предложил ему освобождение при условии, если он даст в суде ложные показания по “делу о Ленинградском шпионском диверсионном террористическом центре...”. Заковский сказал, что НКВД готовит дело об этом центре, причем процесс будет открытым... дело в Ленинградском центре должно быть поставлено солидно. А здесь решающее значение имеют свидетели. Тут играет немаловажную роль и общественное положение... “Самому тебе, — говорил Заковский, — ничего не придется выдумывать. НКВД составит для тебя готовый конспект по каждому из филиалов отдельно, и твое дело его заучить, хорошо запомнить все вопросы и ответы, которые могут задавать на суде... От хода и исхода суда будет зависеть дальнейшая твоя участь. Сдрейфишь и начнешь фальшивить — пеняй на себя. Выдержишь — сохранишь кочан (голову), кормить и одевать будем до смерти за казенный счет”».

На такие материалы, поступавшие от сторонников Ежова в СПО ГУГБ НКВД, Молчанов реагировал не иначе как «...что за чепуха, ерунда... какая связь с Троцким, Седовым, с Берлином...». Ягода на протоколах допросов арестованных в Москве и Ленинграде бывших троцкистов «о существовании троцкистско-зиновьевского центра, директиве Троц-

кого об убийстве руководителей ВКП(б) и правительства» написал: «Челуха, ерунда... не может быть». Копии этих документов с резолюциями Молчанова и Ягоды были направлены Ежовым в ЦК ВКП(б). Позиция секретно-политического отдела ГУГБ НКВД стала ясной Сталину: «...работая по старым трафаретам, СПО перестал удовлетворять современным требованиям государственности».

Отставка уже холодила Молчанова, и он засобирился в Сибирь. К Долгиреву. За золотом. В эту экспедицию он пригласил Якова Арнольдовича Бухбанда, начальника Управления НКВД по Крымской АССР, по совместительству возглавлявшего местное отделение... Союза писателей.

В истории царских и советских спецслужб бывали случаи, когда их руководители увлекались сочинительством. Заведующий зарубежной агентурой Департамента полиции Ратаев писал пьесы для петербургских театров.

На драматической ниве трудился Всеволод Николаевич Меркулов, будущий нарком госбезопасности (1941–1946). В 1927 году он сочинил свою первую пьесу, которая шла в театрах Грузии, а вершиной его творчества стала пьеса «Инженер Сергеев», получившая высокую оценку у театральных критиков.

Даже Заковский пробовал силы на литературном поприще. В 1931 году вышла его брошюра «Физкультура на службе пятилеток», а за ней – ворох статей: «Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожать до конца», «Выкорчевывать до конца троцкистско-бухаринскую агентуру фашистов», «Предателям Родины троцкистско-бухаринским шпионам нет и не будет пощады», «Подрывная работа церковников-сектантов...». Эти «произведения» Заковского были рекомендованы для изучения в партийных организациях.

У Бухбанда, в отличие от Меркулова и Заковского, казалось бы, никаких задатков к писательскому труду не наблюдалось. Русским языком он владел плохо, так как родился в 1893 году в Перемышле Австро-Венгрии. Отец был рабочим-винокуром. С 1912 по 1914 год Бухбанд состоял в рабочей социал-демократической партии в Вене. В связи с войной был призван в армию, служил бомбардиром. Попал в плен, содержался в лагере в Тюмени. В 1917–1918 годах был председателем интернациональной секции в Екатеринбурге, тогда же вступил в РКП(б). В 1919 году работал редактором газеты на немецком языке на Урале. Воевал в составе отряда Красной гвардии против чехословаков на Урале, был военкомом и командиром интернационального батальона и 37-й бригады ВНУС. 15 мая 1919 года направлен в органы ВЧК – уполномоченным Екатеринбургской ЧК и начальником агентуры.

Участвовал в подавлении Красноуфимского восстания офицерской организации «Союз спасения России». В 1921 году назначен начальником по политическим партиям Владикавказской ЧК и оперативного штаба по борьбе с бандитизмом Пятигорской ЧК. В 1922-м возглавил Рыбинскую ЧК. В этом же году стал начальником контрразведывательного отдела Приволжского военного округа и СОЧ Кубано-Черноморского облотдела ОГПУ. С 15 марта 1924-го – начальник Амурского губотдела ОГПУ, с 30 сентября этого же года – заместитель начальника Приморского губотдела ОГПУ. Принимал участие в ликвидации банд китайских хунхузов. С 6 марта 1926 года занял должность начальника Таганрогского окротдела ОГПУ и по совместительству начальника особого отдела 13-й Дагестанской дивизии... Награжден орденом Красного Знамени (1928), золотыми часами (1921) и золотыми часами с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией от Коллегии ОГПУ» (1930), нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (1922).

В автобиографическом романе «Путь солдата» Бухбанд описал, как в австро-венгерской армии над ним издевались сослуживцы-антисемиты. Не лучше было и в русском плену. В тюменском лагере для военнопленных царила эксплуатация, когда пленных отдавали на работы владельцам окрестных земель, а также коррупция, когда за взятки охрана разрешала пленным выходить за территорию лагеря. Ко всем прочим бедам начались болезни. «В нашем лагере начался тиф... Стало умирать от тифа ежедневно человек по десять. Городские власти стали бояться нас как чумы. Умерших наваливали на телегу и увозили закапывать в яму. Жить стало невыносимо».

После революции герой «Пути солдата», как и сам Бухбанд, видит свой долг в физическом уничтожении врагов нового строя. К примеру, в ходе борьбы за влияние на умы военнопленных в Тюмени он сталкивается с антибольшевистски настроенным лейтенантом Шиллером: «Лейтенант Шиллер не скупился на деньги. Он “вознаграждал” оставшихся верными “отечеству” и помогавших ему скупать платину и золото. Эти ценности под видом дипломатической почты Красного креста он отправлял за границу... Я предложил ликвидировать лейтенанта Шиллера и перехватить дипломатическую почту...»

Во второй части этого произведения «чех-большевик Новак убивает младшего брата-контрреволюционера и собирается убить старшего». Герой вышедшей в 1924 году пьесы «Расправа» душит изменившую пролетарскому делу сестру.

А в 1928 году, будучи уже начальником Таганрогского окружного отдела ОГПУ, Бухбанд сочинил пьесу «Полковник Лавров», главными

действующими лицами в которой показал... Долгирева и себя: «Начальник оперативного штаба по борьбе с бандитизмом, 28 лет, среднего роста, бритый, с иностранным акцентом (австриец), одет в кожаную тужурку... Не сидит в штабе, а лично уничтожает членов банды полковника Лаврова».

Склонность к садизму отмечали в служебных характеристиках Бухбанда: «Любил участвовать в исполнении смертных приговоров... Хороший следственный, но плохо знает русский язык, занимаемой должности соответствует при обязательном условии: иметь хорошего, развитого секретаря, знающего русский язык».

Таким секретарем стал для него Молчанов — они познакомились в Чечне, вместе внедрялись в банды, «проявляя многочисленный риск для жизни и личное мужество». Потом их пути разошлись.

В марте 1930 года Бухбанд возглавил Читинский окружной отдел ОГПУ, где прославился изощренной борьбой с православным духовенством. В октябре 1932 года его назначили начальником Управления лагерей ОГПУ Средней Азии. А еще через год — начальником знаменитого СЛОНа — Соловецкого лагеря особого назначения.

На новой, более спокойной, чем прежде, службе он стал больше времени уделять литературному творчеству. Его произведения о чекистах удостоились хвалебных отзывов самого... Горького. Так что Бухбанд начал посматривать свысока на профессиональных писателей с именем и даже позволял себе глумиться над ними. Когда на Соловки для описания процесса «перековки» врагов советской власти приехал Михаил Пришвин, то соловецкий «хозяин» вел себя так, что талантливый писатель, учившийся до революции в Тюмени в реальном училище, записал в дневнике: «Бухбанд: патефон и балалайка».

В 1935 году Бухбанда перевели в Крым. Там дом чекиста-писателя частенько посещали именитые собратья по перу — Маршак, Авдеенко, Павленко... По их примеру начальник УНКВД по Крымской АССР приступил к написанию новой книги «Перековка» о жизни заключенных на строительстве Беломорско-Балтийского канала.

Молчанов, посчитав, что эта тема уже достойно воспета в советской литературе, предложил открыть для читателей рождение в сибирской тайге нового города Остяко-Вогульска, построенного для туземцев перековавшимися кулаками.

В Омске Молчанова и Бухбанда ждали главный кадровик НКВД Булатов, ставший партийным секретарем образованной в декабре 1934 года Омской области, и начальник Омского УНКВД Эдуард Сальнь, который до этого был полпредом ОГПУ в Крыму. И Долгирев — учитель и на-

ставник Бухбанда, герой его первых книг о полной опасности жизни чекистов. Вся компания разместилась на пароходе «III Интернационал», который взял курс через Тобольск на Остяко-Вогульск.

В пути вспоминали начальника специального (секретно-шифровального) отдела НКВД Бокия, склонного к мистицизму и оккультизму⁶¹. За немалые народные деньги он искал следы доисторических высокоразумных цивилизаций: на стыке Индии, Тибета и Афганистана — легендарную Шамбалу, в Крыму — остатки древнейшей «друидической» культуры, в Среднем Приобье — «допотопную страну» вогулов и их эпохальную языческую святыню — Золотую бабу.

Ориентировкой для районных уполномоченных Остяко-Вогульско-го и Ямало-Ненецкого окружных отделов НКВД служило описание Золотой бабы, составленное еще в начале XVI века послом австрийского императора в Московии бароном Сигизмундом фон Герберштейном: «Этот идол Золотая старуха есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребенок, про которого говорят, что он его внук».

Эти поиски пращивилизаций и гипотетические идеи овладеть известными древним обществам научно-техническими знаниями и приспособить забытое идолопоклонение для коммунистической идеологии вместо «задушенного» православия и неосуществимой миссии «мировой революции» были санкционированы Коллегией ОГПУ во главе с Держинским еще в 1924 году.

Подобные фантастические на первый взгляд экспедиции в Абиссинию (ныне это Эфиопия) и в Гималаи, на гору Нанга-Парбат, а также поиски чаши Святого Грааля, из которой якобы вкушал Христос на Тайной вечере, предпринимались в 20–30-е годы и в Германии.

Нацисты с особой страстью популяризировали миф об Атлантиде и стремились поместить ее на Крайнем Севере. Сказание о чистокровных белокурых и голубоглазых асах и их столице Асгарде вошло в книгу ведущего нацистского идеолога Альфреда Розенберга (выходца из России), ставшую для нацистов второй по важности после «Майн кампф» Адольфа Гитлера. Розенберг верил в то, что когда-то климат северных широт был мягче, чем сегодня, — настолько, что допускал расцвет некоей допотопной цивилизации.

В ОГПУ-НКВД Бокия считали масоном: из старых соучеников по Петербургскому горному институту и чекистов он организовал ми-

⁶¹ Когда в 1937 году проводился обыск в кабинете «предателя и контрреволюционера» Бокия, то обнаружилась связь засушенных мужских членов, которые, как объяснил их хранитель, предназначались для «секретных магических опытов».

стический кружок «Единое трудовое братство», водил дружбу с Сергеем Ольденбургом, крупным ученым-востоковедом, министром просвещения Временного правительства, членом ЦК партии кадетов, директором Института востоковедения, и Николаем Рерихом, художником, путешественником, с 1919 года жившим вне России, совершившим несколько экспедиций по Индии, Гималаям и Тибету. Вожди Коминтерна замыслили создать в тех местах большое монголо-сибирское государство Красная Шамбала, которое могло бы стать отличным плацдармом для продвижения революции в другие страны Центральной Азии.

Однако мистические чекистские опыты по «скрещиванию» буддизма с ленинизмом оказались бесплодными. В июне 1926 года Рерих отправился из столицы Западного Китая Урумчи в Москву по рекам Зайсан и Иртыш до Омска, дальше поездом. В Тюмени ему передали вчетверо свернутый лист бумаги:

«Строго секретно. Конфиденциально. В собственные руки. Товарищу Рериху Н. К.

Уважаемый Николай Константинович!

Ваше пребывание в СССР нелегально. Или в лучшем случае полунелегально. Для разведок западных стран, а также Японии, Индии и Китая, но прежде всего Англии, ваша экспедиция «затерялась» месяца на два-три в Китае. Конечно, шила в мешке не утаишь, особенно многое известно китайцам, но пусть это будут только слухи, которые всегда можно официально опровергнуть.

Наша с вами главная задача: ничего о вашем пребывании в СССР не должно появиться в печати. Поэтому:

1) В пути до Москвы по возможности никаких официальных встреч (впрочем, местные товарищи будут предупреждены). И категорически — никаких контактов с журналистами, никаких интервью и прочее.

2) В Москве — то же самое и еще более категорически. Об этом мы позаботимся сами, но и вы имейте в виду.

Яхонт. Прочитав, уничтожьте».

Под псевдонимом Яхонт скрывался Бокий. Предупрежденные им «местные товарищи» доложили на Лубянку об остановке Рериха в Тюмени: «Совершил поездку по городу на автомашине, предоставленной окружным отделом ОГПУ»⁶² (в то время Тюмень входила на правах округа в Уральскую область с центром в Свердловске).

⁶² Академик Рерих скоропостижно умер 13 декабря 1947 года в Индии. По одной из версий, его отравили агенты МГБ СССР, растворив яд в гранатовом соке (Андреев А. И. Время Шамбалы. СПб.: ИД «Нева», 2004).

Не без влияния Бокия в январе того же 1926 года с письмом к Сталину обратился Борис Астромов-Кириченко, дворянин, юрист по образованию, занимавший пост генерального секретаря ложи «Астрея» автономного русского масонства.

Астромов и его «братья» по ложе предлагали объединение большевиков и масонов: «...тем более соввласть уже взяла масонские символы: пятиконечную звезду, молоток и серп».

Постановлением Особого совещания при ОГПУ от 18 июня 1926 года Астромов был признан виновным в том, что «являлся руководителем масонских лож в Москве и Ленинграде, которые действовали в направлении оказания помощи международной буржуазии в свержении советской власти». Через год его амнистировали в связи с десятилетием Октябрьской революции и выслали в Тобольск.

Бокий был знаком с Константином Носиловым, странствовавшим по Тобольскому Северу и считавшимся единственным русским, которому хранители-вогулы показали легендарную Золотую бабу.

Бокий рекомендовал в 1932 году на должность директора Госполитиздата Николая Накорякова (партийная кличка Назар Уральский), путешествовавшего не по своей воле по северным рекам: Конде, Пельуму, Тавде, Сосьве, Лозье... Его привлекли также к секретной операции по возвращению на родину из-за границы на постоянное жительство Горького.

По чекистским понятиям

В сентябре 1932 года в Советском Союзе широко отметили 40-летие литературного труда Максима Горького. Великому писателю вручили орден Ленина — высшую к тому времени государственную награду. В Москве главную улицу Тверскую и художественный театр назвали его именем. Да что театр! Город Нижний Новгород стал называться Горьким. В Крыму под наблюдением Бухбанда заключенные срочно ремонтировали приморский дворец в местечке Тессели, где пейзажи не только напоминали, но и заменили бы Алексею Максимовичу жизнь в Италии, на Капри, в Сорренто...

По поручению Сталина Бокий попытался использовать раннее богоскательство и богостроительство Горького для создания новой религии на основе языческого идолопоклонства, где главные боги, Ленин и Сталин, в окружении полубогов, среди которых и сам Алексей Максимович.

Накоряков привлек бедствовавшего тогда крестьянского поэта Сергея Клычкова к стихотворной обработке вогульских народных эпических сказаний и шаманских песен, собранных с 1915 по 1927 год этно-

графом Михаилом Плотниковым. Горький высоко оценил изданную в 1933 году в Москве — Ленинграде вогульскую поэму «Янгал-Маа» и ее обработку «Мадур Ваза — победитель».

«Жизнь Клима Самгина» о причинах духовного кризиса его поколения писалась трудно. Поэтому писателя привели в восторг рассказы о богатыре Вазе, красавице Ан-Ючо, злом боге Мейке, страшном прародителе Пенегезе, огненной птице Таукси и многих других богах, шайтанах и героях «Янгал-Маа».

В этих красочных описаниях присутствовали люди-боги и полубоги, почти мифические гиганты, титаны и чародеи, создавшие таинственную цивилизацию, чем-то похожую на исчезнувшую Атлантиду.

Этими сказочными богатырями Горький считал чекистов, которым адресовал поздравление в связи с 15-летним юбилеем ОГПУ (20 декабря 1932 года): «Вы знаете, как я отношусь к работе товарищей, как высоко ценю их героизм... Ближе время, когда больной и лживый язык врагов онемееет, и все оклеветанное ими будет забыто, как забываются в ясный день ночные тени... Крепко жму руки всех лично знакомых мне товарищей и — мой горячий привет всем работникам ГПУ».

В марте 1933 года Горький простился с виллой «Иль Сорито», Сорренто, Неаполем, с Италией. Советский пароход «Жан Жорес», в команду которого включили трех «матросов» из ОГПУ, взял курс на Одессу. На родину возвращался гений, полубог, большой друг Ленина и Сталина.

Этот год, 1933-й, запомнился предпраздничной суетой: партия и страна готовились к XVII съезду ВКП(б) — «съезду победителей». Ждали принятия партийного кодекса — новой религии: закрывались и разрушались последние православные храмы, мусульманские мечети, католические костелы, иудейские синагоги и моленные дома сектантов. Все ведомства увлеклись тогда разработками положений и уставов, регламентирующих правила поведения и этикета советских служащих.

ОГПУ не оставалось в стороне от этих новшеств. Тщеславный Ягода также считал себя уже фигурой до некоторой степени исторической. В газетах появились хвалебные статьи об его организаторских способностях и фотографии Сталина и Ягоды, где они были изображены чуть ли не в обнимку. В стране пели песню:

Сам Ягода ведет нас и учит.

Зорек глаз его, крепка рука...

Его имя носили заводы и фабрики, колхозы и учебные заведения. На его родине, в городе Рыбинске, существовала площадь Ягоды (ныне Соборная), обсуждался проект переименования Рыбинска в Ягоду. Не хватало лишь книги о нем. Но явился начальник Горьковского

УНКВД Погребинский, известный своими литературными увлечениями. По воспоминаниям Горького: «...он носит рыжую каракулевую шапку кубанских казаков, и “социально опасные” зовут его “Кубанка”. Он говорит с ними на “блатном” языке тем же грубовато-дружеским и шутивным тоном, как и они с ним». Набив руку и отточив перо на описании быта и нравов преступного мира, Погребинский посчитал, что дорос до восхваления Ягоды.

Главным чекистским понятием стало: «Чекист должен умереть или от руки врага, или от руки ОГПУ. Естественная смерть для чекиста исключена».

В отношении ОГПУ-НКВД Ягода выступал приверженцем железной дисциплины и за малейшие признаки «морально-бытового разложения» карал безжалостно, вплоть до увольнения и предания суду. Он мечтал создать беспрекословно подчиняющуюся ему структуру, в которой не оставалось бы места для личной жизни.

В то же время сам Генрих Григорьевич серьезно увлекся «прелестницей Тимошей» — так по обычаю большой семьи Горького называли сноху писателя, жену его единственного сына Максима Надежду. Дочь московского профессора-уролога Введенского, бывшая гимназистка с толстой косой, она уже успела сбежать «на скорую руку» замуж за инженера Сергея Синицина, затем сменила нескольких временных партнеров, пока не встретила Максима Пешкова. По свидетельству современников, 26-летняя Надя-Тимоша была очень красива и эффектна. Благодаря своей привлекательной внешности она очень выигрывала перед subtilной супругой Ягоды Идой Леонидовной Авербах, работавшей помощницей прокурора Москвы (ее брат Леопольд Авербах возглавлял РАПП — Российскую ассоциацию пролетарских писателей, которую сменил Союз советских писателей во главе с Горьким).

На «прелестницу Тимошу» и другие мужчины заглядывались, особенно после неожиданной смерти 11 мая 1934 года ее мужа. Максим Алексеевич в конце апреля собирался в Ленинград, но почему-то изменил планы и отправился на майские праздники на дачу НКВД в Серебряном Бору. Там он находился с секретарем Горького Петром Крючковым, которого в семье писателя звали Пепе Крю. Друзья крепко выпили — оба предпочитали ерша (водку с пивом). Макс полежал на травке и простудился — крупозное воспаление легких. Врачи оказались бессильны.

Безутешную вдову Надежду Алексеевну постоянно опекал «друг семьи» Ягода. Для пущей надежности ее по команде наркома охраняли сотрудники оперативного отдела ГУГБ НКВД, резко отшивавшие любого ухажера.

На очаровательную вдову «положил глаз» Алексей Николаевич Толстой, писатель, «красный граф»: на машине подвез, букетик сирени подарил – все так мило и трогательно. Но какой-то человек в военной форме вежливо предупредил графа: «Место прочно и надолго занято, и если вы не желаете сменить длинную прическу на стрижку “под ноль”, то не должны больше покупать и дарить цветы. Даже сирень». Писатель Толстой намек понял и мгновенно ретировался.

Возможности Ягоды в сравнении с другими претендентами на сердце и тело Тимоши – властные и финансовые – были куда значительнее: только на ремонт ее дачи в Жуковке из средств НКВД было потрачено 160 000 рублей. Также за счет ведомства содержались многочисленные родственники и творческое окружение наркома. Пополнение секретных фондов НКВД путем кладоискательства возлагалось на Молчанова.

А Бокий держал наркома внутренних дел обещаниями укрепить магическими заклинаниями и языческими амулетами угасавшую мужскую силу, столь необходимую в общении с «прелестницей Тимошей».

С берегов далекого Казыма привозили в Москву остяцких шаманов, показывали им метро, катали на аэропланах. А по ночам на даче Ягоды в Озерках, близ печально известного Бутовского спецполигона НКВД, где тайно закапывали расстрелянных в подвалах Лубянки, шаманы проводили колдовские камлания. Обращаясь к духам, они направляли свои усилия на то, чтобы внести покой в души высокопоставленных чекистов и поддержать растраченную при нервной работе потенцию.

При этом Ягода использовал для интимных утех и более современные средства: большой набор порнографических фотоснимков, порнофильмы и фаллоимитатор – резиновый половой член.

Молчанов давно не верил ни в бога, ни в коммунизм, ни в колдовство. У него была своя религия – деньги и власть. К этой религии он хотел приобщить Долгирева.

В Остяко-Вогульске партийно-чекистскую экспедицию встретил начальник окружного отдела НКВД Петров. Долгирев считал, что Петров, «оперативно изъяв» в декабре 1932 года хранителя колчаковского клада Кунина-Шатина, не сумел добиться от него признания о тайнике в системе жертвенных прикладных мест. Замученного на допросах «кана-царя» ваховских остяков «списали в расход» постановлением ПП ОГПУ по Уралу. Через год остяки, возбужденные слухами об исчезновении своего «правителя», восстали. Их выступление подавил чекистско-войсковой спецназ под командованием Сергея Васильевича Здоровцева, полномочного представителя ОГПУ по созданной здесь в декабре 1933 года Обско-Иртышской области.

До этого назначения Здоровцев был заместителем полпреда ОГПУ по Средневолжскому краю Бака. А Борис Аркадьевич по чекистской службе в Томске и Новониколаевске знал о маршруте «золотого» колчаковского парохода. Поэтому он с такой настойчивостью продвигал своего заместителя в Тюмень (после упразднения в декабре 1934 года Обско-Иртышской области старший майор госбезопасности Здоровцев стал заместителем начальника УНКВД по Омской области).

В Остяко-Вогульске группа столичных и местных кладоискателей разделилась: Булатов, Салынь, Бухбанд и Петров остались помогать чекисту-писателю собрать материал для его эпохального романа «Перековка». Главный «перековщик», председатель Остяко-Вогульского окрисполкома Яков Матвеевич Рознин, скоропостижно скончался 13 мая 1934 года. Его, как «сгоревшего на работе», и окружных чекистов, перевоспитателей высланных в эти места кулаков, Бухбанд собирался ярко представить в своем будущем произведении.

Молчанов и Долгирев на катере окротдела НКВД отправились на охоту: через Сургут в верховья Ваха. Несколько раз сходили на берег. Около селения Большестархово задержались дольше обычного — что там произошло, никто не знает. Официальная версия: «несчастный случай на охоте».

Чужими руками

Неудачное кладоискательство Молчанова и трагическая гибель ветерана-чекиста Долгирева не особенно расстроили Ягоду. Его роман со вдовствующей Надей-Тимошей развивался бурно: помогли колдовские мистерии остяцких шаманов или иные искусственные средства. В октябре 1935 года ему присвоили маршальское звание — он стал Генеральным комиссаром государственной безопасности и получил придуманный специально для него новый мундир.

Ягода теперь носил темно-синюю приталенную однобортную шерстяную тужурку с золотым кантом на воротнике и обшлагах рукавов, белую рубашку с черным галстуком, темно-серый шерстяной реглан и темно-синие брюки навыпуск с малиновым кантом. На рукаве тужурки красовалась большая золотая звезда, окаймленная красным, синим, зеленым и краповым шитьем, в центре звезды помещались красный серп и молот, а под ней — золотой жгут. Такая же звезда была и на петлицах.

А Молчанов щеголял в синей фуражке с краповым околышем и малиновым кантом, в коверкотовой гимнастерке с золотым шитьем

и в синих габардиновых бриджах. Но носить такую роскошную форму им довелось недолго.

Расследовавший «несчастный случай на охоте» следователь по важнейшим делам при прокуратуре СССР Шейнин, возвратившись из Омска в Москву, побывал у Сталина. Из его кабинета Лев Романович вышел начальником следственного отдела прокуратуры Союза ССР. Ему Сталин поручил ведение дел на Молчанова и Ягоду, и первые допросы были посвящены выяснению обстоятельств исчезновения золота и бриллиантов, конфискованных у церкви, и найденных кладов.

Но пока партия и НКВД готовились к первым большим московским процессам над лидерами оппозиции. В августе 1936 года судили Зиновьева, Каменева и четырнадцать их сторонников.

Ягода, Молчанов, другие руководители НКВД и следователи отлично знали, что Зиновьев с Каменевым никого не убивали и не собирались убивать. Была надежда: открытый судебный процесс провалится. Сталин отвернется от непрофессионала Ежова и вновь доверится им — мастерам тайных операций и создателям оперативного учета.

Они не понимали: Сталин решил истребить весь оперативный учет — чекистскую бухгалтерию «актива — пассива» и «бывших», чтобы обезопасить себя от случайных выстрелов, подобных прозвучавшим 1 декабря 1934 года в Смольном. Они, как заявил позднее бежавший из Испании в США высокопоставленный чекист Орлов, не догадались: «Сталин наметил уничтожить также их самих как нежелательных свидетелей его преступлений и как своих прямых соучастников в подготовке фальсификаций, направленных против старой ленинской гвардии».

Что касается позорных проколов и несообразностей на августовском 1936 года и на последующих судебных процессах, о которых весь мир известили многие зарубежные информационные агентства, газеты и журналы, то Ежов представил эти просчеты как результат активного противодействия со стороны Молчанова и других руководителей НКВД, включая самого наркома Ягоду.

В своем недовольстве работой возглавляемого Молчановым секретно-политического отдела ГУГБ НКВД Сталин еще больше укрепился после побега из-под стражи героя Гражданской войны Гай Дмитриевича Гая (настоящее имя Гайк Бжишкян), начальника кафедры военной истории Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. Положенное ему звание комкора он получить не успел, потому что был арестован в июле 1935 года за то, что, «будучи выпивши, в частном разговоре с беспартийным сказал, что “надо убрать Сталина, все равно его уберут”».

В Первую мировую войну Гай воевал на турецком фронте, за храбрость получил три Георгиевских креста и был произведен в прапорщики. Летом 1918 года он командовал отрядом Красной армии в районе Сенгилея, южнее Симбирска. После захвата белыми Пензы, Самары, Симбирска отряд Гая оказался отрезанным от основных сил красной 1-й армии. Вышедший из окружения трехтысячный отряд стал основой при формировании Симбирской дивизии, названной позднее за стойкость в боях 24-й Железной. В составе войск красной 1-й армии Восточного фронта (командующий М. Н. Тухачевский) дивизия принимала участие в освобождении 12 сентября Симбирска, одной из первых вошла в Самару. В декабре 1918 года Гай был назначен командующим красной 1-й армией, которая участвовала в боях за Бугуруслан, Бузулук, Оренбург, Орск.

Четвертым в стране Гай удостоился ордена Красного Знамени. В приказе РВС № 160 от 9 июля 1919 года указано: «Награждается орденом Красного Знамени товарищ Гай Дмитриевич Гай (Бжишкян) за проявленные им в бытность начальником 24-й Железной дивизии и командующим 1-й армией особую храбрость и мужество при боевой деятельности на Восточном фронте, где под его непосредственным начальстве и при личном участии была освобождена от чехословацких и белогвардейских банд часть Волги и взят целый ряд городов».

Летом 1919 года по поручению РВС Гай сформировал 1-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию и участвовал с ней в разгроме денкинских войск на Южном фронте. Весной 1920 года командовал 2-м конным корпусом на Северном Кавказе и 3-м конным корпусом в составе красной 4-й армии на Западном фронте против белополяков. Корпус прорвал фронт, зашел в тыл врага, захватил Вильно, Гродно, Ломжу, Осовец и достиг Вислы у Влоцлавска. Прикрывая отход войск 4-й армии и оказавшись в окружении, корпус Гая перешел границу Восточной Пруссии, где был интернирован.

По возвращении из Германии Гай был зачислен на курсы высшего состава при военной академии Генерального штаба. Его перу принадлежит более десятка научных трудов: «Разгром 4-го армейского корпуса Бакича», «Первый удар по Колчаку», «Борьба с чехословаками на Средней Волге», «В германском плену», «Империалистическая война 1914–1918 гг.», «Русско-японская война 1904–1905 гг.»...

Этого безусловно отважного и толкового военачальника обвинили в подготовке террористического акта против Сталина. Особое совещание при НКВД СССР приговорило Гая к пяти годам тюремного заключения. 22 октября 1935 года он в сопровождении спецконвоя

НКВД (три конвоира) в особом купе был направлен из Москвы в Ярославскую тюрьму.

В тот же день около одиннадцати часов вечера в трех километрах от станции Берендеево (Иваново-Промышленная область) Гай попросился в уборную. Воспользовавшись тем, что конвоиры остались в коридоре, он разбил стекло, вышиб оконную раму и выпрыгнул из поезда на ходу. Обнаружить беглеца сразу не удалось.

На место происшествия была направлена оперативная группа под руководством Молчанова. К поискам Гая привлекли местных чекистов и коммунистов — безрезультатно.

Через два дня его искали уже девятьсот курсантов Высшей пограничной школы НКВД — был оцеплен район побега в радиусе ста километров. Проверялись все поезда и вокзалы, велось наблюдение за знакомыми Гая. Лишь к тринадцати часам 24 октября 1936 года Гай был задержан, но нашли его со сломанной при прыжке с поезда ногой в стogu сена не чекисты, а местные колхозники.

Возмущению Сталина, находившегося в отпуске в Сочи, не было предела. 25 октября он написал Молотову, Кагановичу и Ягоде: «Из обстоятельств побега Гая и его поимки видно, что чекистская часть НКВД не имеет настоящего руководства и переживает процесс разложения. Непонятно, на каком основании отправили Гая в тюрьму в особом купе, а не в арестантском вагоне? Что это за порядки?

Версия побега через окно на полном ходу поезда, по-моему, маловероятна. Вероятнее всего, арестант переоделся и вышел на станцию, пропущенный кем-то из конвоиров. У Гая и его друзей, мне кажется, есть свои люди в чека — они и организовали ему побег.

Еще более чудовищна обстановка поимки Гая. Оказывается, для того, чтобы поймать одного сопляка, НКВД мобилизовал девятьсот командиров пограничной школы, всех сотрудников НКВД, членов партии, комсомольцев, колхозников и создал кольцо, должно быть, из нескольких тысяч человек, радиусом в сто километров.

Спрашивается, кому нужна чека и для чего она вообще существует, если вынуждена каждый раз и при всяком пустяковом поводе прибегать к помощи комсомола, колхозников и вообще всего населения?

Далее, понимает ли НКВД, какой неблагоприятный для правительства шум создают подобные мобилизации? Наконец, кто дал НКВД право на самоличную мобилизацию партийцев, комсомольцев и колхозников для своих ведомственных потребностей? Не пора ли запретить органам НКВД подобные, с позволения сказать, мобилизации?

Важно заметить, что вся эта кутерьма была исключена, если бы Гай был отправлен в арестантском вагоне.

Я думаю, что чекистская часть НКВД болеет серьезной болезнью. Пора заняться ее «лечением».

Так у Сталина появились веские основания подозревать руководство НКВД в измене. Ведь Гай воевал в Гражданскую войну под командованием Михаила Николаевича Тухачевского, маршала Советского Союза, заместителя наркома обороны, которого называли «молодым Бонапартом».

Молчанов и его приятель Марк Исаевич Гай (настоящая фамилия Штоклянд), начальник особого отдела ГУГБ НКВД, надеялись, что отличавшийся честолюбием маршал Тухачевский заступится за своего бежавшего из-под стражи боевого товарища, а потом воспользуется отсутствием в Москве Сталина и отвлечением основных сил НКВД на поиски Гая, захватит с подчиненными ему войсками Кремль и отстранит Сталина от власти.

Поэтому были нарушены правила конвоирования осужденного Гая, и вместо положенного по инструкции арестантского вагона его поместили в особое купе. И конвоиры упустили его не случайно, и место побега выбрали в местах, хорошо известных Молчанову по службе в Иваново-Промышленной области, и поиски беглеца, несмотря на их масштабность, не отличались целенаправленностью.

Но Тухачевский не решился на военный переворот — может быть, сожалел об этом в подвале Лубянки после своего ареста 22 мая 1937 года.

Гай-Штоклянд возглавлял особый отдел (военную контрразведку) ГУГБ НКВД с июня 1933 года. Он окончил гимназию и художественное училище в Киеве, два года проучился на юридическом факультете Киевского университета. В Гражданскую войну служил в Красной армии — в 1925 году окончил курсы усовершенствования командного состава. Через два года его взяли в экономический отдел ОГПУ. Во время совместных операций с ивановскими чекистами против текстильных спекулянтов он подружился с Молчановым.

Начальник Особого отдела ГУГБ НКВД, несомненно, знал о диктаторских амбициях Тухачевского и других советских военачальников, но использовать их для смещения наркома обороны Ворошилова и генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина не удалось — армия ненавидела НКВД.

И тогда Гай-Штоклянд по согласованию с Молчановым и Ягодой приказал доставить на Лубянку бывшего командующего 1-й Сибирской белой армией генерал-лейтенанта Анатолия Николаевича Пепеляева.

Заговор мертвых

После прекращения 17 июня 1923 года вооруженного сопротивления красным войскам в Якутии военный трибунал 5-й красной армии приговорил Пепеляева к расстрелу. ВЦИК заменил расстрел десятилетним заключением в Ярославской тюрьме ОГПУ. Через два года генералу разрешили работать плотником, столяром и стекольщиком. В 1933 году тюремный срок закончился. Пепеляев написал прошение об освобождении — ему отказали без всяких объяснений. Со своей участью он давно смирился, политическими событиями не интересовался, газет и книг не читал — только Библию. Можно представить, насколько неожиданным было для него этапирование из Ярославля в Москву.

«...В январе 1936 года после суточного ожидания в одиночной камере Бутырской тюрьмы я был переведен во внутреннюю тюрьму НКВД и вечером того же дня вызван на допрос к начальнику Особого отдела НКВД комиссару государственной безопасности Гаю. При моем появлении он вышел из-за стола, крепко пожал мне руку и предложил сесть в кресло. После этого сказал: “Вот вы сидите у нас уже тринадцатый год, а мы вас не знаем. Я специально вызвал вас к себе, чтобы познакомиться и определить вашу дальнейшую судьбу”.

Затем он стал расспрашивать меня о моем прошлом, о службе до германской войны и на фронте. Интересовался моими наградами, а узнав, что за боевые отличия я был награжден офицерским Георгиевским крестом, воскликнул с неподдельной искренностью: “Мы ценим боевых людей. Конечно, вас можно было бы использовать в армии, но вы, наверное, технически отстали и многое забыли”. Спросил, не занимался ли я военным делом в заключении. Этот вопрос меня смутил, мне показалось: начинается допрос. “Нет, — ответил я, — там я не мог заниматься военным делом, так как не имел специальной литературы”. “А как бы вы посмотрели на то, — сказал Гай, — если вас назначить преподавателем в одно из военных училищ? Тактику могли бы преподавать?” Я ответил, что преподавал тактику около двух месяцев в прифронтовой школе прапорщиков в 1916 году и, конечно, пошел бы на военную службу, но если это невозможно, то поступил бы в столярную мастерскую, так как в заключении обучился столярному ремеслу.

Гай, многозначительно посмотрев на меня, сказал, что ему хорошо известно, что я делал в тюрьме. “Ну хорошо, — заметил он, — мы подумаем, как вам помочь”. После этого меня увели в камеру».

Пепеляеву объявили о предстоящем освобождении и возвратили в Ярославскую тюрьму. 4 июля 1936 года его снова доставили в кабинет начальника особого отдела ГУГБ НКВД.

«Гай зачитал постановление ЦИК СССР о моем освобождении — стоял по стойке «смирно». Потом он сказал: «Вас советская власть слишком жестоко наказала, но теперь вы свой срок отбыли и снова вступаете в жизнь. Выберите себе такой город, где бы вас не знали, например, Воронеж, и ведите себя крайне осторожно. Помните: за вами будут следить», — и после краткой паузы добавил: «Мы вам поможем»».

После окончания этой странной аудиенции бывшего белого генерала накормили, выдали тысячу рублей «по личному распоряжению наркома внутренних дел Ягоды» и до отхода воронежского поезда покатали на легковой машине по Москве.

Эта экскурсия вызвала у Пепеляева неподдельное волнение. «Вот она, Москва, — думал я, проезжая в машине по улицам и площадям. В те минуты казалось, сбылась моя заветная мечта — во главе полков вступить триумфальным маршем в столицу русской земли... мысленно я горячо благодарил Гая за эту прогулку...»

В Воронеже стараниями местных чекистов Пепеляеву были созданы сносные бытовые условия. Он устроился краснодеревщиком на мебельную фабрику и поступил заочно в педагогический институт — хотел стать учителем.

Он не знал, что Ягода, Молчанов и Гай-Штоклянд решили использовать его для вооруженного свержения власти Сталина.

Внезапное освобождение из Ярославской тюрьмы бывшего белого генерала Пепеляева, имевшего опыт военных переворотов, совпало с формированием из курсантов школ НКВД особой роты в двести человек. В обстановке повышенной секретности их ускоренно готовили к ведению боевых действий в городских условиях и внутри правительственных зданий. По большому счету это был некий прообраз знаменитых современных «Альфы» и «Вымпела».

Результатами закрытого смотра готовности этого спецназа Ягода и его приближенные комиссары государственной безопасности остались довольны. Если верить показаниям Артура Христиановича Артузова (Фраучи), начальника иностранного отдела (разведка) ОГПУ-НКВД, нарком Ягода сказал: «С таким аппаратом, как наш, не пропадешь! Орлы сделают все в нужную минуту. Ни в одной стране министр внутренних дел не сможет произвести дворцового переворота. А мы и это сумеем, если потребуется, потому что у нас не только милиция, но и свои войска. Военные оглянуться не успеют, как все будет сделано».

Заговорщики хотели поставить Пепеляева командиром этой спецроты, ввести ее при содействии коменданта Кремля Петра Пахомовича Ткалуна и арестовать или убить Сталина и других членов Политбюро.

Но и Ежов зря времени не терял: используя самоубийство одного из близких соратников Зиновьева и Каменева, бывшего главы советских профсоюзов Михаила Петровича Томского, закрутил интригу, окончившуюся смещением Ягоды с поста наркома внутренних дел.

В 1922 году на XI съезде партии Томский под аплодисменты делегатов заявил: «Нас упрекают за границей, что у нас режим одной партии. Это неверно. У нас много партий. Но в отличие от заграницы у нас одна партия у власти, а остальные в тюрьме!» И он не шутил. В дни пресловутого Шахтинского дела, до такой степени шитого белыми нитками, что даже ближайшие сталинские соратники сомневались в целесообразности устраивать открытый процесс, Ворошилов в записке Томскому от 2 февраля 1928 года спросил: «Миша, скажи откровенно, не вляпаем-ся ли мы при открытии суда в Шахтинском деле? Нет ли перегиба в этом деле местных работников, в частности краевого ОГПУ?» Томский ответил: «По Шахтинскому и вообще по угольному делу такой опасности нет. Это картина ясная. Главные персонажи в сознании. Мое отношение таково, что не мешало бы еще полдюжины коммунистов посадить». Через несколько лет, увидев в газете «Правда» собственную фамилию среди той самой полдюжины коммунистов, которых «не мешало бы посадить», он безо всяких иллюзий и проволочек покончил с собой.

Дача Томского в Болшеве находилась рядом с Болшевской трудовой коммуной имени Ягоды, известной всей стране по первому советскому звуковому кинофильму «Путевка в жизнь». Это обстоятельство наверняка вызывало особое раздражение Томского, даже ненависть к погубившему его Ягоде. За свою сломанную жизнь он решил расквитаться с главарями НКВД. Он оставил письмо о принадлежности Ягоды к правой (бухаринско-рыковской) оппозиции. В тот же день 22 августа на дачу Томского бросился Молчанов, но вдова (видимо, выполняя предсмертную волю мужа), скрыла от него письмо, а позднее передала его в ЦК Ежову. Тот, прочитав письмо, воскликнул: «Ай да Мишка, молодец! Это документ огромной важности...»

О компрометирующих Ягоду и верхушку НКВД материалах Ежов доложил находившемуся на отдыхе в Сочи Сталину.

25 сентября 1936 года Сталин и Жданов послали Кагановичу и Ворошилову историческую шифровку за № 1360/ш. В отличие от большинства других шифротелеграмм ее передали только по каналам партийной связи, не дублируя по линии связи НКВД, чтобы Ягода не узнал ее содержание.

Предлагалось: «...абсолютно необходимым и срочным делом назначение т. Ежова на пост наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года...»

Спустя день Сталин, чтобы успокоить Ягodu, предложил ему новое назначение — наркомом связи: «Наркомсвязь — дело очень важное. Это наркомат оборонный. Я не сомневаюсь, что Вы сумеете этот наркомат поставить на ноги. Очень прошу Вас согласиться на работу в Наркомсвязи. Без хорошего наркомата связи мы чувствуем себя как без рук. Нельзя оставлять Наркомсвязь в нынешнем состоянии. Ее надо срочно поставить на ноги».

Сталин боялся: вдруг Ягода взбунтуется. Ведь в его руках весь аппарат госбезопасности, милиция, внутренние и пограничные войска, охрана членов Политбюро и секретный чекистский спецназ... Надо, чтобы Ягода спокойно ушел из НКВД. Поэтому Сталин пообещал ему новый мундир, краше прежнего.

Ягода хорошо знал любимый метод Сталина — сначала будущую жертву переводили на другую должность, а потом расстреливали. Но каким бы опытным ни был Генрих Григорьевич, он не мог не ухватиться за сталинское предложение, как за спасательный круг. Получилось, что Сталин не окончательно разочаровался в нем, напротив, просит взяться за другое, тоже важное дело, возлагает на него большие надежды.

В тот же день Ягода стал наркомом связи, а Ежов возглавил НКВД. Спецроту немедленно расформировали, а Пепеляева арестовали.

Молчанов понял, что ждать осталось недолго. 28 ноября 1936 года его сняли с должности начальника СПО ГУГБ НКВД и отправили в Минск наркомом внутренних дел Белорусской ССР. Гая-Штоклянда тогда же откомандировали из Москвы в Иркутск — начальником УНКВД по Восточно-Сибирскому краю. Время тянулось в ожидании ареста. 3 февраля 1937 года за ними пришли.

Ежов получил звание генерального комиссара государственной безопасности и стал щеголять в новенькой форме с большой маршальской звездой на петлицах и на рукаве гимнастерки. А Ягода пробыл наркомом связи лишь полгода и не успел сшить себе новый мундир.

Из того Молчанова, которого знали в НКВД, — «темный шатен с простым и приятным лицом, выше среднего роста, крепко сбитый и внешне суховатый» — ежовские костоломы быстро сделали «худого и спорбленного человека с седой головой, который всего боялся».

Почему Молчанов, хорошо знавший, какая участь его ждет в случае ареста, не застрелился, как еще один выдвиженец из Иваново, началь-

ник 1-го отделения СПО ГУГБ НКВД Исаак Вульфович Штейн? Не сбежал за границу, как заместитель начальника СПО ГУГБ НКВД Генрих Самойлович Люшков? Не инсценировал самоубийство и не укрылся под чужими документами, как нарком внутренних дел Украины Александр Иванович Успенский?

Боялся за семью? Но ее все равно репрессировали. Верил в «длинные руки НКВД», которые достанут и за кордоном? В силу созданного им оперативного учета и розыска, от которого не спастись даже в самых глухих местах Советского Союза?

А может, хотел поторговаться: сохранить жизнь и свободу, получить хлебную должность в обмен на сокровища, найденные в верховьях Ваха и перепрятанные после «несчастливого случая с Долгиревым на охоте». Протоколы первых допросов Молчанова, где речь шла как раз об этой «сделке» со следствием, из его дела изъяты.

Судьбой Молчанова интересовался лично Сталин. 2 марта 1937 года на вечернем заседании Пленума ЦК он спросил Ежова: «А как все-таки с Молчановым? Арестован он или нет?» Ежов ответил: «Да, арестовали, товарищ Сталин. сидит, дает показания».

Историк Борис Вадимович Соколов в книге «Наркомы страха» после изучения протокола обыска, проведенного с 25 марта по 5 апреля 1937 года на квартире Ягоды в Кремле, кладовой в Милютинском переулке (дом девять), на его даче в Озерках, в кабинете в здании Наркомата связи, заметил: «Ювелирных изделий в описи почти нет — представлены лишь пятью золотыми часами... Неужели Генрих Григорьевич, собравший неплохую коллекцию антиквариата, к золоту и бриллиантам был абсолютно равнодушен? Вряд ли, — считает Соколов, — тем более что Ягода имел прямое отношение к нелегальной торговле бриллиантами из конфискованных частных церковных и царских коллекций...»

Но драгоценности и валюту Ягода не выдал — это явилось бы лишним доказательством хищения государственного имущества в особо крупных размерах.

Этот факт навел историка Соколова на мысль, что «Ягода где-то устроил тайник». Но где? Например, на даче в Гильтицево под Москвой, на Ленинградском шоссе, куда он любил ездить вместе с Надей-Тимошей. Повариха Ягоды Агафья Сергеевна Каменская показала: «Ягода приезжал в Гильтицево обычно днем... С ним всегда бывала Надежда Алексеевна, молодая красивая женщина».

Тимоша — единственная уцелевшая из близкого окружения Ягоды. После расстрела всевластного любовника ей разрешили организовать музей Горького. Директором этого музея назначили Ивана Капитоно-

вича Луппола, философа и академика. Через два года они поженились и уехали в свадебное путешествие в Грузию. В Москву Надежда Алексеевна вернулась одна — Луппола арестовали. Он сидел в Смоленске в одной камере с известным биологом и генетиком Николаем Ивановичем Вавиловым, и оба умерли от голода. У Тимоши было еще несколько мужей, с которыми она так и не обрела счастья. А ее дочь Марфа Максимовна Пешкова, одна из немногих подруг дочери Сталина Светланы Аллилуевой, стала женой Серго Лаврентьевича Берия — сына еще одного руководителя НКВД.

Чекист-писатель Бухбанд, сопровождавший Молчанова в июле 1935 года в экспедиции по Иртышу, не закончил книгу «Перековка», рассказывающую о строительстве в Остяко-Вогульске «счастливой жизни» туземцев и спецпереселенцев. Его перевели в Сталинград начальником областного управления милиции и расстреляли. Пьесы Бухбанда запретили.

И другие участники той экспедиции ушли из жизни «по чекистским понятиям»: не от руки врага, а от руки ОГПУ.

Бывший предводитель советского политического сыска Молчанов «сидел» восемь месяцев. Всех его подельников по «заговору в органах НКВД» расстреляли: Гая-Штоклянда, Прокофьева, Эдельмана, Ткалуна... А Молчанов «сидел». Только 3 октября 1937 года Сталин, Каганович и Молотов утвердили его расстрел.

Но никто не слышал о приведении этого приговора в исполнение. Никто не видел места захоронения Молчанова. Никто не знает, где находятся перепрятанные им ценности Сибирского белого движения.

Вслед за наркомом Ягодой были расстреляны восемнадцать комиссаров госбезопасности 1-го и 2-го ранга, а вместе с Ежовым — сто высших чинов НКВД: тех, кто знал то, о чем следовало забыть.

Приложение № 6

**Докладная записка Н. А. Долгирева
от 24 сентября 1930 года секретарю
Уральского обкома ВКП(б) Зубареву**

Уважаемый товарищ Зубарев... ехал я на пароходе «Коммунист» — ровно 12 суток от Тюмени до Тобольска. В то время как езды одни сутки... Пароход «К» прибыл с грузом рыбы в Тюмень в ночь на 10 сентября и приступил к разгрузке... Грузчики рвут кули, ломают рыбу, разбивается бочка рыбы, мигом ее разбирают, и тара выкидывается за борт, никто за это не отвечает...

Но вот выгрузили рыбу, началась погрузка муки и овса на Север: мешки бросают в трюм с плеча, мешки не выдерживают — рвутся, мука летит по всему пароходу, кули с овсом порваны, все смешано... Командир парохода пытается пройти мель, хотя за шесть километров от переката пароход принял полный груз, зная заранее, что на переходе воды всего 140 см, в то же время берет нагрузку на 160 и более... Садимся на мель... командир пьяный уходит с мостика... сидим пять суток. Снять не смогли в течение десяти суток, и пришлось подать баржу из-под керосина, и началась разгрузка хлеба в керосиновую баржу под снегом и дождем, в результате 48 тыс. пудов хлеба, муки, овса, помимо того, что его смешали с грязью, но еще и с керосином... Пассажиры парохода 12 суток голодают... меняют свое белье, шинели населению на хлеб и картошку...

Центр документации общественных
объединений Свердловской области
Ф. 4. Оп. 8. Д. 347. Л. 72

Письмо Ф. Н. Жарковой секретарю обкома ВКП(б) Северной области Д. А. Конторину

...Прежде чем описать Бака для того, чтобы вы могли сделать какие-нибудь выводы, должна сказать о наших с ним личных отношениях.

С 1925 г. жизнь у нас пошла с надрывом... Меня с первого взгляда возненавидела его мать, которая с первого года 1920 встречи с ней проявляла недовольство: я — русская, а ей хотелось для сына жену-еврейку...

Мария Бак, сестра Бака, жена Бермана Б. Д., наркома внутренних дел Белоруссии, дружила с большинством работников центра, работавших с мужем ее.

В доме Марии Бак всегда бывали:

Молчанов с женой — враги...

...Нужно сказать о Молчанове и взаимоотношениях с ним Бака. Молчанов враждебно относился к нему и ко мне, т. к. я была инициатором изгнания его из Сибири... Я всему партруководству края рассказала о его разложении (привез двух жен, молодых девчонок), о его некоммунистическом поведении и странностях, говорящих, что он плохой большевик (катался бешено и ломал машины), странно общался с людьми и вообще размагниченно вел себя. Бак послушался меня и откомандировал Молчанова. По существу Молчанов, являясь правой рукой Ягоды, мстил Баку... Как-то он, Молчанов, позвонил Баку и сказал: «Бак, я не забывал, как ты меня выставил из Сибири, и не забуду».

...Бак говорил мне, что только с приходом в НКВД т. Ежова стало ясно, какими методами надо овладевать и как надо работать, чтобы

иметь успех... Моя вина перед партией, если Бак окажется прямым предателем, тяжкая. За 19 лет я, выходит, не разглядела врага около себя. Да, не разглядела...

Государственный архив социально-политической истории Самарской области
Ф. 1141. Оп. 33 «а». Д. 71. Л. 11–22

Из выступления секретаря Сибирского крайкома ВКП(б) Роберта Индриковича Эйхе в январе 1930 года в Новосибирске на собрании партийных руководителей

...В отношении наиболее злостной махровой части кулачества применять уже немедленно меры резкого подавления. Эти меры должны, по-нашему, вылиться в то, чтобы выслать их в наиболее дальние районы севера, скажем, в Нарым, в Туруханск, в концентрационный лагерь. Другую часть кулачества можно будет применить в порядке работы для использования в трудовых колониях. К этому прибегнуть придется, к этому необходимо готовиться сейчас, ибо если мы оставим кулака после экспроприации средств производства в той же деревне, где создан сплошной колхоз, нельзя думать, что кулак не попытается свою злобу выместить на этом колхозе...

Мы сейчас будем строить Томско-Енисейскую дорогу, строить в необжитых, непроходимых районах тайги. Пусть они поработают, проведут несколько лет трудовой жизни, а потом мы посмотрим, что из себя будет представлять тот или иной кулак...

Государственный архив социально-политических объединений
Новосибирской области
Ф. 2. Оп. 1. Д. 3468. Л. 46

Из воспоминаний жены начальника УНКВД Западно-Сибирского края С. Миронова-Короля

...В Новосибирске нам предоставили особняк бывшего генерал-губернатора. В воротах, оберегая нас, стоял милиционер.

Там был большой двор-сад, в нем эстрада, где выступали для нас приезжающие местные актеры, и еще отдельный домик-бильярдная. В самом дворце устроили для нас просмотровый кинозал. И я, как первая дама города, выбирала из списка, какой именно кинофильм сегодня хочу посмотреть.

У меня был свой «двор», меня окружали «фрейлины» — жены начальников. Кого пригласить, а кого нет, было в моей воле, и они соперничали за мое расположение...

Мы, бывало, сидим в зале, смотрим фильм, «подхалимы» несут нам фрукты, пирожные... Да, да, вы правы, конечно, я неверно употребляю это слово. Точнее сказать, «слуги», но я называла их «подхалимами» — уж очень они старались угодить и предупредить каждое наше желание. Они так и вились вокруг нас. Их теперь называют «обслужкой» (не прислужкой — прислужка была у бывших)...

...Несут пирожные, знаете какие? Внутри налито мороженое с горящим спиртом, но их можно было есть, не обжигаясь. Представьте себе, в полутьме зала голубые огоньки пирожных. Я-то, правда, не очень их ела, берегла талию, ела чаще всего одни апельсины...

Вскоре как приехали в Новосибирск, мы были приглашены к Эйхе.

Роберт Индрикович Эйхе, когда-то латышский коммунист, был теперь секретарем Западно-Сибирского крайкома.

И вот представьте себе. Зима. Сибирь. Мороз сорок градусов. Кругом лес — ели, сосны, лиственницы. Глухомань, тайга, и вдруг среди этой стужи и снега в глубине полянки — забор, за ним сверкающий сверху до низу огнями дворец!

Мы поднимаемся по ступеням, нас встречает швейцар, кланяется почтительно, открывает перед нами дверь, и мы с мороза попадаем сразу в южную теплынь. К нам кидаются «подхалимы», то бишь, простите, «обслуга», помогают раздеться, а тепло, тепло, как летом. Огромный, залитый светом вестибюль. Прямо — лестница, покрытая мягким ковром, а справа и слева в горшках на каждой ступени — живые распускающиеся лилии. Такой роскоши я никогда еще не видела! Даже у нас в губернаторском особняке такого не было.

Входим в залу. Стены обтянуты красновато-коричневым шелком, а уж шторы, а стол... Словом, ни в сказке сказать, ни пером описать!

Встречает сам Эйхе — высокий, сухощавый, лицо строгое, про него говорили, что он человек честный и культурный, но вельможа.

Пожал руку Сереже, на меня только взглянул — я была со вкусом, хорошо одета, — взглянул мимоходом, поздоровался, но как-то небрежно. Я сразу это пренебрежение к себе почувствовала, вот до сих пор забыть не могу...

Впрочем, за столом он старался быть любезным, протянул мне меню первой, спросил, что я выберу, а я сама не знала, глаза разбегаются. Я и призналась — не знаю... А он говорит мне, как ребенку, угощая снисходительно, даже ласково:

– А я знаю. Закажите телячьи ножки фрикассе...

После этого мы встречались с ним не раз. У него была еще дача. Меньше той, но тоже роскошная, только уютнее, милее.

Однажды мы приехали туда вдвоем. На даче только Эйхе и его жена (слуг я не считаю).

Яковенко М. М. Агнесса. М.: Звенья, 1997. С. 83–84, 93

**Докладная записка председателю ОГПУ
Союза ССР товарищу Менжинскому
о завершении строительства ББК имени И. В. Сталина**

...Постановлением правительства в ноябре 1931 года на меня возложено строительство Беломорско-Балтийского канала, соединяющего Балтийское море с Белым, от Повенца на Онежском озере до Сороки на Белом море, общим протяжением 227 км.

Настоящим сообщаю, что строительство, начатое в конце ноября 1931 года, закончено 20 июня 1933 года, то есть в год и 9 месяцев, и правительственная пусковая комиссия приступила к приемке сооружений Беломорстроя.

При предварительном испытании и опробовании весь канал и его сооружения показали исправную работу.

Всего на Беломорско-Балтийском канале построено 118 сооружений, из них:

шлюзов – 19, плотин – 15, водоспусков – 12, дамб – 40, каналов – 32 длиной 40 км.

Было выполнено следующее количество работ: выемки грунта – 9 960 000 куб. м, из них скального грунта – 2 514 000 куб. м.

Сделано насыпи, обратной засыпки и загрузки грунтами – 8 412 000 куб. м. Выполнено земляных работ по переносу Мурманской ж. д. – 2 500 000 куб. м.

Всего произведено земляных работ на 21 000 000 куб. м. Срублено деревянных ряжей – 921 000 куб. м. Уложено бетона 390 000 куб. м.

Дополнительных ассигнований против утвержденных правительством по смете не потребовалось.

Зампред ОГПУ Союза ССР Ягода

27 июня 1933 года

Центральный архив ФСБ России

Пред. ОГПУ тов. Ягода

Дело не в том, что я видел грандиозные сооружения – шлюзы, дамбы и новый водный путь.

Меня больше всего поразили люди, которые там работали и организовали эту работу. Я увидел воров и бандитов (ныне ударников!), которые заговорили человеческим языком, призывая товарищей по работе брать с них пример.

Мне не приходилось раньше видеть ГПУ в роли воспитателя. То, что я увидел, было для меня чрезвычайно радостным.

22/VIII-33

М. Горький

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину

На инвентарных складах коменданта Московского Кремля хранился в запертом виде несгораемый шкаф покойного Якова Михайловича Свердлова. Ключи от шкафа были утеряны.

Шкаф нами был вскрыт, и в нем оказалось:

1. Золотых монет царской чеканки на сумму сто восемь тысяч пятьсот двадцать пять (108 525) рублей.

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, — семьсот пять (705) предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие лица:

а) Свердлова Якова Михайловича,

б) Гуревич Ценилии-Ольги,

в) Григорьевой Екатерины Сергеевны,

г) княгини Барятинской Елены Михайловны,

д) Ползикова Сергея Константиновича,

е) Романюк Анны Павловны,

ж) Клеточкина Ивана Григорьевича.

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов всего на семьсот пятьдесят тысяч (750 000) рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами.

Народный комиссар внутренних дел

Союза ССР Ягода

27 июля 1935 г. № 56568

Центральный архив ФСБ России

Наркомвнудел СССР тов. Ягода

1 декабря в 16 часов 30 минут в здании Смольного на 3-м этаже в 20 шагах от кабинета тов. Кирова произведен выстрел в голову шедшим навстречу к нему неизвестным, оказавшимся по документам Никола-

евым Леонидом Васильевичем, членом ВКП(б) с 1924 года, рождения 1904 года.

Тов. Киров находится в кабинете.

При нем находятся профессора-хирурги Добротворский, Феертах, Джанелидзе и другие врачи.

По предварительным данным, тов. Киров шел с квартиры (ул. Красных Зорь) до Троицкого моста. Около Троицкого моста сел в машину в сопровождении разведки, прибыл в Смольный. На третьем этаже тов. Кирова до места происшествия сопровождал оперативный комиссар Борисов. Николаев после ранения тов. Кирова произвел второй выстрел в себя, но промахнулся. Николаев опознан несколькими работниками Смольного (инструктором-референтом отдела руководящих работников обкома Владимиром Вас. Тих. и др.) как работавший ранее в Смольном.

Жена убийцы Николаева по фамилии Драуле Мильда, член ВКП(б) с 1919 года; до 1933 года работала в обкоме ВКП(б).

Арестованный Николаев отправлен в управление НКВД ЛВО.

Дано распоряжение об аресте Драуле. Проверка в Смольном проводится. 18 часов 20 минут.⁶³

Медведь

1 декабря 1934 года

Центральный архив ФСБ России

Протокол

1938 года, февраля 25 дня, начальник следственного отдела прокуратуры Союза СССР Шейнин Л. Р., руководствуясь ст. 207 УПК, объявил гражданину Ягода Г. Г. о том, что предварительное по его делу следствие закончено, на что Ягода Г. Г. заявил, что дополнить следствие не может, со своим делом знаком, заявлений к прокурору СССР нет. Иметь защитника не желает.

Протокол мне объявлен

Г. Ягода

Центральный архив ФСБ России

⁶³ В связи с убийством Кирова было расстреляно около трехсот человек. Все они, за исключением Л. В. Николаева, непосредственного убийцы Кирова, позже были реабилитированы за отсутствием в их действиях состава преступления.

ГЛАВА VII

По народным поверьям, клады могут превращаться в людей и бродить по земле в поисках хозяина или просто доброго человека.

Превращение сокрытых в 1921 году на Приполярном Урале ценностей Сибирского белого движения в людей-призраков началось в июне 1943 года.

«Цеппелин» над Ямалом

Для координации разведывательно-диверсионной деятельности против Советского Союза в феврале-марте 1942 года в составе Главного управления имперской безопасности (РСХА) был создан специальный орган «Цеппелин»⁶⁴, который имел три отделения: «Русланд-норд» (Север), «Русланд-митте» (Центр), «Русланд-зюйд» (Юг). В своей работе «Цеппелин» руководствовался так называемым Планом действий для политического разложения Советского Союза. «Надо стремиться, — отмечалось в этом документе, — к тактике возможно большего разнообразия. Должны быть образованы специальные группы действия, а именно:

- 1) разведывательные группы — для сбора и передачи политических сведений из Советского Союза;
- 2) пропагандистские группы — для распространения национальной, социальной и религиозной пропаганды;
- 3) повстанческие группы — для организации и проведения восстаний;
- 4) диверсионные группы — для проведения политических диверсий и террора...»⁶⁵

В плане указывалось: «...нельзя ограничиваться десятками групп для разложенческой деятельности, они для советского колосса являются только булавочными уколами. Нужно забрасывать тысячи».

Начальник IV управления РСХА бригаденфюрер Вальтер Шелленберг писал в своих мемуарах: «В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах в глубь русской территории. Их основной задачей наряду с передачей текущей информации было политическое разложение населения и диверсии...»⁶⁶

⁶⁴ По имени графа Фердинанда Цепелина (1838—1917), немецкого конструктора дирижаблей дальнего действия (Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Сборник документов: в 8 т. М.: Русь. Т. 1 — 1995; Т. 2 — 2000; Т. 3 — 2003).

⁶⁵ Хлобустов О. М. Госбезопасность от Александра I до Путина. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 208; Телицын В. Л. «СМЕРШ»: операции и исполнители. Смоленск: Русич, 2000. С. 24—33.

⁶⁶ Шелленберг В. Лабиринт Мемуары гитлеровского разведчика. Пер. с англ. М.: СП «Дом Бируни», 1991. С. 258, 263.

В истории советских органов государственной безопасности утверждается, что каждый третий фашистский агент, перейдя линию фронта, спешил сдать себя чекистам, милиции или представителям советской власти — типа председателя колхоза или бдительного общественника⁶⁷.

К категории агентов противника, явившихся с повинной, отнесли и двенадцать парашютистов, сброшенных на парашютах с двух немецких грузовых самолетов «Кондор» в ночь с 5 на 6 июня 1943 года в Кожвинском районе Коми АССР.

Через двое суток десантники застрелили командира группы — бывшего колчаковского офицера Николаева и сдались случайно оказавшемуся у реки Вой-Вож счетоводу молочно-товарной фермы «Развилки» совхоза «Кедровый Шор». Пожилой рыболов передал их местным чекистам.

Этот рядовой эпизод Великой Отечественной войны — пленение дюжины немецких десантников из бывших советских военнослужащих в небогатой на события истории Коми АССР подавался в восторженно-героической трактовке. О нем писали не раз в газетах и журналах. Была издана документальная повесть Александра Рекемчука «Б7-Б7 выходит из игры»⁶⁸. На театральных подмостках ставилась пьеса Геннадия Юшкова «Право на жизнь». В этих произведениях, основу которых, если верить предисловиям, «составляли архивные материалы, а также свидетельства участников и очевидцев описываемых событий», целью высадки вражеского десанта в глухой тыловой район Коми АССР назван «железнодорожный мост через Печору».

«Но врагу — заключил писатель Рекемчук — так и не удалось ни на минуту прервать напряженный пульс Северо-Печорской железнодорожной магистрали, этой жизненно важной артерии. Рухнули не мосты, а коварные планы гитлеровцев...»

История этой дороги началась 9 мая 1940 года, когда Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «О строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали и развитии Воркуто-Печорских углей». Предписывалось построить магистраль от Котласа до Воркуты, общей протяженностью 1191 км, «в кратчайшие сроки». Сооружение железной дороги — «возложить на НКВД СССР».

⁶⁷ Чертопруд С. В. НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 184—186.

⁶⁸ Александр Евсеевич Рекемчук родился 25 декабря 1927 года в Одессе, русский, советский писатель. Окончил Литературный институт им. М. Горького (1952). Работал журналистом в Коми АССР, с 1963 года — в Москве. Ближайшее знакомство с Севером, жизнью и бытом людей, преобразующих облик этого края, определило содержание его творчества (Краткая литературная энциклопедия. М., 1971).

Северо-Печорская железнодорожная магистраль была самым сложным дорожным строительством в СССР. Северный участок дороги находится за Полярным кругом. Лето в этих местах недолгое, вечная мерзлота достигает десяти метров в глубину, а местами до ста. В январе температура воздуха понижается до минус пятидесяти градусов. Снежный покров достигает двух-трех метров. Около ста суток в году делятся метели. На участке от Ухты (Чибью) до Кожвы каждые одиннадцать километров из двадцати проходили по болоту. Достаточно отметить, что для снабжения этого участка была проложена лежневая дорога длиной в 235 километров! В ряде мест железнодорожную насыпь соорудили на гатях. В конце декабря 1940 года по всей трассе от Котласа до Кожвы на левом берегу Печоры было открыто рабочее движение. Скорость движения не превышала двадцати километров в час, а на подъемах была вдвое меньше. Но даже на живую нитку сшитая дорога пропускала двенадцать пар поездов в сутки!⁶⁹

«Великий сталинский план превращения тайги и тундры Крайнего Севера в цветущий промышленный край СССР стал претворяться в жизнь!» – восторженно откликнулись газеты «Правда Севера» и «Северная коммуна».

Известный украинский сатирик Остап Вишня, отбывавший в Ухто-Печорском ИТЛ (Ухтпечлаг) срок за непомерное зубоскальство в адрес власти, написал о «столице» лагеря очерк «Город Чибью» (впервые опубликован в 1989 году в газете «Ухта»): «Пришли на недоступную, на легендарную Ухту большевики... зажгли энтузиазмом массы, воспитали тысячи и десятки тысяч ударников. И все. То же самое, что случилось на Днепре: пришли большевики, и вышел Днепрострой. И в Кузбассе – пришли большевики, и вышел Кузнецкстрой. Таким способом много чего вышло в Советском Союзе: и Сталинградский тракторный, и Харьковский тракторный, и еще много гигантов, и «вышла» за четыре года первая пятилетка, и коллективизация сельского хозяйства... Пришли и на Ухту большевики, и на Печору – да еще большевики-чекисты – “вышло” и на Ухте, и на Печоре...»

12 февраля 1942 года было принято постановление СНК СССР «О развитии добычи воркуто-интинских улей и мероприятиях по обеспечению их вывоза». Для досрочного сооружения мостов на Северо-Печорской железнодорожной магистрали было доставлено 4700 тонн металлоконструкций из каркаса московского Дворца Советов, были демонтированы мосты через канал Москва – Волга. Упрощение

⁶⁹ Морюков М. Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М.: Алгоритм, 2006. С. 107–108.

технологий, улучшение снабжения и переброска на трассу новых контингентов осужденных ускорили строительство⁷⁰.

28 декабря 1941 укладка пути от Кожвы до Воркуты была завершена, и в Воркуту пришел первый поезд. Окончательно дорогу приняли в эксплуатацию 1 августа 1942 года. Постоянно действующая транспортная артерия позволила развернуть добычу воркутинских и интинских углей в полном объеме. В годы войны здесь было заложено 29 шахт. Печорский уголь потребляли 9 областей, 2 автономные республики, 35 городов и 52 крупных предприятия⁷¹.

Подрыв главного моста Северо-Печорской железнодорожной магистрали, хорошо охраняемой военизированной охраной (ВОХР) НКВД, серьезно нарушил бы подготовку наступления летом 1943 года в районе Курска и Орла.

В конце 1980-х годов, когда чуть-чуть приоткрылись секретные архивы КГБ, оказалось, что диверсионной целью фашистского «Цепелина» в Коми АССР и на Приполярном Урале был не железнодорожный мост через Печору, а исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) НКВД.

Кандидат в герои

Поднять заключенных на восстание и, пользуясь отсутствием здесь крупных военных гарнизонов, захватить Северный Урал, Обский Север и Среднее Приобье предложил немцам перешедший на их сторону в августе 1941 года командир 102-й стрелковой дивизии 67-го стрелкового корпуса 21-й армии Центрального фронта комбриг (по другим данным, генерал-майор) Иван Георгиевич Бессонов.

Он родился 24 августа 1904 года в Перми в семье рабочего. Окончил начальное училище, работал на лесопилке. В 1920 году вступил в Красную армию — служил писарем-канцеляристом в 133-м отдельном батальоне связи. Через два года стал делопроизводителем артдивизиона 57-й стрелковой дивизии.

---

⁷⁰ Интинский ИТЛ существовал с 1939 по 1948 год. Затем на его базе был открыт особый лагерь № 1 («Минеральный»), в котором содержались особо опасные государственные преступники. Лагерные отделения Интинского ИТЛ были разбросаны на большой территории — от Печоры (Кожвы) до Абези. Средняя наполняемость лаготделений составляла 20—25 тысяч человек. Лагерь положил начало городу Инта (1939 год — первый лагпункт, 1944 год — рабочий поселок, 4 октября 1954 года — город). В лагере был свой театр, в котором «работали» знаменитый тенор, солист Мариинского театра Н. К. Печковский, певица Лина Любера — жена композитора Прокофьева, Нина Горская — жена артиста кино Бориса Чиркова. В разное время в Интинском ИТЛ на положении заключенных содержались артисты и режиссеры кино Алексей Каплер, Валерий Фрид и Юлий Дунский, детская писательница Евгения Таратута, профессор Н. Н. Пунин (муж Анны Ахматовой), будущий маршал дважды Герой Советского Союза К. К. Рокоссовский. В Абезьском лагерном отделении умерли философ и историк Л. П. Карсавин, бригадный генерал довоенной Литвы И. Йодишюс...

⁷¹ Дьяков Ю. П. Северная угольно-металлургическая база СССР. Возникновение и развитие. М.: Мысль, 1973. С. 132.

Начальство заметило грамотного и старательного красноармейца и направило в 1926 году в г. Тверь, в кавалерийскую школу имени Коммунистического интернационала. После ее окончания Бессонов служил в кавалерии, а в 1930 году был переведен в войска ОГПУ командиром взвода. Через год его назначили помощником начальника штаба 13-го Алма-Атинского полка. В январе 1934 года он участвовал в подавлении мятежа генерала Ма-Чжуина, выступившего против правительства китайской провинции Синьцзян. Отличился при захвате города Кульджи и уничтожении проживавших там уйгур, дунган и сибирских казаков, отступивших в 1920 году в Китай с атаманом Анненковым⁷².

Переодевшись в форму белогвардейского поручика (русских офицеров-эмигрантов охотно принимали на военную службу враждовавшие между собой китайские генералы), чекист-пограничник Бессонов завладел спрятанными в тех местах реликвиями и крупными ценностями Сибирского казачьего войска: «...спасенными 18 февраля 1918 года в Омске знаменем Ермака, стягом с изображением Георгия Победоносца, покровителя ратных людей Древней Руси, Войсковым знаменем 300-летия дома Романовых, а также сохраненными Анненковым... 15 тысячами долларов, 600 тысячами рублей золотом и серебром и несколькими миллионами сибирских денег».

После убийства 1 декабря 1934 года в Ленинграде, в Смольном, члена Политбюро ЦК ВКП(б), секретаря ЦК, первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии, первого секретаря Северо-Западного бюро ВКП(б), члена Президиума ЦИК СССР Сергея Мироновича Кирова была проведена чистка в Ленинградском областном управлении НКВД. Главного местного чекиста Филиппа Демьяновича Медведа и его заместителя Ивана Васильевича Запорожца сначала отправили на Колыму, а через три года расстреляли.

Освободилась также должность начальника пограничной и внутренней охраны НКВД Ленинградского округа, которую занимал профессиональный чекист Федор Тимофеевич Фомин. Но ему, в от-

---

⁷² Борис Владимирович Анненков родился в 1889 году в Омске в семье военного. Окончил кадетский корпус и Московское военное Александровское училище (1908). Участник Первой мировой войны. Награжден Георгиевским оружием — шашкой с надписью «За храбрость». В феврале 1918 года прибыл в Омск с отрядом сибирских казаков, где поднял мятеж против советской власти. Стал одним из руководителей контрреволюции в Сибири, атаман Сибирского казачьего войска. Сформировал казачью дивизию (до 10 тысяч сабель), которая действовала в Западной Сибири и Казахстане, а с января 1919 года — в Семиречье. Колчак присвоил ему звание генерал-майора и назначил командующим Отдельной Семиреченской армией. С ее остатками Анненков в марте-апреле 1920 года отступил в Китай. В 1926-м тайно похищен советской разведкой. Расстрелян в августе 1927 года в Семипалатинске (о судьбе Анненкова см.: Петрушин А. А. «Мы не знаем пощады...»: известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999).

личие от других высокопоставленных руководителей НКВД, можно сказать, повезло: в 1949 году освободили из лагерей, через три года реабилитировали и отправили на пенсию с присвоением звания подполковника. Он умер в 1968 году, успев издать небольшую книжку воспоминаний под названием «Записки старого чекиста». В ней не было ни слова ни об убийстве Кирова, ни о массовом терроре, ни о своей драматической судьбе.

Начальником УНКВД по Ленинградской области назначили Леонида (Генриха) Михайловича (Эрнестовича) Заковского (Штубиса)⁷³.

Управление пограничной и внутренней охраны НКВД Ленинградского округа возглавил Александр Антонович Ковалев⁷⁴, непосредственный начальник Бессонова по службе в Казахстане и Средней Азии. Войска округа новый начальник укрепил своими сослуживцами: Бессонов был назначен командиром 3-го Ленинградского полка НКВД, принят в ВКП(б) и награжден орденом Красного Знамени. После окончания Военной академии имени Фрунзе молодой и перспективный командир получил должность начальника 3-го (оперативного) отдела Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР.

И главное: стал фаворитом командующего войсками НКВД Михаила Петровича Фриновского, утвержденного 16 октября заместителем наркома внутренних дел Союза ССР Николая Ивановича Ежова.

«На Фриновского Сталин давно уже бросил свой благосклонный взор, — вспоминал бывший советский разведчик-незаконник Вальтер Германович Кривицкий⁷⁵. — Фриновский был не только тем из заместителей Ягоды, который помог Сталину позднее изолировать Ягodu и подгото-

---

⁷³ Заковский (Штубис) родился в 1894 году в Латвии в семье лесника. В партии большевиков с 1913 года, в ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1918-го. После Гражданской войны служил на Украине, в 1925—1923 годах — полпред ОГПУ по Сибирскому (Западно-Сибирскому) краю, в 1932—1937 годах — полпред ОГПУ по Белоруссии, нарком внутренних дел Белоруссии, начальник УНКВД по Ленинградской области. С 1938 года — заместитель наркома внутренних дел СССР, одновременно начальник УНКВД по Московской области и начальник управления особыми отделами НКВД СССР. Расстрелян.

⁷⁴ Ковалев родился в 1899 году в Белоруссии в семье крестьянина. Окончил высшее начальное училище, учился в учительской семинарии, оставил ее «за неимением средств». В 1919 году вступил в Красную армию, участвовал в Гражданской войне. С 1921 года в органах ВЧК-ОГПУ и в войсках погранохраны ОГПУ. Служил в Белоруссии, Закавказье, Казахстане, Средней Азии, Москве, Ленинграде. 15 января 1938 года назначен начальником войск НКВД СССР. 12 мая 1939 года уволен в запас с формулировкой «за невозможностью использования в связи с реорганизацией войск». Дальнейшая судьба до сих пор не выяснена.

⁷⁵ Кривицкий (Гинзберг) родился в 1899 году в г. Подволочиске в семье торгового служащего. Окончил Львовскую гимназию и Венский университет. В 1919 году вступил в компартию Польши. С 1921 года штатный сотрудник Разведывательного управления РККА, неоднократно направлялся в заграничные командировки в Германию, Францию и Италию. С 1929 года нелегальный резидент в Голландии. Награжден орденом Красного Знамени. Под влиянием арестов сотрудников НКВД порвал со сталинским режимом, о чем публично объявил в Париже 5 декабря 1937 года. 10 февраля 1941 года его обнаружили в Вашингтоне, в отеле «Беллвью», с простреленной головой. Обстоятельства смерти до сих пор остаются загадкой.

вить почву для Ежова, но Фриновский нужен был Сталину и для того, чтобы расправиться с Красной армией».

Недоступность архивного личного дела Фриновского для исследователей породило немало абсурдных легенд и досужих вымыслов о его происхождении и участии в Гражданской войне.

Скандално известный разведчик-перебежчик и военный историк Виктор Суворов (Владимир Резун) в книге «Очищение» написал:

«Прошлое Фриновского сумрачно, как прошлое легендарного героя Гражданской войны, грабителя и насильника Григория Котовского. Как Котовский, Фриновский происходил из уголовной среды. У него долгая, насыщенная необычайными приключениями бандитско-чекистская карьера».

Однако знаток истории внутренних войск МВД Николай Сысоев, несмотря на противодействие своего начальства, радевшего за честь ведомственного мундира, отыскал объективные источники о жизненном пути Фриновского⁷⁶.

Будущий руководитель тайной полиции сталинской империи родился 25 января 1900 года в городе Наровчате Пензенской губернии в семье священника. Михаил окончил церковное училище в Краснослободске и поступил в духовную семинарию в Пензе (кроме него у родителей было шестеро мальчиков и две девочки). В январе 1916 года, когда вовсю шла Первая мировая война, он, приписав к своему возрасту два года, добровольно ушел на фронт. Воевал в кавалерии, стал унтер-офицером, награжден двумя Георгиевскими крестами. В марте 1917 года под влиянием анархистов участвовал в организации массовых беспорядков в запасных частях Казанского военного округа, в октябре — командовал отрядом красногвардейцев, штурмовавших в Москве Кремль. Был ранен, лечился в Лефортовском госпитале. Летом следующего года водил в бой против восставших чехословаков кавалерийский эскадрон Московского Пролетарского полка. После очередного ранения служил помощником начальника активной части московской ЧК, а это — перестрелки, аресты, допросы.

Однажды один из допрашиваемых белогвардейцев ударил изо всех сил ногой, обутой в сапог, в лицо Фриновскому. У ретивого оперативника вылетели почти все зубы. Обливаясь кровью, он разрядил свой наган в арестанта. Из конфискованного у врагов народа золота изготовили зубные протезы. О золотых зубах Фриновского на Лубянке ходили легенды.

За короткое время 19-летний чекист успешно прошел вереницу должностей в особом отделе ВЧК 1-й Конной армий Юго-Западного

⁷⁶ Сысоев Н. Г. Жандармы и чекисты. От Бенкендорфа до Ягоды. М: Вече, 2002. С. 111—147.

фронта. Быстро нашел общий язык с командармом Буденным и военкомом Ворошиловым, познакомился с членом Военного совета фронта Сталиным.

Под руководством самого авторитетного чекиста того времени Ефима Георгиевича Евдокимова, являвшегося полпредом ГПУ на Правобережной Украине, Фриновский участвовал в ликвидации повстанческого политического движения — махновщины и разгроме петлюровского подполья.

Еще один советский разведчик-невозвращенец Александр Орлов (Фельдбин), бывший резидент НКВД в республиканской Испании в изданной в 1953 году после смерти Сталина книге «Тайная история сталинских преступлений» дал Евдокимову такую характеристику: «Это была странная личность, сторонившаяся своих коллег. В прошлом заурядный уголовник, Евдокимов вышел из тюрьмы благодаря революции и примкнул к большевистской партии».

Отставной чекист Михаил Шрейдер говорил другое: «Надо иметь в виду, что Евдокимов был единственным работником ОГПУ, награжденным четырьмя орденами Красного Знамени, и, несмотря на ягодиные интриги, его авторитет как героя Гражданской войны был очень велик. Кроме того, его поддерживали Ворошилов, Микоян и ряд других членов ЦК... Замечу, однако, что в прошлом, когда Евдокимов был полпредом ОГПУ по Северному Кавказу (1923—1928 гг.), он проявил неразборчивость в кадровых вопросах, в результате чего под его началом оказались те, кто в последующие годы принимал участие в уничтожении лучших чекистских и партийных кадров. Я имею в виду Фриновского, ставшего первым заместителем Ежова и... ряд других»⁷⁷.

Реввоенсовет наградил Фриновского орденом Красного Знамени «за выдающуюся и самоотверженную работу на фронте борьбы с бандитизмом», а командование «всех вооруженных сил Украины и Крыма» вручило ему «за особо понесенные труды при ликвидации Врангелевского фронта и энергичное подавление контрреволюционных восстаний кобылицу под кличкой «Мурка», 6 лет, росту 2 арш., 3 вер., масти гнедой, задние ноги в чулках, на лбу звезда».

Куда бы ни назначали Евдокимова (Украина, Крым, Северный Кавказ, Средняя Азия, Москва), он брал с собой Фриновского. Молодой и перспективный чекист создавал службу погранохраны на Черноморском побережье, командовал войсками ОГПУ на Северном Кавказе, возглавлял Особые отделы Северо-Кавказского и Московского военных округов.

---

⁷⁷ Шрейдер М. П. НКВД изнутри. М.: Возвращение, 1995. С. 171.

В декабре 1928 года его назначили командиром Отдельной дивизии особого назначения имени Дзержинского. Входившие в состав этого элитного чекистского воинского соединения оперативные полки дислоцировались в пределах Садового кольца и могли в любую минуту по приказу председателя ОГПУ Ягоды взять под свой контроль центр столицы или любое государственное учреждение.

В 1934 году покровителя Фриновского Евдокимова перевели на партийную работу, назначили первым секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) и избрали на XVII съезде членом ЦК. Ашуг Сулейман Стальский сложил «Песнь о большевике Ефиме Евдокимове» (1936): «... Ты прост со всеми, как родной. Ты предан Сталину душой...»

Дивизию Фриновского спешно направили на Кавказ, охваченный в связи с насильственной коллективизацией сельского хозяйства массовым повстанческим движением. Воины-чекисты, так называли в те времена бойцов войск ОГПУ, действовали решительно и беспощадно. В одной из сводок управления погранохраны и войск ГПУ Закавказья отмечалось: «Агентурным путем установлено, что банда численностью 30–40 чел. скрывается в ущелье горы Огана-Даг... Для ее ликвидации привлечены семь конных взводов... Операция производилась под руководством командира ОДОН тов. Фриновского»⁷⁸. Командира дзержинцев назначили председателем ГПУ Азербайджана и наградили вторым орденом Красного Знамени «за особо выдающиеся заслуги в борьбе с контрреволюцией». При возвращении в Москву он в тридцать три года возглавил войска ОГПУ – отборную вооруженную армию «внутреннего предназначения». На петлицах его габардиновой гимнастерки появились в 1935 году знаки различия комкора (соответствовало нынешнему генерал-лейтенанту).

Сближение Фриновского с начальником 3-го отдела управления погранвойск НКВД Ленинградского округа Бессоновым произошло «на почве задержания недоступных для населения СССР контрабандных товаров: ...патефонов, пластинок, одежды, обуви, тканей, мехов и другого, которые шли в основном через северо-западный участок государственной границы».

Внешне жизнь столицы Советского Союза середины 30-х годов казалась веселой и беззаботной. То, что где-то в Сибири, на Урале, в Поволжье, на Украине и в Казахстане люди пухнут от голода или замерзают на Печоре и Колыме, не находило заметного отклика у москвичей. Была шестидневная рабочая неделя при семичасовом рабочем дне. Отменили карточки на продовольствие. Выпускались увлекательные кинофильмы.

⁷⁸ Арибжанов Р. М., Артюхов Е. А., Штутман С. М. Дивизия имени Дзержинского. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 160–222.

О сельской жизни жители Москвы уверенно судили по выступлениям хора Пятницкого: «А в деревне там веселье и краса, и завидуют деревне небеса». Сталин сказал: «Жить стало лучше, жить стало веселей».

Душой веселых компаний, в которых участвовали наркомы, маршалы, другие высокопоставленные военные, чекисты, руководители партии и правительства, включая самого Сталина, был Фриновский. Домочадцы и друзья умилительно называли его Фрина.

Жена маршала Егорова⁷⁹, солистка Большого театра, арестованная в 1938 году по ордеру, подписанному Фриной, на допросе показала: «Собирались обычно все эти люди... после работы, под утро, поужинать. За столом, когда присутствовал Сталин, провозглашались тосты за советскую власть, за победу над белыми... Поздравляли друг друга с приобретенными трофеями... Фриновский производил впечатление здоровяка-крепыша: косая сажень в плечах, крутая шея и буквально лыющая через край неподдельная веселость. Он обычно много шутил, дарил всем разные подарки, рассказывал анекдоты и забавные, на его взгляд, случаи из своей жизни, службы и практики. Когда заразительно и безудержно хохотал, то широко открывал рот, полный золотых зубов...»

Популяция этих людей, родившихся на рубеже двух веков, утратила под воздействием революционных событий и братоубийственной Гражданской войны духовность, человеческую мораль и нравственность.

В середине тридцатых годов в стране еще царил атмосфера революции и Гражданской войны; недавняя коллективизация и вызванные ею крестьянские восстания, включая басмачество в Средней Азии, были продолжением этой войны. Воздействие недавних кровавых событий на души людей выражалось в широко известных стихах (и песнях на стихи) Багрицкого, Безыменского, Голодного, Маяковского и других революционных поэтов. В популярном тогда стихотворении Голодного «Судья Гурба» (1933) с возвышенным пафосом воспет герой, отправляющий на казнь родного брата.

...Стол накрыт сукном судейским
Под углом.
Сам Гурба сидит во френче
За столом.
Суд идет революционный,
Правый суд.

---

⁷⁹ Александр Ильич Егоров, первый заместитель наркома обороны СССР, расстрелян как «враг народа» 23 февраля 1939 года. Реабилитирован 14 марта 1956 года.

Конвоиры провокатора
Ведут.
«Сорок бочек арестантов!
Виноват!..
Если я не ошибаюсь,
Вы — мой брат.
Ну-ка, ближе, подсудимый.
Тише, стоп!
Узнаю у вас, братуха,
Батин лоб...
Вместе спали, вместе ели,
Вышли — врозь.
Перед смертью, значит,
Свидеться пришлось.
Воля партии — закон.
А я солдат.
В штаб к Духонину
Прямей держитесь, брат».
Суд идет революционный,
Правый суд.
Конвоиры песню «Яблочко»
Поют.

В чрезвычайно ценимом ОГПУ-НКВД стихотворении Багрицкого «ТВС» (оно публиковалось в 1929–1936 годах в десятке изданий) не без талантливости утверждалось, что, мол, нелегко разобраться в нашем времени, непрост выпавший нам век:

Но если он скажет: «Солги», — солги.

Но если он скажет: «Убей», — убей.

«Эти строки, — считает писатель Вадим Кожинов, — не только полная отмена нравственных заповедей, но и точная “модель” поведения множества людей»⁸⁰.

Такой моделью руководствовались Фриновский и его окружение, включая и Бессонова.

В их среде измена и предательство (в любых формах) не считались безнравственным проступком и преступлением. За это не наказывали, а наоборот — поощряли. В феврале 1935 года по постановлению ЦИК СССР Фриновскому был вручен третий орден Красного Знамени, а ров-

---

⁸⁰ Кожинов В. В. Правда сталинских репрессий. М.: Алгоритм, 2006. С. 267.

но через год на широкой груди комкора засверкал высший знак отличия Страны Советов — орден Ленина.

После ареста секретаря НКВД и Особого совещания НКВД старшего майора госбезопасности Павла Петровича Буланова Фриновский продвинул на его место начальника оперативного отдела Главного управления пограничной и внутренней охраны комбрига Вольдемара Августовича Ульмера, участвовавшего вместе с ним в аресте Ягоды⁸¹. Чуть позже в Москву, в ГУПВО на должность начальника отдела боевой подготовки перевели из Ленинграда полковника Бессонова. Он получил звание комбрига и поселился в восьмизэтажном многоподъездном Г-образном доме на перекрестке Маросейки, Покровки и Покровского бульвара. Здание было построено в 1936 году для высшего и старшего комсостава пограничных войск по проекту архитектора Чериковера. Места службы для жильцов этого дома располагались рядом — на Лубянке, а для некоторых прямо под боком — в Покровских казармах, где квартировали части ОМСДОНа.

Сталин не ошибся, выбрав Фриновского на роль главного «чистильщика» Красной армии, — понимал, что в случае возможного вооруженного сопротивления отданных на заклятие военачальников единственной противостоящей им силой могут быть только пограничные и внутренние войска. После досадного побега из-под стражи оперативников НКВД в 1936 году героя Гражданской войны комдива Гая-Бжишкяна Сталин не доверял проведение арестов, обысков и конвоирование арестованных оперативным работникам НКВД.

Через месяц после назначения Фриновского Первым заместителем наркома внутренних дел СССР и начальником ГУГБ НКВД, в мае 1937 года, были арестованы маршал Тухачевский, командующие Белорусским и Киевским военными округами командармы 1-го ранга Уборевич и Якир, начальник Академии имени Фрунзе командарм 2-го ранга Корк, начальник Главного управления РККА по начсоставу комкор Фельдман. Их обвинили в организации «военно-фашистского заговора» в Красной армии, «подготовке государственного переворота, свержении и ликвидации партийного и советского руководства и лично товарища Сталина». Узнав об аресте Якира, застрелился начальник Главного политуправления РККА армейский комиссар 1-го ранга Гамарник.

---

⁸¹ Вольдемар-Иоханнес Августович Ульмер (1896–1945), швед из мещан Эстландской губернии, окончил городское училище при Московском учительском институте. Участник Первой мировой войны, прапорщик. В Красной армии с 1918 года, воевал на Южном, Кавказском, Крымском фронтах. После Гражданской войны служил в войсках ВЧК-ОГПУ. Окончил военную академию им. Фрунзе. В 1939 году осужден на пятнадцать лет лишения свободы за «пособничество врагам народа». Умер в лагере в Красноярском крае

11 июня специальное судебное присутствие Военной коллегии Верховного суда приговорило Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка, Фельдмана и ранее арестованных комкоров Примакова и Путну к расстрелу. На следующий день страна узнала о казни тех, кем вчера еще гордилась.

Лучшие умы Красной армии чувствовали приближение трагедии 1937-го задолго до этой календарной даты. Заместитель командующего войсками Приволжского военного округа комкор Кутяков годом раньше предсказал наступление мрачных времен для многих военачальников. В своем дневнике он 27 августа 1936 года пророчески размышлял: «Умер главком С. С. Каменев. Старик сделал свое дело и незаметно ушел восвояси... Наступает время, когда все ветераны гражданской войны уйдут из жизни: одних расстреляют, другие, как Томский, сами покончат с собой...»

Получилось так, как и предсказал бывший начдив 25-й Чапаевской дивизии. Только размаха репрессий он не мог себе представить: три маршала из пяти (Тухачевский, Блюхер, Егоров), 14 из 16 командармов 1-го и 2-го рангов, 57 из 85 комкоров... Сам Кутяков попал под первую волну арестов, прокатившуюся еще до начала процесса над Тухачевским и другими военачальниками – его арестовали 15 мая 1937 года. Если бы не арест, то после опубликования в печати сообщения о расстреле маршала Тухачевского и его товарищей Иван Семенович Кутяков принял бы решение, о котором он упомянул в своем дневнике 20 апреля 1937 года: «Вот и терпи теперь... Не хочешь? В твоём распоряжении четыре револьвера, нажми курок и конец...»

Исследователь характера отношений Сталина с руководством НКВД Леонид Наумов считает, и не без оснований, что Фриновский и его приближенные верили в реальность заговора военных⁸². Невозвращенец Орлов (Фельдбин) рассказывал о панике, охватившей в мае сталинское руководство: «Все пропуска в Кремль были внезапно объявлены недействительными. Наши части внутренних войск подняты по тревоге! Как говорил Фриновский, “все правительство висело на волоске”».

Аресты Тухачевского и других высших офицеров Красной армии встревожили закордонного резидента НКВД Кривицкого: «Я пошел прямо к Михаилу Фриновскому, первому заместителю наркома... “Скажите, что происходит в стране?” – добивался я от Фриновского. “Это заговор, – ответил Фриновский. – Мы как раз раскрыли гигантский заговор в армии, такого заговора история еще никогда не знала. Но мы все возьмем под свой контроль, мы их всех возьмем”».

⁸² Наумов Л. А. Сталин и НКВД. М.: Яуза, Эксмо, 2007.

Приведем еще одно воспоминание — Хрущева: «Стала разматывать вся эта штука. Сначала потянули военных, а когда начали таскать секретарей и членов ЦК, тогда просто жутко стало: что же такое получается, как же это так проросли все эти чужие корни? Они опутали весь организм партии, всю страну. Это что-то такое ракообразное, страшное».

Хрущев не сомневался в реальности заговора в армии: «О Ворошилове тогда военные были очень невысокого мнения. Они его формально принимали, но все считали себя выше него. Так оно, видимо, и было... Арест Тухачевского я очень переживал. Но лучше всех из осужденных я знал Якира... С Тухачевским я не был близко знаком, но относился к нему всегда с уважением... Потом, когда сообщили о судебном процессе, я... ругал себя: “Как хорошо я к нему относился! Какое же я говно, ничего не видел, а вот Сталин увидел”»⁸³.

Что же произошло в мае — июне 1937 года? Именно в этом внезапном аресте и расстреле военачальников историки ищут причины Большого террора. Начиная с 60-х годов прошлого века, привычно считается, что заговора не было и группа Тухачевского стала жертвой сталинского произвола. Может, да, а может, и нет...

О том, как «разматывалась вся эта штука», арестованный 6 апреля 1939 года Фриновский изложил в отчете новому наркому внутренних дел Лаврентию Павловичу Берии.

Касаясь следственной работы, Фриновский подразделял следователей НКВД на три группы: «следователей-колольщиков», «колольщиков» и «рядовых» следователей.

Что представляли из себя эти группы и кто они? «Следователи-колольщики» были подобраны из... скомпрометированных лиц; они бесконтрольно применяли избивание арестованных, в кратчайший срок добивались “показаний” и умели грамотно, красочно составлять протоколы.

Так как количество сознающихся арестованных изо дня в день возрастало и нужда в следователях, умеющих составлять протоколы, была большая, так называемые “следователи-колольщики” стали, каждый при себе, создавать группы просто “колольщиков”.

Группа “колольщиков” состояла из технических работников. Люди эти не знали материалов на подследственного, а посылались в Лефортово, вызывали арестованного и приступали к его избиванию. Избивание продолжалось до того момента, когда подследственный давал согласие на дачу показаний...

---

⁸³ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М.: Вагриус, 1997. С. 46—66.

Остальной следовательский состав занимался допросом менее серьезных арестованных, был предоставлен самому себе, никем не руководился...

Дальнейший процесс следствия заключался в следующем: следователь вел допрос и вместо протокола составлял заметки. После нескольких таких допросов следователем составлялся черновик протокола, который шел на корректировку начальнику соответствующего отдела, а от него еще неподписанным — на просмотр бывшему народному комиссару Ежову, и в редких случаях — мне.

Ежов просматривал протокол, вносил изменения, дополнения. В большинстве арестованные не соглашались с редакцией протокола и заявляли, что они на следствии этого не говорили, и отказывались от подписи.

Тогда следователи напоминали арестованному о «колольщиках», и подследственный подписывал протокол. «Корректировку» и «редактирование» протоколов в большинстве случаев Ежов производил не видя в глаза арестованных, а если и видел, то при мимолетных обходах камер или следственных кабинетов...

По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявляю, что очень часто показания давали следователи, а не подследственные.

Знало ли об этом руководство наркомата, т. е. я и Ежов? — Знали.

Как реагировали? Честно — никак, а Ежов даже это поощрял. Никто не разбирался — к кому применяется физическое воздействие. А так как большинство из лиц, пользующихся этим методом, были врагами-заговорщиками, то ясно, шли оговоры, брались ложные показания и арестовывались и расстреливались оклеветанные врагами из числа арестованных и врагами-следователями невинные люди...»⁸⁴

Фриновскому уже нечего было скрывать, и он дал вполне объективные характеристики своим подчиненным, раскрыл весь процесс прохождения подследственного от его ареста до приговора суда, решения «тройки» и выстрела в затылок в чекистском расстрельном подвале.

Нужно добавить, что Фриновский подписал директиву НКВД № 434 от 8 августа 1937 года, которая запрещала сообщать эти приговоры и решения расстреливаемым — многие умирали, даже не узнав, за что их вообще арестовали.

Самого Фриновского его подчиненные относили к «колольщикам» не из последних. Начальник ГУГБ НКВД любил выезжать из Москвы с бригадами работников центрального аппарата для «наведения порядка» на местах. В июле 1938 года он отправился на Дальний Восток.

⁸⁴ Хаустов В. Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 304—324.

В Иркутске при посещении местного УНКВД спросил у местного следователя Кочергинского, почему арестованный заведующий транспортным отделом обкома партии не дает показаний. Кочергинский ответил, что принимает для этого все законные меры.

Покрыв молодого следователя матом, Фриновский приказал привести арестованного, собственноручно избил его в присутствии Кочергинского, получил признательные показания и удовлетворенно заявил: «Вот так в Москве допрашивают»⁸⁵.

Фриновский никак не предполагал тогда, что ему самому очень скоро придется испытать на себе утвержденную им методику чекистской следственной работы⁸⁶.

Единожды предавший

В сентябре 1938 года Фриновского неожиданно назначили... наркомом Военно-Морского флота СССР. Его верный соратник Бессонов занял пост помощника начальника штаба Балтийского флота.

О тех странных назначениях адмирал флота Николай Григорьевич Кузнецов позднее напишет: «Совершенно непонятно было, почему выдвинули именно его (Фриновского) на пост наркома, в момент развернутого строительства большого флота».

Ответ очевиден: для быстрого и эффективного проведения массовых арестов среди моряков. Выявление «врагов народа» на флоте, по мнению Сталина, значительно отставало от чистки в армии. Положение следовало исправить. Этим и должен был заняться новый нарком ВМФ Фриновский, получивший «сухопутное» воинское звание командарма, причем не второго ранга, а сразу первого. Кто как не свой помначштаба мог беспрепятственно и оперативно «просеять» сквозь чекистское сито все личные дела офицеров-балтийцев и отобрать нужное число кандидатов в «шпионы», «вредители» и «диверсанты».

Покомандовать Рабоче-крестьянским Красным флотом Фриновскому и Бессонову довелось всего лишь полгода. Но и такого короткого срока им сполна хватило, чтобы отправить за решетку неугодных морских военачальников. Боевые корабли оставались без опытных командиров. Трижды сменялись командующие четырех флотов Советского Союза.

---

⁸⁵ Петров Н. В., Янсен М. «Сталинский питомец» — Николай Ежов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 203—213.

⁸⁶ Фриновского арестовали 6 апреля 1939 года, вскоре за этим последовал арест его жены Нины и 17-летнего сына Олега. Всех расстреляли 8 февраля 1940 года.

Но дамоклов меч репрессий уже неотвратимо завис над головами самих «чистильщиков». Они сделали свое дело — вместе с наркомом внутренних дел Ежовым перетрясли НКВД, железной метлой вымели «врагов народа» из РККА, теперь вот «вычистили» флот. Пора их самих убирать. Слишком хорошо знают секреты закулисной борьбы за власть в партии и государстве...

23 ноября 1938 года Ежов написал письмо в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой об отставке. На следующий день Сталин, «принимая во внимание как мотивы, изложенные в заявлении, так и... болезненное состояние», заменил его в НКВД Берией. Впереди у Ежова оставалось полгода прозябания наркомом водного транспорта СССР, приступы мрачного пьянства, замечания и придирки Молотова, арест в кабинете Маленкова, зверское следствие Берии и приговор к высшей мере наказания.

Его бывшего заместителя Фриновского, ставшего наркомом ВМФ СССР, освободили от этой должности 24 марта 1939 года. А 6 апреля к нему пришли его сослуживцы с Лубянки...

Хрущев вспоминал: «Я случайно в то время находился в Москве. Сталин пригласил меня на ужин в Кремль, на свою квартиру. Я пошел. По-моему, там был Молотов и еще кто-то. Как только мы вошли и сели за стол, Сталин сказал, что решено арестовать Ежова, этого опасного человека, и это должны сделать как раз сейчас. Он явно нервничал, что случилось со Сталиным редко, но тут он проявлял несдержанность, как бы выдал себя. Прошло какое-то время, позвонил телефон, Сталин подошел к телефону, поговорил и сказал, что звонил Берия: все в порядке. Ежова арестовали, сейчас начнут допрос. Тогда же я узнал, что арестовали не только Ежова, но и его заместителей. Одним из них был Фриновский. Фриновского я мало знал. Говорят, что это был человек, известный по Гражданской войне, из военных, здоровенный такой силач со шрамом на лице, физически могучий. Рассказывали так: “Когда навалились на Фриновского, то Кобулов, огромный толстый человек, схватил его сзади и повалил, после чего его и связали”. Об этом рассказывали, как о каком-то подвиге Кобулова. И все это тогда принималось нами как должное»⁸⁷.

Морская карьера комбрига Бессонова тоже закончилась. Но ему «повезло»: после короткого следствия его отправили в Интинский ИТЛ.

Перед войной в составе большой группы военачальников, обвиненных в 1937–1938 годах в участии в «военно-фашистском заговоре», Бессонов был освобожден из заключения (вместе с содержавшимся в Ин-

---

⁸⁷ Хрущев Н. С. Указ. соч. С. 65.

талаге Рокоссовским), восстановлен в своем прежнем воинском звании и назначен, по указанию Берии, не в войска НКВД, а в армию — начальником штаба 102-й стрелковой дивизии, входившей в состав 67-го стрелкового корпуса, сформированного на Полтавщине. Корпусом командовал комбриг Филипп Феодосьевич Жмаченко, тоже бывший зек⁸⁸.

С началом Великой Отечественной войны корпус поступил в распоряжение генерал-лейтенанта Василия Филипповича Герасименко, командующего 21-й армией, штаб которой находился в Гомеле. 19 июля 1941 года после форсирования немецкими войсками Днепра в районе Могилева этот корпус возглавил еще один бывший заключенный комбриг Кузьма Никитович Галицкий⁸⁹.

Тогда же комбриг Бессонов вступил в командование 102-й стрелковой дивизией после ареста по ложным обвинениям ее командира полковника Гудзя. Донос на него якобы инициировал сам Бессонов, желая занять его должность (позднее Гудзь был освобожден и провоевал до последнего дня Великой Отечественной войны, а автор анонимки не был установлен).

Считается, что когда немцы прорвались в районе Могилев — Рогачев и 102-я стрелковая дивизия оказалась в окружении, то Бессонов добровольно сдался в плен 26 августа охране немецкого медсанбата в селе Раги Старосельского района Гомельской области. На первом же допросе он предложил свои услуги по борьбе с советским режимом. Последовательно сменив гомельский, бобруйский, минский и белостокский лагеря, Бессонов под псевдонимом Катувский в ноябре 1941 года оказался в Хаммельсбургском лагере для офицерского состава Красной армии — офлаге-ХШ Д. Здесь немецкая разведка организовала «Военно-исторический кабинет». Работавшие в нем Бессонов и другие бывшие генералы и старшие офицеры (всего 120 человек) сочиняли «справки о состоянии советского общества, армии и промышленности».

Всего в 1941—1944 годах в плен к немцам попали 83 генерала Красной армии, из них — 7 командующих армиями, 19 командиров корпусов, 31 командир дивизии, 4 начальника штаба армий, 9 начальников

---

⁸⁸ Генерал-полковник Жмаченко закончил Великую Отечественную войну командующим 40-й армией, был участником Парада Победы в Москве. Удостоен звания Героя Советского Союза (1943), награжден двумя орденами Ленина, четырьмя Красного Знамени, Суворова I ст., Кутузова I ст., двумя Богдана Хмельницкого I ст., орденом «Знак Почета» и американским Командным орденом, врученным ему в 1944 году от имени президента США.

⁸⁹ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года командующему 11-й гвардейской армией генерал-полковнику Галицкому было присвоено звание Героя Советского Союза. К тому времени он уже имел два ордена Красного Знамени, ордена Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого (все первой степени). В 1955 году ему было присвоено звание «генерал армии».

родов войск армий. По времени попадания в плен это выглядело так: 1941 год — 63 человека, 1942 год — 16 человек, 1943 год — 3 человека, 1944 год — 1 человек.

В созданных немцами антисоветских вооруженных формированиях и оккупационных административных структурах служили: генерал-лейтенант Красной армии (А. А. Власов), 6 генерал-майоров, 3 комбрига, 29 полковников, бригадный комиссар, 16 подполковников, 41 майор, 11 военинженеров второго и третьего рангов, 2 военврача второго ранга, капитан первого ранга ВМФ и 3 старших лейтенанта госбезопасности⁹⁰.

Мотивы перехода комбрига (или генерал-майора) Бессонова на сторону врага и сотрудничества с ним не совсем понятны. Его архивно-следственное дело № Н-20096 в семи томах хранится в Центральном архиве ФСБ России и недоступно пока для исследования.

Бессонов не принадлежал к числу русских офицеров, которые, по принуждению поступив на службу в Красную армию, обесценили для себя проблему нравственного выбора («единожды предавший»). В своих поступках они стали руководствоваться уже не традиционными морально-этическими категориями, а преимущественно жизненным прагматизмом.

В отличие от военачальников непролетарского и некрестьянского происхождения Бессонов стал командиром благодаря советской власти. Он пострадал от репрессий, однако меньше, чем другие, осужденные (в том числе при его непосредственном участии) по первой категории (расстрел) или отправленные на длительные сроки в лагеря НКВД, но не освобожденные, как он, хотя их невиновность также не вызывала сомнений.

Вряд ли Бессонов осознавал бесчеловечность и преступность сталинского государства и потому выступал против него — ведь он сам был участником этих преступлений.

Нет оснований обвинять его в трусости: он не искал личного спасения. Подобно генералам Абрамидзе, Лукину, Музыченко, Потапову и другим, занявшим в плену безучастную позицию, Бессонов, попросту говоря, мог «пересидеть плен».

Из 83 пленных генералов, комбригов и командиров, чьи звания к таковым можно приравнять, от голода, лишений, последствий полученных ранений и болезней в немецком плену умерли всего девять человек, меньше 8 процентов, погибли в результате немецких репрессий —

⁹⁰ Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2007; Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: Сборник статей и материалов. М.: Яуза, Эксмо, 2005; Чув С. В. Проклятые солдаты. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

шестнадцать (18 процентов), бежали из плена — шесть (7 процентов). Из вернувшихся в СССР из плена 37 генералов и комбригов 26 (70 процентов) — заслужили прощение и реабилитацию, возобновили карьеры и вновь попали в высший номенклатурный эшелон советского государства⁹¹. Бессонов мог спастись, но, как игрок, решил использовать шанс войти в историю. И стал одним из многих авантюристов Второй мировой войны.

Поэтому он вступил в созданную в октябре 1941 года в Хаммельбургском лагере военюристом третьего ранга Мальцевым и бывшим актером МХАТа Сверчковым политическую организацию из военнопленных офицеров — Русскую национально-трудовую партию. РНТП насчитывала более двухсот человек, имела устав и программу, которая предусматривала «борьбу в союзе с Германией за свержение Советской власти в России и создание нового демократического государства без большевиков». Экономическая часть программы заключалась в «ликвидации колхозов, восстановлении частной собственности, возрождении торговли, ремесел, кустарных промыслов...». И всевозможные свободы: религии, совести, слова, собраний и печати. Был свой гимн, начинавшийся четверостишем:

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою!
Родину-мать вы спасайте,
Честь и свободу свою...

«Партийцы» приветствовали друг друга поднятием правой руки и возгласом «Слава России!». Ответ: «И соратнику!».

Эта организация с первого же дня существования находилась под пристальным оком немецкой разведки, использующей объединение военнопленных советских генералов и старших офицеров как фильтр для выявления их истинных настроений и получения информации политического, экономического и военного характера.

Такое положение РНТП не удовлетворяло Бессонова, и он создал собственную организацию — «Политический центр борьбы с большевизмом». Ближайшими его сподвижниками стали начальник штаба 20-й стрелковой дивизии НКВД полковник Киселев, начальник артиллерии

⁹¹ См.: Александров К. М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: Сборник статей и материалов. М.: Яуза, Эксмо, 2005 (о Бессонове — с. 257); Чув С. В. Проклятые солдаты. М.: Яуза, Эксмо, 2004 (о Бессонове — с. 224—250); Смыслов О. С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2007; Черушев Н. С. Удар по своим. Красная армия 1938—1941. М.: Вече, 2003.

49-й танковой дивизии полковник Любимов, командир 301-го стрелкового полка подполковник Бродников, заместитель начальника штаба 6-й армии полковник Меандров, командир 171-й стрелковой дивизии генерал-майор Будыхо...

Бессонов предложил немцам план высадки воздушного десанта численностью до шести тысяч человек из числа антисоветски настроенных военнопленных в бассейнах рек Северная Двина – Печора – Обь. Захватить лагеря НКВД и, вооружив заключенных, развернуть повстанческую деятельность на северо-востоке страны и направить ее в южном направлении. Главная задача – овладение промышленными центрами Урала и разрыв сообщения европейской части СССР с Сибирью и Дальним Востоком.

В исторической справке к этому плану Бессонов использовал известный ему по службе в войсках НКВД приказ от 10 декабря 1937 года № 00765 «О реорганизации Ухтопечорского лагеря НКВД».

В состав Ухтпечлага входили лагерные районы:

а) Воркутинский с центром в с. Уса. На этот район Ухтпечлага возлагалось шахтное строительство и добыча угля на Воркуте и Инте и строительство железной дороги Воркута – Кожва;

б) Печорский с центром в с. Кедровый Шор (баржестроение, лесозаготовки в Троицко-Печорском и Кожвинском леспромхозах);

в) Ухтинский с центром на промысле № 2 (добыча нефти, газа, асфальтов и переработка воды);

г) Усть-Вымский с центром в пос. Княжпогост (строительство железной дороги Чибью-Котлас и лесозаготовки в Усть-Вымском массиве...)

Этим приказом начальнику Ухтопечорских лагерей старшему майору госбезопасности Якову Морозу предлагалось в месячный срок представить в ГУЛАГ НКВД положение и штаты вновь организованных районов (лагерей).

Бессонов также изложил в своей исторической справке порядок строительства трассы Северо-Печорской железнодорожной магистрали: «...сначала укладывалась бревенчатая дорога-лежневка, затем возводилась насыпь, строились мосты и укладывалось полотно. Приводимый на новое место контингент заключенных (колонна) строил себе лагерьный пункт (лагпункт). Он начинался с палаток. Натягивался один ряд проволочных заграждений высотой около двух с половиной метров, строились вышки. Затем строились сортир, вахта, штрафной изолятор, бараки (или первоначально, землянки), рылся пожарный водоем. После этого возводились остальные объекты лагпункта: барак-клуб (чаще всего совмещенный с библиотекой), барак-штаб (иногда совмещенный

с лазаретом), кухня-столовая (часто совмещенная с пекарней), баня (совмещенная с дезокамерой, сушилкой и прачечной). В пределах проводочного ограждения могли также находиться ларек для заключенных, камера хранения личных вещей заключенных, пошивочная и сапожные мастерские, отдельный барак-медпункт.

Баракы были типовыми, размерами десять метров по ширине и двадцать метров по длине, разделенные на две части, в каждой из которых было по кирпичной печи и отдельному входу. Деревянные нары клались в два яруса, чаще всего сколоченные блоками по четыре, как полки в плацкартном железнодорожном вагоне. Нары снабжались табличками: фамилия, имя, отчество, год рождения, начало и конец срока заключения.

Лагпункт мог иметь свои, так называемые, командировки и подкомандировки, то есть два-три места работы (например, деляны, где заготавливалась древесина, строящийся мост или другие объекты). В этом случае лагпункт являлся базой.

В одном лагпункте, как правило, находилось до шестисот человек заключенных...»

Побеги были относительно редкими. Причин тому несколько. Во-первых, край слишком суров, удален от дорог и населенных пунктов. Во-вторых, побеги выявлялись и пресекались. В-третьих, о замеченных «чужих» людях властям докладывали местные жители — зыряне. Бывало, что сам заключенный, проплутав и поголодав в тундре, возвращался в лагерь на милость начальства. Удачных побегов почти никто не знал. А это психологически давило...

Трудно сказать, верил ли сам комбриг Бессонов, ставший в немецком плену руководителем ПЦБ, в успех массированного десанта из военнопленных в районы компактного расположения лагерей НКВД и организации восстания заключенных. В июне 1945 года на допросе в Главном управлении контрразведки «Смерш» НКО СССР он показал: «...выполняя задание немцев, я разработал предварительный план повстанческой деятельности в тылу Советского Союза, по которому предполагалось создание из числа военнопленных, бывших военнослужащих Красной армии, несколько десантных групп для выброски их с самолетов на парашютах в северные районы СССР... Предполагалось высадить воздушный десант численностью в 50000 человек. В соответствии с этим мною и штабом ПЦБ был тщательно разработан план десантирования и боевых действий, составлены всяческие схемы, на карты нанесены маршруты и основные направления ударов».

Вопрос: «Какие именно районы СССР предусматривались вашим планом для высадки десанта и начала повстанческой деятельности?»

Ответ: «Планом предусматривалось, что высадившиеся на Севере СССР крупные десантные отряды захватят расположенные там лагеря заключенных и поселения ссыльных, вооружат их после привлечения на свою сторону и, пользуясь отдаленностью этих районов от фронта и жизненных центров страны, а также отсутствием крупных воинских гарнизонов, разовьют повстанческую деятельность в тылу Красной армии.

При этом ставилась цель — достигнуть и овладеть промышленными центрами Урала, отрезать Сибирь от центральной части Советского Союза и лишить его важнейшей стратегической базы на Востоке. Расширяя район действий в направлении на юг, вывести из строя сибирскую железнодорожную магистраль, расчленив, таким образом, Западный фронт от Дальневосточного... В качестве районов высадки десанта и исходной территории для развертывания повстанческой деятельности планом предусматривались такие места:

1. Район Нарьян-Мар, Усть-Цильма и Усть-Ухта;
2. Район дельты реки Северная Двина;
3. Район Сыктывкара (бывш. Усть-Сысольск);
4. Район Мезень;
5. В пунктах на реке Обь: а) Обдорск, б) Березов, в) Самарово;
6. Район дельты реки Енисей;
7. Северный Урал — район Чердынь...».

К началу войны общее число заключенных в лагерях НКВД составляло 2 миллиона 300 тысяч человек. Бессмысленные в предвоенный период попытки массовых выступлений с началом военных действий приобретали надежду на успех — освободиться, восстав против сталинского режима на стороне немцев.

Но протестный потенциал ГУЛАГа уменьшило «досрочное освобождение заключенных и передача их в Красную армию».

Война началась 22 июня 1941 года, а уже 12 июля, затем 24 ноября по ходатайству НКВД Президиум Верховного Совета СССР издал указы о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных (общезвестно, что трое из четырех узников ГУЛАГа в сталинское время были осуждены не за политические, а за общеуголовные преступления).

«Во исполнение этих указов — отмечалось в отчете ГУЛАГа — было передано в Красную армию 420 тысяч осужденных за прогулы, бытовые и хозяйственные преступления».

Но наступающий вермахт быстро перемалывал в бесчисленных «котлах» 1941–1942 годов наши мобилизационные ресурсы: только

в плен было взято за всю войну 5 миллионов 754 тысячи советских военнослужащих.

Поэтому по специальным решениям Государственного комитета обороны СССР в 1942–1943 годах «произведено досрочное освобождение с передачей в ряды Красной армии еще 157 тысяч человек из числа осужденных за незначительные преступления».

Начальникам лагерей совместно с прокурорами было дано указание: «Пересмотреть личные дела заключенных мужчин в возрасте до 40 лет из лиц, осужденных за бытовые, имущественные и должностные преступления, отобрать определенное количество лиц по Вашему усмотрению, независимо от сроков наказания, годных к несению строевой службы и передать военкоматам для зачисления в армию».

Так за три года войны на укомплектование воинских частей было «передано 975 тысяч заключенных, а всего до мая 1945 года — более полутора миллиона»⁹².

Кроме того, из лагерей «освобождено 43 тысячи польских граждан и до десяти тысяч чехословаков для формирования национальных частей».

Освобождение некоторых категорий заключенных и направление их на фронт произошло не из человеколюбия, сострадания к ним или из-за тревоги за судьбу Отечества. Дело в том, что у заключенных появилась вполне понятная боязнь, что неудачное начало войны и быстрое продвижение немцев на восток могут спровоцировать власть на акции массового уничтожения в лагерях, оказавшихся в непосредственной близости от районов боевых действий (показано в кинофильме Н. С. Михалкова «Утомленные солнцем. Предстояние»). Потенциально этот страх мог стать важным фактором сплочения и консолидации заключенных перед лицом смертельной угрозы. В лагерях широко распространялись слухи об уже имевших место массовых расстрелах, о некоем секретном приказе НКВД об уничтожении заключенных в случае приближения немцев.

По воспоминаниям И. Н. Бажанова, сидевшего в начале войны в уральских лагерях, то есть достаточно далеко от театра военных действий, он узнал о возможности расстрела от знакомого охранника и «рассказал об этом пяти самым надежным товарищам. Мы решили тот час же создать группу сопротивления и сорвать задуманный ими план... при первых известиях о приближении немцев и подготовке процедуры уничтожения зеков — захватить силой и ценой несколь-

---

⁹² Черушев Н. С. Из ГУЛАГА — в бой. М.: Вече, 2006.

ких жертв сарай, где хранились винтовки и патроны. Уничтожив охранников и всех, кто истязал заключенных, не трогая их семей, распустить заключенных других уральских лагерей... Мы тщательно следили за охраной и запорами сарая, где хранилось оружие для нашего уничтожения».

Не дожидаясь лагерных бунтов, Сталин предпочел избавиться от «обычных заключенных» путем массовой мобилизации в Красную армию — у них появились легальные планы восстановить свой гражданский статус. При этом Сталин знал, что осужденные по контрреволюционной 58-й статье, то есть «за разговоры», «ни за что» или, как некоторые из них полагали, «по ошибке», были в массе своей настроены патриотически и к борьбе с существующим в стране режимом не способны. Поэтому эта категория, составлявшая в 1941 году только 27 процентов от общего числа заключенных, освобождению из лагерей не подлежала и в Красную армию не призывалась.

Убежденность в успехе воздушного десанта на территорию Приполярного Урала и освобождение из расположенных там лагерей НКВД заключенных у Бессонова, его сподвижников и их немецких покровителей из «Цепелина» еще более окрепла после известий о так называемом Ретюнском восстании.

Это событие, о котором руководство НКВД СССР упомянуло в совершенно секретной директиве № 73 от 27 января 1942 года скупно и неохотно, произошло тремя днями раньше на отдельном лагерном пункте «Лесорейд» Воркутинского ИТЛ: «...125 заключенных разоружили военизированную охрану лагеря, напали на районный центр Усть-Уса, захватили почту, прервали связь и, перебив охрану КПЗ, освободили 42 заключенных, из которых 27 присоединились к банде. В результате принятых мер убито 11 бандитов и 32 задержано. Преследование продолжается. Среди работников охраны, НКВД и совпартактива имеются убитые и раненые...»

Последующим расследованием происшествия было установлено: «Военизированная охрана подкомандировки мылась в бане, оставив в казарме, где находилось оружие и боеприпасы, одного дневального. Дневальный был обезоружен. Захватив оружие, банда загнула личный состав охраны из бани в овощехранилище и заперла там»⁹³.

Восстанием руководил вольнонаемный начальник лагерного пункта М. А. Ретюнин, ранее осужденный на 10 лет лишения свободы.

---

⁹³ Рогачев М. Б. Усинское восстание: документы и комментарии // Покаяние: Мартиролог. Т. 7. Сыктывкар. 2005. С. 165—209.

В результате налета повстанцев на райцентр Усть-Усу при боестолкновениях с чекистами и партийно-советским активом потери последних составили: 33 убитых и умерших от ранений, 70 человек получили обморожения. Со стороны повстанцев убито 48 человек, а шестеро, в том числе и Ретюнин, застрелились. 9 августа 1942 года прокурор Коми АССР Фотиев утвердил заключительное обвинение по делу № 785: из 68 человек в отношении 49 была предложена высшая мера наказания — расстрел.

И хотя НКВД в своих документах и в радиопереговорах представил это вооруженное выступление как «побег заключенных из Воркутинского ИТЛ», слух о «восстании и мерах по предотвращению подобных случаев в других лагерях» быстро распространился среди узников ГУЛАГа.

На подобные выступления и рассчитывал комбриг Бессонов: «...освободительное движение могло быть успешно начато при координации небольших сил вторжения с многомиллионной массой заключенных и спецпоселенцев».

Изучение рассекреченной не так давно «переписки по ликвидации немецкого парашютного десанта, высадившегося 6 июня 1943 года в Кожвинском районе Коми АССР» подтверждает вывод еще одного любопытного документа с грифом «секретно» из архива Коми обкома КПСС: «Организована операция по ликвидации десанта была исключительно неумело, и если бы десант не сдался, а решил сопротивляться, то весь оперативный состав НКВД Коми АССР, прибывший в совхоз «Кедровый Шор», был бы уничтожен».

Один из десантников, 29-летний Михаил Годов, отбывавший срок наказания за хозяйственное преступление в Печоржелдорлаге НКВД, досрочно освобожденный по Указу от 23 ноября 1941 года и призванный в Красную армию, на допросе показал: «По указанию особой команды «Цепелина» — «Русланд-Норд» высадка десанта произведена в районе Кожвы, так как здесь большая концентрация лагерей НКВД, в которых содержится наиболее враждебный Советской власти элемент...»

Действительно, в июне 1943 года на территории образованного в 1941 году, после ликвидации Печорского округа, Кожвинского района располагались три мощных лагерных треста НКВД: Печоржелдорлаг НКВД (осуществлял строительство Северо-Печорской железной дороги на участке Кожва — Воркута), Инталаг и Воркутлаг НКВД (вели промышленное освоение Печорского угольного месторождения). В этих лагерях содержались десятки тысяч заключенных.

В непосредственной близости от места высадки десанта находились лагерные подразделения НКВД:

1. Первое строительное отделение Печорстроя НКВД (строило железную дорогу на участке Кожва — Косью и железнодорожный мост через реку Печору от Кожвинского промузла).

2. Первый эксплуатационный район Отделения железнодорожного транспорта Печорстроя НКВД (осуществлял эксплуатацию железной дороги на уже построенных участках).

3. Кожвинская транспортная контора Воркутстроя НКВД (занималась перевозкой грузов для Воркутлага).

4. Шестое Кожвинское строительное отделение Севжелдорстроя НКВД (строило Северо-Печорскую железную дорогу на участке южнее Кожвы).

5. Угольный рудник Еджид-Кырта Интинстроя НКВД (разрабатывалось месторождение, признанное впоследствии неперспективным).

6. Лесное отделение Интинстроя НКВД (занималось заготовкой леса для Интинских шахт НКВД).

7. Сельхоз «Кедровый Шор» Интинстроя НКВД (снабжал продовольствием заключенных Инталага).

Этот лагерь НКВД был организован в 1932 году на месте поселка трудпоселенцев, раскулаченных во время коллективизации. Через год в Кедровом Шоре были построены комендатура, радиостанция, телефонная станция, аэродром, жилые бараки, кухня, баня и складские помещения.

Организационно сельхозлагерь делился на три лагпункта (отделения): Кедровый, Заозерный и Развилки, к которому вышли десантники Александр Доронин и Андрей Одинцов. Во всех этих лагпунктах содержалось около тысячи заключенных (в 1942 году — 785, на 1 августа 1943 года — 800 заключенных, около половины из которых были женщины).

Лагерь в Кедровом Шоре являлся главным поставщиком продовольствия для Инталага НКВД, окрепшим и премириванным на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

В годы войны Управление Инталага НКВД поставило перед сельхозлагерем «Кедровый Шор» «...боевую задачу — дать военный урожай». И если в 1939 году заключенным Инты была направлена 141 тонна овощей, в 1940-м — 395 тонн, в 1941-м — 653 тонны, то в 1942-м — 1069, а в 1943-м — 1557 тонн⁹⁴.

Так что не существовало, как в повести Рекемчука «Б7-Б7 выходит из игры», ни молочно-товарной фермы «Развилки» совхоза «Кедровый

⁹⁴ Служим Отечеству. Органы государственной безопасности Республики Коми: документы, материалы, воспоминания: 1918—1998. Сыктывкар, 1998. С. 113—136.

Шор», ни пожилого счетовода-рыболова Акима Федотовича Суханова, которому якобы сдались вражеские парашютисты, а были сельхозлагерь НКВД «Кедровый Шор» и находившийся в лагерной командировке «Развилки» заместитель командира взвода по политчасти Инталага НКВД Виктор Павлович Лазарев.

Почему в планах Бессонова и «Цеппелина» по освобождению заключенных лагерей НКВД в Коми АССР первой целью стоял этот сельхозлагерь?

Потому что главной задачей десанта являлось освобождение одного лишь заключенного. Вернее – заключенной: Александры Азарьевны Андreeвой-Горбуновой (Ашихминой). Майора госбезопасности.

Приложение № 7

Отрывок из повести Рекемчука «Б7-Б7 выходит из игры»

...В этот день он проснулся рано. До работы решил сходить на рыбалку. С вечера накопал червей, приготовил снасть. Оно бы лучше, конечно, выйти на реку еще до рассвета – самый клев застать, но июньские рассветы на Севере занимают едва ли не с полуночи, а спать когда же?

Четыре часа утра, солнце уже высоко поднялось над горизонтом, однако на ферме – глубокая, сонная тишина. Тихо и в лесу. Тропинка, ведущая к реке, окаймлена густыми травами, набрякшими росой. Там, за сосняком, речка...

Аким Федотович вздрогнул: из-за сосен на тропинку вышли двое. Двое незнакомых людей шли навстречу. В изорванной одежде, свисающей зелеными клочьями, мокрые до пояса, пошатывающиеся – ни дать ни взять лесные разбойники...

Счетовод, грешным делом, уже собирался задать стрекоча: мало ли кого повстречаешь в лесу, а эти тем более – при оружии! Но тут Аким Федотович разглядел звездочки на пилотках незнакомцев, петлицы на воротниках гимнастерок – и отлегло от души: красноармейцы. С учения что ли?

– Доброго утра! – поприветствовал он их еще издалека.

Красноармейцы подошли вплотную. Теперь были видны землисто-серые, заросшие щетиной лица, красные от усталости и бессонницы глаза.

– Вот что, папаша... – сказал один из красноармейцев. – Мы – из немецкого десанта. Вчера ночью здесь выбросились... Диверсионная группа.

Аким Федотович выронил ведро с червями, от удивления разинул рот. По спине пробежали мурашки...

— Где тут у вас начальство? — продолжал между тем незнакомец в пилотке. — Веди, отец, и побыстрее... Держи-ка вот это...

Незнакомец снял через голову ремень автомата и протянул оружие Акиму Федотовичу. Другой тоже снял автомат и повесил его на плечо счетоводу. Затем Аким Федотович ощутил в кармане своего пиджака тяжесть двух револьверов. Еще больше перепугался — сроду не имел дела с огнестрельными предметами.

— Веди, отец! А удочки давай сюда...

Обойдя Акима Федотовича, незнакомцы поплелись по тропинке впереди него. Шли тяжело, волоча ноги.

Наконец, уяснив сложившуюся обстановку, Аким Федотович Суханов приосанился, на всякий случай выставил перед собой дуло автомата и зашагал следом. На подходе к ферме даже стал подумывать о том, не случится ли ему в итоге столь необычного происшествия какая-нибудь медаль.

Через несколько минут они сидели в кабинете заведующего молочно-товарной фермой, а сам заведующий взволнованно крутил ручку телефона:

— Кедровый Шор!.. Кедровый Шор... Кожва! Кожва!...

Дальше следовало появление человека в форме чекиста. Позади него – бойцы с винтовками. За окном слышался гул автомобильных моторов.

Один из сдавшихся любителю-рыболову Суханову парашютист вывел отряд чекистов на опушку: ...там возле юрты уже собрались все участники десантной группы. В стороне лежало сложенное в кучу оружие, парашюты, ящики и тюки. При появлении отряда все встали и подняли руки вверх.

В достоверности фактов, изложенных в повести Рекемчука «Б7-Б7 выходит из игры», никто не сомневался. Но в апреле 1973 года в Президиум Верховного Совета РСФСР пришло письмо.

В Президиум Верховного Совета РСФСР

Я, Лазарев Виктор Павлович, в 1942 году работал в совхозе «Кедровый Шор», который находился от Кожвы вверх по течению реки Печоры на шестьдесят километров. Совхоз занимался овощеводством и животноводством. Рабочая сила в совхозе была из людей, лишенных свободы за разные преступления, а также там имелся взвод стрелков по охране этого контингента. Кроме этого совхоз имел отдаленные места в глухом лесу: на устьях речек Лунь-Вож и Вой-Вож за 30 км от совхоза находилось отделение «Развилки» (т.е. где расходились две речки). В отделении насчитывалось шестьдесят заключенных, которые пасли молодняк

и занимались заготовкой сена по берегам этих речек; два стрелка ВОХР и начальник отделения Давыдов. В совхозе «Кедровый Шор» партийная организация (ячейка) состояла из трех коммунистов: начальник совхоза Валк Карл Гансович, стрелок Волков и я, заместитель по политчасти командира третьего взвода второго дивизиона ВОХР Инталага НКВД.

В 1943 году в июне месяце я вышел на отделение совхоза, охватил госзаймом двух стрелков и начальника, а утром в шесть часов вышел в бригаду по одной из речек за 25 км от совхоза, охватив на заем вольнонаемный состав и уточнив количество заключенных. После чего вернулся на «Развилки» к стрелкам, где поели, и для меня стрелки освободили одну комнату.

В три часа ночи дежурный стрелок постучал мне в двери и доложил, что из леса на территорию «Развилки» подходят два вооруженных человека в военной форме. Я, накинув плащ, выскочил в коридор и крикнул: «Тревога!». Отдыхающий стрелок схватил винтовку и был наготове. Сам я пошел навстречу вооруженным людям. Один из них сказал по-русски: «Здравствуйте!». Я ответил тем же и спросил: «Кто вы будете?». Ответили: «Мы немецкий десант». После чего я предложил им сдать оружие. Они сняли с себя автоматы и кобурное оружие — пистолеты «Парабеллум» и вручили мне вместе с документами: командировочные удостоверения и партбилеты, выданные политотделом в Воркуте, подписанные как и у меня в партбилете начальником политотдела Захламиним.

Потом они мне представились: один — Доронин, уроженец Коми АССР, до войны работал в Удорском районе в должности зав РОНО, был призван в армию, попал в плен к немцам, где был завербован и направлен в десант. Фамилию второго я позабыл; он роста среднего, плотного телосложения, родился в Ивановской области, попал в плен, где завербован и подготовлен радистом.

Я спросил: «Как вы попали сюда и что вам поручено немцами?». Они ответили, что завербованы немцами на территории Прибалтийских республик СССР и десант численностью двенадцать человек послан в Коми АССР с задачами:

1. Подготовить осужденных, отбывающих срок в лагерях, к восстанию и созданию второго фронта в тылу Красной армии.

2. Взорвать мост через реку Печору, сорвав тем самым доставку топлива (угля) для промышленности и городов Советского Союза.

Доронин также сообщил, что они были сброшены с двух транспортных самолетов. Десантом командует бывший белогвардейский полковник Иванов или Смирнов (забыл). На парашютах сбросили 24 железных

баллона с вооружением, боеприпасами и взрывматериалами (одежда, полушубки, продукты, тол).

Получив эти сведения, я решил ликвидировать десантную группу своими силами. На «Развилках» было всего четыре человека — я, мои стрелки и начальник отделения (фермы). Поэтому я направил в совхоз, где расположился взвод стрелков, человека с запиской командиру взвода Пантелееву, чтобы он направил ко мне десять стрелков и медработника. Написал ему о десанте, просил сообщить о нем в Сыктывкар и усилить охрану в лагере заключенных, а также взять у начальника совхоза верховых лошадей для личного состава.

Пакет (записку) я вручил одному из заключенных, приказав ему через полтора часа быть в совхозе. После этого из сданных мне десантниками двух автоматов мы со стрелком и начальником фермы сделали по пять выстрелов по цели в сто метров, набили мешки сеном вместо седел и запасли продукты питания.

Через шесть часов прибыло подкрепление, но не десять, а семь человек, вооруженных винтовками с ящиком патронов. Все верхом на лошадях, в том числе проводник Жихарев с розыскной собакой. Навьючить на лошадей боеприпасы и продовольствие потребовался еще один час. Доронину дали верховую лошадь и предложили ему быть проводником к лагерю десантников. Радииста оставили под замком в комнате, охраняемой стрелком. Таким образом, на операцию мы выехали в 10 человек и с Дорониным. Вооружены двумя автоматами, двумя «Парабеллумами» и винтовками. Двигались около речки, а кругом был лес, преимущественно елка и береза. Отъехав примерно двенадцать километров, услышали впереди автоматную очередь, и над рекой вдоль пролетела стая гусей. Доронин мне сказал, что это десантники стреляли по гусям.

Проехав еще два километра, я знаком руки показал спешиться. Лошадей завели в лес, привязали к деревьям, охранять оставили одного стрелка. Сделали привал и закурили. Потом я приказал двум стрелкам выдвинуться в дозор на зрительное расстояние со мной и докладывать обо всем замеченном, а остальным двигаться без шума на дистанции три шага. Через километр дозор потерялся из поля зрения, я залег, за мной — остальные стрелки. Минут через тридцать услышали недалеко одиночный выстрел. Я понял, что это дозор выстрелил из винтовки. Мы произвели несколько очередей из автоматов — это была уже перестрелка с десантом...

Обходя вправо гору для незаметного подхода к лагерю, мы столкнулись с тремя десантниками, которые выполнили мои команды «стоять» и «сдать оружие». Я приказал стрелку Данилову их обыскать, после чего спросил, что произошло в лагере. Они ответили, что на костре варят

гуся, которого застрелили. Я предупредил, что при попытке к бегству применим оружие, и мы двинулись к лагерю.

Там около костра стояли двое мужчин, которых десантники задержали. Один десантник был убит нашим дозором, трое нам сдались, и еще шестеро искали в лесу баллоны с оружием, имуществом и продуктами.

Я решил разоружить их и обратился к одному из плененных нами десантников, который и оказался тем самым белогвардейским полковником, фамилию его я забыл. Этот полковник сообщил мне о сигналах для сбора. Я произвел три коротких очереди, и через двадцать минут на нас вышел десантник. Полковник сказал ему, что сопротивление бесполезно, положить оружие на землю и отойти в сторону, что тот и сделал. Таким образом, все десантники были обезоружены.

Когда все собрались в лагере, то Доронин сидел отдельно от десантников. Кто-то из стрелков оставил недалеко от него автомат. Доронин встал, схватил автомат и выстрелом убил полковника. Я отобрал у Доронина автомат и спросил: «Почему своевольничаешь?». Доронин ответил, что полковник изменил народу и давно должен быть убит. После этого разговора я предложил Доронину присоединиться к задержанным десантникам под охрану. Потом приказал двум десантникам взять лопаты и в десяти метрах от лагеря вырыть яму и похоронить два трупа.

Когда привели лошадей, я оставил начальника фермы Давыдова и одного стрелка охранять трофейное оружие и имущество, выстроил десантников, предупредил их о правилах конвоирования, и мы отправились в обратный путь.

Через десять километров, следуя верхом на лошади впереди конвоируемых десантников, я услышал шум мотора самолета и дал команду: «К опушке леса, ложись!». Самолет сделал над лесом несколько кругов и улетел, но я заметил на его крыльях красные пятиконечные звезды. Я заменил конвой, и мы двинулись дальше, переходя на перекатах речки вброд.

В «Развилках» нас встретили товарищи из Сыктывкара. Они поблагодарили меня за успешно проведенную операцию и пообещали представить к награждению. Потом товарищи из Сыктывкара занялись десантниками, по одному их вызывали, обыскивали и записывали их показания. А я пошел спать.

Через некоторое время меня разбудил стрелок и сказал, что меня вызывают товарищи из Сыктывкара. Я оделся, пришел к ним в комнату и доложил: «Замполит Лазарев прибыл по вашему приказанию!».

Они мне приказали доставить задержанных десантников в совхоз «Кедровый Шор» (расстояние тридцать километров). Оставив на фер-

ме двух стрелков, мы с остальными, кто на лошадях, кто пешком, отконвоировали десять человек задержанных в совхоз.

Там я увидел, что в «Кедровый Шор» прибыла для ликвидации десанта военная часть примерно сто человек. Командир части попросил меня рассказать, как был ликвидирован десант. Я выполнил его просьбу, и командир заявил, что операция действительно была серьезная и вас правительство не забудет.

Потом он связался с вышестоящим начальством, которое ему приказало найти в лесу рацию десантников, а нам сопровождать их к лагерю десантников.

Военная часть выстроилась, мы с командиром на лошадях впереди колонны. Прибыв на место лагеря, командир части спросил, что из съестного есть в трофейном имуществе. Я ответил, что имеется хлеб, бекон, сахар, ром, махорка. Командир дал команду есть эти продукты.

Двое суток они прочесывали местность с интервалом в двадцать метров, но рацию не нашли. Тогда я у Доронина уточнил место сброса груза, и он сказал, что на правом берегу речки ниже по течению. Я спросил у командира части разрешения взять пять стрелков и отправиться снова на поиск рации.

В тот же день в глубине леса один из стрелков заметил на дереве парашют, а на земле лежал железный баллон, а в нем — рация. Местность была болотистая, поэтому мы на веревках вытащили баллон к речке, после чего на лошадях доставили рацию в совхоз «Кедровый Шор». Командир части был доволен и заявил мне, что я одержал вторую победу.

Вот так, почти подробно я написал, как был ликвидирован десант. Но мне, как члену партии с 1941 года, непонятно одно. Сыктывкарская газета «Красное знамя» печатала статьи, указывала, что операции по ликвидации десанта проводили «чекисты», демонстрируется фильм и постановка, а где же живые люди, которые в самом деле ликвидировали десант? Кроме того, в музее г. Воркуты имеется документация, в которой указывается, что десантники взорвали в Печоре мост, и на этом мосту людей несло вниз по течению. Короче говоря, и теперь еще не знают людей, которые решили операцию по ликвидации десанта. Люди решили операцию и, надо сказать, не раздумывая, пошли на смерть ради нашей Родины. Силы были неравные, десантники хорошо вооружены, количеством превосходящие, а мы решили операцию, пять человек, и всех десантников захватили хитро разработанной операцией врасплох и незаметностью на второй день их высадки. Десантники из лесу были выведены и переданы товарищам из Сыктывкара.

Прошу дать ход истине. Руководитель по захвату десантников Лазарев Виктор Павлович. Мой адрес...⁹⁵

Коми — Сыктывкар. Обкомпарт. Тараненко⁹⁶

Сообщению директора Кедровый Шор 3 часа утра районе Концеборского сельсовета выброшен вооруженный немецкий десант количестве 12 человек (зпт) два из них сдались в плен (тчк) Посылаю отряд для ликвидации (тчк) Безгодов⁹⁷ (тчк).

Сыктывкар. НКВД. Кабакову⁹⁸

Передаю сообщение (зпт) полученное мною 8 июня 8 часов 50 минут директора совхоза Кедровый Шор Валк (тчк) Сегодня 03 часа утра 15 км совхоза Кедровый Шор на речке Вой-Вож (территория Концеборского сельсовета) выброшен немецкий парашютный десант количестве 12 человек (тчк) Вооружены автоматами (тчк) Два человека оружием в руках сдались плен (тчк) Силами ВОХР совхоза Кедровый Шор организован розыск преследование остальных (тчк) Выезжаю место (тчк) Райотделении оставляю Тонких (тчк) Калинин⁹⁹ (тчк).

Москва. НКВД. Берия

Докладаваю: по сообщению начальника совхоза «Кедровый Шор» капитана госбезопасности Валк, 8 июня 03 часа в 15 км совхоза «Кедровый Шор» по речке Вой-Вож территории Концеборского сельсовета Кожвинского района выброшен немецкий парашютный десант в количестве 12 человек, вооруженных автоматами. Два человека де-

---

⁹⁵ Ответ инстанций 60-летнему ветерану ВОХР неизвестен. В действительности он не встретил десантников, явившихся с повинной на ферму «Развилки», потому что крепко спал. И дежурный стрелок Сухинин тоже спал, винтовка стояла рядом, дверь дежурного помещения открыта. Доронин и его спутник Одинцов «разбудили Сухинина и Лазарева и, отругав их за халатное несение службы, сдались».

Из документов, исполненных Лазаревым в разные годы, неясно: кто и за что застрелил командира 65-го стрелкового полка войск НКВД капитана Владимира Николаевича Николаева — под такой легендой выступал руководитель немецкой разведывательно-диверсионной группы.

На обороте донесения Лазарева, датированного июнем 1943 года, оперуполномоченный оперативно-чекистского отдела (ОЧО) Инталага НКВД младший лейтенант госбезопасности Дмитриев написал: «Нами к 8 часам утра 9 июня в «Кедровый Шор» был доставлен один из парашютистов — радист по специальности. Другого парашютиста Лазарев взял с собой. Радист сказал, что он лично перед тем как уйти из группы ранил или убил главаря группы Николаева, и что остальные тоже хотят сдаться без боя. Потом оказалось, что он действительно ранил Николаева, а остальные его добились. Усилена охрана скотных дворов и электростанции. По линии оперативной был изолирован опасный элемент, в т. ч. группа латышей — всего 15 человек».

⁹⁶ Алексей Григорьевич Тараненко — первый секретарь Коми обкома ВКП(б).

⁹⁷ Степан Иванович Безгодов — первый секретарь Кожвинского райкома ВКП(б).

⁹⁸ Саватий Иванович Кабаков — с 25 мая 1940 по 6 апреля 1944 года нарком внутренних дел Коми АССР, полковник госбезопасности.

⁹⁹ Николай Арсентьевич Калинин — начальник Кожвинского райотдела НКВД, ст. лейтенант госбезопасности.

сантников с оружием в руках сдались в плен. Силами ВОХР совхоза «Кедровый Шор» и командировки Югид Ухтижемлага организованы розыск и преследование. Для ликвидации вражеского десанта вылетаю на самолетах с группой сотрудников 5 человек. После проверки на месте результаты сообщу немедленно. Кабаков.

Справка

...В 10 часов 15 минут 8 июня 1943 года поступило сообщение от начальника Кожвинского РО НКВД ст. лейтенанта ГБ тов. Калинина о том, что на территории Кожвинского района вблизи совхоза «Кедровый Шор» выброшен с самолетов вражеский парашютный десант в количестве 12 человек, из них 2 человека, вооруженных автоматами, сдались в плен.

Для ликвидации остальных десантников мобилизовано: три самолета, на которых в 14 часов 20 минут вылетели нарком тов. Кабаков вместе с начальником отдела борьбы с бандитизмом тов. Боровиковым, зам. начальника оперативного отдела тов. Прошутинским, начальником секретариата тов. Трусовым и зам. начальника ОББ тов. Соловьевым. Вслед за улетевшими товарищами в 17 часов на самолете Устьвымлага НКВД вылетели тов. Опарин и Бобров.

На третьем самолете вылетели тов. Лапин и Кондрашин. Направленная группа обеспечена четырьмя автоматами ППШ, тремя автоматическими винтовками СВТ и личным оружием.

По согласованию с обкомом ВКП(б) из командировки отозваны зам. наркома тов. Корнилов и начальник оперативного отдела тов. Фальшин.

Рота войск НКВД приведена в боевую готовность.

Нарком внутренних дел Союза ССР тов. Берия по этому поводу информирован шифротелеграммой. 9 июня 1943 года.

Начальник секретариата НКВД Коми АССР
мл. лейтенант ГБ Трусов

Приказ народного комиссара внутренних дел Коми АССР

9 июня 1943 года

совхоз «Кедровый Шор»

В целях предупреждения предполагаемой высадки вражеского парашютного десанта

приказываю:

Военизированной охрану всех лагерей НКВД объявить на военном положении.

Нарком Кабаков

Наркому НКВД Коми АССР

полковнику госбезопасности тов. Кабакову

Донесение

Отряд в полном составе прибыл в «Развилки» в 14 часов дня. Высылаю срочным порядком конными нарочными с тов. Опариным рацию и чемодан с документами, изъятыми у десантников. Остаемся в ожидании последних 6 человек.

При их прибытии произведу тщательный обыск, короткий опрос и немедленно направлю их в Ваше распоряжение. Вместе с ними направлю и тов. Никитина; сам остаюсь согласно Вашего распоряжения в составе отряда в «Развилках» до получения от Вас новых указаний.

Зам. начальника оперативного отдела

НКВД Коми АССР

ст. лейтенант ГБ Прошутинский

Наркому НКВД Коми АССР

полковнику госбезопасности тов. Кабакову

Докладная записка

8 июня 1943 года в местности 30 км от лаготделения «Развилки» Интинлага НКВД и 20 км от лаготделения «Югит» Ухтижемлага НКВД (Кожвинский район Коми АССР) силами нашей охраны была ликвидирована вражеская группа парашютных десантников в количестве 12 человек, которая, как установлено, в ночь с 6 на 7 июня 1943 года была выброшена в этом же районе с 2 германских четырехмоторных самолетов-бомбардировщиков, вооруженных пушками и пулеметами. Одновременно с выброской группы десантников с этих же самолетов было выброшено на парашютах 10 баллонов, наполненных большим количеством автоматического оружия разных систем, боеприпасов, взрывчатых веществ, обмундирования и продуктов питания из расчета двухмесячного запаса, полностью оборудованная радиостанция, а также большое количество документов, топографических карт и ценностей денег 155 тысяч 030 рублей.

Основной задачей, как показали десантники при их опросе работниками нашей охраны, являлось:

а) совершение диверсионных актов на ряде новостроек, крупных сооружений и, в первую очередь, подрыв ж. д. Печорского моста Северо-Печорской магистрали в районе Кожвы;

б) разоружение военизированной охраны и поднятие массового вооруженного восстания заключенных ряда лагерей, расположенных на территории Коми АССР, с целью открытия второго фронта и оказания помощи Гитлеру.

Обстоятельства ликвидации десанта

В 02 часа 30 минут 8 июня 1943 года на подкомандировке «Развилки» нашего лагеря явилось двое неизвестных военных, вооруженных автоматами и револьверами. Они рассказали помощнику командира взвода по политчасти охраны тов. Лазареву о том, что являются вражескими парашютистами; выброшены совместно с другими в количестве 12 человек с немецких самолетов в ночь с 6 на 7 июня 1943 года в расстоянии 25 км от этой подкомандировки.

На предложение тов. Лазарева последние сдали свое оружие без сопротивления.

Тов. Лазарев после организации охраны этих двух парашютистов, послал в 3 часа ночи 8 июня заключенного Соловьева Михаила Трофимовича, 1908 года рождения, осужден в 1933 г. по ст. 59-3 и по закону от 7.8.1932 г. на 10 лет лишения свободы, конец срока 26.9.1943 г., с донесением в центральную усадьбу совхоза «Кедровый Шор» к командиру взвода тов. Пантелееву, в котором сообщил о случившемся и попросил подкрепления (донесение тов. Лазарева прилагаю).

Нужно сказать, что з/к Соловьев честно выполнил данное ему поручение: пешим порядком по заболоченной местности (тундре) за 2,5 часа преодолел расстояние более 25 км и доставил донесение.

Руководством подразделения и командиром охраны совхоза «Кедровый Шор» сразу же была отобрана группа лучших бойцов в количестве 7 человек и во главе с командиром отделения тов. Деминым была направлена в район «Развилки», которая и прибыла к месту в 11 часов 8 июня.

С прибытием бойцов из «Кедрового Шора» на «Развилки» тов. Лазарев и начальник подразделения «Развилки» вольнонаемный Давыдов организовали группу бойцов в количестве 10 человек, снабдив себя трехдневным запасом продуктов, вооружив трофейным автоматом, который изучили за ночь, другим оружием. С собой они взяли пленного парашютиста Доронина (бывший член партии, по национальности коми, оказавшийся ранее известным по работе нашим бойцам) и в 13 часов 30 минут 8 июня выступили на ликвидацию группы вражеских парашютистов.

В момент выхода командование отряда в лице тт. Лазарева и Давыдова продумало план своих действий, озадачило каждого бойца отряда, и в результате этих мер к вечеру 8 июня все парашютисты были обнаружены и пленены, розыскано, в основном, все их вооружение и имущество, которое частями направлялось на подкомандировку «Развилки». Туда же группами этапировались силами отряда и задержанные парашютисты. Последняя партия парашютистов была доставлена утром 9 июня, и вместе с их оружием, имуществом и другими трофеями, включая деньги

в сумме 155 тысяч 030 руб., сданы прибывшему дополнительному подкреплению во главе с начальником Кожвинского РО НКВД тов. Калининным.

Необходимо отметить, что прибывшая после ликвидации десанта охрана из Печлага НКВД оказала значительную помощь нашим бойцам в розыске одного не обнаруженного баллона с имуществом десантников.

Продолжительное время оставалось найденной динамо-машина к радиостанции, которая вторично усилиями группы бойцов Интинлага НКВД была обнаружена бойцом тов. Гук и сдана работникам НКВД Коми АССР.

В момент ликвидации вражеской парашютной группы один из десантников — часовой, охранявший палатку парашютистов, при оказании сопротивления был убит бойцом Интинлага НКВД тов. Хрящевым, а один из десантников, по фамилии Николаев, был убит своими соучастниками.

Так была ликвидирована вражеская парашютная группа силами нашей охраны без каких-либо потерь с нашей стороны.

Начальник Управления Интастроа НКВД
майор госбезопасности Орловский.

Начальник оперотдела Интастроа НКВД
капитан госбезопасности Богун

*Приложение: донесение тов. Лазарева
тов. Пантелееву*

Срочно вышлите пять бойцов и проводника. Немец высадил десант в количестве 12 человек. Двое пришли на Развилку и сдали оружие. Остальные находятся в лесу по Вой-Вожу. Сообщите в райотделение НКВД и вышли мне наган.

Лазарев. 3 часа 8 июня 1943 г.

Запись телефонного разговора Безгодова и Кабакова с Тараненко 9 июня 1943 г. 17 час. 30 мин.

Безгодов: Здравствуйте, Алексей Григорьевич... Вражеские парашютисты-лазутчики — 12 человек — выловлены. Двое при сопротивлении убиты... В числе 12 вражеских десантников: русских — 7, казахов — 2, татар — 1, белорусов — 1, коми — 1. Десант был высажен в 20 км от Кедрового Шора по направлению в верх реки Печора...

Десантники были выловлены группой количеством 11 человек, сформированной из бойцов охраны совхоза «Кедровый Шор», командиром которой был политрук тов. Лазарев...

Кабаков: Десантная группа врага действительно нами полностью выловлена... При задержании группа вначале оказывала сопротивление; при перестрелке один убит, после чего десант сдался... Хорошо работавших при операции представлю Берия к наградам...

Москва. НКВД. Тов. Берия

Отличившихся товарищей во время ликвидации парашютного десанта в Кожвинском районе прошу представить к правительственной награде:

ордену Красной Звезды:

- стрелка ВОХР Инталага НКВД Глухих Алексея Андреевича;
- зам. командира взвода по политчасти Инталага НКВД Лазарева Виктора Павловича, 1912 г.р., члена ВКП(б) с 1941 г.;
- начальника отдела ББ НКВД Коми АССР капитана ГБ Боровикова Михаила Васильевича, 1906 г.р., члена ВКП(б) с 1931 г., в органах с 1931 г.;
- начальника Кожвинского РО НКВД Коми АССР ст. лейтенанта ГБ Калинина Николая Арсентьевича, 1913 г.р., члена ВКП(б) с 1940 г., в органах с 1937 г.;
- зам. начальника оперотдела НКВД Коми АССР капитана ГБ Прошутинского Василия Дмитриевича, 1913 г.р., члена ВКП(б) с 1941 г.; в органах с 1938 г.

ордену «Знак Почета»:

- зам. начальника политотдела Печорлага НКВД капитана ГБ Якимец Василия Евстафьевича, 1908 г.р., члена ВКП(б) с 1940 г., в системе охраны лагерей с 1934 г.;
- начальника штаба охраны Ухтожемлага НКВД Никитина Василия Васильевича, 1907 г.р., члена ВКП(б) с 1939 г., в системе охраны лагерей с 1934 г.;
- начальника секретариата НКВД Коми АССР мл. лейтенанта ГБ Трусова Степана Алексеевича, 1918 г.р., члена ВКП(б) с 1940 г., в органах с 1938 г.

медали «За отвагу»:

- зам. начальника отделения ББ НКВД Коми АССР мл. лейтенанта ГБ Соловьева Владимира Семеновича, 1914 г.р., члена ВКП(б) с 1942 г., в органах с 1938 г., коми;
- начальника штаба 1-го отряда ВОХР Печорлага НКВД Гаврилова Александра Николаевича, 1911 г.р., члена ВКП(б) с 1941 г.

8 июня 1943 г.

г. Сыктывкар, Кабаков

Москва.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Маленкову.

НКВД СССР тов. Берия

8 июня 3 часа утра территории Кожвинского района Концеборского сельсовета 20 км совхоза Инталага Кедровый Шор направлению

в верх реки Печора выброшен самолета немецкий десант количестве 12 человек, вооруженный автоматами, большим количеством боеприпасов, радиоприемником с передатчиком и месячным запасом продовольствия. Десантная группа полностью ликвидирована отрядом бойцов охраны совхоза Кедровый Шор. При перестрелке два десантника убиты, десять сдались. С нашей стороны потерь нет. По сообщению вылетевшего на место наркома внутренних дел Коми АССР тов. Кабакова десантная группа по национальности состоит: русских — 7, казахов — 2, татар — 1, белорусов — 1, коми — 1 (ранее работал Ухтинском РОНО). Один из них отбывал наказание Печорлаге. По показаниям десантников они высажены целью совершения диверсионных актов, разоружения охраны лагерей и организации вооруженных восстаний. Немцы обещали им по мере необходимости доставлять самолетами подкрепление, боеприпасы и вооружение. Нами на случай новых высадок десантов предупредительные меры приняты.

Секретарь Коми обкома ВКП(б) Тараненко

Акт

Мы, нижеподписавшиеся, начальник ОББ НКВД Коми АССР ст. лейтенант госбезопасности Боровиков, зам. начальника следственного отдела НКВД Коми АССР ст. лейтенант госбезопасности Кондрашин в присутствии зам. командира задержанного немецкого парашютного десанта Годова составили 9 июня 1943 года настоящий акт на обнаруженные у десанта документы и печати.

1. Гербовая печать (мастичная) с надписью: «75 Запасной стрелковый полк» — 1 шт.

2. Гербовая печать (мастичная) с надписью: «НКО... и стрелковый полк» — 1 шт.

3. Гербовая печать (мастичная) с надписью: «-я стрелковая дивизия» — 1 шт.

4. Гербовая печать (мастичная) с надписью: «Народный Комиссариат Внутренних Дел Союза ССР. Главное Управление Государственной Безопасности» — 1 шт.

5. Гербовая печать (мастичная) с надписью: «НКВД СССР. ... Стрелковый полк Внутренних войск» — 1 шт.

6. Гербовая печать (мастичная) с надписью: «228-й Запасной лыжный полк» — 1 шт.

7. Гербовая печать (мастичная) с надписью: «Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР. Особый отдел НКВД... Стрелковой дивизии» — 1 шт.

8. Угловой квадратный штамп с надписью: «Народный Комиссариат Обороны Союза ССР 559-й стрелковый полк «__» 194.. г. № -».
9. Угловой квадратный штамп с надписью: «НКВД СССР Стрелковый полк внутренних войск «__» _____ 194.. г. № __ гор. _____» – 1 шт.
10. Угловой квадратный штамп с надписью: «НКО-СССР 259-я стрелковая дивизия «__» _____ 194.. г. № __ город _____» – 1 шт.
11. Наборы цифр: 1234567890 – 4 комплекта разной высоты цифр.
12. Штамп малого размера с надписью: «Уплачено парторг» – 1 шт.
13. Партийный билет № 1990863 на имя Николаева Владимира Николаевича, 1902 года рождения.
14. Удостоверение № 543 Ленинградской областной коллегии адвокатов на имя Волкова Льва Николаевича.
15. Партийный билет № 3414218 на имя Павлова Михаила Константиновича, 1916 года рождения.
16. Удостоверение личности на имя Попова Гр. Петр. о том, что он состоит на действительной военной службе в 65-м стр. полку войск НКВД.
17. Удостоверение личности на имя Павлова Михаила Константиновича о том, что он состоит на действительной военной службе в 65-м стр. полку войск НКВД.
18. Удостоверение личности на имя Николаева Владимира Николаевича о том, что он состоит на действительной военной службе в 65-м стр. полку войск НКВД.
19. Удостоверение личности № 15/05 от 15.5.43 г. на имя ст. лейтенанта Павлова Михаила Константиновича, выданное 65 СП внутренних войск НКВД.
20. Удостоверение на имя Костюкова М. П. б/н и подписи, с гербовой мастичной печатью НКВД СССР, выданное 2 отд. 1 отдела 2 Управления НКВД СССР – 2 шт.
21. Удостоверение личности, незаполненное, красного цвета – 12 шт.
22. Удостоверение личности начальствующего состава Красной армии, не заполненное – 8 шт.
23. Удостоверение личности командного начальствующего состава РККА НКО СССР без номера розового цвета – 4 шт.
24. Удостоверение личности без номера белого цвета – 2 шт.
25. Удостоверение личности начальствующего состава РККА без номера молочного цвета – 4 шт.
26. Удостоверение личности без номера стального цвета – 6 шт.
27. Удостоверение личности без номера темно-зеленого цвета – 1 шт.

28. Удостоверение личности без номера красного цвета — 1 шт.
29. Красноармейская книжка б/н стального цвета — 13 шт.
30. Красноармейская книжка б/н голубого цвета — 6 шт.
31. Красноармейская книжка б/н желтого цвета — 4 шт.
32. Расчетная книжка начальствующего состава РККА, серия вх. № 033915.
33. Расчетная книжка начальствующего состава РККА, серия вх. № 033936.
34. Расчетная книжка начальствующего состава РККА, серия вх. № 033921.
35. Расчетная книжка, серия вх. № 033915 65 СП войск НКВД на имя Николаева Владимира Николаевича.
36. Расчетная книжка, серия вх. № 034201 65 СП войск НКВД на имя Попова Григория Петровича.
37. Расчетная книжка, серия вх. № 033936 65 СП войск НКВД на имя Павлова Михаила Константиновича.
38. Партийный билет № 4329671.
39. Денежный аттестат № 62 65 СП войск НКВД на имя пом. командира взвода Кузнецова Александра Андреевича.
40. Денежный аттестат № 64 65 СП войск НКВД на имя пом. командира взвода Вишневого Александра Васильевича.
41. Денежный аттестат № 63 65 СП войск НКВД на имя пом. командира взвода Карповича Александра Ивановича.
42. Аттестат № 167 форма № 6 65 СП войск НКВД на имя командира батальона Николаева Владимира Николаевича (образец).
43. Командировочное предписание № 75 65 СП войск НКВД на имя капитана Николаева Владимира Николаевича (образец).
44. Фотокарточка Попова Г. П. — 15 шт.
45. Фотокарточка Николаева В. Н. — 19 шт.
46. Фотокарточка Павлова М. К. — 13 шт.
47. Женская фотокарточка — 3 шт.
48. Адрес. г. Р Оскорская улица, д № 7, кв. 2 Мария Кирилл. Казульский.
49. Газета «Известия» № 20 (8013) от 26.01.1943 г. — 1 шт.
50. Газета «Правда» от 27.01.1943 г. — 1 шт.
51. Записная книжка с записью — 2 шт.
52. Планшет — 1 шт.
53. Аттестат б/н ф. № 6 с печатью 65 стрелковой дивизии — 26 шт.
54. Аттестат б/н ф. № 6 с печатью 257 стрелковой дивизии — 9 шт.
55. Денежный аттестат б/н ф. № 18 с печатью 257 стрелковой дивизии — 9 шт.

56. Командировочное удостоверение б/н со штампом и печатью 65-го стрелкового полка войск НКВД — 6 шт.
57. Командировочное удостоверение б/н — 16 шт.
58. Требование ф. № 1 на воинскую перевозку без печати — 29 шт.
59. Требование ф. № 1 на воинскую перевозку с печатью 65 СП войск НКВД — 14 шт.
60. Удостоверение выдано уполномоченному Особого отдела НКВД 341 стрелковой дивизии без номера и печати — 4 шт.
61. Командировочное предписание ф. № 1 б/н и печати — 7 шт.
62. Командировочное предписание ф. № 1 с печатью и штампом 257 стрелковой дивизии — 6 шт.
63. Командировочное предписание ф. № 5 б/н — 2 шт.
64. Командировочное предписание ф. № 8 б/н — 15 шт.
65. Командировочное предписание приложение № 8 б/н с печатью НКО 1208 стрелковый полк — 6 шт.
66. Командировочное предписание б/н и печати — 11 шт.
67. Командировочное предписание б/н с печатью 75 запасной стрелковый полк — 6 шт.
68. Командировочное предписание приложение № 8 б/н с печатью 288 запасной лыжный полк.
69. Бланки чистые — 32 шт.
70. Удостоверение выдано на имя Костюкова б/н с печатью Народного Комиссариата Государственной Безопасности — 1 шт.
71. Удостоверение личности на имя Прохорова Ивана Кузьмича с печатью 94 стрелковый полк — 1 шт.
72. Удостоверение выдано 341 стрелковой дивизией с печатью — 1 шт.
73. Удостоверение выдано на имя Николаева Владимира Николаевича с печатью 341 стрелковой дивизии — 1 шт.
74. Временное удостоверение личности выдано на имя Лосева Николая Павловича б/н с печатью 288 запасного лыжного полка — 1 шт.
75. Удостоверение личности б/н и печати — 1 шт.
76. Денежный аттестат ф. № 17 б/н — 12 шт.
77. Справка о ранении б/н с печатью эвакогоспиталя № 990 — 3 шт.
78. Справка о ранении б/н с печатью дивизионного госпиталя № 48 — 4 шт.
79. Фотоснимок — 1 шт.
80. Карта — 3 шт.

Все изложенное изъято для приобщения к следственному делу.

Боровиков. Кондрашин, Годов

Из протокола допроса

10 июня 1943 г.

пос. Канин Коми АССР

Задержанный Годов Михаил Константинович, 1914 года рождения, уроженец Свердловской области, Краснополянского района, д. Кашино, русский, подданный СССР, из семьи крестьян, образование 7 классов, с 1932 по 1937 год состоял в ВЛКСМ, специальности нет, судимый в 1938 году Военным Трибуналом Краснознаменного Балтийского флота по ст. 162 п. «Д» УК РСФСР на 5 лет. Освобожден 21 января 1942 года, по Указу направлен в РККА.

...После окончания школы-семилетки в 1932 году я через Егоршинский райвоенкомат пошел добровольцем во флот. 30 октября 1932 года, прибыв в Кронштадт, я был зачислен в учебный отряд, где исполнял обязанности писаря, затем старшего писаря и зав. складами учебного отряда. Работая в вышеуказанной должности, я допустил недостачу имущества, за что ВТ Кр. Балтфлота осужден по ст. 162, п. «Д» УК РСФСР на 5 лет ИТЛ. Первоначально отбывал срок наказания на строительстве № 200 Лужского лагеря НКВД, где был старшим группы рабсилы Северного участка. С началом военных действий этот лагерь со всем контингентом заключенных был эвакуирован в Печорский железнодорожный лагерь НКВД. Работал в колонне 106 шестого отделения помощником начальника колонны. В январе 1942 года меня по Указу от 23 ноября 1941 года из лагеря освободили досрочно и через Кожвинский райвоенкомат Коми АССР мобилизовали в РККА. В составе команды направили в г. Канск Новосибирской области в 120-й запасной стрелковый полк, где обмундировались и выбыли на Северо-Западный фронт, где я был зачислен в 543-ю разведывательную роту 55-й стрелковой дивизии рядовым бойцом. Вечером 21 июля 1942 года взводу численностью 25 человек под командованием ст. сержанта Очередного и его помощника Язько было дано боевое задание «пройти линию фронта в тыл к немцам и взять языка». Выполняя это задание, наша группа возле д. Рамушево Старорусского района Новгородской области ползком преодолела болото Сучан и оказалась в тылу у немцев, где столкнулась с автоматчиками противника. В завязавшейся перестрелке часть красноармейцев была убита, а я, Годов, и еще один боец, фамилии которого не помню, немцы захватили в плен. В одном из блиндажей немецкий фельдфебель при участии переводчика допросил меня. Я рассказал ему, что переходили линию фронта с целью разведки. После чего меня отправили в лагерь военнопленных в д. Рамушево, а через две недели перевели в другой лагерь военнопленных в г. Старая Русса. Через несколько дней меня и других пленных отправили в Порховский лагерь, где мы находились в карантине 15 дней,

после чего этапом около 400 человек направили в Эстонию, сначала г. Тапа, потом г. Таллин, где я работал на черновых работах до 23 сентября 1942 года. Как и многие другие, я подал на имя коменданта лагеря заявление о своем желании пойти добровольцем воевать против Советской власти. 23 сентября 1942 года в наш лагерь приехал военный в чине подполковника, которому построили всех военнопленных. Он по списку на русском языке сказал, кому выйти из строя: таких было 33 человека. На следующий день после сортировки он оставил 11 человек и с каждым по отдельности вел беседу. Он сказал мне, что отобрал меня по указанию бывшего русского генерала Бессонова, работающего сейчас с немцами. Я по своей прежней службе во флоте знал комбрига Бессонова, который занимал должность начальника штаба Краснознаменного Балтийского флота. Меня направили в местечко Вано-Нурси (Эстония) для обучения по заброске в глубокий тыл Красной армии. Группа из 13 человек, в которую я входил, проходила обучение под руководством Николаева Льва Николаевича (это — фамилия для школы). В марте 1943 года нас перевели в местечко Приданное (санаторий доктора Магалиора) в 5 км от Риги. Там я несколько раз встречался с бывшим комбригом Бессоновым, наедине и вместе с Николаевым. После того, как Бессонов узнал, что я отбывал наказание в Коми в Печорском лагере, стал расспрашивать меня обо всем, что мне известно о Севере, и я рассказал ему все, что знал. В частности, я сообщил ему, что в 1941 году от Котласа до Воркуты построена железная дорога, в Воркуте добывают уголь, а в Чибью — нефть, а на всем протяжении этой железной дороги расположены лагеря НКВД. В декабре 1942 года Николаев из очередной поездки в Псков привез доклад (разведывательную сводку), который читал мне. В этом докладе было отмечено, что годовой план добычи угля в Коми выполнен на 115%, а железная дорога обслуживается заключенными Ухтпечлага НКВД численностью до ста тысяч человек. Количество охраны заключенных выражается в 15 человек на каждую тысячу, форма одежды охраны лагерей продолжает оставаться прежней, т.е. довоенной ВОХРовской, а не армейской. Мелкие мосты охраняются слабо.

...Николаев по национальности русский, родом из Западной Сибири. Узнав, что я родился на Урале, стал называть меня земляком. Хорошо знает расположение близких к Свердловску городов (называл Тюмень, Камышлов, Тобольск), похоже, что когда-то жил на Севере, или воевал там в колчаковской армии. У немцев и у Бессонова Николаев имел немалый авторитет.

...Высадка десанта в районе Кожвы произведена по инициативе Бессонова, потому что здесь большая концентрация лагерей НКВД, в кото-

рых содержится наиболее враждебный Советской власти элемент. Кроме того, в указанном месте много уязвимых в диверсионном отношении объектов (железнодорожных мостов) и сравнительно редкое местное население. Насколько мне известно, весь инструктаж Николаев получил от бывшего комбрига Бессонова, состоявшего на службе у немцев по подготовке и заброске диверсионных групп в дальний тыл СССР. Этот инструктаж, как сказал мне Николаев, сводится к следующему:

1. Совершать диверсии на Северо-Печорской железной дороге, взрывать мосты и производить поджоги строений;

2. Поднять заключенных лагерей НКВД, расположенных в северной части СССР, на вооруженное восстание, и как Николаев повторил слова Бессонова: «Мы здесь откроем северный фронт, целью которого будет соединение на Урале с основными силами немецкой армии»;

3. Заниматься разведкой и обо всех установленных строящихся объектах, имеющих военное значение, сообщать немцам.

Говорилось также, что после приземления и захвата лагеря в местечке Кедровый Шор по нашему требованию будет выброшена дополнительная группа десанта, вооружение и снаряжение.

...Я также подозреваю, что у Николаева был какой-то свой дополнительный от Бессонова план действий. Приблизительно за полмесяца до вылета Николаев привез из Риги Доронина и поручил мне присмотреться к нему, сказав, что Доронин будет нужен нам как знающий язык коми и территорию республики. Несколько раз Доронин давал Николаеву объяснение по карте, которую тот хранил всегда при себе. Я с Дорониным договорился наедине за 4–5 дней до вылета о том, что убьем Николаева после приземления и добровольно сдадимся органам НКВД.

Учеба нашей группы была закончена 1 или 2 июня 1943 года, и затем, 4 июня, с Рижского аэродрома в количестве 12 человек на двух четырехмоторных самолетах с немецкими опознавательными знаками вылетели в Норвегию. Полет продолжался 6 или 7 часов. Переночевав на одном из аэродромов Норвегии, 5 июня командир самолета обер-лейтенант на имевшейся у нас карте сделал отметку красным карандашом и кругом обозначил место выброски на парашютах нашей группы, т. е. примерно в 30 км от лагерного пункта Развилки. После чего в 16 или 17 часов мы вылетели из Норвегии и находились в воздухе около 7 часов, нашу группу выбросили на парашютах в ночь с 5 на 6 июня на отмеченное на карте место. Перед вылетом из Риги переводчик со слов немецкого летчика сказал: «Вот сейчас слетаем, а потом опять прилетим».

...После того, как было принято решение, что командиром нашего десанта будет сам Николаев, Бессонов наедине предложил мне не спус-

кать с него глаз, сказав, что он может пойти другой дорогой, но куда именно, не уточнил. Думаю, что до высадки нашей группы, в Коми АССР уже находились люди Бессонова и Николаева. По школе я знал одного, ранее проживавшего в Коми в течение 10 лет, по имени Сергей, который в октябре 1942 года был переброшен в тыл Красной армии и больше не возвращался. К моему прибытию в школу там уже находились Николаев и Хвиль Леонид Васильевич, отбывавший ранее наказание за воинское преступление в Ухтпечорлаге, и который возглавил другую группу.

...Николаев, по заданию Бессонова, собирал любые сведения о лагерях НКВД и говорил нам, что надо лететь туда и поднимать восстание среди заключенных. В начале 1943 года в Пскове по поводу выброски десанта в Коми и на Северный Урал был устроен банкет, на котором Бессонов и Николаев якобы заявили немцам: «Идея наша, а бензин ваш».

...В школе между участниками нашей группы был сговор не выполнять задание немцев по диверсии и организации восстания. После высадки мы договорились убить Николаева, и радист Одинцов первый стрелял в него, но только ранил, а затем другие, т. е. Кузьмичев, Жуков, Куликов и Скворцов (это вымышленные фамилии для школы) добились Николаева из автоматов. Сделано это было для того, чтобы он не мешал нам добровольно сдать органы НКВД...

Допросили: Нарком государственной безопасности Коми АССР
полковник госбезопасности Иванов
Зам наркома внутренних дел Коми АССР
майор госбезопасности Земских

Дело с «перепиской по ликвидации немецкого парашютного десанта, высадившегося 6 июня 1943 г. в Кожвинском районе Коми АССР».
Архив УФСБ по Республике Коми. Ф. 6, Оп. 0—1, Кор. 72

ГЛАВА VIII

Древнекитайский мыслитель Конфуций однажды сказал: «На свете нет ничего, что более портит других и само подвергается порче, чем женщина». Это высказывание определило судьбу Александры Андреевой-Горбуновой.

Майор госбезопасности

Она родилась в 1888 году в городе Сарапуле Вятской губернии в семье православного священника Азария Ашихмина. Девочку готовили к семейной жизни, но она еще в женской гимназии увлеклась... революционными идеями. Может, она относилась к тому типу женщины, о которой замечательно сказано у Лескова: «Ей лень было сказать: “прочь поди”, и она знала только, что она баба... Такие женщины особенно ценились в разбойничьих шайках, на пересыльных этапах и в петербургских социал-демократических кружках».

После работы в нелегальных марксистских кружках в родном городе Ашихмина уехала в Пермь, где вступила в РСДРП(б). Большевики Урала отличались боевой активностью, не уступая в дерзости своим партийным конкурентам — эсерам и анархистам.

В одном из полицейских документов отмечалось: «...Урал — это специфическое экспроприаторское место. Экспроприации бывали здесь всякие, бывали даже случаи, когда одних экспроприаторов-эсдеков по дороге экспроприировали другие экспроприаторы-анархисты-максималисты»... Особенно богатым на «эксы» оказался 1906 год: налеты на почтовые вагоны близ разъезда Воронки и станции Дема — взяли более тридцати тысяч рублей; хищение нескольких сотен килограммов динамита из оружейного склада близ Усть-Катава. Ценности и взрывчатка шли на организацию школ бомбистов и химических лабораторий по изготовлению метательных устройств большой разрушительной силы.

Состоявшаяся в феврале 1906 года Уральская областная конференция РСДРП(б) связала в единую сеть боевые организации Перми, Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Уфы, Вятки, Тюмени, Алапаевска, Сысерти, Туры, Кушвы и других уральских городов и заводов. И организации были далеко не простыми, а тщательно структурированными и законспирированными. В каждом центре создавалось три дружины, которые так и назывались — первая, вторая, третья.

Первая — руководство. Представители партийного комитета, инструкторы, заведующие складами и мастерскими по изготовлению бомб.

Вторая дружина — собственно боевики. Она состояла из нескольких отрядов — «десяток». Отряд саперов, отряд бомбистов, отряд стрелков, отряд мальчишек-разведчиков...

Третья дружина — «массовка». Рядовые партийцы, примыкающие рабочие. Их использовали по мере надобности, не посвящая в тайны организации. Они служили резервом для наполнения боевиков — каждый член второй дружины должен был подготовить «пяток» из третьей.

Особняком находились «лесные братья». В отличие от боевиков, живших по своим домам и исподтишка совершавших теракты, «лесные братья» были нелегальными разбойниками. Руководил их отрядами А. М. Лбов (клички Семен, Лещ, Длинный).

Одним из главных принципов уральских боевиков являлась строжайшая тайна и конспирация: «Говорить надо не то, что можно, а то, что нужно». Командующий дружиной «тысяцкий» знал только своих «десятских», те — «пяточников». Прием боевиков: со стороны — в третью дружину или из третьей во вторую — осуществлялся только по рекомендации двоих поручителей, которые отвечали за своего рекомендуемого. А в случае каких-то его прегрешений, трусости, предательства, отступничества эти же поручители должны были исполнить над ним смертный приговор.

После V съезда РСДРП(б) в 1907 году было принято решение распустить боевые дружины, так как они «проявляют склонность к террористической практике в революционной борьбе, способствуют распространению партизанских действий и экспроприации». Однако многие уральские боевики отказались это сделать. Шурка, таким был партийный псевдоним Ашихминой, заявила, что боевые дружины необходимо преобразовать в партийную милицию, в которой нужно продолжить обучение рабочих обращению с оружием и тактике уличного боя. А Лбов с группой боевиков в ночь на 3 июля 1907 года ограбил на Каме пароход «Анна Степановна Любимова» — четверо убито, двое ранено, захвачено тридцать тысяч рублей.

В августе того же года новый премьер-министр и министр внутренних дел П. А. Столыпин провел закон о военно-полевых судах: схваченного 17 февраля 1908 года в г. Нолинске Лбова повесили 2 мая во дворе тюрьмы в г. Вятке.

Арестованную 20 сентября 1907 года в Екатеринбурге Ашихмину обвинили в том, что она, «примкнув к преступному сообществу, имела в своем распоряжении склад взрывчатых веществ, в виде 55 патронов динамита... проживала по подложному виду на имя дочери священника Ю. М. Порубовой, вела переписку о доставке партийной литературы на Нижнетагильский завод».

Суд приговорил Шурку к «году заключения в крепости». «Крепость» означала тюрьму. В отличие от каторги. От каторжан требовалось работать, а если давали «крепость» — просто сидеть. Полная изоляция от внешнего мира в одиночной камере. На Урале под категорию «крепостей» попадали лишь две тюрьмы — Пермская и Екатеринбургская. Но к 1909 году обе тюрьмы были переполнены, поэтому всех «осужденных на крепость» разбросали по общим камерам. Вместе с Ашихминой в одной камере сидела жена будущего первого «президента» Советской России Свердлова — Клавдия Новгородцева.

Сохранились ее воспоминания: «...Саша была энергичной, живой девушкой и трудно переносила тюрьму. Затевала побег. Доставали с воли пилки и начали выпиливать доску из пола под нарами. Чтобы надзирательница не услышала звук пилы, мы шумели или пели песни. Песню заводила Ашихмина, она обладала сильным, красивым голосом...»

На тюремной фотографии перед нами предстает симпатичная одухотворенная молодайка, по-уральски крепенькая, как говорят, «в самом соку».

Новгородцева и Ашихмина — обе были увлечены руководителем большевистского подполья Урала Андреем, под этим псевдонимом выступал Свердлов. Ашихмина даже фамилию сменила на Андрееву, но Яков Михайлович ее темпераментного порыва не оценил и предпочел более уравновешенную Новгородцеву.

После тюрьмы Андреева училась в высшем медицинском училище в г. Юрьеве, но заболела туберкулезом и уехала на родину, к родителям, работала статистиком в местном правлении и, казалось, отошла навсегда от революции.

Наступил 1917 год, революция сама пришла в уездный Сарапул. Взбунтовался солдатский гарнизон, разгромил винный склад, перепилил. Погром продолжался несколько дней... Потом на город обрушился красный террор.

Неизвестный журналист стал свидетелем происходивших в 1918 году в Прикамье и Поволжье событий: «Особой жестокостью и зверством отличались чрезвычайки пермская и сарапульская. Сарапул — исключительно несчастный город. В Сарапуле, как окружном промышленном центре, были расположены главные советские учреждения и военные штабы. Военным комиссаром был некий Седельников, молодой человек, самолично убивавший. Еще не вполне развившийся юноша, бывший прапорщик с открытым детским лицом и невинными голубыми глазами, с вьющимися волосами — такое впечатление производил при первом знакомстве уездный военный комиссар, председатель

местного комитета партии большевиков Иван Седельников. Но юноша этот не оправдывал своей наружности. Он поражал своей кровожадностью и зверством. Выносимые им, как начальником штаба им же организованной Красной гвардии, смертные приговоры, бессмысленные расстрелы и пытки в подвалах, производившиеся по его приказам, наглядно свидетельствуют о его ненормальной жестокости. Это был садист...

После свержения Советской власти в Сарапуле в столе Седельникова, в здании Совета, среди различных документов был найден дневник, писанный им с мая 1917 по август 1918 года...

— Почему я стал большевиком? — задает он вопрос в одном месте своего дневника — и отвечает:

— Стремление выйти из мелкобуржуазной семьи (он — сын зажиточного сапожника) в крупную буржуазию, чтобы жить в свое удовольствие, ни в чем не стесняя себя, ни в чем не отказывая себе: иметь хороший обед, прислугу, пить тонкие вина и проводить время в обществе и ласках прекрасных женщин. Пусть одурманенные глупцы думают, что я идейный работник (таковым меня считают товарищи по партии), я им покажу себя, лишь бы власть попала в мои руки...

...Наконец-то я у власти. Я — военный комиссар целого уезда... Содержание приличное — семьсот пятьдесят рублей в месяц, кроме того, у меня будет все, что я захочу. О чем кричат, надрывая свое горло, эти проходимцы, ничего не пойму, да и понимать не хочу. Ведь и сами они, как признавались во время нашего грандиозного пьянства, когда я был в «сильном пузыре», мыслят так же, как и я, и дурачат одуроченных уже членов. Правительство наше начинает трещать. Впрочем, к черту всю политику. Как хочется мне быть богатым, чтобы хоть несколько дней провести в объятиях и ласках таких красивых женщин, которые проходят мимо моего окна! Я достигну этого! Я буду богат! Только бы скорее уехать из Москвы и покончить с этим глупым съездом (военных комиссаров в Москве летом 1918 года). Там, в родном болоте, я быстро буду богатеть, а будет плохо — устрою авантюру с деньгами, как тамбовский военком. Молодец! Свистнул двенадцать миллионов. Сумею и я — тогда поминай как звали. Уеду туда, где никто не знает меня, перемену фамилию и буду наслаждаться жизнью».

Однако разбогатеть и наслаждаться жизнью ему не пришлось. Его арестовали восставшие ижевцы и приговорили к расстрелу. Он трусливо валялся в ногах и просил прощения за свои «юношеские ошибки».

А вот портрет его сестры в описании очевидца: «Молодая девушка двадцати двух — двадцати трех лет помогала брату в его кровавой работе. Арестована в начале сентября 1918 года вместе с братом, заключена

в Сарапульскую тюрьму. Ее участие в убийствах было вполне установлено. Тем не менее сарапульские власти ее пощадили. За нее хлопотали эсеры. Она осталась жива и потом, когда Сарапул после 6 октября 1918 года вновь перешел к красным, отслужила обществу за сохранение ее жизни. Как только красные ворвались в город, Седельникова была назначена военным комиссаром и стала творить расправу. Ей была предоставлена полная свобода действий. Она беспощадно расстреливала. Особенно жестоко она расправлялась с арестованными женщинами. По ее приказу была убита начальница Сарапульской гимназии за участие в благотворительном вечере, устроенном в пользу Народной армии. Были расстреляны жены и родственницы служивших в Народной армии. Не пощадили даже детей. Эта женщина-зверь свирепствовала долго и наводила ужас на несчастное население. Достоинно внимания, что сарапульский городской врач, хлопотавший за нее, был ею же арестован и впоследствии казнен...

Совдепы накладывали на буржуазию и интеллигенцию миллионные контрибуции. Все тюрьмы города и уезда были переполнены. Каждую ночь убивали сотни заподозренных в контрреволюции, не внесших сполна налогов или вообще чем-либо не понравившихся властям. Обреченные перед расстрелом подвергались страшным пыткам. Так, известный на Каме коммерсант В. И. Стахеев был убит и ограблен после двухдневных пыток. Одного из членов торгового дома «Братья Гирбасовы» арестовали «за недовзнос контрибуции» и несколько раз водили из тюрьмы на Каму, опускали в прорубь (дело было зимой) и выпытывали, где у него спрятаны деньги. Каждый раз несчастный открывал новые места, деньги отбирались, а его продолжали бесчеловечно пытаться. Наконец, в одну ночь привели к проруби и в бесчувственном состоянии спустили в воду. Тело его осталось неразысканным...»¹⁰⁰

В круговорот красного террора попала и дочь православного священника Александра Ашихмина-Андреева. Но случилось неожиданное: исполнитель из 1-го экспедиционного отряда моряков, прибывший на Каму с Балтийского флота в августе 1918 года, эстонец Карл не стал расстреливать молодую женщину, а отвел ее в отдел военного контроля — так называлась тогда контрразведка.

Позднее Александра Азарьевна, уже достигшая высоких званий и постов в ВЧК-ОГПУ, разыскала своего спасителя. Карл Гансович Валк родился в 1899 году в Курляндии в бедной крестьянской семье. Служил кочегаром на транспорте «Ангара» и линкоре «Республика» Балтийского флота. После октября 1917 года его зачислили в десант на Волгу

¹⁰⁰ Балмасов С. С. Красный террор на востоке России в 1918—1922 гг. М.: Посев, 2006. С. 200—204.

и Каму. Когда они встретились в 1920 году, бывший военмор Валк заведовал морским клубом в крепости Очаков на Черном море.

Но это будет потом, а тогда, в 1918 году, переживая ужас расстрела, Шурка предстала перед инструктором военного контроля красной 3-й армии Восточного фронта Тимофеем Петровичем Самсоновым.

Батрак из Бессарабии Самсонов (он же Бабий) еще во время первой русской революции 1905—1907 годов примкнул к анархо-коммунистам и организовал летучий отряд «Разрушай и созидай». Правда, по части созидания отряд Самсонова как-то особенно не преуспел, зато прославился «эксами» и поджогами помещичьих имений на Хотинщине и в Подолии. После ареста сослан в Тобольскую губернию, откуда бежал через Владивосток в Китай, перебрался в Японию, оттуда уехал в Индию, Алжир и Испанию. Уже в Англии вступил в профсоюз транспортных рабочих и принял участие в организации Союза русских моряков. За выступление в апреле 1917 года на митинге в Лондоне осужден на каторгу, замененную высылкой в Россию. Из Архангельска отправлен в Тобольск, но туда не доехал, а возглавил в Челябинске чрезвычайную следственную комиссию при Совете рабочих и солдатских депутатов. После мятежа чехословаков стал инструктором, а вскоре и начальником армейского отдела военного контроля¹⁰¹.

Неизвестно, чем руководствовался Самсонов, определив Александру Азарьевну в свои помощницы. Чувствами? Революционной целесообразностью? Скорее всего, бывшие боевики — одногодки сошлись в своих оценках революционных событий и перспектив их развития.

Судьбы женщин-революционерок, женщин-комиссаров, женщин-красноармейцев достаточно полно отражены в истории и литературе: Анка-пулеметчица из «Чапаева» Фурманова, женщина-комиссар из «Оптимистической трагедии» Вишневского (ее прототипом была известная революционерка Лариса Рейснер), Марютка из рассказа «Сорок первый» Лавренева, Ольга из рассказа «Гадюка» Алексея Толстого, Вавилова из рассказа «В городе Бердичеве» Гроссмана...

Реальные женщины затмили в резне гражданской смуты своей жестокостью многих мужчин-чекистов. Это тоже новая страница истории органов госбезопасности Советского Союза, открытая ленинской ВЧК. В царское время женщины в таком количестве в таких службах Российской империи не служили.

В органах ЧК при пропагандируемом активном равноправии полов дамы-чекистки временами занимали очень высокие должности.

¹⁰¹ Войтиков С. С. Отечественные спецслужбы и Красная армия. 1917—1921. М.: Вече, 2010. С. 173—174.

Как наводившая ужас в Украинской ЧК Эльза Грундман – товарищ Роза. Ей первой из женщин-чекисток Дзержинский вручил знак «Почетный чекист». Грундман кроме зверств при допросах отличалась отчаянной храбростью. По приказу начальника оперативного отдела Украинской ЧК Евдокимова она в 1919 году внедрилась в банду «зеленого» атамана Лихо под Винницей. Застрелив Лихо в комнате «для переговоров», сбежала из лагеря бандитов. За эту и другие подобные операции она много раз удостаивалась различных наград: маузер с надписью «За самоотверженную борьбу с контрреволюцией и бандитизмом» (1919), золотые часы от РВС Юго-Западного фронта (1920), золотой портсигар от РВС Южного фронта (1921), лошадь от РВС Харьковского военного округа (1922), золотые часы от ЦИК Украины (1923), орден Красного Знамени (1926), грамота и золотые часы от Коллегии ОГПУ СССР (1928).

30 марта 1931 года женщина по прозвищу Боевая Эльза, первая дама – «почетный чекист» покончила с собой выстрелом из наградного маузера на почве ревности и депрессии¹⁰².

Была еще возглавлявшая несколько месяцев в конце 1918 года ЧК в Петрограде Варвара Яковлева – единственная женщина в Коллегии ВЧК за все время ее существования в 1917–1922 годах.

Или Евгения Бош – одно время она возглавляла Пензенскую ЧК, откуда Москва отозвала ее после жалоб на ее изощренную и часто безмотивную жестокость.

Одной из самых колоритных чекисток первых лет этой службы была Антонина Пальшина, еще в царской России прославленная прессой как Казак Антошка. Эта пензенская авантюристка на манер девицы-кавалериста Дуровой из фильма Эльдара Рязанова «Гусарская баллада» (в исполнении Ларисы Голубкиной) под видом мужчины воевала на фронтах Первой мировой войны в казачьей коннице. В отличие от другой знаменитой в те годы русской женщины – командира легендарного женского «Батальона смерти» Марии Бочкаревой, расстрелянной в 1920 году в Красноярске по приказу председателя Сибирской ЧК Павлуновского, юная кавалеристка Пальшина стала сотрудницей Смоленской ЧК и участвовала затем в «зачистках» бывших белогвардейцев в Новороссийске, где, по воспоминаниям самой Пальшиной, ей «каждый день приходилось применять оружие». Уйдя из ЧК-ГПУ только в 1927 году, Пальшина до глубокой старости работала медсестрой в родной Пензе.

Часто в ЧК женщин новой «раскрепощенной от предрассудков» России вели не политические устремления или феминистическая пози-

¹⁰² Бережков В. И., Пехтерева С. В. Женщины-чекистки. СПб.: ИД «Нева»; М.: Олма-пресс Образование, 2003. С. 132–134.

ция, а именно авантюризм, как эту пензенскую девушку, пошедшую путь от патриотического образа Казака Антошки до чекистки эпохи красного террора. А муза и возлюбленная Сергея Есенина по имени Галина Бениславская с 1918 по 1922 год тоже работала в секретном отделе ВЧК-ГПУ. Неизвестно, что эту богемную даму из Серебряного века, любительницу поэзии, гражданскую жену Есенина до встречи его с Айседорой Дункан, привело в карательное ведомство. Она тяжело переживала уход от нее Есенина, а затем его уход из жизни вообще. В 1926 году бывшая чекистка Бениславская застрелилась у могилы поэта на Ваганьковском кладбище в Москве, оставив записку: «В этой могиле для меня все самое дорогое...» Вряд ли в ВЧК эту ранее утонченную и экзальтированную богемную красавицу привели большевистские воззрения и вера в марксизм.

Бывшей идейной революционерке-подпольщице Ашихминой-Андреевой также были не чужды любовные влечения. Ее мужчиной надолго стал Самсонов¹⁰³.

Военный контроль как орган военной контрразведки достался Советской республике от старой армии. Линия ВЧК по вопросу использования в спецслужбах бывших жандармов расходилась с установкой председателя РВС Троцкого, взявшего курс на массовое привлечение в новую армию царских офицеров. Уже в январе 1918 года Дзержинский потребовал ликвидировать старую военную контрразведку. Но Совнарком не поддержал его и оставил при РВС военный контроль, наполовину состоявший все из тех же военспецов. Тем не менее Президиум ВЧК 9 апреля 1918 года постановил «...взять в ведение ВЧК работу по военной контрразведке». Так появились параллельные военному контролю структуры — фронтовые и армейские ЧК.

В конце 1918 — начале 1919 года военно-политическая обстановка на Восточном фронте изменилась не в пользу большевиков. 25 декабря 1918 года войска 1-го Сибирского стрелкового корпуса 27-летнего генерал-майора Пепеляева захватили Пермь. Разгром красной 3-й армии открывал дорогу на Москву. 5 января 1919 года в Вятку прибыла партийно-следственная комиссия во главе со Сталиным и Дзержинским. Одним из итогов деятельности этой комиссии стало упразднение военного контроля и создание особых отделов ВЧК, на которые возлагался контроль за армией. 6 февраля ВЦИК утвердил «Положение об особых отделах при ВЧК». Они должны были бороться с контрреволюцией и шпионажем, следить за военачальниками и изучать настроения в войсках.

¹⁰³ Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917—1922: В заре революции. М.: Центрполиграф, 2008. С. 167—170.

Сталин и Дзержинский были довольны знакомством с начальником отдела военного контроля красной 3-й армии (вернее ее остатков) Самсоновым. При реорганизации военной контрразведки он остался на посту руководителя нового особого отдела ВЧК этой армии. Здесь, уже являясь чекистом, Самсонов заявил о переходе от анархо-коммунистов в ВКП(б). Спустя три месяца его, по инициативе Дзержинского, отозвали в Москву и назначили начальником только что созданного в Московской ЧК Особого отдела. Вместе с ним в столицу уехала его помощница и гражданская жена Андреева. Перевод их в Москву совпал с обострением отношений большевиков и анархистов.

Если теоретическое наследие идеологов русского анархизма гвардейского офицера Михаила Бакунина и князя Петра Кропоткина выразить двумя словами, то ими будут «равенство и свобода». Поэтому анархисты «дружили» со всеми левыми партиями. Независимо от конечной цели борьбы их союзниками были и эсеры, и большевики. В то время разница в программах не играла большой роли, главным было сходство в действиях. Митинги, листовки, контрабандная перевозка оружия для боевых дружин — вот постоянные занятия революционера независимо от его партийности. Когда наступил октябрь 1917 года, то рабочим и крестьянам, солдатам и матросам стало тем более все равно, в чем там не сошлись за границей Ульянов с Кропоткиным.

Нестор Махно создал первый на Украине крестьянский Совет. Павел Дыбенко стал председателем Центробалта. Анатолий Железняков вел балтийских моряков на штурм Зимнего дворца в Петрограде. Нестор Каландаришвили разбил юнкеров в декабре 1917-го в Иркутске. Павел Хохряков провозгласил в апреле 1918-го советскую власть. Борис Мокроусов возглавил повстанческую армию в Крыму. Все они были анархистами.

По-разному сложились их судьбы. Оба Нестора — «батяка» и «дедушка» — получили от большевиков по ордену Красного Знамени. Но украинский крестьянин Махно, преследуемый Красной армией, ушел за кордон и умер от туберкулеза в 1934 году в Париже. А грузинский дворянин Каландаришвили был убит в марте 1922 года восставшими против советской власти якутами и эвенками. Так уж получилось: один лежит на кладбище Пер-Лашез возле стены коммунаров, а другой похоронен в Иркутске на горе коммунаров. Балтийцы Железняков и Хохряков тоже перешли на сторону большевиков и погибли: один — в степи под Херсоном, другой — у станции Крутиха на Урале. Матросского вожака Дыбенко, ставшего командармом 2-го ранга, расстреляли как врага народа в 1938 году. И только любимец черноморских матросов Мокроусов, не стремившийся особо к высокой карьере, через четверть века стал Героем Советского Союза.

Отношения большевиков с анархистами оставались внешне дружественными до середины 1919 года. По свидетельствам очевидцев, «...имя Махно не сходило со столбцов советской прессы. Его величали подлинным стражем рабоче-крестьянской революции». 4 мая в столицу анархистской вольницы Гуляй-Поле прибыл с визитом чрезвычайный уполномоченный Совета обороны республики Леонид Каменев. Встреча ему была оказана очень торжественная. Уезжая, высокий советский гость «горячо распрощался с махновцами, высказал благодарность и всякие пожелания, расцеловался с Махно, уверяя, что с махновцами, как с подлинными революционерами, у большевиков всегда найдется общий язык».

Однако ленинское учение о диктатуре пролетариата и партийная дисциплина оказались неприемлемы для махновцев. Формально они входили в состав Заднепровской советской дивизии Украинского фронта, хотя и сохраняли право полной автономии (выборность командиров, анархистская идеология и борьба под черным знаменем анархии). А самое главное — на территории махновцев приказы большевиков не исполнялись, и создание административно-карательных структур (ЧК, ревкомы, продотряды) Махно на своей территории не допускал. «Махновия» стала государством в государстве.

В начале июня 1919 года Махно и его войско были объявлены большевиками «вне закона». В ответ на расстрел красными начальника штаба махновской армии Озерова махновцы решили провести террористические акты против Ленина и Троцкого, а заодно и Верховного правителя России адмирала Колчака. Для этой цели они создали в Москве организацию «Анархисты подполья — Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан». В комитет входили 16 махновцев из отряда сподвижницы Махно Маруси Никифоровой, до 40 человек из латышской анархистской группы, 8 — из анархистского союза молодежи, 10 — из московских анархистов, левоэсеровских и максималистских групп (в комитете верховодили известные террористы — анархист Соболев и левый эсер Черепанов).

Волна ограблений прокатилась по Москве, Туле, Иваново-Вознесенску... Эсеры дали анархистам более четырех миллионов рублей. «Анархисты подполья» собирались в квартире Никифоровой, перебравшейся из Гуляй-Поля в Москву вместе со своим мужем — польским анархистом-террористом Витольдом Бжестоком, за плечами которого был опыт тринадцати лет террористической деятельности. Анархистская чета грозила организацией Всероссийской анархистской революции, для чего рассчитывали раздобыть на Украине и в России еще несколько миллионов — золото и бриллианты.

25 сентября 1919 года «анархистам подполья» удалось взорвать здание Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке, где ожидалось присутствие Ленина. Однако Ленин случайно задержался на совещании в Совнаркоме и опоздал к открытию пленума МК РКП(б). При взрыве было убито 12 человек, в том числе Загорский — секретарь Московского комитета партии¹⁰⁴. Ранения получили Бухарин, Ярославский и другие — всего 55 видных большевиков. В своей листовке «анархисты подполья» провозгласили: «Смерть за смерть! Начало динамитной войны с Совнаркомом и ЧК».

На октябрьские праздники «анархисты подполья» планировали взрыв Кремля. В систему канализации в центре Москвы были заложены динамитные шашки... Однако за несколько дней до взрыва особый отдел МЧК, руководимый бывшим анархистом Самсоновым, раскрыл организацию. Почти всех «анархистов подполья» ликвидировали, а Донат Черепанов — лидер московских левых эсеров, поэт и активной деятель Октябрьской революции — был позднее убит в обдорской ссылке.

Куда делись найденные на конспиративных квартирах «анархистов подполья» награбленные ими огромные ценности? Об этом знали только двое: главный чекист Москвы Самсонов и его помощница Андреева. Она вела всю «черную кассу» особых отделов красной 3-й армии и МЧК, Регистрационного управления Красной армии и секретного отдела ВЧК, который ее шеф Самсонов возглавил, опять-таки по предложению Дзержинского, в сентябре 1920 года.

Каллиграфическим почерком Александра Азарьевна вносила в секретные бухгалтерские книги суммы изъятых при обысках ценностей, описания ювелирных изделий из золота, платины и серебра с драгоценными камнями, чертила схемы тайников, куда на всякий случай перепрятывались добытые чекистами сокровища.

После разгрома анархистского подполья в столице Самсонов вместе с Андреевой с чужими документами отправились на Украину, считалось — на разведку. Их пребывание в Киеве совпало с опознанием и арестом здесь белогвардейцами Маруси Никифоровой и ее мужа Бжестока. Странно, что они покинули Москву до массовых арестов своих сообщников. Анархистскую супружескую чету перевезли в Севастополь и повесили по приговору военно-полевого суда. Но ходили упорные слухи, что Маруся осталась жива. Говорили, что ее как советскую разведчицу уже в 1921 году отправили в Париж — продолжать дело всемирной революции.

---

¹⁰⁴ В честь В. М. Загорского (Лубоцкого) в 1930 году переименовали город Сергиев Московской области в Загорск.

Неслучайно Самсонов в своем таинственном мире, полном опасностей и революционной романтики, делал ставку на женщин, искавших в подпольной террористической деятельности выход сублимации. В этом полуфантастическом мире «падших ангелов», «богочеловеков», «творцов историй» им легче было избавиться от тоски обыденной жизни, самоутвердиться и заставить себя уважать, фантастически уверовать в собственное великое предназначение.

Так на рубеже XIX и XX веков произошла феминизация террора, вместе с его интеллектуализацией. Террористами стали одинокие двадцатилетние девушки с образованием из средних и даже высших слоев общества, испытывающие отвращение к любому труду, любившие рисковать, ощущать близость смерти и чувствовать власть над своими жертвами (та же Маруся Никифорова – дочь штабс-капитана, прославившегося в последней русско-турецкой войне, училась в гимназии, не бедствовала).

Вспомним «великих террористок» – Софью Перовскую, Веру Фигнер, Марию Спиридонову... А садистка одесской ЧК Елена Гребенюкова, она же Дора, – дочь генерала, ставшая палачом для многих белых офицеров... По заключению белогвардейского следствия, на ее счету четыреста замученных и убитых.

В Белой армии также существовали дамы воительницы и палачи. Очевидцы писали: «Нестерпимо жутко было видеть, как к толпе испуганных пленников подскакивала молодая девушка и, не слезая с седла, на выбор, убивала одного за другим. И самым страшным в эти минуты было ее лицо: совершенно каменное, спокойное, с холодными, грозными глазами». Возможно, такое впечатление производила и Андреева.

Анархистка Гарасеева в юности по сфабрикованному делу «о подготовке злодейского покушения» на всемогущего тогда члена Политбюро ЦК РКП(б), председателя Исполкома Коминтерна Зиновьева попала вместе с сестрой в один из политизоляторов (тюрьму для политзаключенных) на Урале. Она вспоминала Андрееву такими словами: «Отвратительная личность. Странница пыток. Сажала подследственных и заключенных в ледяную воду.

Обычно в Верхнеуральске и Тобольске (там тоже был политизолятор) она появлялась два раза в году. В сопровождении пышной свиты местного тюремного начальства обходила каждую камеру и спрашивала, есть ли жалобы. Иногда заключенные постановляли: с Андреевой говорить не будем. Тогда каждая камера встречала ее появлением гробовым молчанием...»

ВЧК задумывалась как орган защиты революции и борьбы с особо опасными преступлениями. Но превратилась в инструмент тотального контроля и подавления любого инакомыслия.

Секретный отдел Самсонова стал орудием ликвидации всех, кроме большевистской, социалистических партий в России, которые в 1917 году объединяли больше миллиона человек. Вслед за анархистами фактически поставили вне закона эсеров и меньшевиков.

Политбюро ЦК ВКП(б) поручило чекистам сделать упор «на постановке осведомления, внутренней информации и извлечение всех контрреволюционных и антисоветских деяний во всех областях».

О методах такой деятельности говорится в разработанных Самсоновым документах:

«Всем губернским ЧК. Инструкция. 11.6. 1921 года:

Губчека должны помнить и не забывать, что основной их работой является политическая борьба с антисоветскими партиями через секретно осведомленный аппарат, и что при отсутствии такого отсутствует и губчека как политорган данной губернии. В целях пресечения этого основного зла в работе губчека под личную ответственность предгубчека и завсекретотделами предлагается:

1) В трехдневный срок со дня получения сего выработать конкретный план вербовки и насаждения секретного осведомителя в недрах политпартий.

<...>

4) Осведомление по политпартиям должно вербоваться из рядов тех же партий, а не из числа беспартийных, которые могут быть только подсобными и попутными осведомителями, а не осведомителями основными.

<...>

11) Все предгубчека и завсекретотделами, не успевшие в трехмесячный срок обзавестись осведомителями, будут считаться бездеятельными.

Начальник СО ВЧК Самсонов».

«Всем губчека. Телеграмма. 30. 6. 1921 года.

...Принять меры нахождения осведомления фабриках, заводах, центрах губерний, совхозах, кооперативах, лесхозах, карательных отрядах, деревне. К работе по постановке осведомления отнестись возможно внимательней, соблюдая все принципы конспирации.

Самсонов».

«Циркулярное письмо ВЧК № 11. 1921 год.

В настоящий момент все наше внимание должно сосредотачивать-

ся на осведомлении, без которого работа аппарата ЧК будет кустарной, не достигшей цели, и возможны крупные ошибки. Центр тяжести нашей работы возлагается в настоящее время на осведомительный аппарат, ибо только при условии, когда ЧК будет достаточно осведомлена... она сможет избежать ошибки, принять своевременные нужные меры для ликвидации как группы, так и отдельного лица, действительно вредного и опасного.

Начальник СО ВЧК Самсонов»¹⁰⁵.

Анархистов, меньшевиков и социалистов-революционеров методично уничтожали. Последних расстреляли 11 сентября 1941 года в лесу под Орлом. Это были уже старики и старухи, но Сталин все равно их боялся.

В орловской тюрьме провели остаток жизни многие вожди эсеров. Среди них была и легендарная Мария Александровна Спиридонова. 29 января 1906 года двадцатилетняя Спиридонова, член тамбовской эсеровской боевой дружины, из револьвера смертельно ранила жандармского полковника Луженовского, который беспощадно усмирлял крестьянские бунты в Тамбовской губернии. Спиридонову приговорили тогда к смертной казни через повешение, но заменили бессрочной каторгой.

После Февральской революции 1917 года она стала вождем левых эсеров. Ее называли самой популярной и влиятельной женщиной в России. Спиридонова выступала против Брестского мира с немцами и организовала в июле 1918 года антибольшевистский мятеж в Москве, который имел трагические последствия для нашей истории. Социалисты-революционеры были изгнаны из политики и государственного аппарата, включая ВЧК, и, таким образом, уже не имели возможности влиять на судьбы страны. Российское крестьянство лишилось своих защитников, советская власть стала однопартийной и получила дополнительный повод для репрессий.

Одновременно с уничтожением политических оппозиционных партий Секретный отдел ВЧК-ГПУ занимался «разрушением и разложением церкви»¹⁰⁶.

В декабре 1920 года Самсонов написал Дзержинскому: «До сих пор ВЧК занималась только разложением православной церкви, как наибо-

¹⁰⁵ Бережков В. И., Пехтерева С. В. Женщины-чекистки. СПб.: ИД «Нева»; М.: Олма-пресс Образование, 2003. С. 147—148.

¹⁰⁶ Тумшис М. А. ВЧК. Война кланов. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 106—107.

лее могущественной и большой, чего недостаточно, так как на территории республики имеется еще ряд не менее сильных религий, каков ислам и пр., где нам также придется шаг за шагом внести то же разложение, что и православной церкви»¹⁰⁷.

В такой обстановке «взаимного исключения коммунизма и религии» возросло количество церковных кладов. В помощь Тучкову по делам о сокрытии драгоценной храмовой утвари и монастырских сокровищ отрядили Александру Азарьевну, контролировавшую следственную работу оперативного состава ВЧК-ГПУ и чекистское кладоискательство.

Кроме того, она, поскольку имела медицинское образование, стала курировать все политические изоляторы.

За успехи в борьбе с контрреволюцией Андреева была награждена в 1925 году именованным револьвером, а в 1927 и 1932 годах — знаками «Почетный чекист».

К тому времени ВЧК-ГПУ стала достаточной мощной опорой власти, способной эффективно бороться с политическими оппонентами: «Аппарат ГПУ, как и ВЧК, в 1922 году обладал массовой осведомительной сетью, секретной агентурой и штатными агентами. Осведомителей вербовали из патриотов по месту их работы; сексотов — из членов антибольшевистских партий, бывших офицеров, специалистов, и использовали при разработке лиц, группы, организаций, подозреваемых в «антисоветской» деятельности; штатная агентура выполняла функции филеров»¹⁰⁸.

В мае 1923 года Самсонов обратился к Дзержинскому с личным письмом, в котором просил отпустить его из органов ОГПУ «для работы в качестве рабочего на завод (не возражаю в НКПЭсовский)». Свою просьбу начальник Секретного отдела аргументировал тем, что «дела в СО ГПУ без меня пойдут неплохо, так как основные противники: с.р (эсеры), попы опрокинуты надолго и всерьез, отпор меньшевикам стоит на пути к последнему разгрому и думаю, что не позже ноября-декабря месяца можно будет собрать легальный меньшевистский съезд по ликвидации остатков этой партии»¹⁰⁹.

Дзержинский, параллельно ВЧК-ГПУ возглавлявший Наркомат путей сообщений, удовлетворил просьбу своего соратника. Самсонова назначили заместителем председателя правления Белорусско-Балтийской железной дороги. На службу в органы госбезопасности он уже не вер-

¹⁰⁷ Бережков В. И., Пехтерева С. В. Указ. соч. С. 147—148.

¹⁰⁸ Литвин А. Л. Красный и белый террор в России 1918—1922. Казань. 1995. С. 300.

¹⁰⁹ Макаров В. ВЧК: первые пять лет // Родина. 2007 № 12, С. 9—10.

нулся и благополучно пережил ежовский террор 1936—1938 годов против чекистов-дзержинцев.

После отъезда Самсонова в Минск в жизни Андреевой появился новый мужчина — Молчанов.

Под предлогом проверки политизолятора ОГПУ Александра Азарьевна приехала в Тобольск, где Тучков, будучи заместителем Полномочного представителя ОГПУ по Уралу, занимался розыском спрятанных в 1918 году тобольским епископом Гермогеном сокровищ находившегося в Тобольске в ссылке бывшего российского императора Николая II.

Благодаря воздействию Андреевой на бывших монахинь Ивановского монастыря, эта секретная операция завершилась в ноябре 1933 года успехом: монахиня Марфа Уженцева выдала царские бриллианты «на сумму в 3 миллиона 270 тысяч 693 золотых рубля». Тогда же «кладоискательница из ОГПУ», возвратившаяся из Тобольска в Москву с драгоценной добычей, доложила назначенному в ноябре 1931 года начальником Секретно-политического отдела ОГПУ Молчанову о ценностях Сибирского белого движения и драгоценной церковной утвари, сокрытых колчаковцами в таежных урманах Среднего Приобья и предгорьях Приполярного Урала. С тех пор их вождеденной тайной целью стало обладание этими сокровищами.

Для достижения этой цели Андреевой удалось восстановить на чекистской службе Валка, уволенного в 1925 году за ведомственные злоупотребления и работавшего скромным служащим госбанка в Херсоне. Через возможности Молчанова Валка продвинули в Заднепровье и назначили начальником Пятихатского райотдела НКВД. Там он разыскивал золото Махно, которым тот обещал поделиться с Самсоновым за организованный ему чекистский коридор — по нему Махно, преследуемый красной конницей Буденного, бежал в Румынию. Назвать места драгоценных тайников Махно не успел, или не захотел. Обманул вновь чекистов и умер в Париже в нищете. Ценности у него, конечно, были. И немалые. Как иначе он мог создать в Елизаветграде конвейер по производству многих сотен знаменитых махновских тачанок, вооруженных пулеметами, содержать людей и лошадей, кормить их и постоянно пополнять боезапасы. Во время секретной командировки на Украину в 1919 году вместе с Самсоновым Андреева выяснила доходные статьи «бюджета» Махно. Самым стабильным источником дохода были «налоги», которыми батько Махно облагал население занятых им сел и деревень. Размеры поборов жестко соответствовали материальному положению «налогоплательщика». Крестьяне победнее платили дань продуктами и самогоном, а с зажиточных жителей Заднепровья брали

деньги и ценности. К ним приплюсовывали грабежи пассажирских поездов и экспроприации богачей, два обоза с золотом белой армии Деникина, захваченных махновцами у местечка Синельниково, и сокровища, перешедшие к Махно от атамана Григорьева, ограбившего Одесский государственный банк: 124 килограмма золота в слитках, 238 пудов серебра и почти полтора миллиона рублей золотыми монетами царской чеканки.

Да и то «золото Ленина», которое Самсонов и Андреева сами передали Махно на борьбу с немецко-австрийскими оккупантами, он не успел истратить, потому что в то время уже уходил с Украины.

Не оставляла Александра Азарьевна без внимания и безлюдные места в Среднем Приобье и на Приполярном Урале, где оборвался золотой след вывезенных осенью 1919 года из Тобольска ценностей Сибирского белого движения и драгоценной церковной утвари. В их розыске она использовала Яковлева-Мячина. Того самого уфимского боевика, который по заданию председателя ВЦИК Свердлова с мандатом особоуполномоченного, подписанным Лениным, доставил в апреле 1918 года из Тобольска в Екатеринбург бывших царя Николая II, царицу Александру Федоровну и царевну Марию. После расстрела всей царской семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в подвале горного инженера Ипатьева Антон, такова партийная кличка Яковлева-Мячина, служил в войсках Комуча (комитета учредительного собрания) и Колчака, отступил с ним в Китай, где тайно работал на ОГПУ до 1927 года. Возвратился в Москву вместе с полковником Кобылинским, комендантом дома в Тобольске, в котором содержался в ссылке Николай II и его домочадцы. Считалось, что бывший полковник знал тайну царских сокровищ, спрятанных в окрестностях тобольских монастырей. Кобылинского расстреляли, а Яковлева под фамилией Стоянович отправили на 10 лет на строительство Беломорско-Балтийского канала. В 1933 году его по протекции Андреевой освободили из заключения и определили на должность коменданта Осиновского лагеря в распоряжение начальника Томского оперсектора, в зону оперативного обслуживания которого входила территория Ваховского-Ларьякского остяцкого туземного района. И когда от них поступило донесение о появлении в этих местах знавшего тайну колчаковского клада бывшего начальника Тюменского губотдела ГПУ Долгирева, ставшего руководителем Нижне-Иртышского государственного пароходства, то на встречу с ним под предлогом совместной охоты срочно отправился сам Молчанов, служивший когда-то с Долгиревым в Чечне. Начальник СПО НКВД Молчанов возвратился в Москву, а Долгирев погиб на охоте в результате несчастного случая — тайна сокровищ, спрятанных в лабиринте притоков таежной реки Вах, была сохранена.

Между «советским Зубатовым» и его помощницей по чекистскому кладоискательству отмечалось полное взаимопонимание. Претендовавшая на близость к шефу советского политического сыска Боевая Эльза Грундман, отвергнутая им в пользу Андреевой, покончила жизнь самоубийством. Другую соперницу — Марианну Герасимову, первую жену известного писателя Юрия Либединского, возглавлявшую в СПО НКВД отделение, следившее за творческой средой (литература, печать, театр, кино), удалось уволить из органов госбезопасности за «непонимание использования оперативных средств для вскрытия враждебных элементов среди представителей интеллигенции...»¹¹⁰.

В ноябре 1935 года при присвоении персональных званий сотрудникам НКВД Молчанов получил «генеральское» звание комиссара госбезопасности 2-го ранга, а Андреева — майора госбезопасности и стала единственной женщиной среди высшего начальствующего состава НКВД. Тогда же она переехала в Дом на набережной на улице Серафимовича (дом 2, квартира 401), построенный для партийной, советской, военной и чекистской элиты¹¹¹. Все складывалось как нельзя лучше. И вдруг рухнуло: в НКВД началась «чистка».

28 ноября 1936 года Молчанова откомандировали в Минск наркомом внутренних дел Белоруссии. Через два месяца его арестовали. Новый начальник СПО НКВД комиссар госбезопасности Владимир Курский¹¹² с самого начала дал понять, что не намерен работать с кадрами своего предшественника Молчанова.

Андреева, освободив должность помощницы начальника СПО, перешла в аппарат особоуполномоченного (ведомство собственной безопасности в НКВД) Тучкова. Того самого «удушителя» РПЦ, с которым она искала в Тобольске сокровища экс-императора Николая II. Она еще успела при помощи Тучкова спасти от неминуемого расстрела во время «национальных операций» по приказу НКВД № 00485 эстонца Карла Гансовича Валка. Его удалось перевести в марте 1938 года в распоряжение непрестижного для кадровых чекистов Управления Ух-

---

¹¹⁰ Сестра Марианны Герасимовой Валерия была с 1925 по 1932 год женой известного писателя Александра Фадеева, возглавлявшего правление Союза писателей СССР. В августе 1939-го Марианну арестовали и осудили на пять лет лагерей. После отбытия срока в ноябре 1944 года ей отказали в праве проживания в Москве, и она покончила жизнь самоубийством.

¹¹¹ В комплекс дома входили кроме 505 квартир продовольственный и промтоварный магазины, прачечная, парикмахерская, столовая, поликлиника, детский сад, почта, телеграф, сберкасса, кинотеатр «Ударник» и клуб — сейчас Театр эстрады. На 1 ноября 1932 года в доме проживало 2745 человек: 838 мужчин, 1311 женщин и 596 детей. Серая громада на берегу Москвы-реки стала символом советской эпохи со всеми ее достижениями и кровавыми потерями. С ноября 1989 года здесь работает музей «Дом на набережной», отражающий через судьбы людей и семей историю нашего Отечества.

¹¹² Курский застрелился в 1937 году.

то-Печорскими лагерями НКВД. Тогда Александра Азарьевна не предполагала, что, спасая жизнь бывшего краснофлотца десантного отряда Волжско-Каспийской военной флотилии и начальника Пятихатского райотдела УНКВД Днепропетровской области Валка, она спасла и свою жизнь. Точнее — продлила ее.

Через два месяца после отъезда Валка с Украины в Коми АССР Андрееву уволили из НКВД «по болезни». 5 декабря 1938 года, уже при новом наркоме Берии (Ежова сняли 25 ноября 1938 года), ее арестовали. 4 мая 1939 года Военная коллегия Верховного суда СССР осудила бывшую помощницу начальника СПО НКВД на пятнадцать лет лишения свободы. Ее обвинили «в участии в антисоветской террористической организации, действовавшей в органах НКВД, в проведении по заданию Молчанова глушения сигналов о существовании в Москве контрреволюционного военно-фашистского заговора предателя Тухачевского и умышленного представления дел на сокращение сроков наказания право-троцкистским кадрам».

В одном из заявлений на имя Берии она подчеркнула: «Знавшие меня по моей работе в ВЧК-ОГПУ-НКВД создали для меня в следственной тюрьме невыносимую обстановку»¹¹³.

Следствие интересовалось участием Андреевой в чекистском клadoискательстве. Но Александра Азарьевна, помня предостережения Молчанова, показала, что это «побочное направление деятельности СПО ОГПУ-НКВД курировал лично начальник отдела, и она не знает, где находится его личный архив с описаниями драгоценностей, тайников и схем подходов к ним».

А потом был пересыльный лагерь НКВД в Котласе, где она встрети­лась с комбригом Бессоновым (звание майора госбезопасности соответствовало армейскому званию комбрига). Бывший порученец первого замнаркома НКВД командарма 1-го ранга Фриновского знал, чем занималась помощница начальника СПО, так как неоднократно участвовал в войсковом обеспечении клadoискательства.

О чем они говорили на лагерном этапе (тогда мужчины и женщины еще содержались вместе), неизвестно. Только вскоре Бессонова освободили и отправили на службу в Красную армию начальником штаба 102-й стрелковой дивизии.

Прощаясь с Андреевой, восстановленный в звании комбрига Бессонов знал, что ее направляют с учетом медицинского образования фельдшером в сельхозлагерь НКВД «Кедровый Шор».

---

¹¹³ Тумшис М. А. Указ. соч. С. 123.

Вот почему, провозжая в июне 1943 года десант из числа завербованных немцами советских военнопленных, Бессонов указал на карте Коми АССР Кожвинский район, а местом высадки отметил точку в тридцати километрах от поселка Кедровый Шор. А среди добротного изготовленных в гитлеровском разведоргане «Цепелин-норд» фиктивных документов имелись удостоверения личности с печатями «Народный Комиссариат Внутренних Дел. Главное Управление Государственной Безопасности» и три фотографии... майора госбезопасности Андреевой-Горбуновой Александры Азарьевны.

Но руководитель созданного немцами из пленных командиров Красной армии Политического центра борьбы с большевизмом комбриг-предатель Бессонов не знал, что у бывшего колчаковского офицера Николаева была своя топографическая карта северной республики и собственный секретный маршрут.

Пропавшая карта

Командир сформированной немцами из советских военнопленных разведывательно-диверсионной группы Николаев был когда-то Владимиром Николаевичем Смирновым. Уроженец Тобольска, прапорщик пулеметной команды Северного отряда 25-го Тобольского полка 1-го Средне-Сибирского корпуса хорошо знал места предстоящего десантирования.

Когда в конце марта 1919 года в районе Усть-Кожвы соединились войска Северного и Восточного фронтов белых, отряд, в котором служил Смирнов-Николаев, был развернут в Троицко-Печорске в отдельный Сибирский Печорский полк.

После внезапного ухода колчаковцев из Коми края прапорщик Смирнов задержался в родном городе, где получил приказ уполномоченного по охране государственного порядка и общественного спокойствия в Тобольском уезде штаб-капитана Киселева охранять со своими пулеметчиками погрузку на эвакуационные пароходы «народных святынь и ценностей банка, казначейств и сберегательных касс». На пароходах «Ростислав» и «Пермяк» находились и «серебряная вызолоченная рака из-под мощей Иоанна Тобольского, и реликвии Сибирского белого движения — ордена “Освобождение Сибири” и “Возрождение России”».

Из-за ранней зимы речной караван добрался лишь до села Тундрино Сургутского уезда. Здесь Киселев и Смирнов сдали по описи вывезенные из Тобольска ценности уездному уполномоченному Министерства снабжения и продовольствия Пирожникову и начальнику местной кол-

чаковской милиции Волкову, после чего отступили по зимнику на Нарым. Уже в Томске офицеры доложили командующему 1-й Сибирской армией генерал-лейтенанту Пепеляеву о непредвиденных погодных условиях на речном эвакуационном пути. Потом сопровождали Пепеляева до Харбина и вместе с ним участвовали в якутском десанте.

Высадившись 6 сентября 1922 года в Аяне, Пепеляев отправил Киселева и Смирнова через Енисейскую губернию к местам сокрытия вывезенных из Тобольска ценностей. Большая часть их оказалась к тому времени на Приполярном Урале, где еще действовали остатки повстанческих отрядов метеоролога Сухих, высланного в Обдорск из Польши еще в 1914 году по подозрению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, и поручика Алексея Рочева.

В последнем бою с березовскими и обдорскими чекистами, о котором сообщала 26 октября 1922 года в статье «Ликвидация бандитизма на Севере» тюменская газета «Трудовой набат», уцелел только прапорщик Смирнов. Надежно спрятав доставшиеся ему в местечке Мака Юган два больших и три маленьких ящика с золотом в предгорьях Приполярного Урала и отметив место тайника на карте, он на тех оленях, которые, по газетному сообщению, «были растеряны по тундре», вместе с проводниками из повстанцев-зырян бежал в Финляндию. Возвращаться таежными тропами в Якутию уже не имело смысла: в ночь с 17 на 18 июня 1923 года дружина генерала Пепеляева сложила оружие¹¹⁴.

Бежать за границу на Севере удавалось даже заключенным лагерей ОГПУ-НКВД. Об этом свидетельствовали сообщения иностранных информационных агентств. Так, в «Бюллетене не для печати» № 320 (иностранный информация ТАСС от 9 ноября 1929 года, лист 6) помещено сообщение о побеге из Соловков: «Агентство «Рейтер» сообщает из Гельсинфорса, будто финляндская пограничная стража задержала на лапландской границе 13 лиц (среди которых одна женщина), бежавших, по их заявлению, из заключения на Соловках. По словам задержанных, они работали на лесных работах и бежали, оглушив ударами трех человек из надзиравшей за ними стражи. Финляндским пограничным властям приказано следить за тем, не появятся ли новые беглецы».

Смирнов, ставший в VII финляндском подотделе Русского общевосточного союза (РОВС) Николаевым, пытался во время Советско-финской войны 1939–1940 годов вернуться за оставленными на Приполярном Урале сокровищами. Для этого с бежавшим из СССР в 1928 году помощником Генерального секретаря ЦК РКП(б) Сталина Бажановым

¹¹⁴ См.: Юзефович Л. А. Зимняя дорога. Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922–1923 годы. М.: АСТ, 2015.

предложили маршалу Маннергейму сформировать из пленных красноармейцев антисталинскую Русскую народную армию (РНА). Наиболее удачным участком фронта для использования отрядов РНА Смирнов-Николаев и Бажанов считали северный берег Ладожского озера — для того, чтобы перерезать железную дорогу Ленинград — Мурманск и в перспективе ориентироваться на освобождение заключенных Беломорско-Балтийских и Ухто-Печорских лагерей НКВД.

Авторы плана обоснованно предупреждали: «Никто не может гарантировать, что именно так гладко и произойдет, но поскольку все элементы положения поддаются учету, все это представляется вполне возможным».

Они делали ставку на красноармейскую массу и младший командный состав, в населении — на колхозное крестьянство и интеллигенцию, в номенклатуре — на скрытых антикоммунистов в советской иерархии. Участие белых офицеров из РОВС представлялось им обязательным, так как «пленные лейтенанты и старшие лейтенанты, по форме прапорщичьи и поручичьи, а по существу унтера и никому не доверять и взвода».

Однако маршал Маннергейм, бывший генерал Русской императорской армии, скептически отнесся к таким начинаниям: «Если они пойдут с вами — организуйте вашу армию. Но я старый военный и сомневаюсь, что эти люди, вырвавшиеся из ада и спасшиеся почти чудом, захотели бы снова в этот ад вернуться».

Тем не менее, разрешение на формирование РНА было получено, и Смирнов-Николаев с Бажановым посетили лагерь, где содержались пятьсот военнопленных, взятых в боях севернее Ладоги, и отобрали из них 450 (!) добровольцев, в подавляющем большинстве рядовых красноармейцев и сержантов. Пленные командиры проявили больше апатии и опасения за жизнь оставшихся в СССР родных и близких, поэтому начальствующие должности были укомплектованы с помощью членов финляндского подотдела РОВС. Одним из двух стрелковых отрядов командовал произведенный в капитаны Смирнов-Николаев. В единственном бою с советскими войсками в марте 1940 года к нему перебежало и сдалось «человек триста красноармейцев».

«Заслуживает особого интереса тот факт, — отметил он в своем отчете о результатах операции на фронте, — что когда красноармейцев, выразивших желание поступить в русские народные отряды, спросили, с какими начальниками они желают идти на войну, с лицами из командного состава Красной армии или с белыми офицерами-эмигрантами — они все выразили желание, чтобы ими командовали «белые офицеры»¹¹⁵.

¹¹⁵ Александров К. М. Указ. соч. С. 8—60.

Добраться до спрятанных на Приполярном Урале сокровищ возглавлявший добровольцев РНА из числа пленных красноармейцев колчаковский офицер Смирнов-Николаев не успел. Прорыв советскими войсками основной оборонительной полосы «линии Маннергейма» на Карельском полуострове не оставлял сомнений в исходе войны — ее временные рамки оказались слишком краткими, чтобы оказаться в заветном месте.

Вторая мировая война и нападение гитлеровской Германии на Советский Союз дали ему еще одну возможность достичь своей цели. Хотя мечтам русских добровольцев из числа белых эмигрантов и советских военнопленных о борьбе с коммунизмом на просторах России немцы сразу же положили предел. Поэтому РОВС как антикоммунистическая сила ничем себя не проявил. Лишь одиночки-офицеры на свой страх и риск пробивались в Россию вопреки препятствиям со стороны гитлеровских властей, не пускавших эмигрантов на оккупированные территории Советского Союза.

Осенью 1942 года, когда немецкая пропаганда вовсю трубила о падении Сталинграда и крушении СССР, Смирнов-Николаев появился в Прибалтике, где предложил Бессонову, ставшему руководителем Политического центра борьбы с большевизмом (ПЦБ), организовать выброску массированного десанта в районы компактного расположения исправительно-трудовых лагерей НКВД с целью освобождения заключенных, их вооружения и последующего создания на Севере, в Заволжье и на Урале антисталинского и антигитлеровского фронта. Бессонов довел эту идею, выдав ее за свою, до немецкого командования, не развивая перспективы превращения восстания заключенных лагерей НКВД в освободительную войну с иноземными захватчиками. Смирнов-Николаев против такого присвоения авторства десантной операции за Урал не возражал. Потому что его замысла — найти спрятанные в предгорьях Приполярного Урала ордена «Освобождение Сибири» и «Возрождение России» и использовать эти реликвии как символы освободительного движения — не знал никто. Ни немцы, ни сдавшийся в плен комбриг Бессонов.

В 1942 году гитлеровское военное командование отклонило предложение Бессопова десантировать за Урал сформированный из советских военнопленных пятидесятитысячный «русский экспедиционный корпус». Тогда немцы еще верили в «гений» фюрера и несокрушимость верхмата, в его способность одержать победу без чьей-либо помощи. Но больше всего они боялись возникновения независимой вооруженной русской силы, да еще где-то за Уралом, то есть вне всякого контроля.

Как ни горько сознавать, но для фашистской разведки и пропагандистских служб рейха трудность состояла не столько в организации антисоветских вооруженных формирований, сколько в сдерживании, разложении и даже подавлении попыток создания независимых сил по освобождению России от сталинского режима. Впервые в истории Российского государства (не считая княжеских междоусобиц) русская армия воевала на стороне противника. Не было недостатка и в претендентах на роль «вождя» антибольшевистского освободительного движения.

Только после разгрома 6-й немецкой армии генерал-фельдмаршала Паулюса в Сталинграде перед началом нового летнего наступления в районе Курска и Белгорода руководство организованного в марте 1942 года в составе Главного имперского управления безопасности (РСХА) разведывательно-диверсионного органа под условным названием «Цеппелин» решилось на заброску в Коми АССР десантной группы Смирнова-Николаева. Бессонов отметил на карте место высадки десанта и приказал захватить сельхозлагерь НКВД «Кедровый Шор», освободить содержащуюся в нем Андрееву-Юрбунову, выйти на связь с разведцентром и подготовить плацдарм для приема новых десантных групп.

У Смирнова-Николаева был свой план действий. После приземления в ночь с 6 на 7 июня 1943 года на левом берегу речки Вой-Вож в тридцати километрах от сельхозлагеря, в местечке, называемом «Развилки» (там расходились речки Лунь-Вож и Вой-Вож и находилось отделение сельхозлагеря, где заключенные заготавливали сено и пасли молодняк) он предложил своему заместителю Годову изменить утвержденный Бессоновым маршрут.

Но бывший колчаковский офицер, считавший, что «среди идущих к нам не будет (или почти не будет) идущих с задней мыслью перебежать к советам: все красноармейцы хорошо понимают, что таким перебежчикам советы не поверят и что они будут расстреляны», был убит. Кто застрелил командира группы, имевшего изготовленные в немецком разведоргане «Цеппелин-норд» документы капитана 65-го стрелкового полка войск НКВД Николаева Владимира Николаевича? Каков мотив убийства? Куда делась его карта с нанесенным на ней маршрутом к тайнику с ценностями Сибирского белого движения?

Писатель Рекемчук в своей повести «Б7-Б7 выходит из игры» назвал стрелявшим в Николаева радиста Одинцова:

«Одинцов и Доронин прыгнули с самолета почти одновременно и приземлились рядом — вернее повисли на ветвях соседних деревьев. Пришлось обрезать кинжалами стропы и спускаться вниз, обдирая до крови руки, в клочья изодрав летные комбинезоны.

- Живой?
- Живой.
- Ну, с приездом!..

Где-то поблизости трижды пропел рожок: Николаев подавал условный сигнал сбора.

Одинцов вынул из кобуры “парабеллум”, отвел предохранитель и переложил револьвер в карман брюк.

– Ты – что? – нахмурился Доронин.

– Ничего... Как только увижу – пристрелю: ахнуть не успеют. А потом пойдем искать своих...

Доронин задумчиво покачал головой:

– Нельзя стрелять. Нужно живым его взять, доставить к своим живого.

– А как ты это сделаешь?

– Поговорим с остальными. Обезоружим. Выходить из лесу надо всем вместе...

Настойчиво сигналил рожок».

И дальше – у костра: «...Доронин не успел даже заметить, как Одинцов выхватил из кармана “парабеллум” и выстрелил сквозь марево костерного дыма. В ту же секунду грохнул ответный выстрел. Николаев тенью метнулся в сторону и побежал, петляя, как заяц, к ближнему ельнику. Рукой он держался за левое плечо, очевидно, пробитое пулей.

– А-а, черт!.. – выругался Одинцов: шнур его пистолета зажало между патронником и взводной рамой, второй выстрел не получился. Но уже было поздно – фашист-подранок скрылся в чащобе. Оттуда еще два раза хлопнули выстрелы – пуля с комариным писком пролетела возле уха Доронина.

– Все равно – возьмем!.. – крикнул Одинцов. И разметав сапогами головни костра, бросился к ельнику.

Доронин сорвал с плеча автомат, побежал рядом с товарищем, на ходу полоснул очередь по кустам. Уже из лесу оглянулся: разбросанные головни тлели, наполняя округу желтым чадом. На опушке не было никого...»

Но вохровец Лазарев, участвовавший в задержании десантников, утверждал, что на его глазах Николаева убил выстрелом из автомата Доронин. В докладной записке наркому НКВД Коми АССР об «обстоятельствах ликвидации десанта» отмечено: «...один из десантников, по фамилии Николаев, был убит своими соучастниками». В донесении Берии – никаких подробностей убийства Николаева: «...при перестрелке два десантника убиты, десять сдались».

На допросе Годов показал: «После высадки мы договорились убить Николаева, и радист Одинцов первый стрелял в него, но только ранил, а затем другие, т. е. Кузьмичев, Жуков, Куликов и Скворцов (это вымышленные фамилии для школы) добились Николаева из автоматов. Сделано это было для того, чтобы он не мешал нам добровольно сдать органы НКВД».

Убитых десантников (Николаева и Куликова) похоронили не на месте приземления, как позднее утверждал Лазарев, а на лагпункте «Развилки» сельхозлагеря «Кедровый Шор» Инталага НКВД, на опушке леса на расстоянии триста метров к северо-западу от расположения лагпункта 10 июня 1943 года.

В акте указано: «...труп Николаева — мужчина среднего роста, волосы русые, глаза закрыты, одет в нательное белье, имеет несколько пулевых ранений в области груди и головы...; труп Куликова — мужчина среднего роста, волосы темно-русые, глаза темно-карие, одет в военную гимнастерку армейского образца с красными петлицами, имеет пулевое ранение в голову, входное отверстие в области лица, а выходное — в затылке...»

Акт подписали начальник Кожвинского РО НКВД старший лейтенант госбезопасности Калинин и фельдшеры из сельхозлагеря НКВД «Кедровый шор» Магина и... Андреева.

Забрасывая могилу убитых диверсантов комьями болотистой земли, бывший майор госбезопасности не знала, что они были десантированы здесь для ее освобождения.

Вероятнее всего, Николаева застрелил находившийся с ним в месте сбора десантников Годов, по фиктивным документам — старший лейтенант 65-го стрелкового полка войск НКВД Павлов Михаил Константинович, которому Бессонов поручил следить за командиром группы. Не дождавшись после приземления проводника — переводчика с языка коми Доронина и радиста Одинцова, которые сразу же отправились искать ближайший лагпункт НКВД, Годов принял предложение Николаева идти по его карте к Аранецкому волоку и дальше к тайнику с сокровищами. Но когда началась стрельба и среди десантников возникла паника, Годов разрядил свой автомат в Николаева, спрятал карту и сдался вохровцам, рассчитывая таким поведением заслужить прощение и когда-нибудь продолжить самостоятельно поиски клада.

Расчет Годова оказался верным: в сельхозлагерь НКВД «Кедровый Шор» нагрянуло всевозможное партийное, советское, чекистское и лагерное начальство, которое обезумело от вида упавших с неба, в буквальном смысле этого слова, трофеев, а также — от ожидания высоких

наград «за героизм и мужество, проявленное при ликвидации вражеского десанта».

В кабинете директора совхоза «победители» устроили пьянку, которая продолжалась до утра 9 июня. Делили первые трофеи: «...пистолет “Парабеллум” и 10000 рублей, отобранные у радиста Одинцова “подарили” заместителю наркома НКВД Коми АССР Корнилову...»

А 9 июня в Кедровый Шор доставили сброшенный с двух немецких самолетов груз:

← автоматы, всего 12 штук, из них: 5 советских (ППШ) и к каждому по одному магазину; 7 немецких и к каждому по 6 магазинов и одна машинка для автоматической набивки патронов;

– пистолеты «Парабеллум» – 12 штук, из них 11 новой системы и один принадлежавший лично Николаеву;

– револьверы «Наган» – 48 штук;

– пистолеты чешские – 5 штук;

– ручной пулемет ДП – один и к нему 7 дисков;

– ротный миномет – один и к нему 2 ящика мин;

– патроны – 10 тыс. штук;

– взрывчатые вещества: тол в шашках около 300 кг, термический порошок со спецкапсулой, магнитные шашки, электронные бомбы, зажигатели замедленного действия, бикфордов линур, запалы, гранаты разных систем;

– ракетницы с ракетами разных цветов – 5 штук;

– компас – 5 штук;

– бинокли – 2 пары;

– очки – 12 пар;

– лопаты саперные – 5 штук;

– фонари – 12 штук и к ним 100 шт. батарей, из них 4 фонаря с цветными стеклами;

– прожекторные лампы (карманные) – 3 штуки и к ним 30 батарей;

– французские кинжальные ножи – 12 штук;

– фотоаппарат с двумя коробками запасных лент;

– радиостанция с динамо-машиной (на раме ножного действия);

– аптека с хирургическими инструментами;

– часы-будильник;

– карманные часы – 4 штуки;

– часовые механизмы для взрывания – 2 штуки;

– топоры – 4;

– пилы – 2;

– бритвы опасные – 5;

- ручки автоматические – 6;
- планшеты кожаные – 2;
- запасные сапоги – 2 пары;
- валенки – 10 пар;
- унты меховые – 2 пары;
- полушубки – 12 пар;
- шапки-ушанки – 12 пар;
- белье – 12 пар;
- ранцы – 12 штук;
- сумки вещевые – 12 штук;
- котелки алюминиевые – 12 штук;
- денег советских 270 тысяч рублей;
- 100 штук продовольственных пакетов-пайков: в каждом пакете 400 г шоколада (4 плитки), 3 тюбика лимонной кислоты, энергетические таблетки – 2 пачки по 6 шт.; пирожное – 1 тюбик; печенье-галеты – 2 мешочка; колбаса – 200 г; шпик-сало – 2 куска; кофе с сахаром прессованное – 1 пакет; 5 коробок консервированного мяса и соя; ром 40° – одна фляжка; сигареты – 3 пачки по 10 шт. и спичек 1 коробка. Да еще 400 пачек махорки и коробка сухого спирта (около 100 таблеток). Такой пакет рассчитан на одного человека на 2–3 дня».

Банкет и дележ трофейного оружия, денег и имущества продолжались. Выпивали, закусывали, курили... Торопились: из Москвы в Ухту спецрейсом летел заместитель начальника созданной 14 апреля 1943 года еще одной спецслужбы – Главного управления контрразведки наркомата обороны «Смерш» (сокращение «Смерть шпионам») генерал-лейтенант Мешик¹¹⁶. Смерш возглавлял новый фаворит Сталина генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов. Пользуясь расположением Верховного главнокомандующего и подчиняясь только ему, Абакумов добился передачи в свое ведомство всех радиоигр с противником (кроме игры «Монастырь», «Курьеры» и «Березино», проводившихся 4-м управлением НКВД генерал-лейтенанта Судоплатова).

Мешик прибыл в Коми АССР для организации радиоигры «Повстанцы», чтобы поддержать у разведцентра «Цепелин-норд» и у брига-предателя Бессонова уверенность в том, что заброшенная им в глубокий советский тыл десантная группа работает вполне активно.

¹¹⁶ Павел Яковлевич Мешик (1910–1953). В ОГПУ с 1932 года. С февраля 1941-го – нарком госбезопасности Украины. С июля 1941 года – начальник экономического управления НКВД. С мая 1943 года – заместитель начальника ГУКР «Смерш». В 1946–1953 годах – заместитель начальника Первого главного управления при Совмине СССР. В марте – июне 1953-го – министр внутренних дел УССР. В декабре 1953 года расстрелян по делу Берия.

Для систематических передач противнику ложной информации планировалась использовать сдавшихся без сопротивления Одинцова, Доронина и Годова. Для этого республиканские чекисты и вохровцы передали предназначенных к радиоигре агентов в отдел контрразведки «Смерш» Архангельского военного округа, возглавляемого подполковником Головлевым. Следствие вела заместитель начальника следственного отдела ОКР «Смерш» АрхВО капитан Рюмин¹¹⁷ и будущий известный писатель младший лейтенант Абрамов¹¹⁸.

Через несколько дней к Мешику присоединились начальники отделов ГУКР «Смерш»: 3-го (борьба с вражеской агентурой и парашютными десантами противника) полковник Утехин¹¹⁹, 6-го (следственного) полковник Леонов¹²⁰ и 11-го (шифровального) полковник Чертов¹²¹.

По официальной информации, радиоигра «Повстанцы» была начата 22 июня и продолжалась до 14 декабря 1943 года¹²².

Но когда радист Одинцов вышел на связь с разведцентром в Риге, там заподозрили неладное. Посылались вопросы: «Куда приземлились? Где командир?» Смершевские радиоигроки ничего лучшего не придумали: «Приземлились в заданном районе. Николаев скончался от сердечного приступа». Новый вопрос поверг в шок: «Дайте координаты места приземления по карте командира». Возникла заминка: где же эта карта? Среди переданных в ОКР «Смерш» АрхВО документов, изъятых у десантников, карты не было.

НКВД Коми АССР в Сыктывкаре запросил Кожвинский райотдел:

«— Во время операции у вас в отделе осталась немецкая карта на рус-

¹¹⁷ Михаил Дмитриевич Рюмин (1913—1954). После войны служил в следственной части МГБ СССР. Полковник. В 1952 году назначен старшим контролером Министерства госконтроля СССР. В 1953-м арестован, приговорен к расстрелу.

¹¹⁸ Федор Александрович Абрамов (1920—1983). С 1938 года студент филологического факультета ЛГУ. После ранения откомандирован в военную контрразведку. После войны закончил университет, защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в вузе. С 1960 года посвятил себя литературной деятельности. Яркий представитель деревенской темы, лауреат Госпремии (1975).

¹¹⁹ Георгий Валентинович Утехин (1906—1987). В ОГПУ с 1933 года. Во время Великой Отечественной войны был начальником особых отделов армий, с апреля 1943-го в ГУКР «Смерш». Генерал-майор (1944). После войны служил в руководстве МГБ СССР. В 1951 году арестован по делу Абакумова. В 1953 году освобожден, назначен начальником отдела УМГБ-УМВД-УКГБ по Челябинской области. С 1955 года в отставке.

¹²⁰ Александр Григорьевич Леонов (1905—1954). В ГПУ с 1922 года. В войну служил в центральном аппарате управления особых отделов. С апреля 1943-го — начальник 6-го (следственного) отдела ГУКР «Смерш». С мая 1946 года — начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР. В 1951 году арестован по делу Абакумова. Расстрелян.

¹²¹ Иван Александрович Чертов (1905—1951). В ОГПУ с 1929 года. С 1943-го — начальник 11-го (шифровального) отдела ГУКР «Смерш», затем на руководящей работе в МГБ СССР. Генерал-майор (1944). Покончил жизнь самоубийством.

¹²² Макаров В. Г., Тюрин А. В. Операция «Повстанцы» // Родина. 2013, № 12, № С.100—104.

ском языке. За этой картой к вам сейчас вылетит самолет. Немедленно доставьте эту карту на аэродром и передайте ее пилотам для доставки в Ухту находящемуся там генералу Мешику. Немцы заявляют, что карта была в планшетке командиры группы Николаева.

— В райотделе карты нет. Общая масса имущества и документов была доставлена в РО НКВД, причем планшетки и полевые сумки забиты деньгами. Опись вещей и документов составлялась общая, и планшетка могла быть не включена. Единственная надежда, что карту взял начальник ВОХР Инталага НКВД Котелевский. Результаты переговоров с ним сообщим дополнительно. Считаю целесообразным самолет пока не направлять.

— Не тратьте время на переговоры. Ищите карту. Доставьте ее на Кожвинский аэродром. На розыск карты даем вам один час».

Через час Сыктывкар получил телеграмму: «Подтверждаем, что в РО НКВД и РО НКГБ карты нет. Котелевский по телефону заявил, что он просил карту, но нарком тов. Кабаков ее ему не дал. Поэтому ищите карты у себя. Начальник РО НКВД Калинин. Начальник РО НКГБ Ачкасов»¹²³.

Злополучную карту тогда не нашли. Мешик из Ухты срочно направил в Москву шифротелеграмму: «Необходимой карты у нас не оказалось. Затребовал Архангельск, но и там нет карты, расчерченной на квадраты. Одну такую карту, известно, уничтожил Николаев. Вторая на русском языке с пометкой Годова, по-видимому, присвоена кем-то, как часы, фотоаппарат и другое, о чем Вам докладывалось. Сейчас эту карту разыскиваем... Прошу Вас через Коми АССР дать строгое указание тов. Кабакову о розыске всех попавших вещей».

Дальнейшего развития радиоигра «Повстанцы» не получила. Немцы перестали отвечать на сигналы Одинцова. 11 декабря 1943 года начальник 3-го отдела ГУКР «Смерш» подполковник Барышников доложил Абакумову: «Радиостанцию "Повстанцы" (Ухта) противник не вызывает уже в течение полутора месяцев. Попытки установить связь с центром нами положительных результатов не дали. Считаю, что дальнейшая радиоигра является нецелесообразной...»

Вину за провал радиоигры возложили на руководство НКВД Коми АССР. Годов рассказал смершевцам о вооружении и экипировке группы, разграбленных и присвоенных местными чекистами и вохровцами. Приказом НКВД СССР от 24 августа 1937 года № 0061 была создана «комиссия по расследованию возможного мародерства при ликвидации вражеского парашютного десанта».

---

¹²³ Дело с перепиской по ликвидации немецкого парашютного десанта...

«Из ГУКР НКО «Смерш» поступили данные о том, что у вражеского парашютного десанта, выброшенного немцами в начале июня с.г. в местечке «Развилки» Кожвинского района Коми АССР якобы была 5-ти км карта на русском языке, фотоаппарат, компасы, бинокли, что при окончательном описании в Кожве и при сдаче представителю ОКР «Смерш» АрхВО не оказалось...»

В результате расследования факты «мародерства» подтвердились. Нарком внутренних дел Коми АССР полковник госбезопасности Кабаков, которому, как и партийному секретарю республики, достались трофейные «Парабеллумы», был освобожден от занимаемой должности и отправлен начальником милиции... в Крым «...за преступно-халатное отношение к учету, хранению материальных ценностей, мародерство и хищение трофейного имущества, принадлежавшего вражескому парашютному десанту». О награждении участников «ликвидации» этого десанта орденами и медалями не могло быть и речи.

Межведомственной склокой ловко воспользовался тридцатилетний заместитель начальника следственного отделения ОКР «Смерш» АрхВО капитан Рюмин. В рапорте на имя Абакумова он обвинил Мешика «в присвоении принадлежавшего Николаеву «парабеллума» (что соответствовало действительности) и его карты, на которой, по показаниям Годова, «были отмечены населенные пункты Коми АССР и особо подробно нанесены населенные пункты по реке Уса, также как Петрунь, Абезь, а по Троицко-Печорскому району Аранецкий волок...». По этой карте бывший колчаковский прапорщик Смирнов-Николаев хотел найти ценности, спрятанные на Приполярном Урале десять лет назад.

О характере возникших в связи с этим рапортом отношений между начальником ГУКР «Смерш» и его заместителем доложил Сталину 8 февраля 1948 года генерал-полковник Серов¹²⁴, который в 1943 году был заместителем наркома внутренних дел: «Мне Абакумов в 1943 году заявил, что он все равно когда-нибудь застрелит Мешика. Мешик это знает и остерегается...»¹²⁵

Бдительного провинциального следователя Рюмина Абакумов приказал откомандировать в Москву, не подозревая, что тот через несколько лет станет его могильщиком.

¹²⁴ Иван Александрович Серов (1905—1990). До 1939 года находился на службе в Красной армии, затем в органах госбезопасности. До 1941 года — нарком внутренних дел Украины, затем первый заместитель наркома госбезопасности СССР, заместитель наркома внутренних дел СССР. С 1947 года — первый замминистра внутренних дел СССР. С 1954 года — председатель КГБ при СМ СССР. В 1958—1963 годах — начальник ГРУ Генштаба Вооруженных сил. Генерал армии. С 1963 года на пенсии.

¹²⁵ Соколов Б. В. Указ. соч. С. 321.

2 июля 1951 года старший следователь Министерства государственной безопасности подполковник Рюмин отправил Сталину письмо, в котором назвал министра Абакумова «опасным человеком для государства». Через два дня Рюмин был вызван к Сталину и в присутствии Молотова, Маленкова, Берии, Булганина доложил «о неблагоприятном положении в МГБ со следствием по ряду весьма важных дел крупных государственных преступников, а также присвоении Абакумовым трофейных ценностей». В тот же день всеильный министр был смещен со своего поста, арестован и позднее расстрелян. Принципиального Рюмина произвели в полковники, назначили начальником Следственной части по особо важным делам, а затем заместителем министра госбезопасности. Сталин сказал: «Вот простой человек, а насколько глубоко понимает задачи госбезопасности». После окончания войны «трофейная лихорадка» охватила не только Абакумова, но и того же Серова, маршала Жукова и других высокопоставленных чекистов и военачальников.

Так, бывшие подчиненные Серова по Германии, генералы МВД Бежанов и Сиднев, арестованные МГБ, показали, что захватили в подвале Рейхбанка в Берлине более восьмидесяти миллионов рейхсмарок, которые Серов и Жуков расходовали практически бесконтрольно.

На допросе Сиднев подтвердил, что «направляя трофейное имущество из Германии в Советский Союз для сдачи в фонд государства, Серов под прикрытием этого большое количество ценностей и вещей брал себе... Серов приказал мне все лучшие золотые вещи передавать ему непосредственно. Выполняя это указание, я одновременно передал в аппарат Серова в изделиях примерно 30 килограммов золота и других ценностей... Жена Серова и его секретарь Тужлов неоднократно приезжали на склад Берлинского оперативного сектора, где отбирали в большом количестве ковры, гобелены, лучшее белье, серебряную посуду и столовые приборы, а также другие вещи и увозили с собой... Серов вывез из Германии много добра, и я даже не могу представить, где он мог его разместить».

В конце 1947 года Абакумов арестовал адъютанта Жукова — полковника Семочкина, который показал, что у маршала имеется целый чемодан с трофейными бриллиантами. По указанию Сталина Абакумов провел негласный обыск на московской квартире Жукова, где обнаружил немалые запасы трофейных ценностей. Однако «разыскать и изъять чемодан и шкатулку с золотом, бриллиантами и другими ценностями не удалось». Нашли лишь семнадцать золотых часов, пятнадцать золотых кулонов и колец, две пары золотых серег с бриллиантами и кое-что по мелочам.

При обыске на квартире и даче самого Абакумова после его ареста 12 июля 1951 года изъяли шестнадцать мужских и семь женских наручных часов, в том числе восемь золотых, около ста пар обуви, чемодан мужских подтяжек, 65 пар запонок, 22 фарфоровых сервиза, 78 художественных ваз, огромное количество новеньких махровых халатов с эскизами экзотических стран и ящик с трофейным женьшенем, вероятно из Кореи или Маньчжурии¹²⁶.

Современные почитатели начальника Смерша считают, что он по сравнению со своими подчиненными жил не особо богато.

Когда в декабре 1951 года арестовали начальника Управления МГБ по Алтайскому краю генерала Карпенко, занимавшего в конце войны должность начальника отдела «Смерш» 5-й ударной армии, штурмовавшей Берлин, то при обыске нашли у него четыре золотых портсигара, тридцать дамских и мужских золотых часов, несколько десятков золотых колец и подвесок с бриллиантами.

У бывшего начальника его секретариата майора Зобова и того больше: до ста золотых часов и десятки платиновых, золотых и серебряных ювелирных изделий. Все эти ценности хранились у Зобова в авоське, подвешенной на гвозде в чулане.

Исключенный из КПСС и лишенный генеральского звания в 1955 году бывший помощник начальника ГУКР «Смерш» Болотин (Баясный) — с низшим образованием, «на фронтах Отечественной войны не был», однако награжден «за успешную работу» орденами Кутузова 2-й степени, Красного Знамени, Красной Звезды и тремя Отечественной войны — не оставал от своего начальства.

В 1945 году во время командировки в Австрию Болотину в Вене был доставлен «смершевцами» ящик, в котором находилось свыше семисот пакетов с различными ценностями (золотые и платиновые изделия, драгоценные камни). «Эти ценности в полевую контору Госбанка Болотин, как приближенный Абакумова не сдал, в результате 110 пакетов было похищено, но кем и при каких обстоятельствах установить не удалось».

Между тем Сталин разочаровался в своем выдвиженце Рюмине, обозвал его «шибзиком» и 14 ноября 1952 года перевел из МГБ в Министерство госконтроля страшим контролером. Через год Рюмина арестовали и расстреляли. Также поступили с министром внутренних дел Украины Мешиком и его покровителем Берией.

¹²⁶ Столяров К. А. Игры в правосудие. М.: Олма-пресс, 2000. С. 25; Смыслов О. С. Генерал Абакумов. Палач или жертва? М.: Вече, 2012. С. 365; Абрамов В. Абакумов — начальник Смерша. Взлет и гибель любимца Сталина. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 326—327.

Поэтому история с пропажей карты, принадлежавшей Николаеву и присвоенной после его убийства Годовым, но изъятой у того при задержании, постепенно забылась. Эта карта вместе с другими документами и имуществом десантной группы была доставлена в кабинет начальника сельхозлагеря НКВД «Кедровый Шор». Никто тогда не обратил на нее внимания — все делили свалившиеся с неба трофеи. Никто в пьяном угаре не заметил, как эту карту поднял с пола своего кабинета трезвый хозяин — капитан госбезопасности Валк. Тот самый Карл Гансович Валк, которого Андреева-Горбунова успела до своего ареста перевести в распоряжение Управления Ухто-Печорскими лагерями и назначить начальником сельхозлагеря «Кедровый Шор».

До той поры не имевший совершенно никакого опыта в области сельского хозяйства эстонец Валк тем не менее быстро освоился в новой для себя сфере деятельности и вывел захудалый сельхозлагерь (по легенде — совхоз)... в участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве.

О том, какой ценой достигались высокие производственные показатели, свидетельствует отчет капитана госбезопасности Валка за 1943 год: «Не рассчитывая на помощь извне, совхоз буквально поставил на ноги все живое. Решительно был пересмотрен весь контингент заключенных (всего 766). Все маломальски способные были привлечены в уборочные бригады. Мобилизован весь аппарат совхоза, хозобслуга, медпункт, члены семей вольнонаемных. В напряженные периоды работы все закрывали на замок и выходили в поле. Эти меры, хоть и затормозили хозяйственную жизнь совхоза в других областях, но диктовались ответственнейшими задачами плана...»

В операции по ликвидации десанта Валк показал себя достойно: немедленно доложил о происшествии своему начальству и на самолете У-2 вылетел на разведку в район десантирования. В отличие от чекистского и вохровского руководства Коми АССР не участвовал в пьянках и дележе оружия и имущества. В своем объяснении по поводу пропажи карты местности сослался на сообщение Лазарева о том, что «у десанта была изъята карта Коми АССР, на которой были нанесены мельчайшие пункты и речки и сделаны пометки на некоторых районах, но на каком языке, и каков ее масштаб, ему неизвестно». Подтвердить или опровергнуть это объяснение Лазарев не мог: «26 августа 1943 года, его по ходатайству Валка, перевели к новому месту службы за пределы республики».

Воспользоваться доставшейся картой Николаева, чтобы отыскать клад, Валк не успел. В марте 1945 года его откомандировали на родину, в Эстонию, в распоряжение Балтвоенморстроя НКВД, где он также до

статочно быстро освоил особенности восстановления портовых сооружений в Таллине. Впрочем, методы лагерного сельхозпроизводства и транспортного строительства были одинаковыми: безжалостная эксплуатация заключенных.

В каком-то приметном месте Валк заложил свой тайник с картой, брать ее с собой опасался: в случае обнаружения могли возникнуть серьезные осложнения по службе.

После отъезда Карла Гансовича в Эстонию фельдшер медпункта сельхозлагеря НКВД «Кедровый Шор» Александра Азарьевна Андреева-Горбунова не сработалась с его новым начальником и была отправлена на общие физические работы. В 1943 году ее признали инвалидом и Валк уже из Таллина хлопотал об освобождении по болезни бывшего майора госбезопасности, но руководство НКВД-МГБ отклонило его ходатайство, как и все многочисленные прошения помощницы начальника СПО НКВД Молчанова.

Возвращение Валка в Коми АССР совпало с постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года за № 416—159 сс об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников, к которым отнесли и Андрееву-Горбунову.

17 июля 1951 года она умерла в поселке Абезь в лазарете лагпункта № 2 особого «Минерального» лагеря МВД «от остановки сердечной деятельности и дыхательного центра».

Последний документ в личном деле № У-853 заключенной Андреевой-Горбуновой Александры Азарьевны гласил: «Труп, доставленный по месту погребения, одет в нижнее белье, уложен в деревянный гроб, на левой ноге умершей привязана дощечка с надписью (фамилия, имя, отчество), на могиле поставлен столбик с надписью «литер № И-16»».

А еще через два года, когда умер Сталин, начальник сельхозуправления Воркуто-Печорского ИТЛ полковник Валк уволился из органов МВД и исчез, превратившись... в клад.

Приложение № 8

Заявление

Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) т. Сталину и наркому НКВД т. Ежову от К. А. Стояновича

27 июня 1937 г.

Пишет осужденный Стоянович К. А. (Яковлев-Мячин). Родился я в 1886 году в семье крестьянина. В возрасте нескольких месяцев лишил-

ся отца. В 1893 году семья переехала в Уфу. С 11 лет начал работать «мальчиком» в магазине. С 1905 года принял участие в революционном движении. Активный участник уфимско-уральской боевой организации и всех ее выступлений. С 1907 года на нелегальном положении. Длительная эмиграция с 1907 по 1917 год (Болонская школа. Бельгия. Возвращение через Германию).

В Петрограде принимал самое активное участие в октябрьском перевороте, затем — на Урале. Перевозил царя из Тобольска в Свердловск (комиссар перевозки). В 1918 году отступление из Уфы — фронт чехословаков и нелегальное возвращение через фронт обратно в Уфу для работы в тылу.

В этом письме не место и не время говорить об истинных мотивах моего дальнейшего шага, но я беру голый факт своего проступка при возвращении в Уфу, а именно: в Уфе я обратился в комитет Учредительного собрания с письмом о раскаянии и легализации. С учредилловцами я не работал. Через два месяца при разгроме учредилловцев был арестован колчаковцами и увезен в Сибирь, откуда бежал в Китай, где прожил до 1927 года, ведя в Китае революционную работу. При возвращении в 1927 году в Москву я был осужден на 10 лет. За ударную работу на Беломоро-Балтийском канале меня досрочно освободили в 1933 году с полным восстановлением во всех гражданских правах. За свой поступок я нес кару тринадцать лет. Такова моя биография до освобождения из лагеря. Подробно все это знает т. Андреева, которая вела мое дело. Я остался работать в системе лагерей НКВД (Сиблаг — начальник Осинковского лагеря и Томского распределителя). Считался неплохим работником. Несколько раз премирован. Это могут подтвердить мои бывшие начальники т. Чудинов и капитан Подольский. Однако с 1936 года началось непонятное для меня гонение. В сентябре месяце 1936 года во время моего отпуска меня уволили, потом снова взяли на работу, затем в 1937 году в марте месяце снова и окончательно уволили без объявления причин. Вокруг моего имени создали такую обстановку, что вот уже три месяца, как я не могу нигде получить себе работу. Куда бы я ни обращался, всюду меня первоначально с охотой брали на работу, а на другой день после получения справки из НКВД мне отказывали и не желали более со мной разговаривать. Если это только самостраховка руководителей этих ведомств, то, очевидно, они забыли установки правительства и партии.

Если же в НКВД за мною значится еще какое-нибудь преступление (нельзя же допустить, чтобы за одно и то же преступление я снова нес наказание) то, следовательно, меня необходимо немедленно арестовать и вновь судить.

Я считаю, что тринадцать лет понесенного наказания, помимо внутренней, никогда не заживающей раны — сознание своего проступка в Уфе в 1918 году, — более чем достаточно, чтобы считать меня не только на бумаге, но и на деле перековавшимся.

А если раньше, когда меня судили, я был виновен, то в своем заявлении на имя ОГПУ я признал перед партией и правительством справедливым понесенное мною наказание.

Двурушником я никогда не был. На протяжении всего заключения и дальнейшей работы я честно стремился искупить свою вину перед Вами и категорически заявляю, что я ни в чем не виноват, за что бы меня следовало так жестоко наказать, как наказан я сейчас. Я прошу Вас дать срочное распоряжение расследовать мое дело и дать мне возможность жить и работать. Если я не получу ожидаемой от Вас защиты, то я буду везде и всюду, где бы я ни был, предметом постоянной травли, преследования и изгнан с работы. Прошу защитить!¹²⁷

Заявление

**М. И. Смирнова народному комиссару внутренних дел СССР
Л. П. Берии с предложениями об улучшении снабжения лагерей**

30 апреля 1941 года

На примере некоторых известных мне фактов из жизни лагерей считаю возможным довести до Вашего сведения о следующем:

Во-первых. Старые контингенты лагерного населения, прибывшие еще до 1937 года и в 1937—1938 годах, имеющие продолжительные сроки заключения (6—10 лет), систематически «доходят» до своего логического конца, увеличивая процент инвалидов не только категорийных, но и так называемых «забалансовых».

Снижение трудоспособности объясняется, конечно, многими причинами: неустроенностью жилищно-бытовых условий в первые годы поселения, плохим снабжением и низкокалорийным однообразным питанием и прочим. Но факт налицо: выполнять серьезную производственную программу с таким народом трудно. Отсюда такие низкие проценты выполнения производственных планов даже у лучших передовых исправ.-труд. лагерей.

Нынешний год, по ряду причин, будет еще более неблагоприятным для выполнения программы по лесу (очевидно, такая же картина в топливных и других лагерях).

---

¹²⁷ Алексеев В. В. Гибель царской семьи: мифы и реальность: новые документы о трагедии на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1993. С. 80—82.

А ведь можно бы еще и из этого народа, именуемого сейчас лагерным населением, выжать больше пользы для государства, — если не смотреть равнодушно, как он дохнет, — а принимать меры к сохранению не только его естественной жизнеспособности, а поддерживать в нем достаточно сил для физических работ лесорубов, навалыщиков, возчиков, грузчиков, забойщиков, откатчиков, землекопов и пр.

В конце концов, государству выгоднее их стопроцентная работа, а не содержание их в стационарах, слабкомандах и пр.

Отсюда, прежде всего, необходимо укрепить снабженческий аппарат лагерей, выгнав оттуда всяких жуликов и прохвостов, спекулянтов и проходимцев, поскольку раз судившихся за растраты, воровство, подлоги, липовые документы, туфту, бытовое разложение и прочие дела. Почему всем таким, отмеченным знаком «длинного рубля» людям давать приют непременно в сбытснабженческих отделах лагерей. Пусть они работают на физических работах.

Затем, следует как-то усилить контроль за фактическим рационом заключенных, снабжением их обувью и пр.

Бесчисленные агенты — уполномоченные лагерных отделов общего снабжения закупают конскую колбасу, брынзу, сухофрукты, печенье, вина и прочую дребедень, — конечно, оправдывают «свое содержание», сами здорово зарабатывают в свой карман, но серьезного влияния на котловое довольствие они не оказывают, т. к. на заключенных их продукция поступает лишь в качестве платных блюд в дополнение к основному котловому довольствию, состоящему все из той же исторической «баланды». Сидеть в четырех стенах на этой баланде можно, но выгонять фест-метры древесины, тонны угля и пр. продукцию — нельзя. А ведь у нас задача выжать из лагерного населения максимум товарной продукции.

Во-вторых, — совершенно недостаточное внимание оказывается развитию лагерного сельского хозяйства. Начальники лагерей смотрят на это дело, как на «назойливую муху», зная, что за провал сельскохозяйственной программы их в худшем случае «отечески» пожурят, ну пусть даже поругают, поставят на вид, но с работы, во всяком случае, не снимут. А вот за лес, уголь и прочие плановые работы не только снимут, но и под суд отдадут, ордена отберут, из партии исключат и пр. Потому там — «основной план», а здесь — так, подсобное хозяйство (жили, мол, раньше и без него!).

Если останутся инвалиды (люди и лошади) — все равно их некуда девать, — можно их передать в сельхозы. А если, скажем, чтобы засеять, надо еще лес раскорчевать, где инвалиды эффекта не дадут — все равно

полноценную рабочую силу не дадут. Пожмут плечами и на этом разговор окончат.

Все лагподразделения (за редким исключением) в первом квартале на сельхозработах (вывозку навоза и торфа) не добавляли рабочую и особенно тягловую силу. Продолжалось это ущемление сельского хозяйства и в апреле. Будет и в мае. В результате, запланированный тоннаж перевозок навоза и торфа не выполнен, отсюда неизбежное снижение урожайности.

Сейчас же происходит корчевка пней, без чего расширение посевной площади невозможно.

Сельхозинвентарем сельхозы обеспечены совершенно недостаточно. Поэтому приходится делать основной упор на мускульную силу, лопаты, кирко-мотыги и пр.

Единственный выход — в резком повороте внимания начальников лагерей к сельскому хозяйству лицом, а не спиной, как они смотрят на дело.

...Я не лшу себя надеждой, что эту докладную прочтет лично товарищ Берия. Обычно, секретариат и окружающие т. Берия работники сразу распределяют почту по управлениям, не докладывая Наркому. Так уж везде заведено.

Но если бы случилось, что эту докладную прочтет т. Берия, я твердо уверен, что мои мысли, имея под собой фактическую основу, отражают типичное состояние дела в лагерях. И, безусловно, замечательный организатор — большевик, ближайший друг и сподвижник т. Сталина, — т. Берия примет все необходимые решения, вытекающие из настоящей докладной записки.

ст. Ерцево, Северной ж.д. (Архангельская обл.), почтовый ящик № 233, до востребования, Смирнов Мирон Иванович

Резолюция: Тов. Наседкин. Ознакомьтесь и переговорите со мной. Берия. 5. 5. 41 г.

Пометка: Взято на контроль.

Примечание: Наседкин Виктор Григорьевич. (1905—1950). В ВЧК — ОГПУ — НКВД с 1921 г. В 1941—1947 гг. — зам. начальника и начальник ГУЛАГ НКВД — МВД СССР, комиссар госбезопасности 3-го ранга (1943), генерал-лейтенант (1945). С 1948 г. на пенсии.

ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 26. Л. 25—30

Директива НКВД № 73 начальникам исправительно-трудовых лагерей, наркомам внутренних дел республик и начальникам УНКВД краев и областей о принятии мер к охране лагерей в свя-

зи с побегом заключенных из Воркутинского ИТЛ и нападением их на районный центр

27 января 1942 г.

Совершенно секретно

24 января 1942 года 125 заключенных Воркутлага разоружили военизированную охрану лагеря, напали на районный центр Усть-Уса, захватили почту, прервали связь и, перебив охрану КПЗ, освободили 42 заключенных, из которых 27 присоединились к банде. В результате принятых мер убито одиннадцать бандитов и 32 задержано. Преследование продолжается. Среди работников охраны, НКВД и совпартактива имеются убитые и раненые.

В целях предотвращения подобных случаев в других лагерях приказываю:

1. Охрану лагерей привести в боевую готовность, усилив охрану наиболее опасных контингентов заключенных, складов оружия и продовольствия, а также отдаленных и оторванных лагерных пунктов.

Личный состав охраны проинструктировать, предупредив, что за всякое нарушение службы и послабления бдительности виновные будут привлекаться к строжайшей ответственности.

2. Создать в лагерях и в лагерных подразделениях из наличного состава военизированной охраны вооруженные маневренные группы.

3. Пересмотреть состав расконвоированных заключенных, приняв меры к немедленному законвоированию всех осужденных за контрреволюционные преступления и бандитизм.

4. Всех заключенных и бывших заключенных, судившихся за контрреволюционные и бандитские преступления, занимающих в настоящее время должности начальников лагерных пунктов, командировок, подкомандировок, колонн и т. д.; заменить вольнонаемными.

5. Начальникам оперативно-чекистских отделов лагерей проверить осведомительную сеть и агентуру, принять меры к ее усилению и организовать работу по выявлению повстанческо-бандитских настроений и намерений заключенных.

На основе имеющихся материалов арестовать всех проходящих по агентурным разработкам лиц, высказывающих террористические настроения, готовящихся к вооруженным побегам и бандитским выступлениям.

6. Предупредить начальников лагерей, начальников оперативно-чекистских отделов лагерей, а также наркомов внутренних дел республик и начальников УНКВД краев и областей, на территории которых расположены лагеря, что они несут полную и персональную ответственность

за состояние охраны заключенных и постановку чекистско-оперативной работы в ИТЛ.

НКВД СССР. Л. Берия

Примечание: Воркутинский ИТЛ (Воркуто-Печорский ИТЛ, Воркутпечлаг, Воркутлаг, Воркутстрой) — организован 10 мая 1938 г. Дислокация: Коми АССР, г. Воркута. Производство: шахтное строительство, угледобыча, подготовка к промышленному освоению Харбейского молибденового месторождения, производство молибденового концентрата Полярно-Уральским управлением комбината «Воркутауголь», продолжение строительства ж.д. Воркута — Хальмер — Ю, обслуживание судоремонтных мастерских в затоне «Кожва». Численность контингента на 1 января 1942 г. — 28588 заключенных.

О событиях в Воркутинском ИТЛ см.: Осипова И.

Отряд особого назначения // Сопротивление в ГУЛАГе.

М.: Возвращение, 1992. С. 132–141

Акт

15 июня 1943 г.

г. Сыктывкар

Нарком НКГБ Коми АССР полковник госбезопасности Иванова зам. наркома НКВД Коми АССР полковник госбезопасности Корнилов, зам. начальника отдела контрразведки «Смерш» Архангельского ВО подполковник Мартыненко передали-приняли 10 парашютистов:

1. Годов Михаил Константинович
2. Макаров Алексей Иванович
3. Одинцов Андрей Аверьянович
4. Мурин Николай Алексеевич
5. Доронин Александр Гаевич
6. Лукович Василий Николаевич
7. Рефетовский Алексей Павлович
8. Пламозин Николай Степанович
9. Расулев Ахкамдин Вадертинович
10. Денисенко Алексей Каирович.

При них: 1) радиостанция (в исправном состоянии) одна, 2) чемодан с документами и описью — один, 3) автомат ЭРН № 7439. Остальное вооружение и имущество, принадлежавшее парашютистам следует по ж. д. и будет передано представителям ОКР «Смерш» АрхВО на ж. д. станции Котлас.

Деньги в сумме сто тысяч руб. по распоряжению зам. наркома НКВД Корнилова в акт не включены, так как оставлены для наркомата

для производства расчета, связанного с затратами по ликвидации парашютного десанта. Оружие, изъятое у парашютистов, по распоряжению зам. наркома НКВД СССР тов. Серова оставлено для пользования наркомату НКВД Коми АССР.

Начальнику секретариата НКВД СССР т. Баранову

на №3091 от 10.11.43 г.

От вражеского парашютного десанта, выброшенного немцами в районе сельхозлагеря «Кедровый Шор» Кожвинского района Коми АССР нами изъято оружие: автоматы ППШ – 5, автоматы ЭРН – 7, пистолеты «Парабеллум» – 11, пистолеты «Вальтер» – 4, пулемет ручной ПД – 1, наганы – 22.

Этим оружием пользуются: автоматы –

1. Кожвинский РО НКВД – ППШ – 3 шт.

от республ. центра 885 км. В янв. 1942 г. было восстание з/к Усинского р-на. В дек. 1942 г. ликвидирована банда Мартюшова. На терр. р-на расположены Интлаг и Воркутлаг с сотнями тысяч з/к гос. преступников.

2. Троицко-Печорское РО НКВД – ППШ – 2 шт.

от республ. центра 411 км. В наст. вр. не ликвидирована банда Мезенцева. На терр. р-на ряд отделений Печорлага и Покчинский судострой с большим колич. з/к.

3. Железнодорожное РО НКВД – ЭРН – 2 шт.

от республ. центра 150 км. Район является узловым пунктом концентрации з/к всех северных лагерей НКВД.

4. Корткеросское РО НКВД – ЭРН – 1 шт.

от республ. центра 55 км. По терр. р-на проходит бывш. Екатерининская дорога через Уральский хребет в Омскую обл. Эта дорога является основной, по которой бегут з/к из северных лагерей.

5. Устьвымское РО НКВД – ЭРН – 1 шт.

от республ. центра 125 км. В районе концентрируются и оседают все з/к из северных лагерей НКВД. В ноябр. 1943 г. на Спецжешорстрое вскрыта и ликвид. банда Кулик из бывш. з/к в кол-ве 9 чел.

6. Устьцилемское РО НКВД – ЭРН – 1 шт.

от республ. центра 832 км. С этим районом исключительно плохая связь. Дорог нет. Весной и осенью по 2 мес. Кроме самолета нет никакой связи. На терр. р-на расположены отдельный лагерь и сельхоз «Медвежка» Воркутлага НКВД.

7. Отдел ББ – ЭРН – 1 шт. необходим при поездках на ликвидацию банд.

8. Зам. нач. ОКР «Смерш» АрхВО подполк. Мартыненко – ЭРН – 1.

Получен им при передаче от нас десанта.

Пистолеты «Парабеллум»:

1. Корнилов — 1 № 2037
2. Мешик — 1 № 6643
3. Боровиков — 1 № 4086
4. Соловьев — 1 № 4107
5. Гаврилов — 1 № 2227
6. о/уп. Отдела ББ мл. лейт. г/б
Пронин — 1 № 4084.
7. пом. о/уп отдела ББ старшина Печенкин — 1 № 2704
8. пом. о/уп отдела ББ старшина Калашников — 1 № 1657
9. пом. о/уп отдела ББ старшина Слепцов — 1 № 2947
10. пом. о/уп отдела ББ старшина Дидык — 1 № 3039
11. пом. о/уп отдела ББ старшина Бобров — 1 № 8510

Пистолеты «Вальтер»:

1. Секретарь обкома ВКП(б) Тараненко А. Г. — 1 № 100760
2. Нарком Кабаков — 1 № 19322 (сдал 4.12.43)
3. Секретарь наркомата Трусов — 1 № 156861 (сдал 4.12.43)
4. Нач. ОББ Боровиков — 1 № 104004
5. Секретарь ОББ Игнатова — 1 № 42787

Ручной пулемет:

РП притом единственный в НКВД Коми АССР используется при ликвидации бандгрупп опер. составом ОББ.

Револьверы «Наган»

Находятся на складе коменданта НКВД Коми АССР как резерв для вооружения истребит. роты из совпартактива.

20.12.1943 г.

Кабаков

Центральный оперативный архив ФСБ Российской Федерации

По учетам значится уголовное дело № Н-20096 в 7 томах в отношении Бессонова Ивана Георгиевича... Бессонов в 1938 г. окончил Военную академию им. Фрунзе, командир 102-й стрелковой дивизии 21-й армии Центрального фронта, комбриг, арестован 31. 5. 1945 г. По приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 18.4.1950 г. на осн. ст. 58 п. 1 «б» УК РСФСР осужден к ВМН — расстрелу.

В ходе изучения материалов дела установлено, что Бессонов по заданию германской разведки руководил разработкой плана выброски и операций крупного повстанческого диверсионного десанта в Северные районы СССР и занимался подготовкой кадров для задуманной им антисоветской деятельности.

Согласно определению ВК ВС РФ от 8.9.1994 г. Бессонов реабилитации не подлежит.

**Федеральная служба исполнения наказаний
Управление по Республике Коми
Информационно-архивная служба**

Почетам значится Валк Карл Гансович, р. 1899, эстонец, член ВКП(б) с 1917, в старой армии не служил, работал на заводе в г. Ревель, литейщик (1916–1917), плавучая мастерская «Ангара» (ныне «Серп и Молот»), кочегар, линкор «Республика» Балтфлот, кочегар (1918–1919). В РККА с 1918 по 1921. Участвовал рядовым бойцом на фронтах: Северном, Восточном, Южном и Западном. В десантном отряде Кожанова Волжско-Каспийский военной флотилии (1919–1920) на Восточном фронте против Колчака. В 1920–1921 – зав. морским клубом и военный комиссар дивизиона катеров, крепость Очаков, Черноморский флот. В 1921–1925 на оперативной работе в ВЧК – ОГПУ. В 1925–1930 служащий курорта «Гопри», конторы госбанка, г. Херсон. В 1930-1938 на оперативной работе в ОГПУ – НКВД: г. Высокополье РО НКВД, райуполномоченный (1930), г. Пятихатка РО НКВД, начальник (1930-1938). В распоряжении ОКГУЛАГ НКВД 8.3.1938, Печрайлаг, начальник с/х «Кедровый Шор» с 14.4.1938. Присвоено спец. звание капитан г/б 11.12.1941.

Характеристика

на начальника с/х «Кедровый Шор» Воркутстроя НКВД СССР

За время работы показал себя как энергичный работник. Несмотря на то, что т. Валк до назначения начальником совхоза в с/хозяйстве не работал, он очень быстро порученную ему работу освоил, и совхоз «Кедровый Шор» им руководимый был из отстающих выведен в передовые. Тов. Валк персонально и совхоз «Кедровый Шор» утверждены участниками ВСХВ. По линии лагеря т. Валк был неоднократно премирован. Инициативен и работает над собой.

Нач. Упр. Воркутстроя НКВД СССР

Капитан г/б Тарханов.

Нач. политотдела Воркутстроя НКВД

ст. лейтенант г/б Захламин

Награжден: 1919, от ВЦИК РСФСР серебряные часы за боевые заслуги; 1932, от Коллегии ОГПУ грамота; 1941, от Президиума ВС Коми АССР почетн. грамота; 1943 – орден «Знак Почета».

Не женат, детей нет. Откомандирован 1.3.1945 в распоряжение Балтвоенморстроя НКВД СССР, г. Таллин.

Письмо в МВД Коми АССР 12 мая 1989 г.

...Обращаюсь к Вам по совету Валерия Владимировича Булычева из «Мемориала» г. Ухта. Дело в том, что в 1939 году, а затем в конце войны я приехала в Ухтинский санлаг, где находилась моя мама Александра Азарьевна Андреева-Горбунова. Мама была членом партии с 1903 г., работала в подполье Урала, член комитета РСДРП в г. Екатеринбурге. В Москву ее вызвал Свердлов – «Андрей», по имени которого у нее подпольная фамилия «Андреева». Ф.Э. Дзержинский назначил маму своим особоуполномоченным, называл ее «совестью ВЧК». Мама была председателем первой партийной чистки в органах. Ягода маму невзлюбил, вычеркивал ее из списков награжденных, но терпел из-за ее дружбы со Свердловым. Ежов, начав курировать органы, отправил маму на пенсию. Берия после назначения наркомом вызвал ее для разговора, выяснил принципы ее работы, выяснил – и ночью ее арестовали. Я была у мамы на пересылке в Котласе и дважды в Ухте. Затем меня арестовали, а маме сообщили, что расстреляли. Я просидела около семи лет в одиночке без права переписки, а мама умерла. В 1954 г. меня реабилитировали. Я вернулась в Москву, добилась реабилитации мамы, восстановления ее в партии и в органах (посмертно) ...Сейчас узнала от Булычева, что мама была переведена в Абезь под Воркуту. Не могли ли Вы выяснить, где похоронена мама? С уважением Ариадна Львовна Балашова. Москва...

**Федеральная служба исполнения наказаний
Управление по Республике Коми
Информационно-архивная группа**

По учетам значится отбывающей срок наказания в Интинском ИТЛ гр. Андреева-Горбунова Александра Азарьевна 1888 г.р., русская, урож. с. Кельчино Кировской обл., до ареста проживала в Москве, по профессии врач-терапевт, работала пом. нач. СПО НКВД СССР. Судима 4.5.1939 г. ВК ВС СССР по ст. 58–7, 58–8, 58–11 УК РСФСР на 15 лет л/св. с поражением в правах на 5 лет. Начало срока с 5.12.1938, конец срока 5.12.1953. Прибыла 16.6.1939 г. из Ухтижемлага. Умерла 17.7.1951 г. от туберкулеза легких. Похоронена на кладбище в п. Абезь, номер могилы И-16. Состав семьи: муж Горбунов Лев Александрович, 1881 г.р., дочь Балашова Ариадна Львовна, 1915 г.р.

Приказ МВД СССР №00219

«Об организации лагерей МВД со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников»

28 февраля 1948 г. Сов. секретно

Постановлением Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 года № 416-159 сс. на Министерство внутренних дел возложена организация особых лагерей в районе Колымы, на Дальнем Востоке, Норильске, Коми АССР, в районе Караганды и в Темниках Мордовской АССР для содержания осужденных к лишению свободы шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов и участников других антисоветских организаций, групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности.

Содержание в особых лагерях осужденных за другие преступления запрещено.

Указанным постановлением Совета Министров СССР предусмотрено:

1. Перевести в особые лагеря МВД осужденных перечисленных выше категорий, отбывающих в настоящее время в особых исправительно-трудовых лагерях МВД, за исключением тяжело больных, неизлечимых хроников и беспомощных инвалидов, которые подлежат оставлению по месту прежнего содержания.

2. Министерству внутренних дел СССР: направление осужденных для содержания в особых лагерях производить по назначению органов МГБ; установить в особых лагерях строгий режим, запретить применение к осужденным, содержащимся в этих лагерях, сокращение сроков наказания и других льгот; трудоспособных заключенных использовать преимущественно на тяжелой физической работе; обеспечить надежную охрану особых лагерей и мест работы заключенных, исключаящую возможность побегов и установления нелегальной связи с волей.

...

Во исполнение указанного постановления Совета Министров СССР приказываю:

1. Организовать в системе ГУЛАГа МВД СССР следующие особые лагеря МВД:

а) В районе Инты — особый лагерь МВД № 1 в помещениях Интинлага МВД общей численностью на 25000 заключенных...

2. Организацию особых лагерей МВД возложить на начальников ИТЛ МВД: Интинского — полковника т. Халеева...

Контроль за выполнением настоящего приказа возложить на заместителя министра внутренних дел СССР генерал-полковника т. Серова.

Министр внутренних дел СССР

Генерал-полковник С. Круглов

Приказ МВД СССР № 00508 «О присвоении условных наименований особым лагерям МВД»

11 мая 1948 г.

Сов. секретно

В целях соблюдения необходимой конспирации в работе особых лагерей МВД... приказываю:

1. Присвоить особым лагерям МВД следующие условные наименования, установить почтовые и телеграфные адреса:

а) особому лагерю № 1 — «Минеральный лагерь МВД» (почтовый адрес: пос. Инта, Кожвинского района, Коми АССР; адрес для телеграмм: «Инта Коми Минерал»);

б) особому лагерю № 2 — «Горный лагерь МВД» (почтовый адрес: г. Норильск, Красноярского края; адрес для телеграмм: «Норильск Красноярского Горный»);

в) особому лагерю № 3 — «Дубравный лагерь МВД» (почтовый адрес: пос. Явас, Zubovo-Полянского района, Мордовской АССР; адрес для телеграмм: «Явас Мордовской Дубрава»);

г) особому лагерю № 4 — «Степной лагерь МВД» (почтовый адрес: г. Караганда, Казахской ССР; адрес для телеграмм: «Караганда Степной»);

д) Особому лагерю № 5 — «Береговой лагерь МВД» (почтовый адрес: г. Магадан Хабаровского края; адрес для телеграмм: «Магадан Хабаровского Береговой»)

2. ...

3. Управлениям и отделам МВД СССР, МВД — УМВД Республик, краев и областей, начальникам ИТЛ МВД — при отправке корреспонденции, почтовых посылок, грузов и т. п. через почтовые отделения или по железной дороге — на конвертах, посылках и грузах проставлять условные наименования без указания «особый лагерь».

Министр внутренних дел Союза ССР

Генерал-полковник С. Круглов¹²⁸

Фрагмент незавершенной повести Федора Абрамова (использованы текст и комментарии Л. Крутиковой-Абрамовой)

В основе этого произведения «Кто он?» или, как иногда называл его писатель, «Повесть о следователе» — автобиографический материал, связанный со службой Абрамова в отделе контрразведки «Смерш»

---

¹²⁸ Сергей Никифорович Круглов (1907—1977). В НКВД-МВД с 1938 года, в 1939—1943 годах — заместитель наркома внутренних дел СССР. С 1945 года — нарком внутренних дел СССР. В 1953—1956 годах — министр внутренних дел СССР. Генерал-полковник. В 1960 году был исключен из партии «за грубое нарушение социалистической законности». Трагически погиб, попал под поезд.

Архангельского военного округа в 1943–1945 годы. Первые наброски сделаны в 1958 году, последняя запись в 1980-м.

Более семисот рукописных страниц позволяют понять, как и когда молодой Абрамов попал на службу в Смерш. Было ему в ту пору 23 года. После тяжелого ранения, блокадного госпиталя и переправы по Дороге жизни весной 1942 года он провел четыре месяца в родном Пинежье. А затем снова вернулся в армию. Сперва служил в запасном стрелковом полку, а с февраля по апрель 1943 года был курсантом военно-пулеметного училища в Цигломени под Архангельском. А оттуда — не по своей воле — был внезапно, ночью приведен в отдел контрразведки. Этот эпизод писатель намеревался использовать в повести.

«Ночью трех курсантов военного училища неожиданно подняли и под конвоем повели в весеннюю распутицу по ночному Архангельску. На вопрос, куда ведут, — окрик: “Не разговаривать”, а затем короткое: “Увидите. В контрразведку”. “Зачем в контрразведку?” И сразу — страх. Жгучий страх. Спрашивал себя: в чем провинился? Стал перебирать в памяти юность, фронт, разговоры в училище. Что, где сказал... Столовую ругал — плохо кормят. В ночи какие страхи не приходят. И уже считал себя виноватым.

А когда вошли в здание контрразведки, то случилось вовсе неожиданное, тоже запомнившееся на всю жизнь. В вестибюле увидел красивую девушку в телогрейке (как оказалось, местная сотрудница). Она улыбнулась, поздоровалась с пришедшими словами: “Это, наверно, новенькие, да?” Эта молодая женщина — Фаина Раус — сразу покорила будущего следователя. Их знакомство, споры, увлечения, взаимоотношения деловые и личные должны были занять немалое место в повести.

В отличие от двух курсантов-сверстников, приведенных вместе с ним, Абрамов не понравился начальству. Его отправили в отдел «на ловлю дезертиров». Он «ходил по дворам, по помойкам», а кроме того, работал «с картотекой», оформлял чужие протоколы, зачастую правил их, так как они были написаны неграмотно. Поэтому его перевели в следственное отделение...

Повесть «Кто он?» задумывалась как откровенно исповедальная. На своем примере Абрамов хотел поведать о трагедии военного поколения, которое верило в догмы социализма и даже правильность судов и следствий.

Наряду с центральной фигурой молодого следователя в повести значительное место отводилось другим сотрудникам контрразведки, поведение и судьбы которых тоже пытался разгадать писатель.

В одной из заметок (31 декабря 1967 года) Абрамов не без полеми-ческого задора писал: «Чекисты, люди контрразведки. Кто они? Злодеи, как изображает их Солженицын? Были и злодеи. А в массе своей — обыкновенные люди... Нет, это были не злодеи. Злодеи бы — проще».

Основные портреты сослуживцев Абрамов набросал еще в 1958 году и тогда же, споря с возможными оппонентами, заключал: «...представляю, какой поднимется вой. Поклеп, клевета. А где же положительные? Нет, это не выдумка. Эти люди работали и делали большое дело — всяко, конечно, бывало, немало и дров ломали, но делали...»

Свидетельствуя о неприглядном облике многих сотрудников, писатель отмечал и то подлинно высокое, неподкупное, что всех объединяло. «Вот что самое главное. Все... и Рюмин и другие главные свои силы и помыслы направляли на разгром врага. И как бы ни существенна была разница в их положении и прочем, они действительно составляли один лагерь. Разница лишь в том, что одни были лишены всего, другие жили такой жизнью, при которой можно удовлетворять свои личные потребности».

С годами писатель более сурово оценивал контрразведчиков, вносил коррективы в их портреты, пытался осмыслить их вольную или невольную вину, их трагедию. Он намеревался в финале повести рассказать о судьбах сослуживцев через тридцать лет. Все оказались изломанными. Одни спились, других расстреляли, третьи живут неприкаянными, неустроенными. «Не удалась жизнь».

Обучая молодого следователя чекистскому ремеслу, Рюмин в качестве образца ссылается на дело группы Николаева. «Если бы это было до группы Николаева, то твоего подследственного просто бы шлепнули. Военнопленные с повинной приходили в сельсовет. А их хлопали, и ничего. Стали допрашивать дальше. Парень говорит, слышал про золото, но где оно спрятано, не знает. Потом вдруг признание. Был в плену. Завербован немцами. Зброшен для выхода за Урал. Как быть с золотом? Москва взяла дела на учет».

Очень много новых заметок и набросков к повести было сделано в 1976 году. Именно тогда автор окончательно решил отказаться от «всякой беллетризации», писать «просто записки». Тогда же он находит новое начало, решает ввести «вступление» — рассказ о встрече ветеранов контрразведки в день 30-летия Победы.

О том — запись в дневнике 26 апреля 1975 года: «Отправился на вечер встречи ветеранов контрразведки в Доме офицеров. Славословили, возносили друг друга, пионеры приветствовали... Герои незримого

фронта, самые бесстрашные воины... Верно, кое-кто из контрразведчиков ковал победу, обезвреживал врага... Но сколько среди них костоломов, тюремщиков, палачей своего брата... Я не мог смотреть на этих старых мерзавцев, обвешанных орденами и медалями, истекающих сентиментальной слезой... Ушел».

Найденное вступление и форма исповеди-воспоминания должны были придать повести большую глубину и масштабность. Поведение и сознание молодого следователя ГУКР «Смерш», осмысляемые через много лет, приобретали новые детали и социально-нравственные мотивы.

В том же 1976 году на писательском съезде Абрамов говорил: «Нельзя заново возделывать русское поле, не возделывая души человеческие». Именно тогда, много думая о сюжете повести «Кто он?», Федор Александрович назвал ее лучшей своей вещью.

«Экономическое благосостояние — был убежден писатель — невозможно без духовного оздоровления общества. Одними социальными средствами невозможно обновить жизнь... Нужен одновременно второй способ. Это самовоспитание, строительство своей души... Каждодневное самоочищение, самопроверка своих деяний и желаний высшим судом, который дан человеку — судом собственной совести».

Вместо заключения

Летними белыми ночами немногие бодрствующие пассажиры скорого поезда Москва — Воркута видят из окон своих вагонов странную пару. Он высоким ростом и природной сухощавостью похож на прибалта. В погонах полковника госбезопасности, с орденом «Знак Почета», медалью «За победу над Германией» и Почетным знаком МВД СССР «За освоение Печорского угольного бассейна» на выцветшем кителе. Она — под стать спутнику. Такая же высокая, стройная, сероглазая, с двумя знаками «Почетного чекиста» на габардиновой гимнастерке и малиновым ромбом майора НКВД в петлице...

«Кино снимают — думают засыпающие пассажиры — из истории ГУЛАГа...» Но это не актеры, и не люди даже, а фантомы... Призраки далекого прошлого. Вечные хранители сокрытого на Приполярном Урале заколдованного клада.

Содержание

ГЛАВА I	3
Найти клад и...	3
Разыскиваются ордена	6
Крест или снежинка	11
О золоте Колчака и царских бриллиантах	20
Приложение № 1	32
ГЛАВА II	40
На задворках Гражданской войны	40
Партизаны «затерянного мира»	70
Северный спецназ ВЧК	93
Приложение № 2	108
ГЛАВА III	113
В нужное время и в нужном месте	113
Белый исход	133
Золотой лабиринт Ваха	147
Приложение № 3	160
ГЛАВА IV	164
Полярная ночь	164
В разные стороны	188
Приложение № 4	207

ГЛАВА V	214
В полосе отчуждения	214
«Обдорский совнарком»	227
Хлебное место	231
Драма на охоте	242
Приложение № 5	248
 ГЛАВА VI	 251
«Теткины сыновья»	251
Свои и чужие	262
Сквозняк из могилы	272
По чекистским понятиям	280
Чужими руками	284
Заговор мертвых	289
Приложение № 6	294
 ГЛАВА VII	 301
«Цеппелин» над Ямалом	301
Кандидат в герои	304
Единожды предавший	316
Приложение № 7	328
 ГЛАВА VIII	 348
Майор госбезопасности	348
Пропавшая карта	367
Приложение № 8	382
 Вместо заключения	 397

Историко-краеведческое издание
Петрушин Александр Антонович
Тайна сибирских орденов

**Рекламно-полиграфический комплекс «ОЛМАРПРЕСС»
(ООО «ОЛМАРПРЕСС»)**

625008, г. Тюмень, ул. Совхозная, 1
тел./факс: 8 (3452) 53-06-69
olmarpress72@yandex.ru
olmarpress.com

Подписано в печать 27.10.2016.

Формат 60x90/16

Гарнитура New Baskerville Cyrillic

Бумага мелованная.

Печать офсетная

Усл. печ. л. 25

Тираж 1000 экз.

Заказ № 1457

750

НОВАЯ ЦЕНА
750 руб. 00 коп.

Александр Антонович Петрушин родился 15 марта 1950 года в деревне Новотроицк Нижнетавдинского района Тюменской области. Окончил Тюменский педагогический институт и Высшие курсы КГБ СССР. Работал учителем в школе, служил в армии, с 1975 года – в органах государственной безопасности. Был оперуполномоченным Управления КГБ по Тюменской области, заместителем начальника Сургутского отдела КГБ, начальником отдела ФСБ по Ханты-Мансийскому автономному округу, заместителем начальника Регионального управления ФСБ по Тюменской области. Полковник. С ноября 2013 года в отставке.

Автор книг: «Мы не знаем пощады...»: известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ» (1999), «На задворках Гражданской войны: расследование обстоятельств сокрытия в 1919–1922 годах в Среднем Приобье и на Обском Севере ценностей Сибирского белого движения» (2003–2006), «Тюмень без секретов, или Как пройти на улицу Павлика Морозова» (2011), «Академия» (к 50-летию Тюменской государственной медицинской академии, 2013), «Династия» (история семьи нефтяников, 2013), «Тюмень без секретов» (2014). В соавторстве с Р.С. Гольдбергом: «Запрещенные солдаты: о тюменцах, попавших в плен в 1941–1945 годах» в 5 томах (2005–2011), «Неизвестные известные герои» (2015).

Лауреат журналистских и литературных премий.

